

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА.

I.

Мое дѣтство.—Отецъ и мать.—Наши предки.—Смерть отца.—Тѣсненное положеніе матери.—Графиня Мусина-Пушкина.—Графиня Каменская,— Уварова.— Кончина матери.—Мое отрочество.—Въ гимназій.—Тогдашніе преподаватели.— Гоненіе философіи.— Плисовъ.— Экзаменъ и его послѣдствія.— Моя родня.— Шубертъ.

КАТЕРИНА Великая начала свои записки положеніемъ, что жизнь человѣка зависитъ отъ него самого, и то, что называютъ счастьемъ, есть послѣдствіе собственныхъ нашихъ дѣйствій. Я прибавилъ бы къ этому, что наши собственные дѣйствія зависятъ отъ обстановки нашего младенчества и отрочества; какова была эта обстановка—это уже дѣло счастья.

Съ тѣхъ поръ, что я себя помню, отецъ мой, образованный, умный, благородный, но въ высшей степени безхарактерный человѣкъ, никуда не выѣзжалъ, видѣлся съ весьма малымъ числомъ своихъ прежнихъ пріятелей, много хлопоталъ о разныхъ незначительныхъ бѣдныхъ людяхъ, его кліентахъ, но говорилъ о людяхъ знатныхъ и о дворѣ, какъ о предметахъ, близко ему извѣстныхъ, безъ того обаянія, которое въ тогдашнее время внушали толпѣ особы высокаго рода или высокаго званія. Моя мать, женщина необыкновенно твердаго характера, незнакомая лично съ велико-свѣтскою жизнью, но съ большимъ духовнымъ образованіемъ, сосредоточивалась въ обязанностяхъ матери семейства. Въ то время (1805 -- 1818) не было еще въ модѣ разглагольствованіе идей

либеральныхъ. «Эмиль» Ж. Ж. Руссо читался съ восторгомъ легкомысленными великосвѣтскими дамами, а въ кружкахъ практическаго средняго сословія считался бреднями стараго холостяка. Естественно было, что мы, дѣти, воспитывались не такъ, какъ нынѣшнія, не были съ родителями на ты, не учились азбукѣ и географіи по картинкамъ и не гуляли съ голыми икрами. Мать одѣвала насъ тепло, кормила просто, что, впрочемъ, и не могло быть иначе, и поила бузинымъ чаемъ, когда мы простужались. Духовное воспитаніе наше заключалось въ подчиненіи нашемъ порядку, долгу и, въ особенности, смиреніи передъ старшими. Находясь въ стѣсненномъ положеніи, видя, что дѣтямъ ея суждено жить безъ покровителей, мать старалась вкоренить въ насъ такія свойства, которыя, по ея убѣжденію, могли одни пособить намъ въ честной борьбѣ съ житейскими нуждами. Я не понималъ тогда смысла нашего воспитанія; видѣлъ только уваженіе къ знатнымъ, питаемое гордою нашею матерью, и приучался признавать всѣхъ знатныхъ за людей такого ума, передъ которымъ нашъ скромный умъ долженъ былъ безмолвствовать. Отецъ говорилъ иначе о великихъ міра сего, но мы вѣрили въ слова матери, какъ въ Евангеліе, а разсужденія отца пропускали мимо ушей и, слѣдовательно, невесело смотрѣли на положеніе, въ которомъ суждено было жить намъ. Часто я былъ свидѣтелемъ рыданій матери передъ взбѣшеннымъ отцемъ, рыданій, которыя мгновенно были задушаемы при появленіи посторонняго, и хотя это объяснялъ я себѣ въ то время виновностью матери моей (иначе она жаловалась бы, думалъ я), но все-таки мнѣ было жаль ее и досадно на отца; въ послѣдствіи, уже въ отрочествѣ, узналъ я, что сцены происходили отъ ревности; отецъ мой ревнивъ былъ до сумасбродства, и добродѣтельнѣйшая мать моя была страдальцей; узнавъ это, я съ нетерпѣніемъ ждалъ счастья быть опорой матери и ея утѣшеніемъ въ старости. Грустно вспомнить, какъ неудовлетворительно выполнилъ я эту благородную цѣль отрока. Родители моей матери, постоянно боровшіеся съ бѣдностью, но жившіе, какъ Филемонъ и Бавкида, смотрѣли также съ благоговѣніемъ на знать и богатство и въ своемъ простодушіи считали богатымъ всякаго, кто не такъ бѣденъ, какъ они сами. Я невѣрно выражаюсь, говоря, что они боролись съ бѣдностью; они вовсе не боролись; жили очень, очень скромно, однакожъ аккуратно и еще приберегали копеечку, т. е. изъ 1000—1500 р. дохода бабушка откладывала рублей 100—300. Но и у этихъ стариковъ было свое горе. Обѣ ихъ дочери, моя мать и тетка, овдовѣли, безъ средствъ содержать малолѣтнихъ дѣтей; изъ троихъ сыновей—двое были въ арміи еще до кампаніи 1811 и 1812 года; младшаго опредѣлилъ отецъ мой въ свою канцелярію, и когда онъ черезъ полгода получилъ чинъ 14-го класса, перешелъ тотчасъ въ военную службу, въ кирасирскій полкъ

корнетомъ, 16-ти лѣтъ отъ роду. Старшій сынъ, уже въ капитанскомъ чинѣ, изволилъ самовольно отлучиться отъ полка и остаться за границую. Разумѣется, русскому армейскому офицеру не велико было поприще въ образованной и трудолюбивой Германіи; скоро голодъ погналъ его опять въ Россію, но тамъ ожидало его разстрѣляніе. Отецъ мой, прервавшій уже всѣ прежнія свои связи, бросился однако къ военному министру, его прежнему пріятелю (кажется, Вязмитинову), и этотъ умѣлъ въ добрую минуту рассказать государю случай такъ комически, что государь много смѣялся и разрѣшилъ принять дезертира унтеръ-офицеромъ въ Грузію. Черезъ годъ такую же шутку сочинилъ и второй сынъ. Какимъ образомъ отецъ мой уладилъ и это дѣло—не знаю, но знаю, что явился къ намъ дядя Августъ, котораго намъ приказано было называть дядею Карломъ, что этотъ дядя опредѣленъ былъ въ армію, какъ недоросль Карлъ. Сколько было слезъ и отчаянія въ семействѣ, пока оба эти случая уладились, и все это западало безотчетно въ впечатлительное младенческое сердце мое! Младшій сынъ пошелъ лучше: черезъ годъ за отличную верховую ѣзду онъ переведенъ тѣмъ же чиномъ въ гвардію; черезъ полгода онъ перешелъ опять въ армію поручикомъ, потому что не могъ содержать себя въ гвардіи, но при первомъ смотрѣ великаго князя Константина Павловича (кажется, менѣе, чѣмъ черезъ годъ) опять переведенъ въ гвардію тѣмъ же чиномъ. Родители его сжались еще болѣе, чтобы доставить удавшемуся сыну способы остаться въ гвардіи и быть масономъ, что въ то время составляло почти необходимую принадлежность гвардейскаго офицера. Тогда быть офицеромъ гвардіи стоило и дороже и дешевле; дороже потому, что были предрасудки; нельзя было ни ѣздить на извозчикѣ, ни итти пѣшкомъ по дѣлу; бывало, шутили много надъ дядей, что онъ отправлялся на службу пѣшкомъ, самымъ небрежнымъ шагомъ, и останавливаясь передъ окнами магазиновъ, чтобы имѣть видъ прогуливающагося; дешевле было потому, что не было подписокъ на разныя фантазіи, какъ это дѣлается теперь, и что полковые командиры не барышничали лошадьми, а, напротивъ, помогали офицерамъ; такъ, Чичеринъ, командовавшій лейбъ-уланамъ, гдѣ служилъ дядя, узнавъ, что ему не на что купить хорошую лошадь, просилъ его «сдѣлать ему одолженіе» купить у него верховую лошадь за 200 р. ассигнаціями, потому, будто, что она не чисто-рыжей масти, и продалъ ему превосходную лошадь за эту баснословно малую цѣну.

Когда я началъ понимать, что вокругъ меня происходило, родители мои приходили уже въ стѣсненное положеніе. Когда дѣтей было двое, два мальчика, и даже при рожденіи первой дѣвочки, ѣздили мы въ каретѣ; отецъ держалъ трехъ лошадей, къ нему приходилъ парикмахеръ завивать и пудрить его; лакей нашъ ходилъ

въ гербовой ливреѣ; живописецъ писалъ съ насъ, мальчиковъ, портреты. Помню живо картину, висѣвшую надъ диваномъ, изображавшую брата и меня въ натуральную величину, въ красныхъ курткахъ, гоняющимися въ саду за голубемъ. Куда дѣбалась эта картина? Потомъ продали карету и одну лошадь, однакоже отецъ продолжалъ щеголять пристяжною лошадейю и, по тогдашней модѣ, самъ держалъ вожжу; лакея стали одѣвать въ сѣрое ливрейное платье, наконецъ не стало вовсе экипажа, и слугу одѣвали уже въ обноски отца моего; между тѣмъ брата моего, а потомъ и меня, семилѣтняго мальчика, отдали въ пансіонъ, изъ котораго только по праздникамъ приходили мы домой; бѣдность проникла во всѣ поры. Мы, дѣти, не понимали причины лишеній, но плакали, то о каретѣ, то объ лошади. Дома становилось мрачнѣе; прежде бывали посѣтители почетнѣе, между ними самые короткіе: Ланской и графиня Мусина-Пушкина, крестившіе старшаго брата моего; потомъ состоявшій нѣкогда при фельдмаршалѣ Суворовѣ Фуксъ, мой крестный отецъ, Капцевичъ, глупый генералъ, Тургеневъ, Горголи, потомъ и ихъ не стало; одна графиня Пушкина осталась вѣрнымъ другомъ нашего дома, да приходилъ поздравлять съ праздникомъ толстѣйшій квартальный надзиратель Галяминъ, съ молоденькимъ, хорошенькимъ сыномъ. Странныя совершаются въ Россіи сословныя метаморфозы: былъ банковый сторожъ, отставной солдатъ, покровительствуемый моимъ отцомъ; отецъ мой вывелъ какъ-то сына этого сторожа въ квартальные надзиратели, а когда у этого квартальнаго надзирателя подросъ сыночекъ, очень бойкій мальчикъ, опредѣлилъ этого юношу въ институтъ путей сообщенія. Лѣтъ 16-ти, этотъ мальчикъ, при содѣйствіи моего отца, переведенъ въ колонновожатые, а въ 1822 году онъ былъ блестящимъ полковникомъ генеральнаго штаба, любимцемъ князя Волконскаго и великосвѣтскимъ человекомъ: это былъ Галяминъ. Его замѣшали въ исторію 14-го декабря, и съ тѣхъ поръ звѣзда его закатилась.

Въ 1816 году отдали меня въ гимназію 10-ти лѣтъ отъ роду, гдѣ мнѣ очень не понравилось. Мало-по-малу доходили до меня свѣдѣнія, что и нашъ родъ былъ нѣкогда въ хорошемъ положеніи. Родъ мой по отцу принадлежитъ къ вюртембергскому дворянству, котораго происхожденія не знаю, но думаю, что не къ коренному дворянству, судя по родовому имени, означающему ремесло; однако во время французскаго регентства Фишеры имѣли уже гербъ: щитъ, въ верхней половинѣ котораго дубъ въ серебряномъ полѣ, а въ нижней золотая рыба въ синемъ полѣ. Во время регентства Фишеръ былъ генераломъ корпуса своего имени, имъ сформированнаго, съ которымъ онъ вторгнулся въ предѣлы Франціи, былъ взятъ въ плѣнъ и разстрѣлянъ. Братъ его, мой прапрадѣдъ, былъ Staatsrath и Ober-Baudirector ¹⁾; старшій сынъ его шталмейстеромъ при вюр-

¹⁾ Статскій совѣтникъ и оберъ-директоръ надъ строеніями.

тембергскомъ дворѣ, а младшій мой прадѣдъ, Regierungsrath¹⁾. У него было два сына: Конрадъ, мой дѣдъ, и другой, котораго имени не знаю. Дѣдъ мой долженъ былъ наследовать послѣ богатаго бездѣтнаго дяди, но для этого принуждали его быть военнымъ, а онъ ходилъ слушать химическія лекціи; старикъ-дядя требовалъ, чтобы племянникъ оставилъ эти, по тогдашнимъ понятіямъ, неприличныя дворянину занятія, и, не успѣвъ въ этомъ, отнялъ у племянника средства существованія. Тогда дѣдъ мой занялъ мѣсто профессора химіи, что рассорило его окончательно съ дядею. Имя химика Фипера получило извѣстность; графъ Мусинъ-Пушкинъ, президентъ бергъ-коллегіи, большой любитель химіи, познакомился и подружился съ нимъ въ Штутгартѣ, или въ Тюбингенѣ, не знаю, и, воротясь въ Россію, пригласилъ его именемъ императрицы въ русскую службу. Такъ родъ мой попалъ въ Россію. Въ Петербургѣ дѣдъ мой и жена его, рожденная баронесса Муфль, сдѣлались жертвою науки; бабка моя выпила какой-то химическій препаратъ, стоявшій въ стаканѣ на столѣ у мужа, принявъ за воду, а дѣдъ задохся въ лабораторіи при взрывѣ газа. Дѣдъ мой, по словамъ отца, училъ Мелиссино и былъ изобрѣтателемъ зеленого огня, который назывался въ Россіи мелиссинымъ огнемъ, потому что Мелиссино присвоилъ себѣ изобрѣтеніе моего дѣда.

Отецъ мой остался сиротой 4-хъ лѣтъ отъ роду. Графъ Пушкинъ взялъ его къ себѣ и воспитывалъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ, какъ родного сына. Въ 1783 г. отецъ мой опредѣленъ въ службу «трехъ коллегій переводчикомъ», 17-ти лѣтъ; въ 1790 г. поступилъ секретаремъ къ генераль-губернатору Архарову, а въ 1793 г. взялъ его къ себѣ генераль-фельдцейхмейстеръ, князь Зубовъ, «секретаремъ отъ артиллеріи, съ чиномъ капитана». Надобно полагать, что отецъ мой былъ тогда не безъ состоянія, потому что свита князя Зубова жила очень широко, а отецъ мой былъ и по природѣ порядочный мотъ. Ицегольство и страсть тратить деньги на пустяки сохранились за нимъ, когда онъ былъ уже постоянно боленъ и когда каждая гривна нужна была для пропитанія семейства, но, впрочемъ, какая же была тогда и дешевизна: я видѣлъ еще домъ трехъ этажный, въ 3 окна по фасаду, въ Кадетской линіи, вошедшій въ составъ главнаго зданія перваго кадетскаго корпуса при его перестройкѣ; въ этомъ домѣ, при Екатеринѣ, занималъ отецъ мой бельэтажъ въ три комнаты, и платилъ 4 р. въ мѣсяцъ съ отопленіемъ. Другіе порядки были и въ службѣ. Зубовъ нанеиъ, что такъ какъ отецъ мой при немъ, то онъ имѣетъ право быть капитаномъ отъ артиллеріи и носить артиллерійскій военный мундиръ. Такъ отецъ мой попалъ въ воен-

¹⁾ Совѣтникъ правленія.

ные, и чуть ли не командовалъ батареею, которая, впрочемъ, состояла, кажется, изъ пушки безъ лошадей, а можетъ быть и безъ канонировъ.

Императоръ Павелъ, вступивъ на престолъ, вывелъ на смотръ всѣ списочныя батареи. Набрали подъ орудія батареи, наскоро импровизированной, городскихъ лошадей; отецъ мой сѣлъ на лошадь, такъ же мало знавшую службу, какъ и онъ самъ, и потянулись на смотръ. По первому выстрѣлу, и капитанъ и передки бросились полнымъ карьеромъ бѣжать съ поля, и—къ счастью—послѣдствіемъ была не Сибирь, а крѣпость. Многіе сидѣли въ крѣпости съ отцомъ моимъ, высидѣли и опять стали служить, а отецъ вышелъ въ отставку, опять съ чиномъ титулярнаго совѣтника; съ тѣхъ поръ не было ни одной свѣтлой минуты въ его жизни. Нужда заставила его принять мѣсто исправника въ какомъ-то уѣздѣ Западнаго края; тамъ онъ обольстилъ какую-то хорошенькую польку, на которой долженъ былъ жениться. Овдовѣвъ, онъ женился на моей матери, въ 1802 году, имѣя не болѣе 36 лѣтъ отъ роду, но уже изношенный, удрученный и убитый переворотомъ въ карьерѣ.

Пріѣхавъ въ 1803 г. въ Петербургъ, онъ съ трудомъ добился мѣста секретаря въ комитетѣ правленія академіи наукъ. Въ этомъ скромномъ званіи онъ оставался до самой смерти въ 1818 году, но былъ трактуемъ академиками, какъ товарищъ и другъ. Впрочемъ, эти друзья были незavidны для семейнаго быта. Кромѣ Фуса, Шуберта и другихъ нѣмцевъ, всѣ были пьяницы и отъявленные кутилы. Они сѣзжались иногда у отца, но компанія была, вѣроятно, не очень назидательна, потому что матушка отправляла дѣтей къ бабушкѣ всякій разъ, что у отца былъ вечеръ. По окончаніи пира отецъ разсылалъ «великихъ мужей» въ своей каретѣ по домамъ, какъ театральная дирекція отсылаетъ домой артистовъ. Я помню одинъ случай: отправили вмѣстѣ Севастьянова, Озерецковскаго (математика) и Севергина (минералог); на другое утро присылаетъ жена Севергина узнать, куда дѣвали ея мужа, не явившагося домой; кучеръ увѣрялъ, что онъ всѣхъ развезъ; другіе сопутешественники тоже ничего о немъ не знали; дѣло приняло оборотъ серьезный. Около полудня кучеръ сталъ выдвигать карету изъ сарая, чтобы мыть ее, и замѣтилъ, что она тяжелѣе обыкновеннаго; заглянулъ внутрь и узрѣлъ великаго мужа, спящаго подъ сидѣньемъ безмятежнымъ сномъ пьянаго!

Дворянскій родъ матери моей обѣднѣлъ еще прежде рода отца моего. Изъ разсказовъ дѣда моего (отца моей матери) знаю я, что отецъ его, мой прадѣдъ, Pappenguth былъ представителемъ одной отрасли дворянскаго ганноверскаго рода Pappenguth-Parrenheim, и уже въ бѣдности; дѣдъ мой былъ лейбъ-медикомъ курляндскаго герцога, имѣлъ огромную практику, жилъ весело, велъ большую

игру, выигрывалъ или проигрывалъ груды червонцевъ, къ отчаянію своей добродѣтельной и благоразумной супруги-красавицы. Когда герцогство Курляндское было упразднено, и Паппенгутъ дошелъ до отчаяннаго положенія, въ которомъ онъ покушался даже на жизнь свою, вѣрная жена успокоила его и показала ему сотни три или четыре червонцевъ въ то время, когда въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ былъ въ домѣ едва кусокъ хлѣба. По условію, каждый разъ, когда мужъ выигрывалъ, онъ отдавалъ женѣ сколько-то % на ея карманные расходы, а она шивала эти червонцы въ ватный капотъ, съ намѣреніемъ не трогать ихъ до той минуты, когда придется выбирать одно изъ двухъ: распороть себѣ горло или распороть капотъ; когда мужъ ея рѣшился было на первое, она приступила къ послѣднему. Дѣдъ мой расплатился съ кредиторами, отправился въ Петербургъ, опредѣлился въ морской госпиталь медикомъ и устроился въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домиковъ, въ которыхъ на Выборгской сторонѣ жили патріархально врачи тогдашняго времени, благодаря хозяйственному устройству этихъ скромныхъ жилищъ. Бабушка устроила понемногу изъ огорода кое-какой садъ; дворъ былъ просторный, принадлежалъ одному жильцу и давалъ ему средство держать свою корову, своихъ куръ и гусей, и прокармливать семейство здоровѣе и честнѣе, чѣмъ въ нынѣшнихъ каварменныхъ каменныхъ палатахъ, гдѣ казенныя деньги и казенныя нравы перепутываются съ благопріобрѣтеннымъ достояніемъ и съ живою теплотою семейнаго быта,—не въ пользу его, разумѣется.

До кончины отца моего были уже пристроены: старшій братъ мой во второмъ кадетскомъ корпусѣ, я въ гимназін, пенсіонеромъ академіи наукъ. По смерти отца, матушка осталась еще, кромѣ насъ двоихъ, съ пятерыми непристроенными дѣтьми, двумя мальчиками и тремя дѣвочками, въ возрастѣ отъ 9 до 3 лѣтъ. Похоронивъ мужа и расплатившись съ долгами, она осталась при 30 рубляхъ. Пенсіоннаго устава еще не было. Президентъ академіи наукъ, Уваровъ, назначилъ вдовѣ шестинедѣльный срокъ для очищенія казенной квартиры, прибавя свою любимую фразу: «ни 24 часа долѣе», и приказавъ немедленно прекратить отпускъ казеннаго топлива, а это было 18 января. Уваровъ, *grand seigneur*, особенное имѣлъ вниманіе къ дровамъ. Много лѣтъ позже Пушкинъ написалъ стихи по случаю тяжелой болѣзни графа Шереметева, котораго ближайшею наслѣдницею считалась тогда жена Уварова; въ этомъ посланіи къ Лукуллу (Шереметеву) знаменитый поэтъ описывалъ радость наслѣдника при извѣстїи, что графъ безнадеженъ, и обѣты, даваемые имъ при этомъ случаѣ, между которыми:

«Жону обкрадывать забуду,
«И воровать уже не буду
«Казенныя дрова».

Разсказывали, будто Уваровъ жаловался на Пушкина графу Бенкендорфу, шефу жандармовъ, будто графъ позвалъ Пушкина и выговаривалъ ему за пасквиль на Уварова, и будто Пушкинъ отвѣчалъ: «Этотъ пасквиль написанъ не на Уварова, а на васъ». — «На меня! не можетъ быть; тамъ нѣтъ ничего похожаго на меня!» — «Чѣмъ же я виноватъ, что графъ Уваровъ нашелъ самъ сходство съ собою въ героѣ моего пасквиля». *Se non e vero, e ben trovato!*

Срокъ, данный Уваровымъ на выѣздъ изъ квартиры, истекалъ въ февралѣ, среди зимняго холода, а у моей трехлѣтней сестры была корь. Матушкѣ предлагали исходатайствовать отсрочку, но она, непреклонно гордаго характера и полная вѣры въ Божій промыслъ, рѣшилась очистить квартиру въ срокъ, — и вышла изъ нея, какъ Эней изъ стѣнъ разрушенной Трои. Купила лубочныя салазочки, въ какихъ развозили тогда охтянки молоко, укутала въ нихъ пятилѣтнюю дѣвочку, сама взяла на руки больную трехлѣтнюю малютку, дѣвушка повезла салазочки и повела за руку девятилѣтнюю старшую дѣвочку; крѣпостной лакей повелъ за руки восьми и семилѣтнихъ мальчиковъ, и такъ семейство отправилось пѣшкомъ съ Васильевского острова на Выборгскую сторону къ родителямъ несчастной вдовы.

Въ такихъ обстоятельствахъ прошло мое младенчество; чѣмъ слабѣе разсужденія этого возраста, тѣмъ глубже его впечатлѣнія; они не изслѣдываются разсудкомъ, не приводятся въ систему; они только чувствуются, и когда чувство кажется уже прошлымъ и забытымъ, его печать остается на сердцѣ навсегда, хотя и выражается наружу какъ видоизмѣненіе изъ того же корня. Вся моя натура покрылась меланхолическимъ оттѣнкомъ и какою-то лѣнивою мечтательностью, но вмѣстѣ съ тѣмъ катастрофы, начинающія или оканчивающія загадку жизни, вложили въ меня вѣру въ Провидѣніе и укрѣпили мои внутреннія силы на борьбу съ превратностями. Такія катастрофы дошли рано до моего свѣдѣнія. Еще до кончины отца моего свѣжее мое воображеніе поражалось ими. Графиня Мусина-Пушкина, родная тетка князя А. С. Меншикова и жена того Пушкина, съ которымъ былъ отецъ мой воспитанъ, любила отца моего, какъ спутника ея молодости, какъ красиваго кавалера и какъ вѣтреника, — и сохранила чувство привязанности къ нему до самой смерти; она любила и моего старшаго брата за то, что онъ похожъ былъ на отца. Она говорила мнѣ уже по смерти отца моего: «разъ только онъ обидѣлъ меня; я сдѣлала ему сюрпризъ, сшила ему наволочки, — но вообрази, мой милый, когда на горничной, когда она одѣвала меня, я увидѣла кружева отъ наволочекъ, мое удивленіе: *fi, quelle horreur!*» ¹⁾ Дѣлать сюрпризы было страстью графини и ея мужа. Пушкинъ былъ

¹⁾ Фу, какаѣ мерзость!

довольно богатъ, жена его еще богаче, но они дѣлали одинъ другому сюрпризы, стараясь превзойти другъ друга, и наконецъ сдѣлали другъ другу величайшій сюрпризъ, узнавъ, что они разорились. По смерти графа осталось у графини душъ 600, да и къ тѣмъ привязался какой-то нелѣпый процессъ. Ея *homme d'affaires* ¹⁾ увѣрилъ ее, что удобнѣ всего было бы совершить купчую крѣпость на отчужденіе ему спорнаго имѣнія, а когда процессъ окончится, онъ отдастъ ей имѣніе назадъ, «если вы не считаете меня безчестнымъ», прибавилъ онъ. Графиня, невинная и безпечная, какъ дитя, обидѣлась предположеніемъ и совершила купчую; процессъ кончился, но имѣніе не воротилось. Потомъ понравился ей одинъ такой же продувной господинъ, отставной частный приставъ, бывшій ея комиссіонеромъ: онъ обобралъ у нея и движимость. Затѣмъ остался у нея только пенсіонъ, 3.600 р. въ годъ (ассигнаціями), но для графини это была капля въ морѣ. Постепенно она дошла до крайней нищеты; жила въ Солдатской Слободкѣ, въ домишкѣ изъ трехъ комнатъ, однакожъ держала нарумяненную компаньонку и вдову какого-то героя канонира, сбросившаго съ заряднаго ящика упавшую на него бомбу, двухъ мосекъ и воспитанницу, рекомендованную этою же солдаткою, выѣзжала въ извозчичьей коляскѣ, но часто не ѣвши. Одинъ разъ сдѣлалось ей дурно во время ея визита матери моей: оказалось, что это происходило отъ голода! Матушка просила ее пріѣзжать къ ней завтракать, и съ тѣхъ поръ она частенько бывала часу во 2-мъ выпить чашку кофе. Родные племянники ея, князья Николай и Сергѣй Гагарины и князь Меншиковъ, никогда о ней не поминали (но первые давали ей какую-то пенсію, — не тѣ ли 3.600 р., которые она получала!). Когда полиція извѣстила ихъ о смерти графини, князь Меншиковъ (я былъ уже на службѣ) просилъ меня быть за него на похоронахъ и стараться выручить фамиліные портреты, если у нея были, — и въ самомъ дѣлѣ, въ бѣдной хижинѣ, надъ старымъ рыночнымъ столомъ красовался рядъ прекрасныхъ миниатюръ, изображавшихъ прекрасныя лица въ богатыхъ уборахъ. За гробомъ старушки шли двое: княгиня Изабелла Гагарина и я. Жизнь эта — тоже русская сословная метаморфоза, но съ галяминскою составляетъ обратный полюсъ.

Говоря о метаморфозахъ, вспоминаю о другой, еще болѣе разительной, подробности которой слышалъ уже не въ дѣтствѣ, — о графинѣ Каменской — (если память не измѣнила мнѣ) матери фельд-маршала. Графиня Каменская была знакома съ моимъ вюртембергскимъ прадедомъ. Еще при Екатеринѣ она хлопотала о примиреніи отца моего съ его дѣдомъ, и успѣла настолько, что дѣдъ позволилъ написать къ нему письмо. Отецъ мой написалъ его такимъ

¹⁾ Повѣренный.

ломаннымъ нѣмецкимъ языкомъ, что старикъ взбѣсилъ. *Er hat seine Muttertrache vergessen!*¹⁾ и не хотѣлъ ничего болѣе о немъ слышать. Имѣніе свое, не знаю какимъ путемъ, передалъ онъ какой-то г-жѣ Гоферъ (Hofer). Послѣ того Каменская хлопотала о возстановленіи родовыхъ документовъ отца моего, сгорѣвшихъ со всѣмъ домомъ графа Пушкина; но отецъ, какъ современникъ Екатерины, такъ гордился быть русскимъ, что не хотѣлъ хлопотать объ иностранномъ дворянствѣ, предпочитая стяжать службою дворянство русское—*rauche homme!*²⁾ Оттого я нашелъ только отрывочные документы, или, вѣрнѣе, свѣдѣнія, и то благодаря матери, ихъ припрятавшей. Затѣмъ графиня Каменская пропала изъ виду, и уже около 1812 года графиня Пушкина повезла матушку мою къ Каменской, уже слѣпой и никого не принимавшей. Старушка очень полюбила матушку. «Подойди ко мнѣ, голубушка, дай на себя посмотрѣть», говорила она, обводя ея лицо руками, и иногда прибавляла: «ты похудѣла, моя милая». Въ тридцатыхъ годахъ Я. А. Дружининъ (тайн. сов.) разсказалъ мнѣ ужасную исторію. Вотъ она. При императорѣ Александрѣ I дошелъ до княгини Лопухиной слухъ, будто мать фельдмаршала Каменскаго находится въ крайней нищетѣ. Этотъ слухъ не могъ считаться а priori недостовернымъ, потому что графиня передала все свое имѣніе дѣтямъ; а изъ сыновей ея—фельдмаршалъ померъ, другой же продалъ все и уѣхалъ навсегда за границу; съ дворомъ она была не въ ладахъ. Разоренная и не въ милости—два условія вмѣстѣ, достаточныя, чтобы быть всѣми забытой. Лопухина просила Дружинина узнать, жива ли Каменская и гдѣ она. Послѣ долгихъ разспросовъ удалось Дружинину узнать, что Каменская живетъ на Пескахъ. Переходя изъ дома въ домъ, Дружининъ напалъ наконецъ на тотъ, въ которомъ жила графиня, но и тутъ не вдругъ отыскалъ ее. На вопросъ, здѣсь ли живетъ графиня Каменская, дворникъ отвѣчалъ: «такой графини нѣтъ, а есть старуха Каменчиха, посмотрите въ пристройкѣ». Дружининъ вошелъ въ избушку (зимой) въ одну комнату, съ прихожей; пусто, холодно, на стѣнахъ сырость, на подоконникѣ снѣгъ; въ углу у русской печки кровать, на которую брошена комомъ старая шубенка. Онъ хотѣлъ уже выйти, какъ замѣтилъ, что шубенка дрожитъ; подошелъ къ кровати, приподнялъ тулупъ и увидѣлъ подъ нимъ скорченную, дрожащую старушку: это была графиня Каменская! Тутъ поднялся шумъ, графинѣ дали пенсію, но въ свѣтъ она не показывалась, — и свѣтъ, въ полномъ смыслѣ слова, ей не показывался. «Не хочу быть дочерью Сципіона,—хочу быть матерью Гракховъ!» сказала Корнелія. Хорошо, что Корнелія жила въ Римѣ. Каменская была матерью Сципіона,—и чуть не умерла съ голоду. Неизвѣстность, въ

¹⁾ Онъ забылъ свой природный языкъ!

²⁾ Бѣдняжка!

какой оставалась Каменская, может теперь показаться невѣроятною, но тогда она была возможна. Адреснаго стола не было, а можетъ быть и былъ, да дѣлалъ лишь то, что въ состояніи сдѣлать столъ безъ людей. Паспорты не предъявлялись, особенно въ захолустьяхъ; дворники были—только дворниками, а не полицейскою инстанціею, какъ теперь. Теперь полиція знаетъ мѣсто жительства не только людей порядочныхъ, но и мошенниковъ, съ которыми находится даже въ официальныхъ сношеніяхъ, для открытія другихъ воровъ, какъ видно изъ «Вѣдомостей Спб. полиціи»¹⁾; теперь, стало быть, и воры составляютъ полицейскую инстанцію. Зло общественное лечится гомеопатически: *similia similibus*. При видѣ вдовы, странствующей съ дѣтьми по улицамъ Петербурга, такъ какъ бѣдная мать моя шла зимою 1818 г. на Выборгскую сторону,—какой умъ человѣческій могъ бы указать ей способы выйти изъ этого положенія? какое воображеніе сумѣло бы нарисовать не слишкомъ мрачными красками будущность этой матери семейства? Но Провидѣніе уладило все такими простыми средствами, которыми оно одно обладаетъ. Въ томъ же году старшая изъ сестеръ моихъ выбаллотирована къ приему въ Смольный монастырь, и оба мальчика попали въ комплектъ перваго кадетскаго корпуса; изъ пятерыхъ непристроенныхъ дѣтей осталось двое, и тѣ слишкомъ малыя, чтобы думать о пристройствѣ. Года черезъ три вотъ что случилось. Въ каникулы отправились мы, братъ старшій, лѣтъ 15-ти, и я, 13-ти лѣтъ, гулять на Каменный островъ, къ великому изъятію изъ правилъ матушки, никогда не позволявшей намъ ходить далеко безъ себя. Не доходя нѣсколько сотъ сажень до Строгановой дачи; встрѣтили мы молодую благовидную даму съ хорошенькимъ мальчикомъ лѣтъ 8-ми, который залюбовался кадетскимъ мундиромъ брата, на румяныя щеки котораго и дама смотрѣла съ благосклоннымъ любопытствомъ. Когда мы поравнялись съ ней, она спросила у насъ, куда мы идемъ, гдѣ живемъ, и, услышавъ, что на Выборгской сторонѣ, спросила, не знаемъ ли мы, гдѣ живетъ полковникъ Баговуть. На отрицательный отвѣтъ, она было удалилась, но, замѣтя, что сынку нравится кадетъ, пошла съ нами и узнала, что мы Финеры. «Какъ зовутъ вашу маманъ?»—Ольга Ивановна.—«*Mon Dieu!*—вскричала дама,—*c'est le doigt de Dieu!*»²⁾ Я ищу Ольгу Ивановну Финеръ давно; мнѣ сказали, что она живетъ у отца своего, полковника Баговута, близъ сухопутнаго госпиталя (читай: у коллежскаго совѣтника Папенгута въ зданіяхъ морскаго госпиталя). Мы повели даму къ матушкѣ; оказалось, что это была Екат. Серг. Уварова, жена камергера, добрейшая, просвѣщенная женщина, но просвѣщенная односторонне французскою литерату-

¹⁾ Это писано въ 1864 году.

²⁾ Боже мой! это перстъ Божій!

рою XVIII вѣка, поклонница Руссо и г-жи Сталь,—и въ высшей степени энтузіастка. Она разсудила, что гувернеры не годятся для маленькихъ дѣтей, что гувернантки—еще менѣе годны, какъ старыя дѣвки, не знающія свѣта и жизни, что правильное воспитаніе можетъ дать мать, сама испытывшая и добро и зло жизни, прежде наступленія старости успѣвшая наскучить свѣтскою жизнью и не скучающая въ отсутствіи шумныхъ удовольствій. Такую даму искала Уварова—и вотъ сказали ей, что точно такая есть, указавъ на матушку. Напрасно матушка увѣряла ее, что она не подходитъ подъ примѣты, что она не знаетъ свѣтской жизни, что она считаетъ Ж. Ж. Руссо за сумасброда, что, во всякомъ случаѣ, главное въ обстановкѣ дѣтей, и что совѣты наставника, даваемые по утрамъ, не помогутъ, если вечерніе товарищи другого мнѣнія. Чѣмъ болѣе спорили, тѣмъ сильнѣе настаивала Уварова,—и матушка принесла намъ себя въ жертву; скрѣпя сердце, благословя малютокъ, она поручила ихъ старушкѣ-бабушкѣ и переѣхала, для пробы, къ Уваровымъ. Она была у нихъ около года: проба не удалась,—но Уварова сохранила къ ней навсегда дружбу и уваженіе и, съ свойственною ей энергіею, принялась хлопотать о пристройствѣ моихъ младшихъ сестеръ: обѣ были приняты въ Смольный монастырь пенсіонерками царской фамиліи; вскорѣ за тѣмъ дочери астронома Шуберта, сохранившія дружбу къ матушкѣ, добились чрезъ комиссію прошеній пенсіи ей въ 800 р. Матушка, содержащая прежде большое семейство 2000 рублей, сочла себя богатою, имѣя всѣхъ дѣтей пристроенными и получая 800 руб.,—и на 76-мъ году жизни скончалась, уважаемая всѣми, кто зналъ ее.

Такіе перевороты не остались безъ вліянія на жизнь мою. Я признаю мнѣніе Екатерины II, что счастье есть послѣдствіе нашихъ дѣйствій, но остаюсь и при своемъ, что дѣйствія наши зависятъ отъ обстановки нашей колыбели. Притомъ, попадаются въ жизни моменты благоприятные, одному чаще, другому рѣже; одному, пренебрегающему ими, — безпрестанно, другому, разъ упустившему счастливый случай, — никогда болѣе; одинъ былъ бы счастливѣе, если бы родился ранѣе; другой—если бы родился позже: здѣсь рѣшается вопросы счастье. Моя жизнь, на примѣръ, сложилась бы совершенно иначе, если бы я родился десятью годами прежде; она была бы совершенно иная и тогда, когда бы я явился на свѣтъ при Екатеринѣ, когда все расцвѣтало, а не теперь жилъ, когда все распадается. Сама Екатерина, при томъ же умѣ, при тѣхъ же политическихъ обстоятельствахъ, дѣйствовала бы, можетъ быть, съ меньшею сосредоточенностью воли, если бы выросла въ русскомъ боярскомъ дворцѣ, а не въ казенной квартирѣ штеттинскаго коменданта, и если бѣ выходила замужъ не съ полудюжиною сорочекъ, какъ она рассказываетъ, а съ 30 пудами столоваго и мебельнаго серебра, какъ графиня Мусина-Пушкина.

10-ти лѣтъ отъ роду я считалъ себя уже не ребенкомъ, потому что былъ въ 3-мъ классѣ гимназіи, но страдалъ, какъ ребенокъ. Передъ гимназіею пансіонъ показался мнѣ раемъ; въ пансіонѣ начальница была женщина; будили насъ въ 7 часовъ звонкомъ маленькаго колокольчика, и въ случаѣ надобности, легкимъ прикосновеніемъ къ плечу, да и кровать моя стояла рядомъ съ кроватью брата. Въ гимназіи, въ 5^{1/2} часовъ бѣгалъ по спальнямъ инвалидъ и хриплымъ басомъ кричалъ: вставать! Кто не проснулся отъ крика, съ того срывалъ одѣяло, а въ комнатѣ было холодно. Въ пансіонѣ давали каждому полотенце на нѣсколько дней; въ гимназіи клали у домоушниковъ каждый день кучу полотенецъ, одно на нѣсколько человѣкъ, но большіе воспитанники отряжали одного, чтобы забрать всѣ и клали ихъ себѣ подъ подушку; мы же, маленькіе, встававшіе раньше, чтобы не быть оттѣсненными отъ воды, утирались рукавомъ рубашки; своего полотенца нельзя было имѣть, оттого что его въ тотъ же день украли бы. При моемъ маломъ ростѣ и слабосиліи, я не могъ принимать участіе въ играхъ; ничто не помогало мнѣ развлечься, забыть тоску о домѣ и то грустное, что дома происходило. Множество тетрадей я не успѣвалъ переписывать, а въ низшихъ классахъ гимназіи требовали чистыхъ тетрадей, не заботясь о томъ, знали ли то, что въ тетрадяхъ заключалось. Благодаря инспектору классовъ, Оед. Ив. Миддендорфу, такому инспектору, какого не бывало въ Россіи до него и, вѣроятно, не скоро будетъ, — меня освободили отъ тетрадей; я учился по чужимъ, заблаговременно, когда владѣльцы ихъ учились наканунѣ спроса, и платилъ за эти услуги позволеніемъ списывать мои латинскіе переводы; шріателямъ я дѣлалъ даже небольшія измѣненія редакціи, чтобы нельзя было изобличить, что это—копіи. Въ какой степени шли успѣхи въ языкахъ въ первыхъ четырехъ классахъ, выражается въ слѣдующемъ случаѣ. Кукольникъ постоянно списывалъ все у другихъ и товарищи приготовили особый экземпляръ, чтобы дать ему списать сочиненіе. Надобно было отвѣчать по-нѣмецки на вопросъ:

«Was hat Moses Grosses gethan?» Написали: «Moses hat ein Schwein geschlachtet, in einen Strumpf gesch. und daraus eine Wurst gemacht, die die Juden aufgefressen haben» ¹⁾. Кукольникъ это и скопировалъ и съ торжествомъ прочиталъ въ классѣ.

Но съ пятого класса преподаваніе было несравненно лучше, а въ высшихъ, 7-мъ и 8-мъ, когда гимназія преобразовалась въ высшее училище, даже превосходно, пока былъ инспекторомъ Миддендорфъ.

¹⁾ Что сдѣлалъ Моисей великаго?

Моисей заколотъ свинью, въ чулокъ по. и изъ того сдѣлалъ колбасу, которую евреи сѣдали.

Нынѣшнія гимназін стоятъ несравненно выше тогдашней единственной въ матеріальномъ отношеніи, но нельзя сказать того же о преподаваніи. Наши прежніе, т. е. мои, средніе и высшіе преподаватели были зрѣлыхъ лѣтъ, съ большою педагогическою опытностью, не скороспѣлки, не заносчивые, не алчные; самая система преподаванія была серьезнѣе; мы не хлебали ложками человѣческой мудрости, не были въ 18 лѣтъ юристами, не мѣтили въ 20 лѣтъ въ преобразователи. Наши наставники были подчасъ оригиналы, но оригиналы почтенные, и это лучше, чѣмъ нынѣшнія неудачныя копіи. Миддендорфъ считалъ, что мальчикъ, который не любитъ молоко, долженъ быть негодяй; когда онъ считалъ кого-либо виновнымъ, то подходилъ къ нему и дѣлая указательнымъ пальцемъ кружки въ воздухѣ противъ его лба, спрашивалъ ломаннымъ русскимъ выговоромъ: «Скажи мнѣ, что у тебя въ головѣ?» и повторялъ вопросъ громче и громче до тѣхъ поръ, пока вопрошаемый открывалъ ротъ, чтобы отвѣчать. Тогда онъ торопливо объявлялъ: «Твое дѣло молчать!»—При всемъ томъ онъ заботился, какъ добрый и честный отецъ, о дѣтяхъ, ему ввѣренныхъ. По мѣрѣ того, какъ пишу эти строки, выходятъ передо мной, какъ тѣни, лики моихъ почтенныхъ профессоровъ. Tillot, проэкзаменовавъ насъ при вступленіи въ 5-й классъ, говорилъ намъ: «Messieurs! je vous donne deux mois pour oublier tout ce que vous avez appris jusqu'à ce jour, car ce n'est qu'alors que je pourrai commencer à vous enseigner la langue française»¹⁾. Гедике зналъ всѣ школьныя продѣлки, зналъ, что воспитанники держатъ тетради на колѣняхъ, чтобы съ ними совѣтоваться, или пишутъ на ладони то, чего не заучили, что вмѣсто переводовъ перефразируютъ готовые напечатанные переводы латинскихъ писателей, и, чтобы не быть жертвою обмана, принялъ странные обряды: садился на столъ каедры, свѣся ноги, приказывалъ всѣмъ опустить руки подъ столъ и прислониться грудью къ столу; все это по смѣшной командѣ, дурнымъ русскимъ выговоромъ: Книги въ столъ! Руки подъ столъ! Тѣло къ столу! съ промежутками между каждою командою. Когда наружные обряды были исполнены, онъ приказывалъ переводить: Сло-во въ слово!—Подлинникъ: «Certatum fuit secunda re»; смыслъ: сраженіе было счастливо, а мы должны были перевести: сражено было второю вещью, т. е. удерживая слова и формы подлинника. Онъ не допускалъ перевода Manlius Torquatus словами Манлій Торкватъ, или Манліи, украшенный золотою цѣпью, но требовалъ, чтобы переводчикъ непременно прискалъ русское прилагательное. И изъ шалости

¹⁾ Господа! даю вамъ два мѣсяца, чтобы забыть все то, чему вы до сихъ поръ научились, потому что только тогда я могу начать преподавать вамъ французскій языкъ.

сказалъ: Манлій Золотоцѣпной. «Такъ есть!» съ восторгомъ повторилъ Гедике. Когда всѣ засмѣялись, объяснивъ ему, что цѣпными называютъ только собакъ, то онъ прехладнокровно отвѣчалъ: «Пусть лучше Манлій будетъ собака, чѣмъ учитель—оселъ». Онъ имѣлъ въ виду, что учить насъ не русскому краснорѣчію, а формамъ латинскаго языка, и потому прежде всего хотѣлъ знать, такъ ли мы понимаемъ эти формы. Зато отъ него выходили очень дѣльные лингвисты; я самъ былъ большой латинистъ, и дѣлалъ сочиненія на латинскомъ языкѣ. Бутырскій, профессоръ пштики и эстетики, очень начитанный, знавшій наизусть лучшія стихотворенія русскія, нѣмецкія, французскія, англійскія итальянскія и испанскія, съ выработаннымъ критическимъ взглядомъ, смѣшилъ насъ разсѣянностью и приемами. Объясняя намъ, что значить изящное, онъ вдругъ остановился, запустилъ палецъ въ носъ, вытащилъ кусочекъ засохшей мокроты и, катая его передъ собою между двумя пальцами, заключилъ: «вотъ что называется изящное!» Всѣ въ одно мгновение разразились хохотомъ; профессоръ обомлѣлъ и самъ смѣялся, когда объявили ему причину хохота. Онъ многому научилъ насъ,—не искусству создавать хорошее, но знанью, что хорошо. Плисовъ, профессоръ правовѣдѣнія, или, лучше, права, ученикъ Лейбница и Гейнзуса, сбивался отъ всякой мелочи. Когда окна (на дворъ) были открыты и пѣтухъ предвѣщалъ дождь, Плисовъ останавливался всякій разъ передъ кикирику и снова начиналъ свою фразу, которая на томъ же мѣстѣ прерывалась новымъ кикирику. Въ оправданіе свое онъ говорилъ намъ, что Лейбницъ привыкъ, читая лекціи, устанавливать взоры на граненныя стальные пуговицы, бывшія на одеждѣ одного изъ слушателей. Когда это замѣтили, слушатель тотъ споролъ одну или двѣ пуговицы. Профессоръ нѣсколько разъ смущался, однако оправился. Тогда тотъ же студентъ споролъ всѣ пуговицы и явился съ суконными. Лейбницъ сталъ заикаться, и вдругъ, вскочивъ съ каеэды, закричалъ студенту: «Mein Herr! Setzen Sie die Knöpfe an, oder ich lese nicht!»¹⁾,

Грефе, профессоръ греческаго языка, европейскій авторитетъ, академикъ, другъ министра, былъ вспыльчивъ до изступленія. Въ его высшемъ классѣ было только три слушателя, потому что онъ говорилъ только по-нѣмецки, а изъ насъ только трое понимали этотъ языкъ. Разъ случилось, что въ классъ явился я одинъ. Стали мы переводить «Одиссею»; я сказалъ der Schiff. — «Was? Sie Deutscher?»²⁾ и бросился ко мнѣ съ каеэды, какъ сорвавшаяся съ цѣпи собака; я второпяхъ закричалъ: die Schiff, die Schiff! Грефе замahнулъ на меня; я вскочилъ на столъ—онъ туда же; столовъ

¹⁾ «Сударь! Пришейте пуговицы, или—я не читаю!»

²⁾ «Что-о? Вы—нѣмецъ?»

было 5 рядовъ, я бѣгалъ по столамъ, 15-тилѣтній мальчишка; онъ 60-тилѣтній, беззубый, съ Владимиромъ на шеѣ—за мной. Наконецъ, передъ дверьми я соскочилъ со стола, нырнулъ въ двери и остановился въ коридорѣ, готовый бѣжать далѣе. Старикъ, не въ состояніи произнести трехъ словъ отъ одышки и чувствуя комическое положеніе профессора безъ слушателей, сталъ на порогѣ и, задыхаясь, звалъ меня. «Na, kommen sie doch!»¹⁾ Я съ нимъ въ переговоры; мы заключили изустный трактатъ, и я воротился. Старикъ, славный, почтенный, умный, переконфузился и былъ тише воды. На слѣдующую лекцію, гдѣ насъ было уже трое, онъ, войдя въ классъ, тотчасъ подошелъ ко мнѣ, вынулъ изъ кармана два апельсина (или бергамота—не помню), положилъ передо мною на столъ: «Na, da essn Sie! erzdummer Mensch!»²⁾.

Я распространился объ этихъ личностяхъ, потому что пишу для одного себя, чтобы припоминать минувшее, когда память станетъ измѣнять мнѣ, а въ моемъ прошедшемъ это—любезныя мнѣ лица: я люблю ихъ до сихъ поръ и до сихъ поръ имъ благодаренъ. Они объяснили мнѣ главное: объяснили мнѣ, что я—невѣжда! Бывъ хвалимъ за географію, когда семи лѣтъ отъ роду я, какъ попугай, лепеталъ города и рѣки, я вообразилъ себя географомъ и потому до 30 лѣтъ не зналъ географіи; отличаемый въ 5-мъ классѣ за математику и исторію, я почелъ себя преученымъ мужемъ (13 лѣтъ), въ 7-мъ классѣ я сталъ сомнѣваться въ своей мудрости, а въ 8-мъ убѣдился, что ничего не знаю, и это убѣжденіе есть лучшее ручательство, что мои учителя были дѣльные и почтенные люди.

Не безъ декораций было и тогда въ гимназіи, да и не безъ лицемѣрія. При экзаменѣ въ 7-й классъ, 15 лѣтъ, меня въ первый разъ заставили прибѣгнуть къ лицемѣрію. Я во всемъ порядочно приготовился, кромѣ одного вопроса: о французской революціи; такія исключенія никогда не проходили для меня безнаказанно; билетъ былъ вынутъ воспитанникомъ, стоявшимъ въ списокѣ тремя нумерами выше меня; казалось, бѣда прошла мимо. Но ни одинъ изъ моихъ предшественниковъ не отвѣчалъ удовлетворительно и, такимъ образомъ, тотъ же билетъ перешелъ ко мнѣ. Сначала я сказалъ откровенно, что эту эпоху не успѣлъ повторить и прошу дать мнѣ какой угодно другой вопросъ, но когда ректоръ (Зябловскій) заревѣлъ, какъ я смѣлъ сознаваться въ лѣности, то я изъ чувства самосохраненія объявилъ лицемѣрно, что съ намѣреніемъ не учился, по непреодолимому отвращенію къ революціямъ. Это было въ 1820 году, когда у насъ боялись карбонарства и безбожія. Мой отвѣтъ а fait fureur³⁾, и,

¹⁾ «Ну, идите же!»

²⁾ «Ну, вотъ, кушайте! Вы архиглупый человекъ!»

³⁾ Произвелъ фуроръ.

два года спустя, министр князь Голицынъ, давая мнѣ вмѣстѣ съ выпускнымъ дипломомъ Библію, рекомендовалъ мнѣ сохранить мои добрыя правила. На слѣдующемъ экзаменѣ, въ 1821 году, плохо заплатилъ я бѣдному моему профессору Плисову: это было въ разгарѣ піетизма въ высшемъ кругу. Князь А. Н. Голицынъ былъ министромъ народнаго просвѣщенія; Руничъ попечителемъ учебнаго округа; Кавелинъ ректоромъ, кажется, и Магницкій былъ тутъ же чѣмъ-то, этотъ извѣстный іезуитъ. Изъ университета изгнаны лучшіе таланты; профессору эстетики Галичу грозили отставкою за либерализмъ его понятій. Галичъ, человѣкъ ограниченный, бѣдный, обремененный семействомъ, струсилъ и рѣшилъ объявить Руничу, что онъ постигъ свое заблужденіе и сознаетъ, что все ученіе эстетики—вздоръ. Руничъ объявилъ это на конференціи и вздумалъ предложить тутъ же благодареніе Господу, что сподобилъ возвратить заблудшую овцу на путь истины. При этомъ случаѣ выдумали, будто Галичъ подошелъ къ Руничу и поправилъ его рѣчь вполголоса: «Ваше превосходительство! я—баранъ!» Въ это-то странное время и держалъ экзаменъ изъ естественнаго права. Добирались до Плисова. Мнѣ только что минуло 16 лѣтъ, но я былъ малъ ростомъ съ дѣтскимъ лицомъ и звонкимъ дѣтскимъ голосомъ, меня и выбрали за оселокъ ученія Плисова. Экзаменъ происходилъ въ большомъ залѣ; насъ было только 16 человѣкъ; экзаменаторы: попечитель, ректоръ, директоръ (да, Кавелинъ былъ директоромъ училищъ, а Магницкій—ректоромъ университета), потомъ разные *sub*, всѣхъ человѣкъ семь, сидѣвшихъ за столомъ, сажень пять отъ нашего. Позвали меня къ столу и спросили, какъ я объясню по естественному праву, что государь можетъ награждать, наказывать, рубить головы своимъ судомъ, а онъ, Руничъ, такой же человѣкъ, этого права не имѣетъ. Товарищи шипѣли мнѣ издали: «помазанникъ»,—но я не дослыхивалъ и потерялся. Между тѣмъ Плисовъ замѣтилъ попечителю, что онъ не имѣетъ права дѣлать такіе вопросы и что они могутъ только навести юношей на мысли, какія имъ не пришли бы въ голову. Руничъ смѣшался. «Ну, пожалуй,—сказалъ онъ:—я васъ спрашиваю не объ Александрѣ I, а о Францѣ II». Я между тѣмъ понадумался и, въ убѣжденіи, что сдѣлаю отлично, объяснилъ конференціи, что Францъ имѣетъ власть по праву наслѣдства.—«А какъ же пріобрѣлъ первый монархъ такое право?»—Я сталъ объяснять, что сначала люди избирали себѣ сами главу только на время войны съ сосѣдями, но избранные укрѣпили за собою власть съ помощію войска. Руничъ слушалъ меня съ удовольствіемъ; тѣмъ болѣе удивился я, когда Плисовъ дрожащимъ голосомъ прервалъ меня, увѣряя, что онъ никогда подобнаго не говорилъ своимъ слушателямъ. Руничъ же доказывалъ, что ребенокъ не можетъ.

самъ выдумать подобныя вещи. Завязался споръ о томъ, ребенокъ ли я, или нѣтъ. Инспекторъ докладывалъ, что мнѣ 16 лѣтъ; Руничъ и Магницкій утверждали, что мнѣ не можетъ быть болѣе 13-ти лѣтъ; инспекторъ побѣждалъ за метрическимъ моимъ свидѣтельствомъ. Профессоръ просилъ разрѣшенія выйти, а я, изумленный, раздосадованный на самого себя, стою передъ этими фарисеями! Когда я увидѣлъ, что профессоръ мой собирается выйти, я возмущенъ и тономъ негодованія объявилъ, что профессоръ никогда не говорилъ того, что я сказалъ; что я читалъ это въ сочиненіяхъ историческихъ, и между прочимъ—въ исторіи Галетти, которая была нашимъ учебникомъ официальнымъ. Потребовали исторію Галетти, велѣли мнѣ отыскать то мѣсто, въ которомъ выражена мысль, мною высказанная. Я нашелъ фразу, выражавшую, *à peu près* ¹⁾ то же; однакоже Плисовъ вышелъ въ отставку и потомъ опредѣлился въ комиссію составленія законовъ. Исторія Галетти отобрана у всѣхъ и запрещена. По выходѣ Плисова изъ залы Руничъ подошелъ къ намъ и сказалъ, что мы учились прекрасно, но что намъ внушались понятія превратныя; что естественное право мы знаемъ безъ профессора, если знаемъ десять заповѣдей и символъ вѣры, потому что въ этомъ заключается все естественное право, и другого права нѣтъ. Затѣмъ сталъ спрашивать насъ заповѣди. На бѣду—никто не зналъ твердо второй заповѣди; мы перетрусили, но попечитель увѣрилъ насъ, что всѣ будемъ переведены въ 8-й классъ, и что онъ дастъ намъ профессора умнѣ Плисова. И въ самомъ дѣлѣ, перешли мы всѣ въ 8-й классъ, и явился къ намъ на кафедрѣ молодой человекъ, какой-то Сергѣевъ. Мы приняли его очень дурно, и когда онъ сталъ читать намъ что-то изъ священнаго писанія, мы закашляли, зачихали, захаркали,—такъ что бѣдный Сергѣевъ совершенно потерялся. На слѣдующей лекціи Сергѣевъ объяснился съ нами откровенно; онъ понималъ, что намъ непріятно видѣть его послѣ Плисова; онъ сознавалъ, что его лекціи не могутъ быть нами одобрены,—но что же дѣлать, говорилъ онъ,—если не онъ, то другой будетъ намъ читать такой же вздоръ, по приказанію невѣждъ-начальниковъ; что посему онъ проситъ насъ провести какъ-нибудь часть его лекцій, и если мы желаемъ докончить настоящій курсъ естественнаго права, то онъ приглашаетъ насъ къ себѣ на квартиру, разъ въ недѣлю, и тамъ, въ дружеской бесѣдѣ, онъ будетъ развивать ученіе Канта и Лейбница. Мы и собирались у него раза три, но вскорѣ кафедра естественнаго права была уничтожена, и мы перешли къ римскому. Какъ все это умно!

¹⁾ Почти.

Наука успокоила меня нравственно; на Выборгской сторонѣ, у стариковъ, нашелъ я пріютъ безмятежный; мать моя съ дѣтьми и тетка-вдова со своими жили у родителей; по праздникамъ и въ каникулы насъ собиралось много: Фишеровъ четверо и Жлобицкихъ трое, братъ мой старше другихъ всѣхъ, я почти однихъ лѣтъ съ моимъ cousin Казимиромъ и года 3—4 старше кузины Эльвиры, а до отдачи сестеръ въ Смольный всѣхъ дѣтей было тамъ 9 человѣкъ, и они жили какъ родные, безъ всякаго сознанія разницы отъ двоюродныхъ; ссоръ не было никогда; я давалъ уроки моей кузинѣ—учитель 14—17 лѣтъ, ученица 10—13 лѣтъ, и былъ въ этомъ отношеніи взыскателемъ; строгая, серьезная матушка моя направляла насъ на пути нравственномъ, и никто не помышлялъ даже о пренебреженіи ея наставленій, а тѣмъ менѣе о сопротивленіи; кроткая, какъ ангель, и услужливая, какъ сестра милосердія, красавица-тетушка заботилась о нашихъ развлеченіяхъ; ее мы любили, но за совѣтами къ ней не ходили; обѣ сестры-вдовы были воплощеніемъ полезнаго и пріятнаго. Дѣдъ нашъ, 70 лѣтъ отъ роду въ годъ смерти отца моего, выходилъ каждое утро въ 7 часовъ въ палаты, а оттуда на свою вольную практику, пѣшкомъ, до 3 или 4 часовъ, заходя къ пациентамъ и у Каменнаго моста, и въ Ямской, когда бывали, все пѣшкомъ и всегда въ мундирѣ. Онъ померъ на 79 году, исполняя до самой смерти, т. е. въ теченіе около 30 лѣтъ, практику пѣшкомъ, безъ всякаго исключенія. Бабка моя пережила мужа своего лѣтъ 10; она умерла въ 1833 году, 78 лѣтъ, и до 70 лѣтъ сама хозяйничала, сама готовила и разливала чай и кофе семьѣ, въ которой бывало до 14 человѣкъ. У нея была оригинальная философія: въ приготовленіи, иногда въ одно время, и чая и кофе случалось, что она брала тою же ложкою то и другое, отчего попадали крупинки молотаго кофе въ чашку съ чаемъ, плававшія на сливкахъ въ видѣ черныхъ зернышекъ. Когда кто-либо изъ дѣтей старался вылавливать этихъ незваныхъ пришельцевъ, она находила это прихотью. «Was schadet es? Du liebst doch Kaffe!» ¹⁾ Уморительно было, что у нея передъ постелью висѣлъ литографированный портретъ генераль-штаб-доктора Гассинга, который былъ сдѣланъ по подпискѣ подчиненныхъ ему врачей, къ величайшей досадѣ бабки, что недостаточныхъ отцовъ семействъ заставляютъ тратить деньги на пустяки. «(Grosmutter!—спросилъ я одинъ разъ ее,—wofür sind Sie so zärtlich gegen Hassing, das Sie sein Portrait vor ihren Bette aufgehängt hatten?»—«Der Hallunke hat mir 10 rub. gekostet» ²⁾,

¹⁾ Что за бѣда? Вѣдь ты любишь кофе!

²⁾ Бабушка! за что вы такъ нѣжны къ Гассингу, что повѣсили его портретъ передъ вашею постелью?—Бездѣльникъ стоилъ мнѣ 10 рублей.

отвѣчала она съ досадою. Старушка видѣла, стало быть, подъ этою ненавистною ей фигурою свою любезную десятирублевую ассигнацію; портретъ представлялся ей какъ мавзолей надъ могилою ассигнаціи. Кромѣ насъ, былъ еще въ семействѣ нѣкто Шубертъ. Въ 1808 году отецъ мой, извѣстный уже своею благотворительностью, получилъ письмо отъ совершенно незнакомаго ему 18-лѣтняго юноши, воспитанника гимназіи, который писалъ ему, что, захворавъ ревматизмомъ въ ногахъ и пролежавъ въ гимназическомъ лазаретѣ 3 или 4 года, онъ объявленъ неизлечимымъ, навсегда лишеннымъ употребленія ногъ, что начальство положило отправить его въ солдатскій госпиталь и что онъ, не имѣя ни родственниковъ, ни знакомыхъ, обращается къ челобію отца съ просьбою о спасеніи его отъ ужасной будущности. Отецъ выхлопоталъ для Шуберта изъ академіи наукъ 300 р. ассигнаціями въ годъ, рассчитывая, что за эти деньги можно найти семейство, готовое содержать его, но такого семейства не отыскалось. Тогда онъ уговорилъ своего тестя, или, вѣрнѣе, свою тещу, взять Шуберта къ себѣ; въ то время старики были одни въ своей просторной квартирѣ.

II.

Начало моей службы въ канцеляріи министра финансовъ. — Типы тогдашнихъ чиновниковъ. — Неожиданная встрѣча съ бывшимъ моимъ учителемъ Куршиннымъ. — Министръ финансовъ Канкринъ. — Его образъ жизни и обращеніе съ подчиненными. — Сравненіе его съ преемниками. — Маленькая драма со мною. — Я дѣлаюсь извѣстнымъ министру. — Переходъ на службу въ департаментъ мануфактуръ. — 14 декабря 1825 года. — Исторія Галямина. — Нѣсколько словъ о себѣ. — Секретарство при членѣ театральнѣйшей дирекціи князѣ Гагаринѣ. — Уроки его дочерямъ.

Выросшій среди лишеній, налитанный понятіями о превосходствѣ людей, выше меня стоящихъ, я вышелъ изъ училища робкій передъ другими и передъ собою, не дерзающій предполагать въ себѣ умственную силу, могущую замѣнить преимущества наслѣдственныхъ. Напрасно ссылаясь я на примѣры лицъ историческихъ; разсудокъ говорилъ одно, а привычка — дѣлала другое. Во мнѣ было два человѣка, одинъ, духовный, — независимый, другой, практическій, — робкій, и оба были въ постоянной ссорѣ.

Начало службы моей не было назидательно. 17-ти лѣтъ опредѣлили меня въ канцелярію министра финансовъ. Тамъ я увидѣлъ два совершенно различные разряда чиновниковъ. Одни, знакомые съ директоромъ или съ его начальникомъ, развязные, расфранченные, расхаживали передъ директорскимъ кабинетомъ, декламировали тирады изъ вчерашней трагедіи угрюмымъ басомъ въ подраженіе Каратыгину, или напѣвали куплеты изъ водевилей;

другой разрядъ трудился надъ засыпанными пескомъ столами, поглядывая украдкою на болѣе счастливыхъ сверстниковъ. Работа была преглупая, — а не давалась мнѣ. Естественное право, эстетика, дифференціальныя исчисленія, ни Тацитъ или Гораций не являлись ко мнѣ на помощь для написанія простыхъ бумагъ, которыя писались моими полуграмотными сослуживцами, такъ сказать, спуская рукава. Что за чортъ?—думалъ я.

Самыя личности выступали передо мной въ уродливыхъ видахъ, какъ призраки разгоряченнаго воображенія. «За мѣстомъ», по чиновническому выраженію, ходилъ я болѣе мѣсяца, каждый день являясь въ пріемную. Въ этой пріемной было много чиновниковъ въ звѣздахъ, съ Владимиромъ на шеѣ, которые, казалось мнѣ, такъ умны, что дай Богъ услышать ихъ разговоры,—и слышалъ. Маленькій сухенькій господинъ съ Владимиромъ на шеѣ (Взметневъ) произнесъ: «Легче Вронченкѣ пройти черезъ ушко иглиное, чѣмъ богатому попасть въ царство небесное».—На это возразилъ верзила, тоже съ Владимиромъ на шеѣ: «Верблюду!»—а маленький прибавилъ, «А ты развѣ не верблюду?»—«Что за дьяволъ?»—подумалъ я.

Впослѣдствіи я привыкъ къ этому, потому что Вронченко былъ ежедневнымъ предметомъ грубыхъ насмѣшекъ, и не только не обижался ими, но самъ кривлялся и гримасничалъ.

Другое явленіе поразило меня болѣе глубоко. Перевели меня въ регистраторскій столъ; когда я подошелъ къ столу, то увидѣлъ передъ собою моего бывшаго учителя въ пансіонѣ Куршина, но въ какомъ превратномъ видѣ. Куршинъ былъ очень серьезенъ и внушалъ намъ, дѣтямъ, какое-то чувство полустраха и полуюваженія; 8 лѣтъ я не видалъ его, но въ моемъ воображеніи остался образъ величавый и грозный. Каково же было мое удивленіе, когда я увидѣлъ его, бѣднаго, убогаго, робкаго, сидящимъ за однимъ со мною столомъ, — даже ниже, потому что мнѣ отдавали бумаги французскія и нѣмецкія, а онъ записывалъ въ журналъ общія бумаги. Видъ этого старика, который показался мнѣ и ниже ростомъ и хуже одѣтымъ, навелъ на меня грустныя мысли; онъ указалъ на возможную будущность юноши, вступающаго въ государственную службу безъ покровителей. Этотъ добрый старикъ встрѣтился мнѣ лѣтъ черезъ 20, когда я былъ директоромъ департамента. Онъ пришелъ ко мнѣ просить «мѣстечка»; пришелъ онъ, бѣдный, въ рубищѣ, къ своему прежнему ученику, смиренный, молящій! Я былъ совершенно счастливъ, что могъ дать ему мѣсто, которое вполне удовлетворило его желаніе.

Если бы дни моей службы текли такъ однообразно, какъ у моихъ сослуживцевъ, я, вѣроятно, зачерствѣлъ бы, какъ они, но судьба насылала мнѣ маленькія катастрофы, которыя поджигали вновь угасающую энергію. Первая случилась на дежурствѣ у министра финансовъ.

Попавъ въ число 8-ми лицъ, смѣнявшихся на дежурствѣ, я имѣлъ случай видѣть униженность сановниковъ, гордо выступавшихъ передъ подчиненными, въ томъ числѣ и Уварова, столь грознаго и величественнаго въ гимназіи и такъ скромно игравшаго здѣсь съ министерскими дѣтками, но всего болѣе поразила меня личность министра. Канкринъ вступилъ въ управленіе министерствомъ въ то время, когда я вступилъ въ службу; дѣйствія его были еще впереди; наружность его—непривлекательна, но простота и скромность жизни были поразительны въ русскомъ министрѣ. Онъ и канцелярія помѣщались въ небольшомъ домѣ графини Шуваловой, на набережной, у гагаринской пристани, черезъ домъ отъ уголовного съ банями. Комнаты меблированы были очень скромно; въ семействѣ его жила m-lle Pohl, дочь полковника, умершаго или убитаго, съ которымъ Канкринъ былъ друженъ. M-lle Pohl ходила четыре раза въ день черезъ дворъ, съ большимъ ключомъ въ одной рукѣ и съ сливочникомъ въ другой, на ледникъ, два раза за сливками и два раза, чтобы отнести оставшіяся сливки. Не надо забывать, что Канкринъ былъ женатъ на Муравьевой, а извѣстно, что русскую дворянку трудно заставить экономничать въ виду свѣта. Вставалъ онъ рано и тотчасъ принимался за работу, обыкновенно за редакцію своихъ соображеній или плана распоряженій; писалъ онъ своей рукой, въ халатѣ, держа въ лѣвой рукѣ курительную деревянную трубку, и только мизинцемъ придерживая край бумаги. Писалъ онъ по-русски бѣгло, грамматически и синтаксически вѣрно, но вмѣсто з ставилъ почти всегда с, т. е. перо его подражало его произношенію (савтра, сабыль). Въ 9 часовъ ставили передъ нимъ большую чашку кофе, который онъ прихлебывалъ; иногда въ пылу работы забывалъ про него, и потомъ выпивалъ холодный въ одинъ приемъ; въ это же время тянулась къ нему вереница дѣтей здороваться: это была забавная сцена. Онъ протягивалъ руку, закусивъ трубку; не глядя на здоровающагося, продолжалъ писать; почувствовавъ поцѣлуй, клалъ руку на плечо привѣтствующаго, поворачивалъ его, и давалъ легкій толчокъ въ спину, не говоря ни слова. Работа его продолжалась до 10 или 11 часовъ; затѣмъ онъ надѣвалъ форменный сюртукъ, и если не выѣзжалъ въ государственный совѣтъ или комитетъ министровъ, то принималъ директоровъ для экстренныхъ объясненій или просителей. Доклады департаментовъ происходили вечеромъ. Каждый вечеръ докладывалъ одинъ департаментъ съ 8 часовъ до 11, 12, 1, а иногда и до 2 часовъ ночи. Только директоръ канцеляріи и департаментъ казначейства и банковъ докладывали по утрамъ. При императорѣ Александрѣ I министръ, за два дня передъ докладнымъ днемъ, ѣздилъ въ Гruzино къ Аракчееву, однако не каждую недѣлю. Въ 5-мъ часу онъ обѣдалъ, отпуская дежурнаго до 7 часовъ вечера; послѣ обѣда

читалъ газеты и иногда засыпалъ въ большихъ креслахъ, и съ 7 часовъ принимался опять за работу. Всѣ приемы его были особенные. Онъ никогда не употреблялъ обычнаго способа отказывать въ приѣмѣ отзывомъ, что его дома нѣтъ, а говорилъ просто, что занятъ; если это относилось къ важному лицу, то онъ просилъ дежурнаго сойти къ каретѣ и доложить, что министръ никакъ не можетъ отложить свою работу, и что онъ самъ приѣдетъ. Звонкомъ его гремѣлъ или одинъ разъ, или два, или три раза сряду; одинъ разъ значило: Ивана Максимовича Ореуса, сидѣвшаго съ утра до вечера въ передней за перегородкой; два раза — дежурнаго; три раза — курьера. «Это, батюшка, тля тово, что Ифанъ Максимичъ мнѣ нушенъ чаще, а курьеръ—рѣше тругихъ». Здоровья своего онъ не берегъ вовсе, къ вѣчному безпокойству семейства; кушая разъ въ сутки, онъ часто обременялъ черезъ мѣру желудокъ; чувствуя жаръ, обыкновенно въ поздній вечеръ, онъ разстегивался, отворялъ форточку и становился передъ нею, даже зимою. Такъ длилось многіе годы; потомъ, когда зрѣніе его ослабѣло, читалъ ему газеты П. П. Гець; потомъ Гець отмѣчалъ карандашомъ заслуживающее вниманіе, а Кюзель это прочитывалъ. По утрамъ онъ уже не писалъ своеручно, но прогуливался (лѣтомъ) въ Лѣтнемъ саду, или, если не жилъ въ Лѣсномъ институтѣ, имъ созданномъ, переправлялся на гласисъ Петропавловской крѣпости, который, можно сказать, собственными руками засадилъ деревьями и обратилъ въ нынѣшній Александровскій паркъ. Какъ грубъ и придирчивъ былъ съ дежурными Ореусъ, такъ ласковъ и невзыскателенъ былъ министръ. Одна исторія, кажется, всѣми забытая, вполне обрисовываетъ сердце Е. Ф. Канкринъ: въ канцеляріи служилъ писцомъ очень молодой мальчикъ, отличный каллиграфъ, который на дежурствѣ утаилъ пакетъ съ деньгами, 100 рублей. Когда это открылось, подняли шумъ, кто кого строже считалъ нужнымъ быть съ похитителемъ, но скрыть этотъ случай отъ министра не смѣли. Канкринъ прехладнокровно спросилъ, кто этотъ чиновникъ, какого чина и давно ли въ службѣ, и когда услышалъ, что онъ очень молодъ, пожелалъ его видѣть. Мальчику было лѣтъ 12, и оказалось, что отецъ его служилъ въ министерствѣ финансовъ. Канкринъ позвалъ отца, разругалъ его въ пухъ и грозилъ выгнать изъ службы за то, что онъ эксплуатируетъ сына прежде, чѣмъ дать ему воспитаніе. Чиновникъ оправдывался тѣмъ, что не имѣлъ средствъ учить сына дома, а въ казенныя заведенія отдать не могъ за неимѣніемъ вакансій. Канкринъ пополнилъ кассу изъ своихъ денегъ, преступника велѣлъ высѣчь розгами и потомъ опредѣлилъ его въ какое-то учебное заведеніе. Много ли другихъ начальниковъ,—не говорю уже о министрахъ — поступили бы такъ чело-вѣколюбиво.

Какая разница между этою личностью и его преемниками во всемъ, даже въ простотѣ жизни! Не говорю о Вронченкѣ: это былъ мужикъ, но Брокъ!—Брокъ, который перебивался жалованіемъ,—въ чемъ, впрочемъ, нѣтъ ничего дурного,—употребилъ казенныхъ денегъ 90 тысячъ рублей на отдѣлку и переустройство дома, въ которомъ нѣкогда жилъ графъ Литта, вельможа патриціи, въ гербѣ котораго красовались великія буквы Римской республики: S. P. Q. R. (*Senatus populusque romanus*). Канкрину, у котораго бывали въ командѣ цѣлые отряды, курьеръ подавалъ пакеты изъ рукъ въ руки, а Броку, у котораго долго не было и камердинера, подносилъ пакеты лакей въ ливреѣ на серебряномъ подносѣ. Канкринъ нажилъ себѣ состояніе, бывъ 25 лѣтъ министромъ, имѣвъ аннексу, приносившую 25 тысячъ рублей годового дохода, и получивъ нѣсколько огромныхъ подарковъ отъ государя. Брокъ разбогатѣлъ въ 4 года, надѣлавъ проказъ на 40 лѣтъ.

Прекрасная вещь — портретная галерея, если всматриваться въ нее глубже. Передъ рядомъ портретовъ министровъ финансовъ, помѣщенныхъ въ официальномъ кабинетѣ министра, взоръ невольно останавливается на серьезной и грустной фizioноміи Канкрина: она выдвигается какъ массивный рельефъ надъ плоскими изображеніями. Рядъ этихъ портретовъ представляетъ два отдѣла, среди которыхъ Канкринъ одинъ, «какъ грозный часовой»; передъ нимъ Гурьевъ, графъ Васильевъ, Голубцовъ—вельможи. На лицахъ не видно большого ума, видно самодовольство барское. За Канкринымъ: Вронченко, Брокъ, Княжевичъ—чиновники. Въ нихъ тоже нѣтъ ума, но видно самодовольство чиновничье, за исключеніемъ развѣ Княжевича, на лицѣ котораго замѣтно не самодовольство, а простое удовольствіе. Эти два типа, первый блѣднѣетъ, второй краснѣетъ передъ ликомъ умнаго, задумчиваго Канкрина. Такъ сенатская портретная галерея императоровъ рассказываетъ мнѣ политическую исторію сената. Портретъ Петра Великаго прекрасный, и другой его же, мозаика, сдѣланная собственноручно Ломоносовымъ; Анны Іоанновны—плохой; Елизаветы Петровны—лучше; Екатерины II—великолѣпный; Павла I—дурень; Александра I—приличенъ; Николая I—дурень; Александра II еще хуже. Стало быть, при Петрѣ и Екатеринѣ считали сенатъ достойнымъ отличныхъ художественныхъ произведеній; при Аннѣ и Елизаветѣ не заботились о томъ, что въ сенатѣ; при Александрѣ I хотѣли *sauver les apparences* ¹⁾; при остальныхъ—жалъ было тратить деньги для украшенія такого ничтожнаго учрежденія, какъ сенатъ. Вотъ его вся исторія.

Я аккуратно являлся на дежурство вечеромъ, хотя министръ никогда не спрашивалъ въ это время дежурнаго; но разъ я

¹⁾ Соблюсти приличія.

опоздалъ, провожая брата, отправлявшагося въ полкъ, и, какъ нарочно, случилось, что министръ меня требовалъ. Не найдя дежурнаго, онъ положилъ на его столъ записку своей руки слѣдующаго содержанія: «Савтра въ 12^{1/2} часовъ И. И. Розенбергъ, въ 11^{1/2} часовъ С. С. Уваровъ». Нашедъ на столѣ эту записку, я написалъ къ обоимъ директорамъ повѣстки, что министръ ожидаетъ ихъ завтра въ такомъ-то часу. На другой день, въ 9 часовъ утра, сдалъ я дежурство другому, какъ вдругъ около 2 часу поднялась въ канцеляріи суета; произносилось мое имя, и наконецъ директоръ Я. А. Дружининъ позвалъ меня къ себѣ. «Что вы надѣлали,—говорилъ онъ:—васъ приказано смѣнить, да и мнѣ досталось». Узнавъ, въ чемъ дѣло, я представилъ ему собственноручную записку. Драма была порядочная. Около 11 часовъ выбѣжалъ министръ къ дежурному, со всѣмъ стукомъ своихъ толстыхъ сапоговъ, и закричалъ: «Когда пріѣдетъ Уваровъ, скажите ему, что я самъ буду ѣздить къ нему съ таклатомъ (докладомъ)». Уваровъ пріѣхалъ и дежурный пересказалъ ему, что велѣно. Уваровъ приказалъ доложить министру, что онъ желаетъ сказать два слова, но Егоръ Францовичъ отвѣчалъ: «Пускай онъ идетъ фонъ!» Затѣмъ пріѣхалъ и Розенбергъ, котораго Канкринъ сталъ бранить, что онъ опоздалъ цѣлымъ часомъ. Розенбергъ показалъ повѣстку, а Уваровъ между тѣмъ прислалъ и свою, и весь ураганъ обратился на меня, 18-лѣтняго юношу. Дружининъ показалъ Егору Францовичу собственноручную его записку. «Попросите извиненія у дежурнаго, я самъ напуталъ». Въ слѣдующую очередь, Канкринъ вышелъ ко мнѣ и спросилъ мое имя. «Lesen Sie deutsche Zeitungen?»—«Ich habe dazu keine Gelegenheit, Excellenz». ¹⁾ Пошелъ опять въ кабинетъ и вынесъ мнѣ «Allgemeine Zeitung». ²⁾ Съ тѣхъ поръ я сталъ знакомъ съ министромъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ раздавали канцеляріи денежныя награды; я ничего не получилъ, да и не ожидалъ. Мой начальникъ отдѣленія вздумалъ ставить мнѣ въ упрекъ, что я не просилъ начальника 1 отдѣленія, мнѣ посторонняго, и когда я отозвался, что это его дѣло было просить обо мнѣ, онъ отвѣчалъ: «Да-съ, я радъ, что мнѣ самому дали!»—«Если у васъ такія правила, то я не хочу служить у васъ», замѣтилъ я ему, и подалъ въ отставку. Разумѣется, никто объ этомъ не тужилъ, и меня уволили. Къ счастью, эта выходка прошла безнаказанно: я вскорѣ получилъ мѣсто въ департаментѣ мануфактуръ, и еще лучшее. Служа въ этомъ департаментѣ, я, со всѣми другими, присягалъ на вѣрность Константину Павловичу, и, благодаря райскому спокойствію Сергіевской улицы, гдѣ былъ департаментъ,

¹⁾ «Вы читаете нѣмецкія газеты?»—«Не представляется къ тому случая, ваше превосходительство».

²⁾ «Всеобщая Газета».

и Выборгской стороны, гдѣ я жилъ, 15 декабря 1825 г. я не зналъ, что наканунѣ была революція, ни того, что государя моего зовутъ не Константиномъ, а Николаемъ. 15 декабря утромъ матушка предложила мнѣ итти съ нею къ М. И. Галяминой, жившей у сына, въ зданіи главнаго штаба. Первый предметъ, насъ поразившій, встрѣтили на томъ мѣстѣ, гдѣ Большая Миліонная входитъ въ Дворцовую площадь: тутъ стояли орудія, и около догорающихъ костровъ грѣлись канониры; подвигаясь по площади, видѣли мы изрытый снѣгъ, изрѣдка мѣста, покрытыя свѣжимъ снѣгомъ, далѣе отряды войскъ; спрашиваемъ у прохожихъ, что это значитъ: намъ никто не отвѣчаетъ. Передъ зданіемъ главнаго штаба стоялъ строй, кажется, Измайловскаго полка; передъ нимъ верхомъ Николай Павловичъ, блѣдный, какъ полотно. На вопросъ сторожу, стоявшему у дверей подъѣзда, что это все значитъ, онъ отвѣчалъ лаконически: «присягаютъ!» — и болѣе ничего. Такъ вошли мы къ Галямину; въ передней стоялъ солдатъ и офицеръ; пока мы снимали шубы, вышелъ Галяминъ и отдалъ офицеру шпагу, а намъ сказалъ второпяхъ: «не говорите маменькѣ». Только отъ старушки Галяминой узнали мы, что было. Она рассказывала съ трепетомъ за обожаемаго сына, что онъ получилъ ночью повѣстку явиться во дворецъ для принесенія присяги государю Николаю, что сынъ не поѣхалъ, отзываясь, что въ толпѣ ничего не значитъ одинъ полковникъ, — но когда начался бунтъ, то заперли ворота, и, вѣроятно, станутъ считать, кого во дворцѣ нѣтъ. Такъ это и было. Галямина не досчитывались, и потому онъ былъ арестованъ. Между тѣмъ черезъ Ростовцева знали уже наканунѣ имена нѣкоторыхъ заговорщиковъ, въ числѣ которыхъ былъ и полковникъ генеральнаго штаба Искрицкій. Его арестовали, лакеевъ взяли къ допросу, и одинъ изъ нихъ показалъ, что въ минуту ареста или нѣсколько ранѣе баринъ посылалъ его съ запиской къ Галямину. Галяминъ показалъ, что записку сжегъ; о содержаніи записки его показанія не сошлись съ показаніемъ Искрицкаго, и дѣло приняло оборотъ серьезный. Слѣдственная комиссія не изобличила Галямина, но на немъ осталось подозрѣніе, и онъ переведенъ въ Нейшлотскій полкъ, стоявшій на Аландѣ. Когда прошли первыя впечатлѣнія, о Галяминѣ стали намекать государю его доброжелатели, но онъ и слышать не хотѣлъ о немъ. Черезъ многіе годы графъ Нессельроде поручилъ Галямину разграниченіе Финляндіи съ Норвегіею, — и по окончаніи имъ (очень дурномъ) этого порученія снова просили о прощеніи его; однако всѣ эти просьбы окончились брильянтовымъ перстнемъ; между тѣмъ Галяминъ, отличный офицеръ, замѣчательный пейзажистъ, сталъ пить отъ скуки. Прошли еще годы. Разъ государь жаловался на недостатокъ въ русскихъ патріотизма; повсюду видѣлъ онъ выставки заграничныхъ пейзажей, а русскаго — ни

одного! Князь Волконскій замѣтилъ, что это происходило не отъ недостатка патріотизма, а отъ недостатка поощренія. Тотчасъ отправили къ Галямину курьера за его знаменитымъ акварельнымъ альбомомъ. Князь Волконскій представилъ альбомъ государю, который былъ отъ него въ восхищеніи. «Кто это рисовалъ?»— «Галяминъ».— Но все-таки государь не согласился перевести его въ генеральный штабъ. Изъ альбома государь выбралъ нѣкоторые пейзажи и заказалъ для императрицы фарфоръ съ ихъ изображеніями, а Галямина назначили директоромъ фарфорового завода. Странная судьба: сторожъ, квартальный, математикъ, геодезъ, придворный кавалеръ и—начальникъ фарфорового завода. Точно видоизмѣненія насѣкомаго: жукъ, червякъ, стрекоза, бабочка, куколка!

Вступивъ въ службу, я налегъ на чтеніе, чтобы восполнить тѣ пробѣлы, на которые указало мнѣ преподаваніе моихъ почтенныхъ профессоровъ. Читалъ Плутарха, Гиббона, Герена, Боссюэта, Монтескьё, Адама Смита, Сисмонди и пр., потомъ Вольтера, Кондильяка, т. е. философовъ, потомъ Скотта, Коцебу и, наконецъ, съѣхалъ на Редклифъ и Агуста Лафонтена. Романы Лафонтена, оказавшіеся впоследствии глупыми, дѣйствовали сильно на мою нервическую натуру. Плаксивые герои ненадолго плѣнили мое воображеніе, но зато рыцари оставили во мнѣ какую-то драпировку отъ которой я во всю жизнь мою не могъ отдѣлаться; безпрестанно я совался защищать угнетаемаго безъ его просьбъ, или унижать, или изобличать интригу; съ людьми неуважительными велъ себя съ намѣреніемъ обнаружить имъ свои чувства неуваженія, — и всегда портилъ этимъ себѣ карьеру. Впрочемъ, объ этомъ я не сожалею. Духовная работа моей натуры довершилась встрѣчею моею на 21 году съ женщиной, которой очаровательная наружность изображала небесную чистоту ея сердца; хотя холодная по чувствамъ, она обладала воспламенительнымъ воображеніемъ, проникавшимъ во всю ея женственность. Эта особа, принадлежавшая уже другому, слушала меня охотно, любила мой разговоръ — о любви не было ни слова — и возбудила во мнѣ восторги выше прочихъ моихъ ощущеній, вмѣстѣ взятыхъ. Неудовлетворенное чувство отняло у меня всю прелесть жизни; впоследствии оно изгладилось, но вмѣстѣ съ нимъ я потерялъ способность быть счастливымъ; всѣ новыя впечатлѣнія были вялы и безцвѣтны въ сравненіи съ тѣмъ, которое впервые пробѣжало, какъ электрическая искра, по всей моей нервной системѣ.

Въ 1826 году совершился новый переворотъ въ моей жизни. Князь Гагаринъ, шталмейстеръ и членъ театральной дирекціи, искалъ секретаря. Дирекція состояла изъ трехъ членовъ: князя В. В. Долгорукова, графа Кутайсова и князя А. П. Гагарина. Общія дѣла рѣшались этою коллегіею, которая имѣла свою канцелярію, но, сверхъ того, каждому члену поручено было ближай-

шее наблюдение за каждою спеціальною сценою. Долгоруковъ завѣдывалъ драмою; Кутайсовъ—оперою; Гагаринъ—балетомъ, и для этой-то переписки нуженъ былъ Гагарину секретарь партикулярный. Я принялъ это мѣсто, чтобы выйти изъ семейной скорлупы въ другую средину; для занятій моихъ опредѣлены были часы, отъ 8—10 утра, и за это мнѣ предложили 600 руб. и жизнь въ семействѣ князя. Прошло мѣсяца три; занятій не было никакихъ. Иногда приходилось писать: «Le pr. Gagarin prie m-r Didelot de vouloir bien passer chez lui a telle heure» ¹⁾, и чаще: «Le pr. Gagarin a l'honneur de transmettre, ci-près à m-r N. N. les roubles, qu'il lui est resté devoir» ²⁾—т. е. вчерашшій проигрышъ. Гагарина, родная сестра князя Меншикова, просила меня, когда я не занятъ у мужа, потрудиться давать уроки русскаго языка и ариѳметики княжнамъ. Этому я очень обрадовался, потому что со мною обращались необыкновенно привѣтливо, и мнѣ хотѣлось чѣмъ-нибудь вознаградить за ласки. Притомъ княжны были миленькія, старшая 15 лѣтъ, вторая — 13, младшая — 11, а мнѣ неполные 21 годъ. Я чувствовалъ себя здѣсь на мѣстѣ, гораздо болѣе, чѣмъ при матушкѣ, которая трактовала меня, какъ маленькаго Костю, не замѣчая, что во мнѣ было уже 2 арш. 7¹/₂ вершковъ и что меня вездѣ звали Константиномъ Ивановичемъ. Жизнь въ домѣ князя изгладила то огромное различіе, которое я предполагалъ между нашимъ семействомъ и семействами высокихъ лицъ, окруженныхъ роскошью; тѣ же мелочныя заботы, тѣ же мелочныя досады, только масштабъ другой да приемы иные. Что ни говори демократы, а любовь изящнаго присуща человѣку. Г. Заблоцкій хвасталъ тѣмъ, что онъ сохранилъ мужицкія манеры; зачѣмъ же онъ садится у себя на золоченый стулъ, а не на сосновый чурбанъ. Лжетъ онъ, г. Заблоцкій,—онъ не сохранялъ мужицкихъ манеръ, а только не умѣлъ отъ нихъ освободиться. Онъ могъ на казенныя деньги заказать себѣ золоченую мебель, но не нашелъ лавки, гдѣ продаются мягкость движеній, приличіе тона и небрежное щегольство—предметы, которыми владѣлъ, на примѣръ, князь Меншиковъ, съ которымъ я познакомился въ домѣ Гагарина.

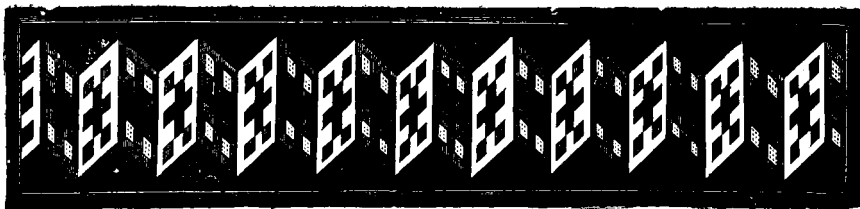
К. И. Фишеръ.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

~~~~~

¹⁾ Князь Гагаринъ проситъ г. Дидло пожаловать къ нему въ такомъ-то часу.

²⁾ Князь Гагаринъ имѣетъ честь вручить при семъ господину N. N. столько-то рублей, которые онъ ему остался долженъ.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

III.

Князь А. С. Меншиковъ. — Его личность. — Первоначальная служба князя Меншикова. — Его рассказы о шведскомъ кронпринцѣ Бернадотѣ и генералѣ Озеровѣ. — Подвигъ полковника Монахтина. — Дальнѣйшая карьера князя Меншикова. — Его отставка. — Мнѣніе о немъ императора Александра. — Жизнь въ отставкѣ. — Поступленіе вновь на службу при императорѣ Николаѣ. — Посольство въ Персію. — Князь Гагаринъ. — Его трагическая смерть. — Отъѣздъ князя Меншикова въ дѣйствующую армію. — Порядки и злоупотребленія въ адмиралтействъ-коллегіи. — Мои сношенія съ княземъ Меншиковымъ. — Полученная имъ подъ Варной рана. — Докторъ Калининъ. — Недовольство Меншикова мною. — Назначеніе мое въ должность секретаря канцеляріи главнаго морского штаба.

КНЯЗЬ Александръ Сергѣевичъ Меншиковъ, только что воротившійся изъ Персіи, былъ прекрасный, стройный, съ умными и добрыми темносиними глазами и съ саркастической улыбкой, кавалеръ александровскаго двора, который отличался тонкостью и изяществомъ пріемовъ. Вся его личность представляла любопытное явленіе; онъ былъ очень внимателенъ къ сестрѣ своей, любезенъ съ своими племянницами, необыкновенно вѣжливъ со мной, но видно было, что онъ не жаловалъ своего шурина, и что князь Гагаринъ боялся его. Говоря иронически съ вельможами, которыхъ встрѣчалъ у Гагарина, онъ кидалъ на меня украдкой взгляды, какъ будто желая мнѣ сказать: посмотрите, что за болваны! Помню, какъ онъ трунилъ надъ толстымъ княземъ D. «Dernièrement on disputait sur une question qu'on pourrait appeller nationalo; N. N. prétendait, que le cocher du carosse qui

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ» т. CXI, стр. 43.

conduisait l'Empereur Alexandre au couronnement, avait les bas blancs, et moi j'affirmais qu'il les avait rouges; tout le monde étant contre moi, j'ai déclaré que je ne céderais qu'à l'arbitrage de D. Comment décidez vous?.. Mon cher prince, отвѣчалъ преважно D., vous avez très bien fait de vous adresser à moi; j'ai particulièrement étudié cette époque, et je puis vous dire, que le cocher avait, des bas blancs»¹⁾. Меншиковъ обращался обыкновенно съ насмѣшкой къ тѣмъ, которые на мой поклонъ отвѣчали съ высокомеріемъ,—и, разумѣется, обворожилъ меня. Сестра его смотрѣла на него какъ на божество.

Удивительно, какъ въ Меншиковѣ тѣсно соединялся повѣса съ глубокомысленнымъ мужемъ, и это было всегда такъ. Онъ родился и воспитывался въ Дрезденѣ, былъ такой шалунъ, такой лѣнтяй и невѣжда, что отецъ его, потерявъ всякую надежду на сына, отправилъ его въ Петербургъ 17 лѣтъ съ письмомъ къ фельд-маршалу Прозоровскому, сказавъ сыну, что даетъ ему на расходы только 3 т. р. въ годъ. Въ Петербургѣ сдѣлали князя камеръ-юнкеромъ V класса и опредѣлили въ коллегію иностранныхъ дѣлъ въ 1805 году. 17-лѣтній статскій совѣтникъ нанялъ въ Малой Морской, въ домѣ Манычарова, въ 3 этажѣ, двѣ маленькія комнаты, накупилъ себѣ книгъ, взялъ нѣсколькихъ учителей и принялся учиться неутомимо,—тотъ самый мальчикъ, котораго въ Дрезденѣ не могли ничѣмъ заставить взять книгу въ руки. Вскорѣ послали его съ депешами въ Лондонъ; узнавъ въ Гамбургѣ, что Голландія вооружаетъ канонерскую флотилію противъ Англіи, этотъ юный дипломатъ отдалъ депеши на почту, а самъ опредѣлился волонтеромъ на голландскую флотилію! Не знаю, какъ наше посольство выловило этого волонтера и его отправило въ распоряженіе миссіи нашей въ Стокгольмъ. Тамъ князь Меншиковъ скоро прославился своими шалостями, и миссія сочла за лучшее выслать его въ Петербургъ. Здѣсь приняли его, разумѣется, неласково, и Меншиковъ рѣшился перейти въ военную службу: его приняли подпоручикомъ въ артиллерію и отправили въ Молдавію,—если не ошибаюсь, къ Прозоровскому, отъ котораго онъ послѣ достался графу Каменскому, который взялъ его къ себѣ въ адъютанты. При сдачѣ своей артиллерійской команды Меншикову пришлось дать 1.000 р. взятки Безаку, завѣдывавшему хозяйственною частью, отцу нынѣшняго генералъ-адъютанта Безака: это

¹⁾ Недавно былъ споръ о вопросѣ, можно сказать, народномъ; N. N. утверждалъ, что кучеръ кареты, въ которой ѣхалъ императоръ Александръ на коронацію, былъ въ бѣлыхъ чулкахъ, а я увѣрялъ, что онъ былъ въ красныхъ, такъ какъ всѣ были противъ меня, то я объявилъ, что уступаю только рѣшенію Д. Какъ вы рѣшите?..—Дорогой князь, вы хорошо сдѣлали, что обратились ко мнѣ; я подробно изучалъ эту эпоху, и могу вамъ сказать, что кучеръ былъ въ бѣлыхъ чулкахъ!

было первымъ шагомъ молодого князя на практическомъ пути нашей государственной службы. По смерти Каменскаго, князь не захотѣлъ остаться у Кутузова, преемника Каменскаго, служилъ здѣсь въ гвардіи, и въ 1813 году былъ капитаномъ Преображенскаго полка. Любопытны рассказы его объ эпизодахъ этого времени. Надобно было дать знать шведскому кронпринцу Бернадоту, что баварцы соединились, и что можно начать дѣйствовать (подъ Дрезденомъ). Послали фельдъегеря, Влодека и Меншикова: фельдъегерь застрѣленъ французскимъ пикетомъ; Влодека взяли въ плѣнъ; князь Меншиковъ съ двумя казаками избѣгъ плѣна только тѣмъ, что лошади ихъ перескочили черезъ заборъ, черезъ который отрядъ французскихъ драгунъ не могъ переброситься. Меншиковъ приѣхалъ ночью и легъ у палатки Бернадота; здѣсь онъ услышалъ, какъ Бернадотъ говорилъ кому-то: «*je ne sais ce que je ferai avec ces troupes: ce sont de f..... troupes*» ¹⁾. До наступленія утра Меншиковъ успѣлъ уже составить себѣ кружокъ друзей своими остроумными выходками; друзья предупредили его, что Бернадотъ будетъ потчевать его яичницей, но чтобы онъ никакъ не принималъ приглашенія, потому что это разстроило бы Бернадота, привыкшаго съѣдать цѣлую сковороду яичницы, до которой былъ страстный охотникъ. Поутру Бернадотъ принялъ князя, лежа въ постели, въ колпакѣ и въ синей бархатной, отороченной соболями, курткѣ; въ то же время внесли дымящуюся сковороду съ яичницей и поставили передъ постелью. Принцъ приказалъ подать другой приборъ и сказалъ князю:—*Allons, cher prince, mangeons à nous deux cette omelette.—Je vous remercie, Monseigneur, je n'en mange jamais.—Comment? ne pas manger une omelette?*—замѣтилъ съ видимымъ удовольствіемъ Бернадотъ, придвинувъ къ себѣ сковороду,—*vous avez tort, mon cher ami, car c'est une fort bonne chose* ²⁾. Принцъ полюбилъ молодого князя; увѣрили, что отказъ отъ яичницы игралъ тутъ не ничтожную роль.

Меншиковъ дѣятельно участвовалъ во всѣхъ военныхъ дѣйствіяхъ наполеоновскихъ войнъ съ Россіею, послѣ Аустерлица. Въ 1812 году, при нашествіи на Москву, онъ былъ въ кавалергардахъ; генералъ Депрерадовичъ оставался версты за четыре и, по словамъ князя, не зналъ, что происходила Бородинская битва. Князь, бывъ посланъ къ нему, удивился, что генералъ не слыхалъ грома двухъ тысячъ орудій. «Да, братецъ, у меня голлова болѣла». Вообще забавны его рассказы о нѣкоторыхъ герояхъ того времени. Нѣкто Озеровъ, отставной генералъ, посту-

¹⁾ Не знаю, что я могу сдѣлать съ такимъ войскомъ.

²⁾ Вотъ, дорогой князь, покушаемъ вмѣстѣ эту яичницу... Благодарю васъ, ваше высочество, я ее никогда не ѣмъ.—Какъ? не ѣдите яичницы. Вы неправы, мой дорогой другъ, потому что это очень хорошая вещь.

пившій въ ополченіе, будучи необыкновенно храбръ въ дѣлѣ, боялся домовыхъ и лѣшихъ такъ, что ему было гораздо труднѣе рѣшиться провести отрядъ ночью черезъ лѣсъ, чѣмъ стоять спокойно передъ непріятельскою батареею. Этого Озерова взяли въ плѣнъ и привели къ Наполеону. — Avez vous vu récemment l'armée russe, général?—Oui, Sire.—Est elle ferme?—Comme un rocher, Sire!—Combien de baïonnettes compte-t-elle?—Trois millions, Sire!—Allez-vous coucher, imbécile ¹⁾. Вотъ ихъ разговоръ.

Когда вышла въ свѣтъ исторія Отечественной войны Михайловскаго - Данилевскаго, князь Меншиковъ сердился, что походы Чернышева расписаны были какъ походы Юлія Цезаря, а о многихъ герояхъ времени, скромнаго имени, ничего не говорится, на примѣръ, о полковникѣ Монахтинѣ. Въ Бородинскомъ дѣлѣ Евгений Богарне загналъ всю нашу тяжелую кавалерію въ болото; князь Меншиковъ стоялъ съ полкомъ въ болотѣ по поясъ. «Евгеній билъ насъ,—говорилъ князь,—какъ утокъ, и намъ оставалось только креститься и падать въ воду; вдругъ слышимъ русскій барабанъ и видимъ батальонъ пѣхоты, идущій бѣгомъ къ намъ на выручку. Евгений былъ самъ такъ утомленъ, что свѣжій батальонъ стоялъ корпуса. Евгений отступилъ, и мы спасены. Спасителемъ нашимъ былъ армейскій полковникъ Монахтинъ».

Послѣ войны князь Меншиковъ былъ директоромъ канцеляріи начальника главнаго штаба (князя Волконскаго), но положеніе его было гораздо выше его званія. Онъ сопровождалъ государя во всѣхъ его поѣздкахъ на конгрессы и внутри Россіи, и пользовался полнымъ его довѣріемъ и уваженіемъ. Государь сказалъ одинъ разъ княгинѣ Гагариной: «Si votre frère continue d'agir comme il a agi jusqu'à ce moment, il sera bientôt le premier dans l'empire après moi» ²⁾. Это погубило его карьеру. Княгиня, въ радости, пересказывала эти интимныя слова государя всѣмъ и каждому, и всѣ соединили свои усилія, чтобы воспрепятствовать осуществленію видовъ государя. Въ 1821 г. или 1822 г. графъ Воронцовъ, графъ Потоцкій и князь Меншиковъ подали государю проектъ объ освобожденіи крестьянъ; государь принялъ это за происки карбонарства, приписалъ инициативу князю Меншикову, и не хотѣлъ болѣе его видѣть. Ему предложили мѣсто посланника въ Дрезденъ. 33-лѣтній князь былъ однако такъ избалованъ счастьемъ, что счелъ такое предложеніе оскорбительнымъ и подалъ въ отставку, которая ему и дана. Впослѣдствіи открылось, что по-

¹⁾ Видѣли вы недавно русскую армію, генералъ? Да, ваше величество. Что она, тверда?—Какъ скала, ваше величество. — Сколько штыковъ насчитываетъ она?—Три милліона, ваше величество!—Идите спать, дуракъ.

²⁾ Если нашъ братъ будетъ продолжать дѣйствовать такъ, какъ онъ дѣйствовалъ до сихъ поръ, то будетъ скоро въ имперіи первымъ послѣ меня.

дозрѣніе въ карбонарствѣ было только предлогомъ. Чего не умѣли сдѣлать пронски партіи Аракчеева и Дибича, соединившихся для уничтоженія Меншикова, то сдѣлала одна ловкая барыня. Она притворилась взволнованною и на настоятельныя просьбы государя сказать ему, какое у нея горе, отвѣчала, что взволнована извѣстіемъ о самой черной неблагодарности князя Меншикова, разглашающаго, будто государь носитъ накладныя икры. Такая версія совпадаетъ съ отзывомъ, слышаннымъ кн. Гагариною отъ государя. Онъ ей сказалъ, давъ отставку ея брату: «*Je porrais à votre frère une amitié de frère, mais c'est une langue de vipère*»¹⁾).

Получивъ отставку, князь, поселился въ подмосковскомъ своемъ имѣніи, но обжорливая Москва не могла накормить душу князя, алчущую дѣятельности. При свиданіи съ Ермоловымъ онъ спросилъ его, какія средства употребилъ онъ, будучи въ опалѣ, чтобы не сойти съ ума отъ праздности и скуки?—«Любезный князь!—отвѣчалъ Ермоловъ:—я нанялъ пьянаго попа, купилъ себѣ Тацита, сталъ учиться по-латыни и переводилъ Тацита». Князь нанялъ тоже пьянаго попа, и тоже сталъ учиться по-латыни, но одинъ визитъ сосѣда далъ его занятіямъ другое направленіе. Однимъ изъ его сосѣдей былъ Г'лотовъ, отставной морякъ, извѣстный своимъ сочиненіемъ: «Морская практика», которая, кажется, и до сихъ поръ служитъ учебникомъ въ морскомъ кадетскомъ корпусѣ. Когда маркизъ Траверсе просился въ отставку, и на его мѣсто государь полагалъ назначить Грейга морскимъ министромъ, то мѣсто главнаго командира Черноморскаго флота предложено было Меншикову (въ 1819 или 1820 г.), но Меншиковъ сказалъ тогда государю, шутя, что лучше желалъ бы быть митрополитомъ. Вспомня, что есть въ Россіи мѣсто, котораго онъ занять не въ силахъ, Меншиковъ прогналъ пьянаго попа, пригласилъ къ себѣ трезваго моряка и сталъ учиться морскому дѣлу. По неожиданной кончинѣ Александра I, князь написалъ къ новому государю письмо, прося о принятіи его въ службу. Онъ принятъ генералъ-адъютантомъ попрежнему, и вслѣдъ затѣмъ отправленъ въ Тегеранъ съ чрезвычайнымъ посольствомъ. Персидскій кабинетъ замышлялъ уже вѣроломство: сначала князь принятъ былъ хорошо, но потомъ его арестовали, и онъ, едва ли не болѣе года, лишенъ былъ свободы. Наконецъ разрѣшено ему выѣхать, и тутъ присланъ былъ къ нему какой-то сановникъ съ предостереженіемъ: совѣтовали князю ѣхать какимъ-то необычнымъ путемъ, потому что на главной дорогѣ ему грозитъ опасность отъ раздраженнаго народа. Между тѣмъ князь узналъ подъ рукою, что на тотъ необычный путь, на который ему указывали, подосланы были убійцы. Князь совершенно неожиданно направился на глав-

¹⁾ И питалъ братскую дружбу къ вашему брату, но онъ клеветникъ.

ную дорогу и проѣхалъ благополучно. Весной 1827 года воротился онъ въ Петербургъ и тутъ увидѣлъ я его въ первый разъ.

Кровавая катастрофа вывела меня изъ дома Гагарина. Князь Андрей Павловичъ былъ добрый, обязательный и мягкій человекъ, въ изъятіе отъ всѣхъ Гагариныхъ, но вѣтренъ и сибаритъ. Знаменитый своею смуглою красотою, присвоившею ему названіе Малекъ-Аделя (героя романа г-жи Cottin), избалованный женщинами, онъ достигъ того переходнаго возраста, когда страсти еще не замолкли, но свѣжесть юности миновала. Красавицы, ему благосклонныя, устарѣли вмѣстѣ съ нимъ, новое женское поколѣніе предпочитало новыхъ, далеко не столь изящныхъ кавалеровъ, какъ современники Александра I, и Гагаринъ, не находя уже ласковаго приѣма у дамъ воплощенныхъ, обратился къ благосклонности дамъ четырехъ мастей, но и онъ къ нему не благоволили: князь постоянно проигрывалъ. Часто жаловался онъ мнѣ на судьбу свою: «*Je ne sais quoi faire de ma vie! je ne puis plus courir les boudoirs; je n'ai pas l'habitude de la vie de famille, ni celle de la lecture, mon service est nul; pour remplir le vide, je joue et je ne sais que perdre!*» ¹⁾ У него было довольно хорошее имѣніе, въ Нижегородской губерніи 1700 душъ, да у жены 600 душъ; оброкъ положенъ былъ въ 25 р. ас., но крестьяне, зная кротость князя, платили очень дурно. Когда я съ нимъ познакомился, князь не получалъ цѣлые полгода ни копейки оброка, да недоимокъ за прежніе годы было до 35 т. рублей. Въ это время напалъ онъ на оскорбленіе. На выходѣ 25 декабря церемоніймейстеръ Потоцкій сталъ выше его, шталмейстера. Князь хотѣлъ занять свое мѣсто, но Потоцкій воспротивился этому, и споръ дошелъ до министра императорскаго двора. Волконскій не любилъ князя Гагарина; не знаю, какъ онъ доложилъ дѣло государю, но высочайшее разрѣшеніе изъясняло, что хотя званіе шталмейстера и имѣло бы шагъ передъ церемоніймейстеромъ, но какъ Потоцкій старше въ чинѣ тайнаго совѣтника, то и итти ему выше Гагарина. Въ то же время предупредили князя изъ ломбарда, что если къ половинѣ января не будетъ внесенъ платежъ по займу, то имѣніе будетъ назначено въ продажу. «*Mon Dieu! quel scandale! mon nom dans les gazettes!*» ²⁾ говорилъ мнѣ князь съ отчаяніемъ. Между тѣмъ съ каждою почтою посылались бургомистрамъ подтвержденія, чтобы немедленно выслали оброки. 2 января 1828 г. явилась депутація крестьянъ; принесла десятокъ яблоковъ и 200 р. ас. оброка. Князь потерялся; съ нимъ сдѣлалась бессон-

---

¹⁾ Я не знаю, что сдѣлать съ моею жизнью! я не могу болѣе ухаживать; у меня нѣтъ привычки ни къ семейной жизни, ни къ чтенію, моя служба ничтожна; чтобы заполнить пустоту, я играю и только проигрываю.

²⁾ Боже мой! какой скандалъ! мое имя въ газетахъ.

ница; чтобы заснуть, сталъ онъ принимать опиумъ, но еще болѣе волновалъ тѣмъ нервы, и 7-го января зарѣзался.

Князь Меншиковъ поручилъ мнѣ найти домъ, гдѣ онъ могъ бы помѣститься съ сестрой, но тутъ пріѣхалъ изъ Москвы князь П. П. Гагаринъ, братъ покойнаго; князю А. С. Меншикову поручена экспедиція противъ крѣпости Анапы, и онъ уѣхалъ на войну, оставя меня на своей квартирѣ, а княгиня Гагарина съ дѣтьми въ Москву.

Еще до смерти князя Гагарина государь поручилъ кн. Меншикову преобразовать адмиралтействъ-коллегію въ управленіе подобное тому, какимъ было военно-сухопутное. Князю данъ былъ изъ министерства одинъ старый чиновникъ Андреевъ, чистый типъ чиновниковъ того времени, да изъ военного министерства взялъ онъ полковника генеральнаго штаба Вилламова, который состоялъ при немъ, когда онъ служилъ въ главномъ штабѣ; я работалъ у него мимоходомъ. Послѣ того Абакумовъ, бывшій генералъ-провіантмейстеръ, рекомендовалъ ему Бахтина. Съ этими сотрудниками князь преобразовывалъ морское управленіе, въ которомъ оказались колоссальныя злоупотребленія. По доносу, что въ Кронштадтѣ разворовано все: и экипажескіе магазины, и госпитали, и пожарная команда, послали генерала Перовскаго на слѣдствіе; въ это время госпиталь представлялъ о заподазрѣннѣ бѣлья, между тѣмъ какъ въ немъ хранился пѣлый комплектъ. Его выводили на свѣтъ въ видѣ новой поставки, по уплатѣ подрядчику денегъ вновь запирали въ цейхгаузъ, и на слѣдующій годъ опять вводили въ роль новой поставки. Когда узнали, что ѣдетъ Перовскій, стали жечь это бѣлье, жгли, жгли нѣсколько дней съ утра до вечера, и все-таки Перовскій засталъ еще *corpus delicti*. Вниманіе, обращенное государемъ на это дѣло и на нѣкоторыя порубки казенныхъ лѣсовъ, внушило флигель-адъютанту А. П. Лазареву спекуляцію. Онъ нашелъ или купилъ казенный лѣсъ, нанялъ извозчиковъ везти его въ Петербургъ, и когда они выѣхали на ледъ, подѣхалъ къ нимъ съ людьми, остановилъ, осмотрѣлъ лѣсъ, нашелъ клейма и арестовалъ караванъ. Такъ онъ открылъ похищеніе; но эту продѣлку раскрыли, и Лазаревъ, пошедшій было въ гору, скомпрометированъ и заброшенъ. Въ коллегіи представленіе къ владимирскому ордену стоило 25 р. При этомъ было изобрѣтено обоюдное обезпеченіе очень остроумно. Проситель отдавалъ за представленіе половину 25-рублевой бумажки, а когда получалъ орденъ, тогда отдавалъ и другую половинку. И при всемъ томъ эти господа были необыкновенно дерзки. Когда князь Меншиковъ проходилъ черезъ залъ присутствія адмиралтействъ-коллегіи, предсѣдатель ея обратился къ князю:

— Мы слышали, что вашей свѣтлости поручено преобразование морского управленія. Мы увѣрены, что рука ваша не подымется

на любимую дочь Петра Великаго, благодѣтеля вашего прадѣда и всего его рода.

Князь на это отвѣчалъ, смѣясь:

— Это правда, что адмиралтействъ - коллегія была любимица Петра Великаго, но если бы онъ увидѣлъ, какъ его дочка на старости лѣтъ стала пошаливать, то ей было бы, вѣроятно, еще хуже.

Безъ моего вѣдома, Гагаринъ, котораго князь терпѣть не могъ, вздумалъ просить его помѣстить меня къ себѣ на службу, на что князь отвѣчалъ очень неблагосклонно. Къ счастью, княгиня пересказала это мнѣ. По отъѣздѣ уже княгини, князь Меншиковъ замѣтилъ мнѣ, зачѣмъ я служу по счетной части съ моимъ образованіемъ, и на мой отвѣтъ, что я служу тамъ, гдѣ мнѣ удалось помѣститься, онъ выразился, что если я не буду самъ просить другого мѣста, то никто и знать не можетъ, что я желаю другого. Этимъ случаемъ я воспользовался. Я замѣтилъ ему, что люди, раздающіе мѣста, такъ безцеремонно отзываются о людяхъ, ихъ ищущихъ и даже не ищущихъ, а о которыхъ другіе просятъ безъ ихъ вѣдома, что я, конечно, не стану предъ ними кланяться. Князь немного покраснѣлъ и спросилъ меня шутя:

— А, вы хотите, чтобы васъ просили?

— Я не хочу этого, ваша свѣтлость, но, пожалуй, буду этого ждать, прежде чѣмъ рѣшусь самъ просить.

Князь протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Такъ я васъ прошу, будемъ служить вмѣстѣ, когда мнѣ дадутъ управленіе.

Такъ обрисовались мы оба другъ предъ другомъ.

По отъѣздѣ князя, я забрался въ его книги, читалъ, работалъ, и, вмѣсто посѣщенія своего департамента, взялъ англійскаго учителя, почтеннаго m-r Heard, прочиталъ съ нимъ Гольдсмита, Робертсона, Мура и Байрона.

Князь переписывался со мною. Страшно раненый подъ Варной, онъ лежалъ въ Николаевѣ въ изнурительной лихорадкѣ, однакоже собирался въ Москву, «пока силы позволяютъ». Здѣсь ходили слухи, что онъ безнадеженъ, и самъ государь былъ очень имъ озабоченъ. Онъ приказалъ военному министру, графу Чернышеву, узнать, кто былъ медикомъ князя, и послать его къ нему, стараясь, чтобы докторъ не разѣхался съ больнымъ. Интриганъ Калининъ, бывшій врачомъ при персидской нашей миссіи, успѣлъ увѣрить Чернышева, что онъ пользуется полнымъ довѣріемъ князя; рѣшено было послать его. Калининъ провѣдалъ какъ-то, что князь со мной однимъ въ перепискѣ, пріѣхалъ ко мнѣ и просилъ моихъ указаній. Я прочиталъ ему письмо князя. На другой день пріѣхалъ ко мнѣ адъютантъ Чернышева съ просьбою дать ему письмо князя для доклада государю, въ чемъ я, конечно, не могъ отказать ему, но дѣло кончилось нехорошо. Князь былъ

очень недоволенъ присылкою Калининскаго и прогналъ его, а ко мнѣ пересталъ писать. Испытывая на себѣ издавна ложь и сплетни, сброшенный съ высоты своей карьеры ложью и интригами, князь, по природѣ уже недовѣрчивый, сдѣлался до чрезмѣрности подозрителенъ; ничего не рассказывалъ, «чтобы не переверали», избѣгалъ людей, «чтобы не могли сказать, что онъ имъ говорилъ то или другое». Но это уединеніе было ему въ тягость. Во мнѣ думалъ онъ найти надежнаго повѣреннаго; молодъ, слѣдовательно не лицемеръ; самолюбивъ безъ расчета, слѣдовательно честенъ, да и не принадлежитъ къ большому свѣту, слѣдовательно, хотя бы проговорился, слово его не будетъ слышно. Такъ объяснялъ я себѣ сближеніе мое съ княземъ. Вдругъ письмо, адресованное къ этому скромному неприворному молодому человѣку, доходитъ до государя! Какой урокъ! Какая опасность! Между тѣмъ Перовскій, тоже раненый, пріѣхалъ въ Петербургъ уже генераль-адъютантомъ и назначенъ былъ директоротъ канцеляріи начальника главнаго морского штаба (князя Меншикова). По порученію князя онъ предложилъ мнѣ мѣсто въ канцеляріи, и я перешелъ туда секретаремъ; другихъ покуда не было. Потомъ пріѣхалъ Бахтинъ, которому дали мѣсто начальника отдѣленія; другого отдѣленія начальникомъ сдѣлали статскаго совѣтника Жандра, рекомендованнаго Бахтинымъ,—но канцелярія не собиралась.

Въ турецкую кампанію Меншиковъ нажилъ себѣ двухъ опасныхъ враговъ,—по моему убѣжденію, совершенно невинно. Передъ отъѣздомъ къ Анапѣ онъ былъ назначенъ начальникомъ главнаго морского штаба и, кажется, произведенъ въ вице-адмиралы, а можетъ быть только еще переименованъ въ контръ-адмиралы,—не помню; знаю только, что Грейгъ былъ чиномъ выше. Въ Николаевѣ вышелъ споръ: Грейгъ хотѣлъ дѣйствовать флотомъ самостоятельно или быть въ распоряженіи главнокомандующаго войсками, Меншиковъ же требовалъ, чтобы флотъ состоялъ въ его распоряженіи для дѣйствій противъ восточныхъ черноморскихъ турецкихъ крѣпостей. Послѣдній опирался на то, что онъ начальникъ главнаго штаба, а Грейгъ утверждалъ, что флагманъ старшій чиномъ не можетъ подчиняться начальнику штаба, администратору, младшему. Тогда князь объявилъ ему официально высочайшее повелѣніе, и гордый Грейгъ не могъ не уступить, но не могъ и простить ему своего униженія, тѣмъ болѣе, что его разжигали окружающіе его интриганы, въ особенности Мелиховъ, выведенный изъ штурмановъ, человѣкъ низкій, служившій и нашимъ и вашимъ. Взявъ со славою Анапу, между тѣмъ какъ дѣйствія наши въ Европейской Турціи были очень неблестящи, Меншиковъ переплылъ море и получилъ въ командованіе корпусъ, назначенный для взятія крѣпости Варны. Меншиковъ дѣйствовалъ съ необыкновенною энергіею и быстротою, но когда все было

готово къ штурмованію,—послѣднее ядро, пущенное съ крѣпостной стѣны вечеромъ, пролетѣло между ногъ князя Меншикова въ ту минуту, когда онъ, сходя съ лошади, уперъ одну ногу въ землю, а другую вынималъ изъ стремени. Ядро вырвало ему все мясо съ обѣихъ ляшекъ, но не повредило ни кости, ни главныхъ мускуловъ. Покуда это дошло до свѣдѣнія главной квартиры, гдѣ былъ и государь, командованіе принялъ Перовскій, на другой день раненый пулею въ грудь навылеть. На мѣсто Меншикова назначенъ былъ графъ Воронцовъ, который и довершилъ взятіе Варны. Государь же написалъ Меншикову рескриптъ, въ которомъ говорилъ, что хотя тяжкая рана и остановила его на доблестномъ пути, но покореніе Варны есть плодъ его приготовленій и его мысли, и потому жалуется ему пушка со стѣнъ Варны, для украшенія родового имѣнія его, какъ памятникъ, возвѣщающій потомству о подвигахъ его, Меншикова. Это была кровная обида для Воронцова. Разумѣется, не князь сочинялъ рескриптъ, но человѣкъ такъ созданъ, что на орудіе боли сердится больше, чѣмъ на дѣйствіе, ее причинившее, и чѣмъ выше поставлены люди, тѣмъ нелогичнѣе они въ этомъ отношеніи.

Не знаю, въ какомъ отношеніи былъ Меншиковъ къ Воронцову до этой эпохи, но мнѣ извѣстно положительно, что князь горячо защищалъ Грейга у государя, когда онъ хотѣлъ даже удалить его, получивъ свѣдѣнія, что онъ связался съ простою, алчною женщиной. Я самъ читалъ записку князя, писанную еще до отъѣзда къ Анапѣ, въ которой онъ ручался государю, что благородный Грейгъ не измѣнитъ своихъ дѣйствій вслѣдствіе несчастной связи съ жидовкою. Государь просилъ князя постараться разлучить его съ этой женщиной, и князь, изъявляя сомнѣніе, что успѣетъ въ этомъ, повторялъ, что это несчастное для частной жизни Грейга обстоятельство не можетъ ни въ какомъ случаѣ имѣть вліяніе на дѣла службы, для которыхъ считалъ Грейга незамѣнимымъ.

IV.

Еще о графѣ Канкринѣ.—Его замѣчательная личность.—Разсказы о немъ.—Сперанскій.—Маркизь Пауллучи.—Анекдоты о Голубцовѣ, Тимирязевѣ и мичманѣ Уггла.—Новосильцовъ.—Гурьевъ.—И. Г. Бибиновъ.—Дружининъ и его карьера.—Императоръ Павелъ.—Разсказы о немъ Дружинина.—Дубенскій.—Таможенный дѣла.—Дѣятельность Гурьева и Бибикова.—Уваровъ.—Князь Урусовъ.

Личность Канкринъ тѣмъ болѣе занимала меня, чѣмъ ближе узнавалъ я тогдашнихъ тузовъ и ваетовъ, казавшихся мнѣ покуда тузами. Во всей его личности изображался человѣкъ, выходящій изъ ряда обыкновенныхъ, по уму, по сердцу и по образу жизни. Боровшись почти всю жизнь съ бѣдностью, онъ не только не выходилъ изъ прежней простоты своей жизни, сдѣлавшись мини-

стромъ, но не забывалъ и того, что на свѣтѣ есть люди темные и бѣдные, заслуживающіе уваженія. Гуманность и простота проглядывали черезъ каждое его движеніе. «Повѣсьте часы на стѣну въ пріемной,—говорилъ онъ директору канцеляріи:—тутъ многимъ придется ждать, а ждать такъ тяжело, что четверть часа кажется цѣлымъ часомъ. Когда будутъ часы, то люди, которыхъ я долженъ буду заставить ждать полчаса, не скажутъ по крайней мѣрѣ, что они ждали меня два часа». Выслушивая просителей, онъ иногда дѣлался нетерпѣливымъ и начиналъ кричать, но какъ только замѣчалъ въ просителѣ смущеніе или робость,—тотчасъ стихалъ и старался всѣми силами помочь. Помню одинъ случай. Вдова д. ст. совѣтника Миллера просила о продолженіи срока аренды, пожалованной покойному ея мужу, и министра финансовъ, и вице-канцлера; первый отзывался, что она должна обратиться туда, гдѣ служилъ ея мужъ, а второй совѣтовалъ ей просить министра финансовъ. Н. И. Гречъ, бывшій нѣсколько знакомымъ съ Канкринымъ, вызвался просить его снова. Канкринъ, увидя его въ пріемной, думалъ, что дѣло шло о журнальной статьѣ, и подошелъ къ Гречу очень ласково, но какъ только онъ заикнулся объ арендѣ, Егоръ Францовичъ вспылилъ и началъ кричать. Гречъ, выслушавъ первые порывы, прервалъ Канкрина. «Браните меня, даже бейте,—я не уйду, пока вы не выслушаете меня, потому что я ходатайствую за почтенное семейство, которому ѣсть нечего». Тотчасъ Ег. Фр. стихнулъ, выслушалъ Греча съ участіемъ и выпросилъ аренду. Жена его, урожденная Муравьева, говорятъ, была очень хороша собой смолodu; я зналъ ее уже тогда, когда она была уродливой толщины и на бѣду сентиментальна, съ умомъ ограниченнымъ. Канкринъ былъ однако съ нею необыкновенно добръ, уважая въ ней заботливую хозяйку и мать. За обѣдомъ ѣлъ онъ два блюда; прислуги было немного; и съ нею онъ былъ снисходителенъ. За сутки до доклада ѣзжалъ онъ, при жизни императора Александра I, въ Грузино къ Аракчееву; одинъ разъ, на моемъ дежурствѣ, отправляясь въ Грузино, съ трубкою во рту, поскользнулся онъ на лѣстницѣ, которую дураки люди вымыли и не обтерли; вода подмерзла, и на этой гололедицѣ скользнули гвозди, которыми сапоги министра были подбиты. Онъ покатился съ лѣстницы, зашибъ себѣ ногу и локоть и изломалъ трубку, простую, изъ карельской березы, выложенную внутри желѣзомъ. Воротясь назадъ и хромя, онъ сказалъ мнѣ: «Жаль трубки; всѣ походы со мной дѣлала». Людямъ же не сдѣлалъ ни малѣйшаго замѣчанія. Канкринъ былъ едва ли не первый министр изъ лицъ, не принадлежащихъ къ высшимъ кругамъ русскаго общества. Зависть чиновническая, оскорбленіе барской спеси и злоба большой родни Гурьева, котораго онъ замѣнилъ,—все это соединило свой ядъ, чтобы вредить Канкрину или по крайней мѣрѣ раздражать

его, а онъ шелъ между ними спокойно и твердо, какъ *terre-neuve* ¹⁾ между шавками. Строгановъ, Ал. Григ., вздумалъ сконфузить его, сказавъ ему въ государственномъ совѣтѣ, что онъ долженъ знать такіа-то дѣла, потому что былъ, кажется, бухгалтеромъ у Перетца. «Да, я былъ и бухгалтеромъ, и секретаремъ бывалъ, и много перебывалъ, но дуракомъ никогда не бывалъ». Служа у Канкринна, я видѣлъ въ первый разъ Воронцова, Сперанскаго, Новосильцова, маркиза Паулуччи. Воронцовъ—вельможа всѣми приѣмами—производилъ очень выгодное впечатлѣніе; въ послѣдствіи сарказмы Пушкина туманили его репутацію, но я продолжалъ вѣрить въ его аристократическую натуру и не вѣрить Пушкину, тѣмъ болѣе, что князь Меншиковъ отзывался о нравственныхъ качествахъ Пушкина очень недоброжелательно, и, какъ кажется, считалъ его шпиономъ *provocateur* ²⁾). Но когда Воронцовъ поѣхалъ къ Позену на дачу поздравить его съ днемъ рожденія, я поневолѣ долженъ былъ раздѣлить мнѣніе о Воронцовѣ, господствовавшее въ общественной молвѣ. Подъ конецъ воронцовскія мелкія интриги, нахальное лицепріятіе и даже ложь—уронили его совершенно въ моемъ мнѣніи, и я остаюсь при томъ, что онъ былъ дрянной человѣкъ.

Сперанскій, довольно высокаго роста, съ маленькой головой, худощавый, нагнутый впередъ, лысый, съ сѣдинами, блѣдный или вѣрнѣе бѣлый, *blafard* ³⁾), съ розовыми кружками на щекахъ, какъ у чахоточныхъ, рѣдко-рябоватый, съ тонкими чертами лица и хитрыми глазами—чистый типъ поповича въ совершеннѣйшемъ видѣ или начальника іезуитовъ. Я на него смотрѣлъ съ любопытствомъ, потому что о немъ говорила вся Россія. Демократъ по рожденію, однако не такой неистовый, какъ Милютины. Кн. Меншиковъ показывалъ мнѣ копію съ письма Сперанскаго къ императору Александру Павловичу, спрашивавшему его мнѣніе объ освобожденіи крестьянъ. Въ этомъ письмѣ онъ высказывалъ, что какъ ни желательно освобожденіе, надобно подумать о замѣнѣ помѣщицкой власти другою полицейскою властью, и что въ настоящее время наша земская полиція не на томъ уровнѣ, чтобы можно было поручить ей руководство двадцатью милліонами людей. Впрочемъ, когда его возвели въ графское достоинство, онъ написалъ на каретѣ своей 7 разъ свой новый гербъ, по одному на каждой стѣнкѣ сбоку и одинъ сзади. Чуть ли не было ихъ и на суконныхъ полахъ кóзелъ, по тогдашней модѣ; но помню ясно изображенія мантіи, въ большомъ и маломъ видѣ, въ родѣ предметовъ, отражающихся въ граненномъ стеклѣ. О немъ писать

¹⁾ Нью-фаундленская собака.

²⁾ Зачинщикъ.

³⁾ Тусклый.

нечего; есть даже печатныя его біографіи. И современники и печать признали въ немъ очень тонкаго человѣка, но, какъ говорится, «на всякую старуху бываетъ проруха»,—и Сперанскій опростоволосился, если вѣрить рассказамъ Лубяновскаго. Я имъ вѣрю,—Лубяновскій очень умный и серьезный человѣкъ, и рассказывалъ черезъ 25 лѣтъ по смерти Сперанскаго, его друга, слѣдовательно не имѣлъ надобности говорить по расчету. Сперанскій съ нимъ часто совѣтовался. Передъ возвращеніемъ его изъ Сибири государь Александръ Павловичъ написалъ ему длинное письмо, въ которомъ говорилъ ему много любезностей, и *entre les lignes* ¹⁾ извинялся, что удалилъ его. Сперанскій видѣлъ въ этомъ письмѣ раскаяніе, которому недоставало только нѣкоторыхъ поясненій, чтобы быть полнымъ. Проѣзжая, кажется, черезъ Пензу, гдѣ Лубяновскій былъ губернаторомъ, Сперанскій показалъ ему государево письмо и сообщилъ, что государь, очевидно, вызываетъ его на объясненія. «Нѣтъ,—отвѣчалъ Лубяновскій,—если бъ государь желалъ объясненій, онъ бы не писалъ того, что написано, а ограничился бы словомъ «пріѣзжай!» Если же онъ рѣшился вѣриться бумагѣ,—онъ принесъ это въ жертву, сдѣлалъ *amende honorable* ²⁾, для того, чтобы уже не возвращаться къ этому предмету». Можетъ быть, Сперанскій и послушался въ ту минуту друга, но когда пріѣхалъ во дворецъ, и государь обнялъ его съ чувствомъ, Сперанскій сталъ объясняться о прошедшемъ. Государь прервалъ его на третьемъ словѣ, заговорилъ о другомъ, скоро отпустилъ его, и болѣе никогда не принималъ.

Странно, что люди, пробывшіе всю жизнь при дворѣ, такъ грубо ошибаются. Когда государь, послѣ вторичнаго принятія въ службу И. Г. Бибикова, хлопотавшаго уже о новомъ назначеніи, осыпалъ его любезностями на балѣ, Бибиковъ и жена его стали съ часу на часъ ожидать указа. Бибиковъ полагалъ, что его сдѣлаютъ начальникомъ штаба намѣстника царства Польскаго. Варвара Петровна утверждала, что мужъ будетъ новороссійскимъ генералъ-губернаторомъ. Я сказалъ ей на это: «Если бы государь хотѣлъ дать большое мѣсто Ильѣ Гавриловичу, незачѣмъ было бы награждать его ласками; эти ласки, очевидно, имѣли цѣлью компенсацію; онъ—эквивалентъ, и я готовъ держать пари, что И. Г. не получить мѣста». Время показало, что я былъ правъ. Да не только Бибиковъ—и кн. Меншиковъ дѣлалъ осячки.

Маркизь Паулуччи. Дѣйствія его по званію генералъ-губернатора прибалтійскихъ губерній извѣстны; тамъ сохранилась до сихъ поръ память объ его полезномъ управленіи. Заботливый

¹⁾ Между строкъ.

²⁾ Повиниться.

отецъ, но bougru ¹⁾). Это его характеристика. Средняго роста, въ глазахъ какой-то недостатокъ, котораго я не могъ разглядѣть; косою ли, подслѣповатый или кривой,—не знаю. Эполеты всегда грязныя. Пріѣзжалъ онъ, вѣроятно, за деньгами для своихъ губерній. Кажется, тутъ попадала коса на камень; бесѣды его съ Канкринымъ оканчивались нерѣдко громкимъ обоюднымъ крикомъ. Мнѣ рассказывали случай столкновѣнія его съ великимъ княземъ Константиномъ Павловичемъ. Великій князь проѣзжалъ черезъ Ригу. Маркизь Паулуччи, желая оказать ему уваженіе, выѣхалъ къ нему навстрѣчу въ мундирѣ, но не въ полной формѣ, т. е. не въ ботфортахъ и безъ шарфа, и подаль ему рапортъ. Великій князь, протягивая руку для принятія рапорта, спросилъ, отчего онъ не въ шарфѣ. Маркизь тотчасъ отодвинулъ рапортъ отъ руки великаго князя, сказавъ: «pardon, Monseigneur!» ²⁾ и, всунувъ рапортъ въ шляпу, протянулъ къ нему руку съ привѣтствіемъ: «Et puis comment vous portez vous?» ³⁾. Воображаю сцену, какую онъ долженъ былъ сдѣлать по случаю приѣма лорда Росселя, какъ Гречъ мнѣ пересказывалъ. Лордъ Россель прибылъ на корабль въ Ригу; онъ былъ тогда въ министерствѣ Secretary of Government, что-то вродѣ нашего государственнаго секретаря. Когда онъ вошелъ въ таможенную для досмотра и явки паспорта, таможенные чиновники, принявъ путешественника за губернскаго секретаря по буквальному переводу, не поторопились выйти, доигрывая, можетъ быть, партію въ преферансъ. Россель началъ шумѣть, а чиновники, считая незаконнымъ что губернскій секретарь осмѣлился порицать ихъ, можетъ быть, титулярныхъ совѣтниковъ, велѣли его арестовать. Между тѣмъ маркизь Паулуччи узналъ, что прибыло судно, привезшее лорда Росселя, поѣхалъ навстрѣчу и нашелъ высокаго путешественника чуть не въ арестантской. Сенковскій заимствовалъ изъ этого приключенія эпизодъ для своего фантастическаго путешествія барона Брамбеуса, гдѣ недоразумѣніе подобнаго рода привело къ противоположнымъ послѣдствіямъ. Русскій губернский секретарь пріѣхалъ въ Константинополь; тамъ перевели чинъ его на турецкій языкъ по этимологическому смыслу словъ, и вышло, что это былъ соучастникъ тайнъ всеобщаго благополучія и, какъ столь великій мужъ, удостоенъ былъ торжественнаго приѣма. Случай, рассказанный о лордѣ Росселѣ, не представляетъ ничего невѣроятнаго. Наши чиновники и до сихъ поръ трактуютъ публику съ необыкновенною грубостью,—съ тою только разницею, что теперь діагнозы лучше: тогда было больше наивности и потому qui pro quo ⁴⁾ случались чаще. У всѣхъ еще было въ памяти при-

¹⁾ Грубый.

²⁾ Виновать, ваше высочество.

³⁾ А какъ вы поживаете?

⁴⁾ Недоразумѣнія.

ключеніе, случившееся съ министромъ финансовъ Голубцовымъ. Онъ шелъ по Фонтанкѣ; государь, встрѣтивъ его, остановился, чтобы сказать ему нѣсколько привѣтливыхъ словъ. Едва государь отошелъ отъ него шаговъ на сто, выскакиваетъ изъ-за угла квартальный надзиратель и грубо спрашиваетъ Голубцова, какъ онъ смѣлъ остановить государя. Голубцовъ отвѣчалъ, что онъ не останавливалъ государя, однако блюститель порядка велѣлъ итти ему въ полицію для допроса. «Кто ты такой?» былъ первый вопросъ. Отвѣтъ: «Министръ финансовъ!» Затѣмъ траги-комическая сцена, которую можно себѣ представить. И въ мое время было два случая съ моими знакомыми. Одинъ разъ начальникъ таможенного округа Тимирязевъ ѣхалъ на плохомъ деревенскомъ извозчикѣ въ клубъ; на Синемъ мосту подвернулся какой-то зѣвака подъ оглоблю бѣднаго ваньки и былъ сшибленъ. Городовой повелъ ваньку въ полицію, а какъ Тимирязевъ сталъ за него заступаться, то потащили и его. На квартирѣ квартального объявили ему, что ихъ благородіе опочиваетъ; черезъ нѣсколько минутъ выходигъ ихъ благородіе въ довольно неблагородномъ халатѣ и начинаетъ ругать извозчика; когда Тимирязевъ вздумалъ и здѣсь защищать его, квартальный закричалъ: «Молчать! я до тебя доберусь!» Тимирязевъ сдѣлалъ почтительный поклонъ и замолчалъ. Отправя извозчика въ арестантскую, квартальный обратился къ Тимирязеву. «Ты что за птица въ красномъ жилетѣ?»—«Ваше благородіе! жилетъ точно красный, только я не птица».—«Кто ты такой?»—«Д. ст. сов. Тимирязевъ, начальникъ слб. таможенного округа».—Опять легко воображаемая развязка. Другой случай былъ съ мичманомъ Уггла, котораго государь видѣлъ на люгерѣ князя Меншикова и любилъ за его оригинальность. Уггла встрѣтился съ государемъ на Англійской набережной и удостоился нѣсколькихъ высочайшихъ словъ. Только что государь отошелъ, выскочилъ изъ-за угла дома Риттера полицейскій офицеръ и спросилъ Уггла, что онъ говорилъ государю. «А вамъ на что?» спросилъ его Уггла гнусливымъ голосомъ.—«Намъ приказано допрашивать объ этомъ и доносить начальству».—«Государь сказалъ мнѣ: посмотри, Уггла, какая скверная рожа выглядываетъ изъ-за угла этого дома.»—Не знаю, донесъ ли квартальный объ этомъ своему начальству.

Новосильцова я уже видѣлъ усталымъ, blasé¹⁾, волокитою, ничѣмъ не занимавшимся болѣе, какъ обѣдами и волокитствомъ: красное лицо, стеклянные глаза, вообще наружность, не обличающая государственнаго мужа, стоявшаго, во время оно, во главѣ антинаполеоновской, конституціонной партіи. Онъ былъ министромъ внутреннихъ дѣлъ еще до моего вступленія въ службу, и тогда

¹⁾ Человѣкъ пресыщенный.

уже былъ, кажется, совершенно равнодушнымъ къ дѣлу, даже болѣе,—не скрывалъ своего равнодушія. Сенаторъ Корниловъ пересказывалъ мнѣ слышанное имъ отъ одного изъ бывшихъ при Новосильцовѣ директоровъ департамента. Директоръ поднесъ ему бумагу, въ которой изложилъ губернатору систему дѣйствій по какому-то предмету. Новосильцовъ, выслушавъ бумагу, напелъ, что директоръ предположилъ систему ошибочную, объяснялъ ему вредъ, могущій произойти изъ этого образа дѣйствій, указалъ, что именно слѣдовало бы предписать губернатору, и привелъ доводы, по которымъ такое предписаніе было бы гораздо полезнѣе. «Я передѣлаю по указаніямъ вашего высокопревосходительства», доложилъ директоръ.—«Да теперь уже поздно,—отозвался министр:—бумага уже написана; опять снова начинать дѣло,—нѣтъ! все равно, дайте!» — и подписалъ. Впрочемъ, это, кажется, общая характеристика нашихъ государственныхъ людей. Графъ Гурьевъ, будучи кіевскимъ, черниговскимъ, полтавскимъ и подольскимъ генералъ-губернаторомъ, просиживалъ цѣлое утро въ оранжереѣ, разсматривалъ болѣзненныя растенія, надрѣзывалъ, опредѣлялъ у котораго febris, у котораго gangrena, и когда ему докладывалъ адъютантъ (Бларамбергъ), что директоръ канцеляріи ожидаетъ съ бумагами, Гурьевъ бросалъ съ досадой ножикъ и горестно восклицалъ: «Никогда не дадутъ мнѣ заняться!» А оригинальнѣе всѣхъ И. Г. Бибииковъ, виленскій, минскій и ковенскій генералъ-губернаторъ. Онъ считалъ нужнымъ пріѣзжать разъ въ годъ въ Варшаву, *soi-disant*, для совѣщаній съ намѣстникомъ (фельдмаршаломъ княземъ Паскевичемъ). Одинъ разъ, когда при немъ доложили фельдмаршалу о пріѣздѣ директора канцеляріи съ докладомъ, Бибииковъ замѣтилъ, что и съ нимъ это бываетъ, что и къ нему приходитъ директоръ канцеляріи съ кипой бумагъ и читаетъ ему ихъ, прибавя: «*et cet imbécile s' imagine que je l'écoute*»¹⁾.

Другая группа лицъ, проходившихъ черезъ пріемную Е. Ф. Канкринъ, состояла изъ его подчиненныхъ: Дружинина (директора канцеляріи), Кайсарова (начальника отдѣленія канцеляріи), Вронченко (управляющаго кредитнымъ отдѣленіемъ), Дубенскаго (директора департамента государственныхъ имуществъ, управлявшаго и департаментомъ податей и сборовъ), Мечникова (директора горнаго департамента), Обрескова (внѣшней торговли), Карнѣева (внутренней торговли), Розенберга (департаментъ казначейства), графа Ламберта (директора комиссіи погашенія долговъ), Уварова (директора заемнаго банка). Княжевичи служили всѣ въ департаментѣ государственнаго казначейства, изъ нихъ двое старшіе были начальниками отдѣленій. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ по моемъ вступленіи въ службу, Бибииковъ замѣстилъ Обрескова, а Уваровъ—

¹⁾ И этотъ дуракъ воображаетъ, что я его слушаю.

Карнѣва, а по смерти Розенберга Княжевичъ управлялъ департаментомъ казначейства. Изъ всѣхъ поименованныхъ Дружининъ былъ самый замѣчательный, ума свѣтлаго и быстро, физическихъ силъ неутомимыхъ, но передъ страстями не имѣвшій никакой воли. Вся его жизнь замѣчательна, почти съ колыбели. Онъ былъ сынъ небогатыхъ родителей и питомецъ пьяной кормилицы. Разъ родители его, уѣхавъ въ гости на весь вечеръ и возвратясь домой послѣ полуночи, замѣтили съ ужасомъ, что кормилица дома, а ребенка нѣтъ. Съ трудомъ добудившись кормилицу и удостовѣрившись, что она мертвецки пьяна, родители всю ночь искали ребенка по околотку и наконецъ дознались до того, что кормилицу видѣли въ указанной улицѣ пьяною, но безъ ребенка. Нашли и кабакъ, въ которомъ она пьянствовала, но содержатель объявилъ, что ребенка при ней не видали и что онъ быть не могъ въ кабакъ; кабакъ былъ полонъ народу; шла неистовая пляска и ребенка задавили бы, если бы онъ тутъ былъ; стали однако дѣлать поиски со свѣчою и открыли въ углу подъ лавкою запеленатаго младенца, преспокойно спящаго. Изъ этого-то ребенка выросъ человѣкъ, умершій 78 лѣтъ отъ роду. Бываютъ такіе субъекты, которыхъ ни вода, ни огонь не беретъ. Я зналъ генерала Фридберга, коменданта крѣпости въ Финляндіи, кажется, Свеаборгской. Этотъ Фридбергъ найденъ былъ младенцемъ на полѣ сраженія и подаренъ Нарышкину. Нарышкинъ воспиталъ его, опредѣлилъ въ службу; почему его назвали Фридбергомъ—не знаю. Въ турецкую войну 1807 г. онъ былъ во флотѣ и вмѣстѣ съ кораблемъ, на которомъ сидѣлъ, взлетѣлъ на воздухъ, упалъ съ кульминаціонной высоты въ море и отсюда спасенъ. Когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ уже старикомъ, вообще приличной наружности, но лицо темное, усыянное черными пятнами, въ видѣ черной сыпи—слѣдами ожога. Дружининъ кончилъ курсъ ученія въ Петершуте, опредѣлился очень молодымъ человѣкомъ въ должность комнатнаго писаря императрицы Екатерины, о которой воспоминанія восхищали его до самой кончины. Онъ говорилъ объ Екатеринѣ не только съ восторгомъ, но со слезами. Служба его состояла въ томъ, что поутру онъ долженъ былъ находиться въ указанной аванзалѣ въ ожиданіи приказаній. Съ обѣда былъ свободенъ, но получалъ иногда работу отъ императрицы, лично или черезъ г-жу Перекусихину (онъ жилъ во дворцѣ). Въ числѣ фактовъ, выражавшихъ гуманность императрицы, рассказывалъ онъ, что она дала ему вечеромъ какую-то рукопись, съ приказаніемъ переписать ее черезъ день. Онъ принялся уже за работу, но императрица, ложась почивать, вспомнила, что на другой день былъ праздникъ; она надѣла халатъ, пришла къ Перекусихинѣ, чтобы выразить ей, что она забыла о завтрашнемъ праздникѣ и дала Дружинину работу, что она не желаетъ заставить его работать въ

праздникъ и отсрочиваетъ работу на день. Перекусихина дала въ тотъ же вечеръ знать объ этомъ Дружинину. Молодой писарь влюбился въ хорошенькую и скромную камеръ-юнгферу (впослѣдствіи жена его) и строилъ уже воздушные замки, какъ скоропостижная кончина императрицы опрокинула эти сооруженія фантазіи и покрыла будущность его непріязненнымъ мракомъ; однако Дружининъ не уступилъ поля сраженія (не такъ, какъ мой отецъ, удалившійся изъ капитана артиллеріи и адъютанта генералъ-фельдцейхмейстера въ провинцію титулярнымъ совѣтникомъ). Какъ только императоръ переѣхалъ во дворецъ, Дружининъ, 22-хъ лѣтъ (какъ и отецъ мой), явился въ аванзалу и сталъ на свое мѣсто, среди блѣдныхъ, растерявшихся вельможъ. Кутайсовъ, преобразовавшійся изъ камердинера въ камергера, приказалъ ему выйти, объяснивъ, что за смертію императрицы онъ уже не на службѣ. Дружининъ отозвался, что онъ поставленъ сюда высочайшимъ повелѣніемъ и выйдетъ отсюда только по высочайшему повелѣнію, и не вышелъ. Вслѣдъ затѣмъ вошелъ угрюмый императоръ, обвелъ глазами присутствующихъ и, остановивъ взоръ на Дружининѣ, спросилъ гортаннымъ, сиплымъ тономъ: «Это кто?»—Кутайсовъ поспѣшилъ доложить, чѣмъ былъ Дружининъ и какое онъ ему далъ приказаніе, котораго онъ не послушалъ. Павелъ осмотрѣлъ его грозно, но прежде, чѣмъ онъ успѣлъ выговорить роковое слово, Дружининъ простодушно и смѣло представилъ государю, что высочайшая власть не умираетъ, что этою властью онъ поставленъ; ей одной онъ и ввѣряетъ свою участь. «Мой секретарь!» произнесъ императоръ. Дружининъ поклонился. «Правитель моей канцеляріи», прибавилъ Павелъ, и Дружининъ остался при немъ. Служба была нелегкая. Съ 8 часовъ утра до 9 часовъ вечера Дружининъ и Кутайсовъ должны были оставаться близъ кабинета его величества, но Дружининъ могъ двигаться по царской половинѣ, а Кутайсовъ сидѣлъ весь день на стулѣ у дверей и держался за дверную ручку, такъ чтобы по зову:—Кто тамъ!—въ ту же секунду войти въ кабинетъ и стать у дверей. Несмотря на такую службу, Дружининъ не забывалъ своего сердца. Каждый вечеръ изъ Гатчины онъ скакалъ въ Царское Село, гдѣ жила его невѣста, просиживалъ съ нею до 4-хъ часовъ утра и въ 4 часа возвращался верхомъ въ Гатчину, чтобы въ 8 часовъ быть предъ императоромъ.

Умѣя давать себѣ видъ отроческаго простодушія, Дружининъ приобрѣлъ право говорить съ государемъ такъ смѣло, какъ никто не дерзнулъ бы говорить съ нимъ. Государь, недовѣрчивый, озлобленный, былъ, кажется, доволенъ, что около него былъ человѣкъ первобытнаго чистосердечія, доходившаго до младенческой наивности. Одинъ случай сблизилъ его еще болѣе съ императоромъ. Прусскій король велѣлъ составить для себя рядъ маршрутовъ,

чтобы въ каждую отдѣльную поѣздку, длящуюся не болѣе двухъ недѣль, осмотрѣть какой-нибудь корпусъ войскъ. Императоръ Павелъ приказалъ Дружинину, черезъ Кутайсова, составить и для него такіе же маршруты. «Въ Россіи это невозможно», замѣтилъ Дружининъ.—«Я вамъ объявляю высочайшее повелѣніе!» отвѣчалъ Кутайсовъ. Дружининъ набросалъ нѣсколько маршрутовъ къ ближайшимъ городамъ, для посѣщенія училищъ или осмотра селеній. Съ этою работою онъ явился къ императору и со смѣхомъ сказалъ ему, что Кутайсовъ приказалъ ему составить планъ поѣздокъ по прусскому образцу: но забылъ, что Пруссія—пигмей, а Россія—колоссъ, что Пруссію можно и скорѣе двухъ недѣль объѣхать, а Россію и въ годъ не объѣдешь. «Кутайсовъ дуракъ!» проворчалъ Павелъ. Ободренный этимъ аттестатомъ, Дружининъ продолжалъ: «Однако, государь, надо исполнить волю вашу, дѣлать небольшія поѣздки для осмотра вашей имперіи. Я думалъ при этомъ, зачѣмъ смотрѣть войска безпрестанно; государь будетъ только гнѣваться, а въ случаѣ войны все-таки многое будетъ не такъ, какъ теперь. Иныя войска, теперь плохія, могутъ къ тому времени исправиться, другія, теперь отличныя, могутъ испортиться. Пусть государь предоставитъ эту школу генераламъ, а самъ покажетъ себя юношеству, своимъ подданнымъ, будущимъ слугамъ; пусть его образъ запечатлѣтся и въ ихъ памяти, какъ образъ царя и покровителя! Въ этомъ смыслѣ я написалъ программу». Въ этотъ же день Павелъ приказалъ Кутайсову поднести указъ о пожалованіи Дружинину Владимира 4 степени. Когда проектъ указа былъ поданъ, государь возвратилъ его, сказавъ: «Анну на шею»,—а когда второй проектъ поднесли ему, онъ подписалъ его, приписавъ своеручно: «съ брильянтами». Императоръ Павелъ, живя въ Гатчинѣ, много читалъ, причемъ имѣлъ привычку все оставлять на столѣ, такъ что столъ былъ иногда заваленъ раскрытыми книгами и бумагами, другъ съ другомъ перемѣшанными. Потомъ, когда ему нужно было отыскать книгу или бумагу, онъ сердился. Дружининъ имѣлъ смѣлость, съ тѣмъ же простодушнымъ смѣхомъ, предложить свои услуги убирать книги на свое мѣсто, а недочитанныя класть на особый столъ, всякій разъ, когда императоръ уѣзжаетъ изъ дворца. Государь и на это согласился, такъ велико было его довѣріе къ Дружинину. Все это слышалъ я отъ самого Дружинина, не въ видѣ сплошнаго разсказа, а въ теченіе 10 лѣтъ, въ которые я былъ очень коротокъ и почти каждый день въ его домѣ. Дружининъ очень художественно описывалъ приемы и весь типъ императора Павла. Онъ любилъ его и говорилъ о немъ съ какимъ-то состраданіемъ. Не припомню всѣхъ штриховъ его кисти, въ сочетаніи которыхъ обрисовывалась личность императора; помню только, какъ онъ описывалъ его одинокую жизнь въ Гатчинѣ; онъ (большею частью, или часто—не помню)

обѣдалъ одинъ; послѣ обѣда становился передъ окномъ и, глядя безсознательно въ паркъ, проводилъ деревянную зубочистку по зубамъ, очищая зубъ за зубомъ, очень ускореннымъ движеніемъ зубочистки. Это продолжалось иногда съ часъ, видимо, что онъ и зубы чистилъ безсознательно, углубленный въ мысли. Обыкновенно онъ приходилъ въ эти минуты или въ уныніе, или въ раздраженіе; выходилъ изъ комнаты угрюмый, и голосъ его дѣлался мрачнѣе обыкновеннаго; онъ становился даже придиричивъ, и плохо было тому, кто навлекалъ на себя его неудовольствіе при такомъ настроеніи духа. Но и при такомъ настроеніи благоволеніе къ Дружинину не измѣнялось. У императора былъ любимый камердинеръ, котораго имени не припомню, хотя сто разъ его слышалъ, кажется, Овсовъ. У него была хорошенькая жена, а Дружининъ, хотя и влюбленный, не могъ не ухаживать за хорошеенькими. Обыкновенно онъ проводилъ у нея время, когда государь отпускалъ его,—обыкновенно съ того времени, когда выѣзжалъ на предобѣденную прогулку, до вечера. Одинъ разъ осенью Овсова (положимъ) жаловалась ему, что не можетъ достать рябины для наливки. Дружинину показалось забавнымъ, что среди парка, тянущагося на нѣсколько верстъ во всѣ стороны, нашелся человѣкъ, затрудняющійся въ сборѣ нѣсколькихъ горстей рябины. Онъ вызвался услужить молодой хозяйкѣ, позвалъ перваго попавшагося ему истопника и велѣлъ ему нарвать для г-жи Овсовой рябины. Этотъ болванъ вздумалъ рвать прямо передъ окнами государя и рвать по-русски: «ломаетъ—не тужить». Императоръ, подойдя къ окну съ зубочисткой, видитъ, какъ злодѣй гнетъ и обламываетъ цѣлыя вѣтви. «Давайте сюда этого мошенника!» закричалъ онъ гнѣвно. Притащили несчастнаго и бросили передъ императоромъ. «Какъ ты смѣлъ ломать мои деревья?» — «Виновать, ваше величество! г. Дружининъ приказалъ!» — «Врешь, мошенникъ!» закричалъ императоръ взбѣшенный. — «Г. Овсовъ приказалъ!» — «Въ крѣпость Овсова», было рѣшеніе, высказанное особеннымъ, сосредоточеннымъ въ гортани голосомъ, который Дружининъ, говорили, мѣтко поддѣлывалъ. «Можно себѣ представить мое отчаяніе,—говорилъ Дружининъ уже на старости, складывая молебнo руки:—я бросился къ Лопухиной, но она не взялась просить за Овсова въ тотъ же день; на другой день его освободили» ¹⁾. Немудрено, что Дружининъ, состоя въ такихъ отношеніяхъ къ императору, сдружился съ великимъ княземъ Александромъ Павловичемъ, мо-

---

¹⁾ Была еще Овцова, вызвавшая государя на экспромтъ, но, во всякомъ случаѣ, это не жена камердинера. Овцова вышила подушку съ изображеніемъ овцы и поднесла ее государю съ приколотыми стихами: «Я вышила овцу, и подношу отцу, изъ самыхъ тѣхъ причинъ, чтобы мужу дали чинъ». Государь отвѣчалъ ей: «Хоть я народу и отецъ, но чиновъ не даю за овецъ».

лодымъ человѣкомъ того же возраста и стоявшимъ менѣе твердо предъ государемъ, чѣмъ roturier Дружининъ ¹⁾).

Съ великимъ княземъ онъ былъ такъ близокъ, что въ компаніи съ нимъ устроилъ даже двѣ фабрики: одну для издѣлія пружинъ къ карманнымъ часамъ, другую—иляпную, съ мастеромъ Гаттенбергеромъ, но ни та, ни другая не пошла. Первая, изготовлявшая пружины за 1 руб. вмѣсто рыночной цѣны въ 10 руб., уничтожилась потому, что сбывала не болѣе 50 пружинъ въ годъ; вторая не знаю почему не устояла. По восшествіи на престолъ Александра Павловича Дружининъ занимался было дѣлами важными и весьма разнообразными. Онъ пересматривалъ уставы о постепенномъ освобожденіи прибалтійскихъ крестьянъ; онъ написалъ положеніе объ аудиторіатѣ и обсуждалъ финансовыя вопросы. Государь считалъ его способнѣйшимъ министромъ финансовъ, но, по господствовавшему тогда мнѣнію, находилъ необходимымъ, чтобы на этомъ креслѣ сидѣлъ вельможа, и выборъ палъ на Гурьева, съ условіемъ, чтобы онъ взялъ Дружинина въ директоры канцеляріи. Гурьевъ, не изъ дальнихъ вельможъ самъ по себѣ, но женатый на Салтыковой, былъ человѣкъ необыкновенно надменный; позвалъ къ себѣ Дружинина, принялъ его свысока и объявилъ ему, что онъ назначается министромъ финансовъ и беретъ къ себѣ Дружинина въ директоры канцеляріи. Дружининъ отвѣчалъ, что онъ не желаетъ быть директоромъ его канцеляріи, о чемъ Гурьевъ съ неудовольствіемъ доложилъ государю; но государь приказалъ ему упросить непременно Дружинина принять эту должность, давъ почувствовать Гурьеву, что безъ этого онъ не будетъ и самъ назначенъ. Гурьевъ перемѣнилъ тонъ, и какъ своимъ, такъ и царскимъ именемъ упросилъ Дружинина. На этомъ мѣстѣ онъ и оставался лѣтъ 25. На бѣду свою Дружининъ не былъ въ состояніи никому въ чемъ-либо отказать, а еще менѣе красивой женщинѣ. Онъ завелъ связь съ Тимковскою, женщиною расточительною и алчною; она сосала изъ него деньги, а онъ долженъ и долженъ. Государь нѣсколько разъ платилъ за него долги, нѣсколько разъ дарилъ ему земли подъ самымъ городомъ и тони въ устьяхъ Невы, но все это разлеталось въ прахъ. У Тимковской расплодилось большое семейство, одинъ сынъ былъ въ кавалергардахъ, другой—въ конной гвардіи, всѣ расточительны, и Дружининъ дошелъ до того, что сталъ принимать подарки, а потомъ и оказывать услуги въ ожиданія подарковъ. Репутація его помрачилась, и въ старости онъ, добрѣйшій человѣкъ, слылъ за плута и боролся съ бѣдностью, снося это не только съ терпѣніемъ, но писалъ своему идолу, женѣ старшаго сына Тимковской, что страданія его гордости услаждаютъ его

---

¹⁾ Разночинецъ.

сердце, доказывая, что онъ не щадитъ ничего и не жалѣетъ ни о чемъ, если жертвы могутъ возбудить на лицѣ его ангела улыбку удовольствія. Въ моемъ мнѣніи онъ былъ прекрасный, но несчастный человѣкъ.

Дубенскій уменъ, какъ бѣсъ, дуренъ, какъ бѣсъ, и по правиламъ бѣсъ. Онъ нажилъ себѣ огромное состояніе. Канкринъ не любилъ его, но не находилъ человѣка съ его умомъ и потому держалъ его. Мечниковъ, грубый мужикъ,—дядя Ковалевского, министра народнаго просвѣщенія. Дѣла таможенные шли очень дурно, контрабанда дѣйствовала открыто; закупивъ все таможенное вѣдомство, она доказала, что либеральный тарифъ не можетъ остановить ее. Тарифъ 1819 г. похожъ былъ на послѣдствія мирнаго трактата побѣжденнаго государства,—и полагали, кажется, не безъ основанія, что Обресковъ и Гурьевъ были подкуплены. Гурьевъ около того же времени заключилъ разорительный внѣшній заемъ, доставившій ему большіе капиталы, которые впослѣдствіи наслѣдовалъ сынъ его изъ амстердамскаго банка. Составился другой тарифъ, Гурьева удалили, и къ управленію таможеннымъ вѣдомствомъ призванъ однорукій Бибиковъ, человѣкъ съ желѣзною волею и безсострадательнымъ сердцемъ (впослѣдствіи министръ внутреннихъ дѣлъ). Управление Бибикова было драконовское: за малѣйшую оплошность, за ошибку въ письмѣ чиновники исключались изъ службы; за малѣйшее потворство купцамъ—отдавались подъ судъ. Испуганная сволочь переполошилась и разбѣжалась; ихъ замѣстили люди изъ гвардейскихъ офицеровъ, приглашенныхъ Бибиковымъ. Таможенный доходъ удвоился; отечественная промышленность ожила; повсюду воздвигались фабрики, и нашъ курсъ достигъ небывалаго уровня — 414 сантимовъ за рубль серебра или за 4 руб. ассигнацій. Департаментъ внутренней торговли былъ при Гурьевѣ въ не менѣе жалкомъ положеніи. Комитетъ снабженія войскъ сукнами воровалъ сотни тысячъ и дѣлился съ департаментомъ и канцеляріею. Директоромъ департамента назначенъ Уваровъ, но безъ видимой пользы. Уваровъ, лицо большого свѣта, извѣстное въ ученомъ мірѣ, прекрасный собою, богатый по женѣ (Разумовской), былъ характера подлаго, ѣздилъ къ министершѣ, носилъ на рукахъ ея дѣтей, словомъ, подленькими путями прокладывалъ себѣ дорогу къ почестямъ. Розенбергъ долѣе и чаще всѣхъ работалъ съ министромъ: зналъ, что Канкринъ придавалъ особенную важность департаменту государственнаго казначейства. Преемники его видѣли въ этомъ департаментѣ простого счетчика и забросили его. Такъ же дѣятельно работалъ министръ съ графомъ Ламбертомъ по комиссіи погашенія долговъ,—послѣднимъ бывшимъ у насъ практическимъ дѣльцомъ по кредитной части. Съ тѣхъ поръ и доселѣ мы видимъ только «людей науки» или «изучившихъ» финансы: самое скорое средство сдѣлаться государственнымъ чело-

вѣкомъ: взялъ въ руки 100 руб., накупилъ себѣ книгъ, затвердилъ исторію французскихъ и австрійскихъ финансовъ да кое-какіе термины, пробѣжалъ нѣсколько статей изъ «Economist» или «Revue des deux mondes»—вотъ и министръ финансовъ. Знаніе государства кажется нашимъ дѣятелямъ совершенною роскошью. Науки, афоризмы—вотъ коньки, на которыхъ выѣзжаютъ великій князь Константинъ Николаевичъ, Чевкинъ, Рейтернъ, Ламанскій и компанія, но что же такое наука безъ приложений. Наука—мелочная лавка, гдѣ продается всякая всячина: нужна вамъ протекціонная система—берите Листа; нравится свобода торговли—читайте Смита; всѣ правы и всѣ неправы. Все зависитъ отъ знанія правовъ, потребностей и финансоваго положенія государства; оно можетъ указать, когда и насколько примѣнимъ Смитъ, кому, когда и насколько полезенъ Листъ,—но знаніе государства достигается наблюденіями и размышленіями долговременными, а намъ надобна подготовка скорая: тутъ и является на выручку наука, одна, сама по себѣ.

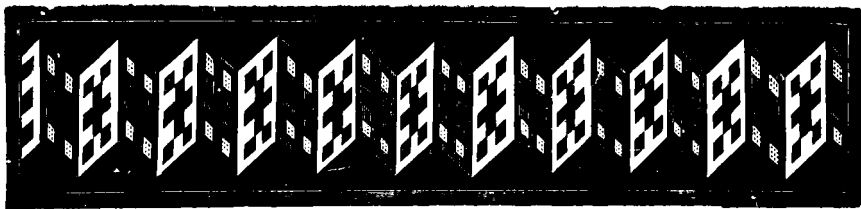
Въ пріемной Канкринъ видѣлъ я и чиновное чванство. Помню князя Урусова, кажется, вице-губернатора: красивый, чопорный—съ дурацкимъ выраженіемъ лица. Министръ приказалъ никого не принимать. Когда я увидѣлъ входящаго князя, я подбѣжалъ къ Дружинину спросить, слѣдуетъ ли отказать Урусову. Дружининъ отвѣчалъ: «Разумѣется: министръ вѣдь не дѣлаетъ исключеній». Ободренный этими словами, я очень вѣжливо доложилъ князю Урусову, что министръ очень занятъ и никого не принимаетъ. «Сожалѣю, что вы мнѣ это говорите», отозвался князь съ необыкновенною надменностью, а Дружининъ прибавилъ, улыбаясь: «Вѣдь князь—свой». Это совершенно переконфузило меня. Затѣмъ входитъ министръ. На низкій поклонъ Урусова онъ обратился ко мнѣ съ досадой: «Развѣ вы забыли, г. дежурный, что я не велѣлъ никого принимать».—«Я говорилъ это князю, ваше превосходительство, но князь полагалъ, что это до него не относится».—«Извольте идти вонъ, батюшка (или какъ онъ произносилъ: фонъ, батшка)!» крикнулъ Канкринъ на Урусова, и этотъ удалился: сцена въ родѣ басни Мятлева:

Медвѣдь сказалъ козѣ:
Comment vous osez! ¹⁾

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

---

¹⁾ Какъ вы смѣете!

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА. ¹⁾

V.

Перовскій.—Его характеристика.—Мои отношенія къ нему.—Князь П. П. Гагаринъ.—Исторія съ дачей въ Павловскѣ.—Васильчиковъ.—Моя жизнь у князя Меншикова.—Чиновникъ особыхъ порученій Бухало.—Капитанъ Купріяновъ.—Адъютанты князя.—Побочный сынъ князя Кутузова Крупениковъ.—Разсказы его о фонарщикахъ.—Нашъ флотъ и командованіе имъ князя Меншикова.—Исторія образа Богоматери.

О ОТЪѢЗДѢ князя Меншикова въ Анапу, я посѣщаль небрежно свой департаментъ, зная, что останусь въ немъ недолго, а мои благородные начальники, въ той же увѣренности, не только не взыскивали съ моей неаккуратности, но цѣнили меня гораздо выше, чѣмъ въ то время, когда я работалъ съ полнымъ усердіемъ. Въ 1829 году Перовскій опредѣлилъ меня, по приказанію князя Меншикова, секретаремъ въ его канцелярію, а въ концѣ того же года воротился и самъ князь. Вскорѣ послѣ того возвратилась изъ Москвы и сестра его, вдова княгиня Гагарина, для которой я нанялъ квартиру въ Большой Морской, въ домѣ Алексѣя Васильевича Васильчикова. Опять три новыя личности, съ которыми я столкнулся. Перовскій, генераль-адъютантъ, бывшій адъютантомъ у великаго князя Николая Павловича, лицо замѣчательное. По складу ума человекъ либеральный, но будучи побочнымъ сыномъ Разумовскаго, онъ опасался униженія и насмѣшекъ, и въ этомъ опасеніи былъ необыкновенно гордъ и обидчивъ. Ры-

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXI, стр. 438.

царь безъ страха и упрека, съ аристократическимъ лицомъ, ума пріятнаго и оригинальнаго, онъ необыкновенно нравился женщинамъ и былъ у нихъ очень счастливъ. Эпизоды прошедшей его жизни тогда уже придавали ему романическій колоритъ, который въ то время, когда еще не было желѣзныхъ дорогъ, акцій и облигацій, слѣдовательно, когда не было еще нигилизма, плѣнялъ юношей и женщинъ. Будучи еще юнкеромъ, забавлялся онъ въ комнатѣ своей стрѣльбою изъ пистолета восковыми пулями, и никогда не разставался съ пистолетомъ; часто онъ втыкалъ въ дуло палецъ и расхаживалъ съ повисшимъ на пальцѣ заряженнымъ пистолетомъ. Разъ, ходя въ такой компаніи, онъ задѣлъ за курокъ; послѣдовалъ выстрѣлъ и оторвалъ ему ту часть пальца, которая находилась въ дулѣ; съ тѣхъ поръ онъ носилъ золотой наперстокъ, къ которому прицѣплена была цѣпочка съ лорнетомъ. Съ великимъ княземъ онъ обращался свободно, даже слишкомъ свободно, что въ тогдашнее время, когда члены царской фамиліи еще не дружились съ простыми и даже пошлыми смертными, было тоже явленіемъ интереснымъ. На походѣ въ Парижъ, въ юнкерскомъ же чинѣ, онъ въ какой-то жидовской деревушкѣ тоже забавлялся стрѣльбою изъ пистолета; вдругъ вспыхнулъ пожаръ, нѣсколько избушекъ сгорѣло; евреи заревѣли и приписывали пожаръ пистолетному пыжу. Перовскій, сострадая къ погорѣвшимъ, отдалъ имъ все, что имѣлъ съ собой для похода, до послѣдней копейки. Внутреннее убранство его покоевъ представляло типъ суроваго воина и восточнаго сибарита. Рабочій столъ его окруженъ былъ рыцарями въ стальныхъ латахъ, и всѣ стѣны обвѣшаны мечами, ружьями и пистолетами. Среди комнаты лежалъ огромный песь *terre-neuve*, грозный и смышленный; рядомъ комната, обвѣшанная и устланная богатыми коврами; вокругъ стѣнъ широкіе турецкіе диваны; на полу—богатый кальантъ, а въ стѣнѣ огромное зеркало, составлявшее скрытую дверь. «Здѣсь, — говорилъ онъ мнѣ, — покоюсь я въ объятіяхъ Морфея, когда мнѣ отказываютъ въ другихъ». Такимъ оставался Перовскій до самой смерти, храбрымъ и въ полѣ и на придворномъ паркетѣ. Въ турецкую кампанію стоялъ онъ у скалы въ кружкѣ офицеровъ, какъ упала передъ ними бомба, шипя и вращаясь. Всѣ обомлѣли; Перовскій же сказалъ спокойнымъ голосомъ: «Прислонись!» и, прислонясь къ горѣ, выждалъ хладнокровно, пока бомба лопнула и разослала во всѣ стороны свои осколки. Но я еще гораздо болѣе удивляюсь его мужеству при дворѣ. Кажется, въ 1833 году, государь имѣлъ неосторожность приказать генералъ-губернатору отдавать подъ военный судъ мастеровъ, которые будутъ дѣлать неформенные эполеты. Вскорѣ послѣ этого страннаго повелѣнія Перовскій пріѣзжаетъ на вечеръ къ великой княгинѣ Еленѣ Павловнѣ въ разсыпчатыхъ матовыхъ эполетахъ. Пріѣхалъ государь. Увидя Перовскаго, онъ сказалъ ему шутя:

— А какъ ты смѣлъ надѣть неформенные эполеты?

— Виновать, государь, это ошибка камердинера.

Государь вспыхнулъ, сталъ выговаривать ему, что онъ, ѣдучи во дворецъ, не смотритъ даже, что надѣваетъ на него камердинеръ, и, разгорячась отъ собственныхъ рѣчей, какъ это часто бываетъ, кончилъ тѣмъ, что приказалъ уже отдавать эполетчиковъ подъ судъ, и требуетъ, чтобы Перовскій назвалъ ему его эполетчика.

— Государь,—отвѣчалъ онъ:—я не могу позволить себѣ складывать свою вину на мастера; виновать не тотъ, кто дѣлаетъ, а тотъ, кто надѣваетъ неформенную одежду.

— Я повелѣваю тебѣ сказать мнѣ имя его. Осмѣлишься ли ты послушаться высочайшей воли.

Перовскій доложилъ на это, что онъ исполнить эту волю, но не прежде, какъ по снятіи съ него эполетъ и аксельбантовъ, потому что роль доносчика на мастерового считаетъ несомнѣнною съ генеральскимъ чиномъ и, еще болѣе, съ генералъ-адъютантскимъ званіемъ. Государь отошелъ отъ него, не возразивъ ни слова. Перовскій уѣхалъ, но этимъ и кончилось, и повелѣніе объ эполетчикахъ совершенно забыто. Но и у него была Ахиллеса пята: онъ былъ ревнивъ. Княгиня Гагарина, прекрасная собою, была предметомъ обожанія всей молодой свиты князя Меншикова, въ томъ числѣ и моего; она жила въ Ораніенбаумскомъ дворцѣ и пригласила меня туда же на нѣсколько дней. Испросивъ на это позволеніе князя, я поѣхалъ въ Ораніенбаумъ, но черезъ три дня получилъ отъ В. А. Перовскаго записку съ замѣчаніемъ, что я не имѣю права отлучаться и заставлятъ другихъ работать за себя. Этотъ упрекъ былъ несправедливъ, потому что я одинъ работалъ болѣе, чѣмъ всѣ другіе секретари канцеляріи вмѣстѣ. Князю очень не понравилась эта выходка; онъ, вѣроятно, обнаружилъ это Перовскому, и преслѣдованія его усилились, такъ что наконецъ я вошелъ съ нимъ въ объясненіе, причемъ высказалъ ему удивленіе, что генералъ-адъютантъ рѣшился начать неравный и, слѣдовательно, безславный бой съ 24-лѣтнимъ титулярнымъ совѣтникомъ. Перовскій, по благородству души своей, увидѣлъ мелочность своихъ поступковъ и сталъ оказывать мнѣ самое дружеское расположеніе, даже проводить у меня вечера, когда я былъ боленъ. Разъ я спросилъ его, за что онъ меня преслѣдовалъ. «Кто старое помянетъ, тому глазъ вонъ», отвѣчалъ онъ мнѣ въ смущеніи. Между тѣмъ онъ усилилъ атаку на сердце княгини и побѣдилъ его; кажется, онъ въ самомъ дѣлѣ влюбился въ нее, а она полюбила его со всею страстью 35-тилѣтней женщины, но добродѣтельная, «варварскихъ правилъ» (по выраженію ея брата) не обѣщала ему ничего, кромѣ своего сердца. Перовскій готовъ былъ предложить ей свою руку; онъ опасался только, что князь

ему отказалъ бы въ согласіи, что онъ сказалъ бы: «je ne veux pas avoir un batard pour mon beau frère» ¹⁾). Княгиня не опасалась этого; она увѣрена была, что братъ не остановился бы на подобныхъ затрудненіяхъ, но объявила Перовскому, что не пойдетъ за него, потому что слишкомъ его любить, что бракъ его «съ старою вдовою» будетъ смѣшонъ, что онъ не обладаетъ достаточною философіей, чтобы быть равнодушнымъ къ насмѣшкамъ, что она не хочетъ быть причиною его огорченій, и что она умретъ отъ страстной любви, но не отдастъ ему ни руки, ни чести. И она бѣдная умерла отъ любви, даже скептикъ князь Меншиковъ былъ этого мнѣнія. По кончинѣ сестры онъ нашелъ въ ея бумагахъ ея журналъ, котораго каждая страница пылала страстью и обливалась слезами отчаянія; между тѣмъ 15-тилѣтняя дочь ея Nathalie (теперь Солововой) стала уже кокетничать съ Перовскимъ и тѣмъ сводила съ ума свою увядающую мать; у нихъ бывали сцены достойныя сожалѣнія, въ которыхъ мать лишалась своего достоинства, а дочь предвѣщала свою будущность. Князь П. П. Гагаринъ, родной братъ мужа сестры князя Меншикова, бывший тогда оберъ-прокуроромъ въ московскомъ сенатѣ, давно уже вздыхалъ по своей belle-soeur ²⁾). Послѣ трагической смерти своего брата онъ, какъ опекунъ его дѣтей, перевезъ княгиню въ Москву, «чтобы удобнѣе заниматься опекой» и съ надеждою понравиться вдовѣ. Это ему не удалось, но впослѣдствіи онъ, говорили, обольстилъ младшую племянницу, la princesse Catherine, которая и до сихъ поръ не замужемъ. Здѣсь, въ Петербургѣ, оставался домъ княгини, и въ Павловскѣ дача ея мужа, на Константиновскомъ пруду. Княгиня просила меня принять эти дома въ мое покровительство; я отдалъ петербургскій домъ внаймы, а дача была такъ ветха, что Гагаринъ назначилъ ее въ продажу. Съ императрицею Маріей Ѳеодоровною Павловскъ лишился своего населенія; о желѣзной дорогѣ не было еще и помысловъ; войскъ тоже не было въ Павловскѣ, который такимъ образомъ представлялъ захолустье, съ группою карточныхъ домиковъ, съ поблекшими украшеніями и прогнившими кровлями. Дача князя Гагарина стала совершенною развалиною; послѣ многихъ напрасныхъ поисковъ нашелся охотникъ купить дачу за 10.000 руб. (ассигн.), полковникъ Мочульскій, и то съ тѣмъ, чтобы ему былъ данъ немедленный отвѣтъ, дабы онъ могъ до осени покрыть строенія новыми крышами. Гагаринъ писалъ мнѣ, чтобы я далъ Мочульскому честное слово, что дача останется за нимъ, и Мочульскій тотчасъ принялся за исправленіе дачи. Когда всѣ крыши были возобновлены и печи переложены, что стоило Мочульскому болѣе 2 тыс. руб., явился Кирѣевскій,

¹⁾ Я не хочу имѣть незаконнорожденнаго своимъ зятемъ.

²⁾ Невѣстка.

предлагавшій за дачу 12 тыс. руб., и Гагаринъ приказалъ продать дачу ему. Я напомнилъ князю честное его слово, на что онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ официальныхъ дѣйствіяхъ честное слово ничего не значитъ. Я написалъ это княгинѣ, описалъ ей затруднительное свое положеніе и объявилъ ей, что при всемъ желаніи служить ей не могу продолжать сношенія съ опекуномъ, котораго понятія о чести такъ противоположны съ моими. Княгиня прислала мнѣ 2.000 руб. для возвращенія Мочульскому и извиняла своего зятя, однако я не согласился имѣть съ нимъ какое-либо дѣло и прекратилъ съ нимъ сношенія.

Все это происходило въ отсутствіе князя Меншикова. Онъ былъ въ Турціи. По его приѣздѣ, онъ поручилъ мнѣ искать квартиру для сестры; я и нашелъ ее въ домѣ Васильчикова. Князь, посылая меня къ Васильчикову, сказалъ мнѣ: «C'est un imbécile, qui s'enorgueillit d'avoir pour femme une nièce de Kotchoubey (Архарову, внуку Загряжской), il est capable d'être grossier; pour le prévenir, parlez lui en français» ¹⁾. Когда доложили обо мнѣ Васильчикову, онъ вышелъ ко мнѣ съ надменностью чело-
вѣка, который

въ родню былъ толстъ,
но не въ родню былъ простъ,

и сѣлъ на кресла, стоявшія спиною къ окну. Я, sans entendre malice ²⁾, сѣлъ тоже на кресла, рядомъ стоявшія, и съ Васильчиковымъ чуть не сдѣлался параличъ. Онъ покраснѣлъ, смѣшался, всталъ и объявилъ мнѣ, что ему некогда, и чтобы я пришелъ къ нему на другой день въ слѣдующее утро. На другое утро заставилъ онъ меня ждать; я стоялъ въ залѣ, подлѣ его кабинета, котораго двери были открыты; въ зеркалѣ, украшавшемъ простѣнокъ залы, отражалось происходившее въ кабинетѣ. Этотъ вѣроломный домочадецъ показывалъ мнѣ, какъ вельможа садился за письменный столъ, какъ онъ вынималъ изъ ящика бумаги и обкладывалъ ими поверхность стола, дотолѣ чистаго, и какъ камердинеръ уносилъ стулья, стоявшіе близъ этого стола. Когда всѣ эти приготовленія кончились, и вельможа окончательно поставилъ себя въ положеніе «великаго мужа, сидящаго въ углу уединенія» — согласно комплименту, адресуемому великому визирю, — я былъ позванъ и поневолѣ долженъ былъ стоять передъ сидящимъ бояриномъ. Какъ бы то ни было, княгиня приѣхала въ Петербургъ, а это было главное. Въ домѣ Васильчикова жила она только одну зиму. Какая разница въ тогдашнихъ нравахъ и нынѣшнихъ!

¹⁾ Это глупецъ, который гордится, что жевать на племянницѣ Кочубя, онъ способенъ быть грубымъ; чтобы это предупредить, говорите съ нимъ по-французски.

²⁾ Безъ дурного умысла.

Князь Гагаринъ, богатый и блестящій придворный, принадлежавшій къ высшему обществу, жилъ въ своемъ домѣ, гдѣ съ лѣстницы входили прямо въ столовую, черезъ которую надобно было непременно входить и въ гостиныя и въ кабинетъ. Тутъ обѣдали, тутъ завтракали дѣти. Такого же устройства была квартира княгини и въ домѣ Васильчикова. Теперь вице-директоръ департамента, съ калмыцкимъ рыломъ, вымаливающій въ переднихъ прибавки, пособія, награды, гнушается квартирами, которыхъ столовая не въ сторонѣ, и господинъ Брокъ обѣдаетъ въ столовой, гдѣ графъ Литта угощалъ царскую фамилію; ему сервируютъ на серебрѣ, которое украдено въ казнѣ или выможено у Штиглица. Въ 1830 году князь нанялъ домъ Опочинина на Дворцовой набережной, куда переѣхала и сестра его, и гдѣ я получилъ тоже помѣщеніе очень скромное.

Жизнь въ домѣ Опочинина была едва ли не самымъ счастливымъ періодомъ моей жизни. Мнѣ было 24 года, князю 43 года, княгинѣ Гагариной лѣтъ 35, дочерямъ ея: 16, 14, 12 и 10; все было или молодо, или еще свѣжо. Царь милостивъ къ нашему хозяину; вся атмосфера свѣтлая. Маленькая, но уютная домашняя церковь соединяла всѣхъ обитателей, безъ различія вѣроисповѣданій, въ одну группу, въ большіе праздники. Особенно пріятна была встрѣча Свѣтлаго воскресенья. По третьему выстрѣлу князь Меншиковъ отправлялся во дворецъ, провожаемый толпою веселыхъ молодыхъ лицъ, а мы собирались въ церкви, христосовались съ красавицей-княгиней и ожидали въ гостиныхъ возвращенія князя изъ дворца, любуясь Невою, смотрящую на насъ сквозь флеръ полупрозрачнаго разсвѣта.

Въ галереѣ накрытъ былъ большой столъ съ разговѣнемъ; прислуга обоого пола, предводительствуемая кривоногимъ дворецкимъ Адрианомъ, стояла на заднемъ концѣ съ торжественною почтительностью. Князь пріѣзжалъ веселый, жалъ руки сестрѣ, племянницамъ и намъ, цѣловался съ прислугой и подавалъ своимъ примѣромъ сигналъ къ разговѣню, причемъ министръ, дамы-боярыни, свита князя и его прислуга сливались въ одну христіанскую семью. Какъ все перемѣнилось, и не къ лучшему! И тутъ наука! Философы выработали принципы о человѣкѣ и втискиваютъ въ свои рамки все человѣчество! Благоденствуетъ ли оно, или страдаетъ, все равно, лишь бы принципъ торжествовалъ. Кружокъ нашъ состоялъ далеко не изъ однородныхъ элементовъ. Князь, занятый по преимуществу честолюбіемъ и свѣтскостью, былъ весь приличіе; сестра его княгиня, озабоченная плохими денежными обстоятельствами, сохраняла, однако, веселое расположение духа, начинавшее уже переходить въ мечтательное, подъ влияніемъ *courtoisie* мощнаго, рыцарскаго Перовскаго. Старѣйшій изъ свиты его, дѣйств. ст. сов. Бухало, малороссъ стариннаго

вѣка и чиновникъ старыхъ временъ, честный, но бездарный правитель дѣлъ военнаго совѣта при предсѣдателѣ Лампе, уволенный потомъ за штатъ и взятый кн. Меншиковымъ въ чиновники особыхъ порученій, чтобы спасти его отъ голодной смерти. Бухало писалъ еще букву Д на ножкахъ, принципомъ педагогіи считалъ періодическія розги «хорошимъ—чтобъ не испортились, дурнымъ—чтобы исправились», и думалъ, что говоритъ по-французски, если ломаетъ русскую рѣчь съ прибавкою слова мадамъ. «А что, мадамъ, хорошъ Нева, а?», говорилъ онъ гувернанткѣ княженъ, и потомъ со смѣхомъ говорилъ княгинѣ: «а я съ мамамой по-французски разговаривалъ». Молодежь трунила надъ старикомъ такъ ловко, что онъ этого не замѣчалъ; мы увѣрили его, что онъ поэтъ, и онъ сталъ писать стихи, которыми хвастался, читая ихъ всѣмъ и каждому съ своимъ малороссійскимъ выговоромъ. Онъ былъ скандализованъ стихами Деларю, въ которыхъ поэтъ увѣрялъ свою возлюбленную, что если бы былъ царь, то отдалъ бы ей царство, если бы былъ Богъ, отдалъ бы вселенную, — и читалъ княгинѣ отвѣтъ Деларю:

Когда ты порокомъ дышешь,
И скверные стихи пишешь,
То ты не Богъ, не царь,
А просто земная тварь,
И не красавицаѣ тебя лобзать устами,
А просто, бить тебя батогами.

Всеобщему громкому хохоту вторилъ онъ такимъ же хохотомъ, увѣренный, что всѣ смѣются надъ Деларю. Князь, разумѣется, не давалъ ему никакихъ порученій; на вопросъ его, когда явиться на службу, князь отвѣчалъ: «я обѣдаю въ 4 часа, такъ милости прошу въ 50 минутъ четвертаго», а за обѣдомъ отпускалъ ему шуточки и смѣшилъ его, а иногда дѣлалъ вопросы въ родѣ слѣдующаго: «Правда ли, что въ военной коллегіи никогда не было такъ темно, какъ при лампѣ?» За нимъ слѣдовалъ капитанъ 1 ранга Серебряковъ, употреблявшійся парламентаремъ для перегсворовъ по-турецки съ Цифиръ-беємъ, комендантомъ крѣпости Анапы, во время ея осады, армянинъ тѣломъ и душою, выговаривавшій ми вмѣсто мы, били вмѣсто были, и были вмѣсто били. Въ праздники несло отъ него розовымъ масломъ. Потомъ капитанъ 2 ранга Купріяновъ, мастеръ сыпать цѣлый часъ безъ умолку слова, между которыми не было никакой связи; любезничая съ дамами, онъ выступалъ всегда тою же ногою впередъ, волоча за ней другую. На вопросъ княженъ, отчего г. Купріяновъ такъ ходитъ, князь увѣрилъ ихъ, что у К. деревянная нога и что онѣ могутъ въ этомъ удостовѣриться, воткнувъ ему въ ногу булавку. Вѣтреная княжна Софья вздумала сдѣлать опытъ; кольнула его за обѣдомъ булавкой такъ, что Купріяновъ вскочилъ съ крикомъ.

Онъ былъ опытный офицеръ въ дѣлѣ морскихъ съемоковъ, и князь держалъ его въ виду экспедиціи для съемки Балтійскаго моря. Васильевъ, адъютантъ изъ черноморскихъ офицеровъ, маленькій, коротенькій, чрезвычайно дѣятельный и чрезвычайно способный, притомъ прекрасный человѣкъ. Дегалетъ, адъютантъ, изъ грековъ, очень красивый собою и не безъ греческой ловкости, но лѣнивый. Князь любилъ его какъ неиспорченнаго юношу, возилъ съ собою на балы, но порученій не давалъ и никогда не награждалъ. Во мнѣ князь видѣлъ тоже неиспорченнаго юношу, но я много работалъ и тѣмъ приобрѣталъ значеніе выше Дегалета, къ горькой его досадѣ. Затѣмъ были еще Бахтинъ, управлявшій отдѣленіемъ въ канцеляріи, но пожелавшій сохранить званіе чиновника особыхъ порученій, и разные флотскіе офицеры, не входившіе въ кругъ ближайшій. Князь занималъ весь домъ Опочинина, кромѣ двухъ комнатъ, въ которыхъ жилъ нѣкто Крупениковъ, побочный сынъ князя Кутузова-Смоленскаго; онъ жилъ бѣдно, однако остался другомъ Кокошкина, бывшаго нѣкогда адъютантомъ князя Кутузова, а въ то время флигель-адъютантомъ и спб. оберъ-полицеймейстеромъ. Крупениковъ рассказывалъ одну исторію, ярко обрисовывавшую тогдашнее время. Является къ нему старикъ-фонарщикъ, одинъ изъ тѣхъ ветерановъ, которые по вечерамъ и утрамъ ходили по улицамъ, съ рогожею на плечахъ, съ лѣстницею на спинѣ и съ кувшиномъ въ рукѣ. Они наливали въ фонари масло, зажигали ихъ и предъ разсвѣтомъ гасили. Фонарщикъ рассказалъ ему, что на инспекторскомъ смотрѣ, на вопросъ инспектора, не имѣетъ ли кто претензій, вышло нѣсколько человѣкъ, въ томъ числѣ и онъ, и объявили, что они уже давно выслужили 25-лѣтній срокъ и не получаютъ отставки. На другой день стали сѣчь поочередно всѣхъ, которые изъявили претензіи, и завтра очередь его наказанія. «Пощадите старыя мои кости», говорилъ слезно старикъ и просилъ защиты. Крупениковъ въ тотъ же вечеръ объяснился съ Кокошкинымъ, и тѣло фонарщика пощажено. Черезъ нѣсколько дней приходитъ къ нему фонарщикъ съ благодарностью, въ канцелярскомъ смыслѣ слова. Крупениковъ любопытствовалъ узнать, какого размѣра благодарность могъ дать этотъ брошенный судьбою человѣкъ, и спросилъ его, сколько онъ намѣренъ подарить ему. «Извините, ваше благородіе, большаго дать не могу, а принесъ 100 руб., не прогнѣвайтесь!» «Да откуда же у тебя 100 р., когда ты получаешь 34 р. въ годъ жалованья?» — «Ничего-съ! мы люди достаточные, не то бы еще имѣли, если бы не начальство!»

Въ 1830 году князь Меншиковъ вывелъ балтійскій флотъ въ практическое плаваніе подъ своимъ начальствомъ; въ первый разъ развѣвался на гротъ-мачтѣ флагъ начальника главнаго морского штаба его императорскаго величества. Онъ сидѣлъ на 74-пушечномъ кора-

блѣ «Кульмѣ», которымъ командовалъ капитанъ Лазаревъ, Андрей. Штабъ князя былъ многочисленный, начиная отъ контръ-адмирала Мелихова до молодыхъ флагъ-офицеровъ; изъ статскихъ былъ одинъ я. Въ штабѣ его соединялись балтійскіе офицеры съ черноморскими; между обоими флотами былъ всегда антагонизмъ; балтійцы называли черноморцевъ греками; послѣдніе первыхъ луже-плавателями. Главный защитникъ черноморцевъ былъ въ свитѣ князя Мелиховъ—умный, но плутъ, балтійцевъ—Купріяновъ, честный, но дуракъ, или, если не дуракъ, то чудакъ, не умѣвшій выразить ни одной мысли; вмѣсто посредственно онъ говорилъ: «не такъ, чтобы такъ, чтобы очень, а такъ!» вмѣсто: какъ хочешь—«коли хочешь, какъ хочешь, а не хочешь какъ хочешь». При такомъ защитникѣ плохо приходилось балтійцамъ, если бы не вступался за нихъ же Лазаревъ (Андрей), да и этотъ бралъ голосомъ и грозно произносимыми: «хмъ! чортъ возьми!» Князь забавлялся и отчасти назидался спорами обоихъ лагерей и нарочно травилъ ихъ другъ на друга. Говорилъ онъ съ ними о морѣ, о парусахъ, о лоціи, не вдаваясь ни въ какія сужденія о политикѣ, объ администраціи, о дворѣ. Я былъ безпрестанно отзываемаъ имъ въ сторону для обмѣна нѣсколькихъ словъ *a parte*. Я одинъ бывалъ въ его каютѣ съ нимъ наединѣ, иногда по цѣлымъ часамъ; всѣ прочіе приходили къ нему только *in cogroge*. Штабъ называлъ меня: *Вонгіенне*,—а экипажъ дохтуромъ, потому что я былъ въ форменномъ сюртукѣ безъ эпoletъ. Князь вводилъ тогда черноморскіе сигналы, имъ дополненные и усовершенствованные, и потому на палубѣ почти цѣлый день давали сигналы, ежели не были заняты эволюціями. Эволюціи производились дѣятельно, трудныя и смѣлыя, къ какимъ балтійскія эскадры не привыкли. Одинъ разъ, когда князь приказалъ флоту, идущему въ порядкѣ кораблей, слѣдующихъ другъ другу въ кильватеръ на разстояніи только одного кабельтова, поворотить оверъ-штагъ при довольно слабомъ вѣтрѣ, «Кульмъ» не сумѣлъ поворотить, попытился назадъ и свалился съ кораблемъ, за нимъ шедшимъ. Они оба, казалось, едва двигались, но, коснувшись, произвели суматоху ужасную; полкормы «Кульма» полетѣло въ море; бугшпритъ другого разсыпался вдребезги, а реи обоихъ сцепились и истребляли другъ друга. Серебряковъ только что воротился съ береговъ Абхазіи; онъ, снявъ мундиръ, спалъ крѣпко въ своей каютѣ. Проснувшись отъ треска, видитъ бортъ съ орудіемъ, глядящимъ въ портъ каюты; полуочнувшись, схватилъ онъ саблю и въ рубашкѣ съ саблею въ рукахъ выскочилъ на палубу; онъ думалъ, что это абордажъ турецкаго корабля. Общій хохотъ!

Флотскіе офицеры играли вообще жалкую роль въ обществѣ; ко двору ихъ не приглашали, да и въ частныхъ гостиныхъ Петербурга ихъ не встрѣчалось. Они веселились по-своему въ своемъ

кронштадтскомъ кружкѣ. Кампанія 1830 года дала имъ другое значеніе, князь приглашалъ ихъ къ себѣ, и когда бывали приглашенія гвардіи ко двору, князь испрашивалъ соизволенія государя приглашать и флотскихъ офицеровъ. Флотъ не на уровнѣ съ гвардіей, но какъ государь жилъ лѣтомъ въ Петергофѣ, *soi-disant* морскомъ портѣ, то князь Меншиковъ подъ этимъ предлогомъ и ввелъ флотъ въ струю гвардіи. Въ то время были уже и флигель-адъютанты изъ моряковъ, двое: графъ Гейденъ въ награду за наваринскіе подвиги отца, и Казарскій, командиръ прославившагося брига «Меркурій».

Въ ту же осень оберъ-священникъ арміи и флота представилъ начальнику морского штаба, что послѣ Наваринскаго сраженія увидѣли на водахъ плавающий образъ Богоматери; что этотъ образъ, чудотворно явившійся, очевидно, служилъ покровомъ нашего флота, и что потому синодъ разрѣшилъ открыть по флоту подписку на сооруженіе, въ честь этого образа, храма Божьей Матери Одигитріи. Князь просилъ предъявить и самый образъ. Оказалось, что онъ принадлежалъ титулярному совѣтнику Бѣлковскому, интендантскому чиновнику, плававшему на корветѣ «Иезекииль»; что непріятельское ядро снесло галерею кормовую, въ которой помѣщался Бѣлковскій, и что при этомъ какъ всѣ его вещи, такъ и этотъ образъ упали въ море. Князь Меншиковъ сообщилъ это синоду и разрушилъ мнимое чудо.

Рельефное положеніе мое во время практической кампаніи балтійскаго флота устремило на меня взоры флотскаго генералитета; многіе старались со мной сблизиться и приглашали меня къ себѣ, но я уже изъ первыхъ бесѣдъ съ адмиралами, говорившими только о службѣ своей и своихъ сверстниковъ, догадался, что они ищутъ во мнѣ проводника ихъ голоса, и избѣгалъ знакомствъ. Познакомился только съ простымъ, полуграмотнымъ дежурнымъ генераломъ Ратмановымъ, у котораго было почтенное семейство, съ полковникомъ Берхомъ, писателемъ, побочнымъ сыномъ какой-то тетки князя Меншикова, и адмираломъ Огильви, шотландцемъ, плохо говорящимъ по-русски, очень хорошимъ, неискательнымъ старикомъ. Въ томъ, что я не знакомился съ заискивавшими во мнѣ морскими тюленями, я никогда не раскаивался, но упрекалъ себя впослѣдствіи въ томъ, что не искалъ знакомства съ лучшею частью флота, съ тѣми именно лицами, которыя, оказывая мнѣ привѣтливость, не унижали себя до искательства, съ графомъ Гейденомъ, Головиннымъ, Крузенштерномъ, особенно съ послѣднимъ, человекомъ почтеннымъ и въ семействѣ котораго собиралось честное и просвѣщенное общество. Причиною этого были преимущественно моя личная застѣнчивость и какое-то нерасположеніе князя Меншикова къ этимъ лицамъ. Князь понималъ съ самаго начала, что назначеніе его начальникомъ морскихъ

силъ не могло нравиться старымъ морякамъ, которые дотолѣ составляли какъ бы отдѣльное государство, въ которое никто не вмѣшивался. Это назначеніе, поставившее Моллера на второй планъ, должно было, по его мнѣнію, вооружить противъ него нѣмецкую партію, которая имѣла другого кандидата, графа Гейдена, если не считать Моллера. Ссора его съ Грейгомъ могла возбудить неприязнь къ нему людей, близкихъ Грейгу, и эти люди принадлежали именно къ просвѣщенному кружку флота. Такъ объясняю я себѣ это странное нерасположеніе, хотя всѣ тѣ предположенія, исходившія изъ настроеній человѣка столь честолюбиваго и подозрительнаго, какъ князь Меншиковъ, были гораздо болѣе соотвѣтственны съ тѣмъ, что самъ князь ощущалъ бы при равныхъ условіяхъ, чѣмъ съ дѣйствительностью. Изъясненіе это сдѣлалъ я уже позже, а въ то время, считая князя непогрѣшительнымъ и безупречнымъ, смотрѣвъ его глазами и мысливъ его мыслями,—я шелъ безсознательно въ его кильватеръ тѣломъ и душою... *Si jeunesse savait!* ¹⁾).

VI.

Квартира князя Меншикова.—Посѣщеніе князя государемъ.—Мое невольное присутствіе при ихъ разговорѣ.—Визиты савонниковъ.—Вилье.—Танѣевъ и Бехтѣевъ.—Адмиралъ Пустошкинъ.—Норовъ.—Начальствующія лица во флотѣ.—Знакомство съ графомъ Бенкендорфомъ.—Порученіе написать для него дѣловую бумагу.—Скучная жизнь въ Петергофѣ.—Строгія мѣры вслѣдствіе холеры.—Бунинъ.—Майоръ Ивановъ.—Расположеніе къ нему государя.—Дядька великаго князя Константина Николаевича Римскій-Корсаковъ.—Его неудавшіяся десантъ.—Сцена съ государемъ.—Замѣна Римскаго-Корсакова Ивановымъ.

По программѣ князя Меншикова я приготовилъ къ пріѣзду его въ Петербургъ квартиру очень скромную: двухъэтажный маленькій домъ Миллера (послѣ Персона) на канавѣ, у Краснаго моста. По фасаду было 4 небольшихъ комнаты въ рядѣ, изъ которыхъ 3 по одну сторону лѣстницы, и одна по другую: въ этой поселился я. Первая изъ комнатъ князя была сквозная, имѣющая два окна на набережную и супротивныя два окна на дворъ; комната разгорожена была поперекъ поставленными сосновыми полками съ книгами; за этой перегородкой, доходившей только до двухъ третей ширины комнаты, стоялъ письменный столъ, за которымъ я работалъ, или писарь переписывалъ бумаги не канцелярскаго издѣлія. Передней не было; моя комната отдѣлялась отъ другихъ небольшою площадкой, на которой могли бы помѣститься просторно трое или четверо, стоя. Изъ первой комнаты князя вели въ другія—двѣ двери: одна, близъ фасаднаго окна, вела въ кабинетъ князя, въ которомъ самую видную мебель составлялъ боль-

¹⁾ Если бы молодымъ опытности!

шой высокій столъ сосновый подъ черною краскою,—съ доской, укрѣпленной на половинѣ высоты ножекъ; князь работалъ стоя, или прислонялся на высокій табуретъ, какъ въ банкирскихъ конторахъ; другая дверь, близъ надворнаго окна, вела въ столовую. За кабинетомъ была комнатка, съ турецкимъ диваномъ, съ развѣшенными по стѣнамъ портретами генераловъ, въ числѣ которыхъ помню Чернышева и Левашова. Гдѣ именно была спальная князя, не помню, въ темномъ ли покоѣ домоваго угла, или въ надворной пристройкѣ, въ которой жили еще адъютантъ князя, молодой, очень красивый грекъ мичманъ Дегалетъ и необтесанный, прислѣповатый малороссъ, армейскій лекаръ Баршацкій; внизу жили люди князя и была кухня.

Черезъ нѣсколько часовъ по приѣздѣ князя приѣхалъ къ нему государь; я занимался въ первой комнатѣ, за книжными шкапами, и оставался тамъ по докладѣ о государѣ, рассчитывая, что онъ тотчасъ пройдетъ въ кабинетъ, и что тогда я успѣю пройти въ свою комнату, не встрѣтись съ нимъ,—но я ошибся въ расчетѣ. Въ то время, какъ государь входилъ въ первую комнату, князь на двухъ костыляхъ входилъ въ нее же изъ кабинета, такъ что они встрѣтились на половинѣ первой комнаты.

— Вотъ онъ, вотъ онъ, мой любезный, мой дорогой князь!—закричалъ государь своимъ мягкозвучнымъ, громаднымъ голосомъ, обнимая и цѣлуя князя. — Садись, садись поскорѣе, любезный герой мой, я тебѣ помогу,—и повелъ его на старый рыночный диванъ, стоявшій въ промежности двухъ фасадныхъ оконъ.

Князь просилъ государя пройти далѣе.

— Нѣтъ, нѣтъ,—ты устанешь!

— Государь, я хожу безъ затрудненія, это—передняя; тутъ неловко.

— Благо ты сидишь,—и довольно.

Таковъ былъ привѣтъ того же государя тому же генералу, который смѣнялся имъ же въ 1854 г. по неспособности.

Я очутился заарестованнымъ и, что еще хуже, невольнымъ подслушивателемъ царскаго разговора. Мнѣ было уже около 24-хъ лѣтъ, но я былъ такъ неопытенъ въ политикѣ жизни, что не догадался тотчасъ выйти. Государь спросилъ князя о состояніи раны; она, чрезъ 14 мѣсяцевъ, была еще 5 вершковъ длины и въ широкомъ мѣстѣ до $2\frac{1}{2}$ вершковъ ширины, не выполняясь; по ложному направленію, принятому растительною силою жизни,—воспроизведеніе пошло вверхъ; вмѣсто выполнения природа утолщала только здоровые края раны. Потомъ государь замѣтилъ, что князь слишкомъ тѣсно помѣщенъ. «Для меня довольно», отвѣчалъ князь. Потомъ опять государь возвратился къ этому предмету, находя, что князь живетъ слишкомъ просто.

— Я всегда такъ жилъ, государь,—было отвѣтомъ.

Наконецъ государь сказалъ съ тяжелымъ вздохомъ:

— Слава Богу, что ты приѣхалъ; не можешь вообразить, въ какомъ я положеніи; не съ кѣмъ посовѣтоваться,—и сталъ перечислять людей съ прибавленіемъ весьма некрасивыхъ эпитетовъ.

Каждое слово государя отзывалось во мнѣ, какъ ударъ ножа. Какъ будто завѣса спадала съ глазъ моихъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ я понималъ, что мое положеніе становилось съ каждою секундою фальшивѣе и опаснѣе,—но когда государь, дойдя, если не измѣняетъ мнѣ память, до Чернышева, назвалъ его скотиной,—тогда я рѣшился сдѣлать *salto mortale*, пошелъ свободнымъ шагомъ въ дверь, ведущую въ столовую, выставя себя подъ выстрѣлъ императорскаго взора на той трети ширины комнаты, которая не заслонялась перегородкою. Слышалъ вопросъ: «кто это», но не слышалъ отвѣта, и, очутясь въ столовой, долго ощупывалъ себя, живъ ли я. Прежде отъѣзда государь пошелъ или, вѣрнѣе, проводилъ князя въ его кабинетъ; видя за кабинетомъ отворенную маленькую комнату, въ которой были развѣшены портреты, онъ спросилъ:

— Что у тебя тамъ?

— Государь, эта комната составляетъ у меня портретную галерею кровныхъ жеребцовъ.

Прошли туда, и изъ столовой слышался громкій, откровенный смѣхъ государя, раздававшійся, какъ мелодичный звонъ серебрянаго щита.

Чрезъ 10 минутъ по приѣздѣ государя мостовая набережной оглушилась неумолкаемымъ стукомъ подѣзжавшихъ и отѣзжавшихъ каретъ. Великіе сановники, слыша съ площадки, что государь въ передней комнатѣ, поступили умнѣе меня; они тотчасъ спускались внизъ, и гдѣ ожидали, не знаю; сѣней внизу нѣтъ; вѣроятно, въ швейцарской, чтобы не сказать въ людской. Какъ только государь уѣхалъ, нахлынула блестящая толпа, а я опять прошелъ къ своему письменному столу и сквозь промежутокъ двухъ книжныхъ полокъ смотрѣлъ на эту группу, проходившую въ кабинетъ. Какое неизъяснимое чувство проникало меня при лицезрѣніи особъ, не подозрѣвавшихъ, какими эпитетами онѣ были за минуту предъ тѣмъ облечены изъ высочайшихъ устъ. Какія лобзанія, какія изъявленія радости и сочувствія тутъ происходили! Назидательныя сцены!

Уморительныя фигуры попадались подчасъ въ этихъ убогихъ покояхъ. Старикъ Вилье, т. е. Уайли (Wyllie), хвостунъ и лгунъ до идіотизма и разсѣянъ до кретинизма. — «А! г-нъ Бахтинъ!» говорилъ онъ мнѣ всякій день, встрѣчая меня, несмотря на то, что онъ зналъ Бахтина уже два года, и что я всякій день повторялъ ему: «Фишеръ». Тутъ же я видѣлъ въ первый разъ Танѣева и Бехтѣева, только что сочинившихъ положеніе о гражданскихъ

мундирахъ. А. А. Перовскій (хромой) подошелъ къ нимъ съ выраженіемъ своего удивленія къ многосторонности ихъ ума: два элемента даны имъ только, цвѣтъ воротника и узоръ шитья, и изъ этихъ двухъ простыхъ элементовъ надо было произвести созданіе съ многочисленными вѣтвями и дать каждой вѣтви особый признакъ. Танѣевъ, казалось, сконфузился, а Бехтѣевъ нашелъ, что для этого нуженъ не столько умъ, сколько «особый даръ». Потомъ приѣзжалъ старый 80-лѣтній адмиралъ Сем. Аѳ. Пустошкинъ. Онъ приѣхалъ благодарить князя за милость, оказанную прадедомъ князя его отцу. «Не поздно ли?» спросилъ князь. Пустошкинъ оправдывался тѣмъ, что самъ недавно узналъ объ этомъ случаѣ, рассказанномъ въ бумагахъ, которыя онъ нашелъ у старшаго брата, недавно умершаго. Въ чемъ же состояла эта милость? При спускѣ корабля одна изъ подпорокъ упала на корабельнаго мастера, Аванасья Пустошкина, и переломила ему ногу; князь Меншиковъ, увидя это, закричалъ: «Возьмите Авоныку ко мнѣ во дворъ». Князь Меншиковъ былъ большой мастеръ отгадывать, кто и о чемъ именно собирался просить его. Разъ доложили ему о приѣздѣ А. С. Норова (впослѣдствіи министра нар. просв.).

— Зачѣмъ бы онъ приѣхалъ?—пробормоталъ князь.—А, знаю, вѣрно проситься въ директора д-та корабельныхъ лѣсовъ. Просить!

Послѣ долгаго, ловкаго предисловія, Норовъ вдругъ замѣтилъ: «Какія странныя бываютъ въ жизни сближенія! Я, напримѣръ, лишился ноги подъ Бородинымъ, а потомъ заготовлялъ корабельный лѣсъ для корабля «Бородино»!—Тутъ князь вспомнилъ, что у него какое-то очень нужное дѣло, и Норовъ уѣхалъ, не успѣвъ вывести мораль изъ рассказаннаго сближенія.

Какіе элементы нашелъ князь Меншиковъ, вступивъ въ управленіе морскою частью. Изъ военныхъ флотскихъ чиновъ представляли интеллигенцію флота адмиралы: И. О. Крузенштернъ, Ф. М. Врангель и В. М. Головинъ, всѣ трое люди умные, просвѣщенные, и еще болѣе — имѣвшіе европейскую извѣстность; но употребляло ихъ правительство вовсе не какъ интеллигенцію. Крузенштернъ былъ директоромъ морского кадетскаго корпуса, въ званіи, которое могло требовать его качествъ, но, по нашимъ обрядамъ, онъ былъ такъ заваленъ экономической частью, отчетностью, отпискою, что едва имѣлъ время сдѣлать то, что могъ бы, тѣмъ болѣе, что ему трудно было видѣться даже съ княземъ Меншиковымъ, гораздо труднѣе, чѣмъ помощнику его, глупому Качалову, которому поручена была фронтовая часть, тогдашняя формула для интеллигенціи флота. Мнѣ неизвѣстна вблизи дѣятельность Крузенштерна по этой части, но во всякомъ случаѣ онъ поставленъ былъ не такъ, какъ надлежало бы поставить знаменитаго путешественника, и—какъ говорили — необыкновенно добраго и благороднаго человѣка. Предмѣстникъ князя, Моллеръ, не дѣлалъ ему вреда, но

не дѣлалъ и добра, потому что—ничего не дѣлалъ. Моллеръ былъ добрый хозяинъ у себя и добрый мужъ, и только. Жена Моллера любила говорить о флотѣ, но всегда путала термины.—«Wie heist es doch, pyrographie oder teleskaphe?»¹⁾—Меншиковъ находилъ, что ему некогда заниматься профессорствомъ, и потому избѣгалъ частыхъ свиданій съ Крузенштерномъ, а штабъ князя не умѣлъ иначе цѣнить ничего, кромѣ маршировки передъ фронтомъ. Между тѣмъ Меншиковъ любилъ просвѣщеніе и презиралъ невѣждъ; но онъ самъ былъ поглощаемъ требованіями, не имѣющими ничего общаго съ интеллигенціею, что было естественно для болѣе придворнаго человѣка, чѣмъ министра. Если бы Крузенштерна сдѣлали генераль-гидрографомъ, съ подчиненіемъ ему морского корпуса по научной части, какъ нѣкогда корпусъ колоновожатыхъ руководился генераль-квартирмейстеромъ, то онъ былъ бы и полезнѣе и почетнѣе; но не онъ одинъ былъ въ подобномъ положеніи.

Врангель поѣхалъ начальникомъ американскихъ колоній—званіе, требующее просвѣщенія, но на это поставила его частная компанія, а въ адмиралтействѣ онъ ничего не значилъ. Головинъ былъ генераль-интендантомъ, гдѣ тоже интеллигенція была совершенною роскошью. Боевыхъ флагмановъ представляли: Кронъ, Рожновъ, графъ Гейденъ; первый, 80-лѣтній старикъ, не говорившій и не понимавшій по-русски; Рожновъ замѣнилъ Моллера въ Кронштадтѣ, какъ главный командиръ порта, никогда не командующій флотомъ. Графа Гейдена, героя наваринскаго, человѣка умнаго, образованнаго и храбраго, не было тогда здѣсь. О мужествѣ Грейга моряки рассказывали сомнительно. Затѣмъ былъ еще М. П. Лазаревъ, но это была въ то время восходящая звѣзда. Словомъ, главнокомандующаго флотомъ не было. Весь остальной генералитетъ представлялъ не только жалкій, но и карикатурный составъ. Адмиралы Галль и Суцовъ—такой грубости и невѣжества, какихъ никогда не случалось мнѣ болѣе встрѣтить. «Степка!» кричалъ Суцовъ денщику своему, когда князь Меншиковъ общалъ пить у него на кораблѣ чай: «вычисти самоваръ. Князь будетъ! Онъ не любитъ грязныхъ самоваровъ!» Гамильтонъ—совершенный идиотъ, не знавшій, что дѣлается въ его командѣ и всегда невпопадъ вмѣшивавшійся въ разговоръ. Командуя дивизіею, онъ сѣлъ на корабль, на которомъ былъ и государь со свитою. Командира корабля звали Папаегоровъ. Гамильтонъ спрашиваетъ у Чернышева: «А какъ зовутъ капитана?»—«Я слышалъ: Папаегоровъ».—«О, нѣтъ, это шутка князя Меншикова!» Ратмановъ, дежурный генераль, называлъ рিশельевскій лицей рѣшетилевскимъ. Колзаковъ, его преемникъ, не ставилъ нигдѣ знаковъ препинанія, но послѣ того, какъ Меншиковъ замѣтилъ ему

¹⁾ Какъ же это называется, пирографъ, или телескафтъ.

это шутя, онъ сталъ ставить точку послѣ каждого слова. Съ такими сослуживцами надо было поднять флотъ. Въ то время, я сожалѣлъ о Меншиковѣ. Впослѣдствіи, видѣлъ однако, что онъ могъ бы распорядиться иначе; отъ него зависѣло дать Крузенштерну и Врангелю положеніе, болѣе свойственное заслугамъ, сдѣлать графа Гейдена командующимъ флагманомъ, присвоить Головнину вѣсъ въ адмиралтействъ-совѣтъ и не назначать Галла председателемъ этого совѣта; но въ немъ соединяются странныя противорѣчія: строгій судья ума, ищущій безпристрастныхъ дѣйствій по службѣ, онъ часто отъявленныхъ дураковъ считалъ за способныхъ, или выбиралъ себѣ въ повѣренные людей совершенно неуважительныхъ, которые сообщали ему *in petto*¹⁾ свѣдѣнія лживыя и такимъ образомъ вводили его въ поступки, противныя его правиламъ.

По пріѣздѣ своемъ въ Петербургъ, князь видѣлъ во мнѣ того же юношу, какого встрѣтилъ у князя Гагарина; что я писалъ вѣрно подъ диктовку, или правильно редижировалъ пустое письмо, — это ставилось мнѣ въ подвижъ, о серьезномъ же порученіи не было и рѣчи. Первое данное мнѣ порученіе состояло въ томъ, чтобы я узналъ, за какую сумму продалъ бы свой домъ баронъ Ралль, обанкротившійся банкиръ. Ралль былъ извѣстная личность. Во время оно давалъ онъ великолѣпные балы, на которые съѣзжалось полгорода; тогда у него было много друзей; потомъ, когда дѣла его стали запутываться, общество охладѣло; наконецъ, когда стали продавать его имѣнія, всѣ его забыли; это и дало ему въ прозвище три чина: *ami-gal*, *géné-gal* и *sarot-gal*²⁾. Гордый, вспыльчивый баронъ пришелъ отъ неудачъ и отъ вѣроломства свѣта въ такое раздражительное состояніе, что жизнь присутствовавшихъ бывала въ опасности; сыновья его бѣжали изъ дому, и въ городѣ ходили анекдоты о подвигахъ его изступленія. Къ этому господину послалъ меня князь. Я высказалъ барону свое порученіе. По первому слову его отвѣта раздалась въ сосѣдней комнатѣ великолѣпная прелюдія на фортепіано, за которою послѣдовала очаровательная музыка; я заслушался. Взоры мои устремлены были на большіе, черные, пылающіе глаза огромнаго барона съ львиною головою, а слухъ былъ занятъ въ другой комнатѣ. Громкое: «*Eh bien, monsieur, c'est tout*»³⁾ разбудило меня, — и тутъ только созналъ я, что не слышалъ ни одного слова. Сказать это бѣшеному барону я никакъ не рѣшился бы, поклонился и ушелъ, проклиная сирену (дочь Ралля — теперь m-me Брюлло), меня увлекшую. Пришлось сказать князю правду, — а она не поощряла его

¹⁾ Втайнѣ.

²⁾ Адмиралъ, генералъ и капралъ.

³⁾ Ну, сударь, это все!

къ порученію мнѣ дѣлѣ серьезныхъ. Я сталъ ходить въ канцелярію, пока князь не объявилъ мнѣ, что я хожу туда совершенно напрасно. Между тѣмъ, какъ я уже говорилъ, князь переѣхалъ въ домъ болѣе просторный,—Опочинина, у Гагаринской пристани, и вызвалъ изъ Москвы сестру свою Гагарину. Дочки ея подросли, похорошѣли: княжна Татьяна—простенькая; Софья (потомъ Анненкова, потомъ Суза-Ботелло)—златовласая рѣзвушка; Наталья (Соловава)—красавица тяжелая, холодная, съ большими ногами. Мать ихъ была лучше ихъ всѣхъ, и мы всѣ въ нее влюбились: Перовскій, Дегалетъ и я. Это время было самое счастливое въ моей жизни; съ утра до вечера между барышнями, балагурили съ княжнами, вздыхали по княгинѣ, отличены по службѣ, беззаботны жизнью. Лѣтомъ отправлялись мы, Дегалетъ и я, гостить у княгини въ Ораніенбаумѣ (она жила во дворцѣ) недѣли на двѣ,—и не чувствовали земли подъ ногами. Перовскій, ревнивый, какъ тигръ, и, можетъ быть, завидуя, что ему самому нельзя жить въ Ораніенбаумѣ, написалъ мнѣ записку, въ которой укорялъ меня за то, что я не бываю въ канцеляріи и заставляю другихъ работать за себя. Я обидѣлся, понесъ эту записку къ князю и просилъ его дать мнѣ какой-нибудь документъ, удостовѣряющій, что я не бываю въ должности по его волѣ. Князь тотчасъ назначилъ меня къ себѣ чиновникомъ для особыхъ порученій, и такъ я внезапно повысился. Съ тѣхъ поръ я бывалъ у него постоянно. Какъ быстра его сила соображенія, такъ неловко перо его; случалось, что, диктуя мнѣ, онъ расхаживалъ 10 минутъ, пока находилъ нужное ему выраженіе. Одинъ разъ случилось, что онъ рѣшительно не находилъ словъ для выраженія того тонкаго оттѣнка, какой онъ любилъ давать своимъ мыслямъ. Онъ сказалъ мнѣ: «не знаю, какъ бы выразить такую-то мысль». Случилось, что выраженіе подвернулось мнѣ немедленно. Послѣ того онъ уже чаще дѣлалъ мнѣ подобные вопросы, и мнѣ часто удавалось разрѣшать ихъ удовлетворительно. Тогда я сдѣлался ему нуженъ, а потомъ и необходимъ, какъ секретарь, и мало-по-малу я замѣнилъ Бахтина, который управлялъ отдѣленіемъ канцелеріи и потомъ уже, послѣ ссоры съ Перовскимъ, возвратился къ службѣ чиновника для особыхъ порученій.

Въ 1831 году открылась холера въ первый разъ. Коварство ея нападенія, энергія ея дѣйствія и страшная форма смерти, ея причиняемой, наводили неизъяснимый ужасъ. Прилипчивость ея не была еще оспариваема медиками, одними—по убѣжденію, другими—по внушенію крупной торговли,—и государь рѣшился переѣхать съ семействомъ въ Петергофъ, оцѣпивъ его двойнымъ военнымъ кордономъ съ заряженными ружьями. Въ Петергофъ назначены были 2 или 3 генералъ-адъютанта и столько же флигель-адъютантовъ, 2 фрейлины (Урусова и Росеттъ), начальники обоихъ глав-

ныхъ штабовъ съ однимъ секретаремъ, однимъ писаремъ и однимъ адъютантомъ, да шефъ жандармовъ. При Чернышевѣ былъ Позень, при Бенкендорфѣ Дубельтъ и еще какой-то толстый статскій съ широкою Анною на шеѣ,—а князь Меншиковъ взялъ Дегалета и меня. Здѣсь я поневолѣ сдѣлался *factotum*¹⁾. Въ особенности занятъ я былъ редактированіемъ бумагъ, на которое князь былъ очень прихотливъ. Шестъ лѣтъ сряду продолжалась эта работа; вечеромъ откладывалъ князь бумаги, присланныя изъ разныхъ департаментовъ къ его подписанію,—и отдавалъ ихъ мнѣ для передѣлки,—или, объясняя непонятую мысль, или приказывая «сказать то же, но иначе». На вопросъ, однажды сдѣланный, скоро ли нужны бумаги (ихъ была цѣлая кipa), князь отвѣчалъ: «*Vous avez toute la nuit devant vous, comme disait Napoléon à Berthier*»²⁾—и я принялъ это къ исполненію; работалъ до 4 и 5 часовъ, отдавалъ бумаги писарямъ, а самъ ложился до 9 часовъ утра, чтобы въ 10 часовъ нести работу къ князю. Но не одна такая работа оставалась за мной послѣ одного случая. Князь отдалъ мнѣ записку по тарифу и сказалъ, что, когда будетъ ему время, онъ займется этимъ вопросомъ и продиктуетъ мнѣ свое мнѣніе. Я попробовалъ написать свое, но не смѣлъ показать его, чтобы не осрамиться. Наконецъ, однако, рѣшился сказать князю, что я кое-что написалъ,—и сказалъ это очень несмѣло. Радость моя была неизъяснима, когда Меншиковъ отозвался, что онъ ничего не можетъ ни прибавить, ни убавить, и, подписавъ мое мнѣніе, послалъ его въ государственный совѣтъ. Случай этотъ имѣлъ важныя для меня послѣдствія; съ одной стороны, онъ показалъ Меншикову, что я умѣю не только писать, но и разсуждать, съ другой—далъ мнѣ самому удостовѣреніе, что то, что мнѣ кажется въ моемъ трудѣ хорошо, можетъ быть дѣйствительно хорошо. Это дало мнѣ апломбъ.

Скоро я познакомился съ графомъ Бенкендорфомъ. Пока мы оцѣплялись въ Петергофѣ отъ холеры, умиралъ отъ той же болѣзни въ царствѣ Польскомъ изгнанный изъ Варшавы великій князь Константинъ Павловичъ. Получивъ извѣстіе о смерти брата, государь послалъ Бенкендорфа сопровождать его тѣло, а этотъ отправилъ туда предварительно начальника своего штаба полковника Дубельта, оставшись въ Петергофѣ одинъ съ толстымъ аннинскимъ кавалеромъ. Этотъ кавалеръ пришелъ ко мнѣ отъ имени Бенкендорфа просить пожаловать къ графу въ особенное одолженіе его сіятельству. Графъ попросилъ меня написать Дубельту, чтобы онъ ждалъ его съ коляской не тамъ, гдѣ прежде было условлено, а въ другомъ мѣстѣ: въ этомъ заключалось то важное

¹⁾ Всѣмъ завѣдывающій.

²⁾ У васъ цѣлая ночь впереди, какъ говорилъ Наполеонъ Бертье.

порученіе, котораго не могъ исполнить толстый чиновникъ съ Анною на шеѣ. Когда я прочиталъ написанную мною бумагу, Бенкендорфъ разсыпался въ благодарностяхъ, а потомъ поздравлялъ князя Меншикова *pour la plume qu'il avait en son secrétaire*¹⁾. Это оттого, что у насъ въ то время считалось еще великою мудростью написать дѣловую бумагу; студентъ, магистръ, оспаривающій самонадѣянно догматы науки, трепеталъ передъ первымъ порученіемъ написать отношеніе; Бенкендорфъ, Чернышевъ, писавшіе мастерски французскія письма и депеши, признавали себя несостоятельными написать офиціальныя приказъ,—и книга Магницкаго о дѣловомъ слогѣ считалась произведеніемъ достойнымъ почетнаго мѣста между классическими твореніями. Когда и у меня завелись подчиненные, образовавшемъ выше кантонистовъ, и они приходили въ смущеніе, когда я давалъ имъ порученіе написать отношеніе. Посидѣвъ съ перомъ въ рукахъ, они приходили ко мнѣ съ сознаніемъ, что не знаютъ, какъ начать, или какой дать оборотъ. «Поняли ли вы меня?—спрашивалъ я этихъ новичковъ:—если поняли,—повторите, что я вамъ приказалъ». Когда они вѣрно повторяли сказанное, я говорилъ имъ: «такъ и напишите», и видѣлъ на лицѣ ихъ сомнѣніе. «Это будетъ не по формѣ», заявляли они, и большого стоило труда убѣдить ихъ, что нуженъ смыслъ, а не форма. За это вольнодумство были на меня даже жалобы. Въмѣсто того, чтобы писать на разукрашенномъ листѣ: «На отношеніе за №   честь имѣю увѣдомить, что оно мною получено и принято къ свѣдѣнію», я велѣлъ напечатать in 4°: «Отношеніе за № такимъ-то въ департаментѣ ж. дор. получено». На этихъ печатныхъ бланкахъ проставлялся перомъ номеръ и надписывался адресъ. Однако какой-то департаментъ нашелъ, что я отступаю отъ законной формы и не соблюдаю установленнаго приличія.

Не знаю, веселился ли дворъ, живя въ Петергофѣ,—но много шевелился. Мнѣ было до крайности скучно. Князь Меншиковъ былъ почти цѣлый день въ движеніи, то у государя въ петергофскомъ дворцѣ, то у него въ Александринѣ, то на разводѣ или на катерѣ, то въ коляскѣ или линейкѣ ѣдущимъ куда-то; то же самое дѣлали всѣ придворные. Не принадлежа ко двору, я не участвовалъ въ этихъ коловратныхъ движеніяхъ, но не могъ и отлучаться далеко, потому что государь давалъ неожиданно приказанія; бумаги отправлялись въ Петербургъ два раза въ день,—а я при князѣ былъ одинъ и составлялъ съ писаремъ всю его канцелярію. Гораздо менѣе занятый дѣломъ, чѣмъ въ ожиданіи дѣла, я бродилъ по одинокимъ, грустнымъ аллеямъ Нижняго сада или сидѣлъ въ *Monplaisir* на берегу моря, предаваясь мыслямъ о своемъ

¹⁾ Съ дѣловымъ человекомъ, котораго онъ имѣлъ въ лицѣ своего секретаря.

ничтожествѣ и своемъ одиночествѣ. Въ 7 верстахъ отъ Петергофа жила княгиня Гагарина, прекрасная, милая, добрая, въ ораніенбаумскомъ дворцѣ, принадлежавшемъ нѣкогда ея прадѣду и на которомъ сохранилась еще его княжеская корона; въ 2 верстахъ по другую сторону жила двоюродная сестра моя, но кордонъ отдѣлялъ меня отъ нихъ строже, чѣмъ разстояніе нѣсколькихъ сотъ верстъ, особенно со стороны Петербурга; тутъ Петергофъ охранялся военнымъ кордономъ на военномъ положеніи; со стороны же Петергофа линія шла подлѣ собственной дачи, на половинѣ дороги между Ораніенбаумомъ и Петергофомъ, и охранялась только пикетами; на шоссе былъ шлагбаумъ со сторожемъ или часовымъ, а инспекторомъ этого пункта былъ Бунинъ, владѣлецъ ближайшей дачи. Отставной давнымъ-давно морякъ, дряхлый, съ трясущею головою, Бунинъ такъ гордился порученіемъ, на него возложеннымъ, «охранять царскую фамилію», что сидѣлъ съ утра до вечера у шлагбаума. Къ этому шлагбауму подходила изъ Ораніенбаума княгиня съ княжнами, беспокоящаяся о братѣ и скучающая въ захолустѣ, — и подходили мы, Дегалетъ и я, — сначала останавливаясь другъ отъ друга въ отдаленіи, а потомъ придвигаясь со дня на день ближе къ линіи, которую мы и обратили наконецъ въ геометрическую. Во время сильнѣйшаго дѣйствія холеры государь усугубилъ мѣры осторожности въ оцѣпленномъ Петергофѣ; во время обѣда въ *Monplaisir* онъ взялъ блюдо съ фруктами, стоявшее на столѣ, и бросилъ его въ море, объявивъ, что это сигналъ, по которому впредь никто изъ приближающихся къ нему не смѣетъ вкушать фрукты. Все богатство царскихъ оранжевыхъ осталось вдругъ безъ употребленія и сбыта, и потому мы, Дегалетъ и я, располагали этимъ сокровищемъ въ большихъ размѣрахъ. Мы набивали себѣ карманы вишнями, персиками, абрикосами и съ этимъ придаткомъ были *terque quaterque beati*¹⁾ передъ глазами княженъ, но Бунинъ рѣшительно воспротивился такому соприкосновенію. Сначала мы его надували, дѣйствуя на слабыя его струны. Дача его и жена его были очень красивы.

— Чья это дача? — спрашивали мы.

— Это моя дача!

— Какая красавица! — восклицали мы при видѣ дамы, гулявшей въ его саду.

— Это моя жена! — говорилъ старикъ, тряся головой. Растроганный нашими восторгами, онъ устремлялъ съ любовью взоры на свою дачу или на свою жену, а въ это время мы дѣятельно перегружали фрукты изъ нашихъ кармановъ въ карманы княженъ; наконецъ, Бунинъ догадался и, не достигнувъ у насъ повинovenія, говорилъ о томъ нѣсколько разъ князю Меншикову, — тоже

¹⁾ Трижды, четырежды блаженны.

безполезно. Бунинъ рѣшилъ наконецъ серьезно спросить у князя, что онъ посоветуетъ ему сдѣлать, чтобы княгиня послушалась его? Князь отвѣчалъ ему: «Разстрѣляйте ее!» Тутъ Бунинъ пришелъ въ совершенный тупикъ и больше въ дѣла наши не вмѣшивался, а заранѣе уходилъ куда-нибудь подальше, когда издали видѣлъ княгиню по дорогѣ къ шлагбауму. Блюстителемъ со стороны моря былъ другой оригиналъ, майоръ Ивановъ, изъ матросовъ, бывшій болѣе 50 лѣтъ на службѣ, плутъ съ тонкостью русскаго мужика. Какъ русскій мужикъ, прикрывающій свое лукавство поддѣльнымъ простодушіемъ, Ивановъ, по мѣрѣ повышеія въ чинахъ, очень хорошо понималъ жалкую роль, какая выпала бы на его долю, если бы вздумалъ поддѣлываться подъ приемы офицерскіе; онъ усилилъ грубость своихъ манеръ и подъ маскою неотесаннаго чистосердечія проводилъ самые тонкіе расчеты. При восшествіи на престолъ государя Николая Павловича онъ командовалъ ластовою ротою на Охтѣ. Когда государь пріѣхалъ на охтенскую верфь, Ивановъ, человекъ замѣчательной наружности по топорной оболванкѣ своего огромнаго лица, вышелъ къ государю съ словеснымъ рапортомъ вмѣсто поднесенія письменнаго.

— Отчего не подаешь рапорта?—спросилъ государь.

— Оттого, что писать не умѣю, ваше величество, — отвѣчалъ смѣло Ивановъ.

— Отчего же не умѣешь писать?

— Оттого, что не учили; матросомъ — сколько хочешь, а грамоты не знаю.

Понравился государю этотъ сфинксовый типъ, выражавшій силу и прямизну; посадилъ онъ его какъ-то на руль своего катера, а Ивановъ сталъ безцеремонно раскланиваться съ камеръ-фурьеромъ, ѣхавшимъ въ другомъ катерѣ съ прислугою. Государю забавна была эта «наивность»; онъ спросилъ, смѣясь:

— Развѣ ты его знаешь?

— Какъ не знать! Я былъ гребцомъ, а онъ рехткнетомъ, оба равные были; я выслужилъ 25 лѣтъ матросомъ, да вотъ уже скоро 25 лѣтъ офицеромъ, — да все еще капитанъ, а онъ блюда лизалъ, да—ишь ты—ваше высокоблагородіе!

Государь расхохотался, и Ивановъ произведенъ въ майоры. Въ 1830 или 1831 году наименовали его командиромъ петергофскаго порта, что дало ему право на придворную столовую порцію во все время пребыванія государя въ Петергофѣ. Ивановъ нашель, что онъ не привыкъ ѣсть царское кушанье, что ему нужны солдатскія щи, и на этомъ основаніи выпросилъ себѣ производство деньгами по 7 рублей ассигнаціями въ день, вмѣсто стола въ натурѣ, но скоро онъ такъ разлакомился, что и этого было ему мало, и онъ ждалъ только случая выпросить еще что-нибудь. Одинъ разъ, при осмотрѣ кронштадтской гавани, князь Меншиковъ пока-

залъ государю аляповатую носовую фигуру на старомъ кораблѣ «Юпитеръ», съ которою находилъ сходство въ лицѣ Иванова. Государю это понравилось; проѣзжая въ коляскѣ съ императрицей мимо вытянувшася во фронтъ Иванова, государь закричалъ ему:

— Здравствуй, Юпитеръ.

Причемъ императрица громко засмѣялась. Ивановъ имѣлъ дерзость сказать:

— Ваше величество, грѣхъ смѣяться надъ старымъ служивымъ.

Онъ постигъ благородство характера государя и рассчиталъ вѣрно дѣйствіе словъ его на государя.

— Не сердись, старикъ,—сказалъ онъ:—это шутка, а въ душѣ мы тебя цѣнимъ.

Вскорѣ затѣмъ Ивановъ, встрѣтясь съ государемъ, скорчилъ печальную рожу, и на вопросъ, о чемъ онъ такъ нахмурился, отвѣчалъ:

— Да что, ваше величество, князь Петръ Михайловичъ (Волконскій, министръ императорскаго двора) обижаетъ.

— Чѣмъ же онъ обижаетъ тебя?

— Да не отпускаетъ мнѣ кушанье,—дескать, столовые получаю. Что же ему жаль, что ли, стало тарелки супу? Мнѣ уже недолго супу-то ѣсть осталось.

Государь приказалъ отпускать ему и столъ и столовые деньги. Юпитеромъ болѣе не называли его; но Огаревъ написалъ его въ видѣ Нептуна, и съ тѣхъ поръ имя Нептунъ окончательно замѣнило имя Иванова, который этимъ очень гордился, узнавъ, что Нептунъ былъ повелитель моря. Кто бы могъ подумать, что этотъ Нептунъ могъ быть хоть на минуту дядькою великаго князя Константина Николаевича! Въ дядьки назначенъ былъ флигель-адъютантъ Римскій-Корсаковъ. Выборъ мерзвѣйшій. Корсаковъ, отличный фронтовикъ, былъ человѣкъ развратнаго поведенія, интриганъ, и сгнилъ отъ сифилиса и ртути. Во время маневровъ, въ которые князь Меншиковъ долженъ былъ брать Петербургъ, а великій князь Михаилъ защищать его, Римскій-Корсаковъ командовалъ канонирскою флотиліей, которой назначеніе было атаковать во флангъ петербургскія войска въ то время, когда Меншиковъ атакуетъ ихъ съ фронта. Корсаковъ повелъ флотилію къ Стрѣльнѣ; графъ Гейденъ поплылъ зрителемъ на гвардейскомъ катерѣ, въ который пригласилъ и меня. Корсаковъ, подошедъ къ Стрѣльнѣ, сталъ высаживаться, но не успѣлъ еще выставить на берегъ свой десантъ, какъ прискакалъ Ланской съ нѣсколькими легкими орудіями и лейбъ-гусарскимъ полкомъ, который сталъ тѣснить нашъ десантъ въ воду, между тѣмъ какъ Ланской доказывалъ Корсакову, что онъ разбитъ. Командиры заспорили, гусары обнажили сабли, моряки наклонили штыки, — и чуть не вышла свалка. Нѣсколько лошадей уколото было штыками. Вдругъ

принесся въ полный карьеръ государь, бывшій начальникомъ штаба у великаго князя Михаила, закричалъ: «Смирно!»—и все окаменѣло. Государь, выслушавъ Ланского и сосчитавъ обоюдныя войска, сказалъ спокойно Корсакову:

— Корсаковъ! ты поторопился! Тебѣ слѣдовало выждать, пока покажутся головы передовыхъ колоннъ Меншикова и тогда начать десантъ; теперь ты съ Ланскимъ одинъ на одинъ: ты разбить, ретируйся.

— Позвольте объяснить, ваше величество.

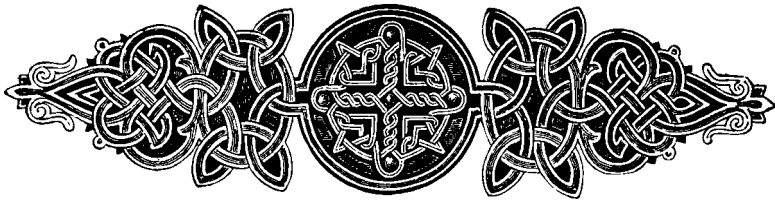
— Что-о!—загремѣлъ государь громовымъ голосомъ.—Государя не слушаться? Лямку надѣну! Солдаты! въ воду!—и весь легионъ бросился по поясъ въ воду, какъ всполошенные утки.

Пріѣхавъ въ Петергофъ, государь тотчасъ смѣнилъ Корсакова отъ великаго князя и чуть не снялъ аксельбантовъ. Наслѣдникъ сталъ было просить о немъ. Ему досталось. Князь Меншиковъ предложилъ государю оставить Корсакова, пока прибудетъ Литке, ожидавшійся изъ кругосвѣтнаго плаванія.

— Ни одной минуты!—сказалъ государь, и назначилъ Иванова дядькою до пріѣзда Литке.

(Продолженіе въ слѣдующей книгѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА.¹⁾

VII.

Мой плохой почеркъ является препятствіемъ къ поѣздкѣ съ княземъ Меншиковымъ за границу.—Усердное занятіе чистописаніемъ устраняетъ это препятствіе.—Неосторожное слово и его послѣдствія.—Путешествіе и рассказы князя Меншикова.—Подробности смерти Моро.—Пребываніе въ Карлсбадѣ.—Князь Меттернихъ.—Графиня Разумовская.—Оригинальный разговоръ ея съ Меншиковымъ.—Объясненіе ея съ княземъ Рейсъ.—Киселева.—Ея выходка.

Въ 1833 году государь, собираясь въ Мюнхенгрецъ и желая видѣть тамъ князя Меншикова, позволилъ ему взять съ собой чиновника, который могъ бы быть и писаремъ. Князь, предупредивъ меня о томъ еще въ мартѣ, изъяснилъ сожалѣніе, что не можетъ взять меня, оттого что у меня дурной почеркъ (онъ былъ едва разборчивъ). Каково было мое положеніе? Путешествіе за границу, идеалъ недосягаемый, лежитъ передо мной, и я не могу завладѣть имъ; я испытывалъ участь Тантала, но какъ боги на меня не гнѣвались, то и окончилась она скорѣе, чѣмъ для Тантала. Я принялся писать, чистописать, часа по 4 въ день. Когда мнѣ казалось, что почеркъ мой чистъ, я воспользоваться порученіемъ написать указъ капитулу, переписалъ его самъ и подалъ съ прочими докладами князю. Онъ никогда не любилъ почерка кантонистовъ; увидя указъ, онъ съ любопытствомъ спросилъ:

¹⁾ Продолженіе. См. «Истор. Вѣстн.», т. CXI, стр. 796.

— Кто это переписывалъ?
 — Находите, ваше сіятельство, что нехорошо переписано?
 — Напротивъ, прекрасно.
 — Это я писалъ.
 — Давно ли за вами такая добродѣтель? — спросилъ меня князь.

— Началась съ тѣхъ поръ, — отвѣчалъ я: — какъ вы сказали мнѣ, что почеркъ мой препятствуетъ мнѣ быть съ вами за границею.

— Поѣдьте, поѣдьте! — кончилъ князь.

И поѣхали. О, восторгъ!

Но въ Мюнхенгрецъ я все-таки не попалъ! По особому глупому случаю. Князь поѣхалъ прежде въ Карлсбадъ, черезъ Дрезденъ (гдѣ мы останавливались). Тамъ, гуляя съ графомъ Фелпедичемъ, съ которымъ я сблизился, употребилъ въ разговорѣ имя государя. Едва я выговорилъ слово *l'empereur*, обратился ко мнѣ съ испугомъ одинъ изъ гулявшихъ передъ нами, это былъ князь Меншиковъ. Дома онъ не могъ скрыть нѣкоторой принужденности и, когда пришлось ему ѣхать въ Мюнхенгрецъ, онъ оставилъ меня въ Дрезденѣ, и потомъ велѣлъ мнѣ ѣхать въ Штеттинъ, ожидать его, и въ Мюнхенгрецъ поѣхалъ одинъ. Я убѣжденъ, что князь Меншиковъ опять струсилъ, чтобы я не проговорился, «не надѣлалъ коммержей» (любимое его выраженіе).

Къ моему великому счастью, во время первой его поѣздки за границу желѣзныхъ дорогъ еще не было. Князь ѣхалъ въ дормезѣ, одинъ или со мною, шестерикомъ, а за нимъ коляска парю, съ его сыномъ 16-ти лѣтъ, со мной, или, когда я садился съ княземъ, съ камердинеромъ; мы ѣхали по шоссе и по пескамъ; ѣдали на станціяхъ порядочно, или довольствовались дурнымъ супомъ *Kalte Schale*; наслаждались видомъ мѣстностей и скучали отъ медленной ѣзды по однообразнымъ равнинамъ Пруссіи или подымаясь на горы въ Богеміи, словомъ, мы ощущали, мы были путешественниками, а не поклажею. Проѣзжая черезъ Саксонію, театръ послѣднихъ битвъ съ Наполеономъ, князь рассказывалъ мнѣ подробности на мѣстахъ, и какъ рассказывалъ! Это чистѣйшій классицизмъ: ни одного отборнаго слова, ни одной гиперболы, ни восклицанія. Рѣчь лилась спокойно, просто, даже лѣнливо, а между тѣмъ она отпечатывала во мнѣ образы такъ глубоко, такъ отчетливо, что я въ состояніи былъ подумать, что знаю не рассказанное, а видѣнное. Тутъ въ первый разъ узналъ я, что рассказъ, будто Моро сказалъ государю: «Отодвиньтесь, въ васъ мѣтять», и когда государь отодвинулся, то Моро былъ раненъ ядромъ, — есть вымыселъ. Меншиковъ былъ въ свитѣ государя, какъ и Моро. Государь, осмотрѣвъ позиціи, повернулся и поскакалъ галопомъ со всею свитою; отъѣхавъ сажень 100, онъ замѣтилъ, что Моро нѣтъ, и послалъ Меншикова узнать, отчего онъ отсталъ. Меншиковъ

нашелъ его лежащимъ безъ ногъ (или безъ ноги—не помню), поскакалъ доложить государю, который воротился и отъ Моро услышалъ, что ядро его ранило въ то время, когда онъ поѣхалъ за государемъ, посмотрѣвъ еще съ минуту на непріятеля. Въ Дрезденѣ и Карлсбадѣ мы были на самой короткой ногѣ; строго запрещено мнѣ было титуловать князя; переѣзжая черезъ Эльбу, мы садились въ гондолу, какъ «обыкновенные смертные», сидѣли и ждали, пока подойдутъ другіе пассажиры, и платили, какъ и всѣ, по 2 или 3 гроша; въ загородномъ кафе я острилъ съ прислужницами, нисколько не церемонясь, что со мною мой министръ, и князь хохоталъ безпрестанно. Въ Карлсбадѣ общество рѣзко раздѣлялось на два класса. Аристократія собиралась въ Sächsischer Saal ¹⁾, а мѣщанство въ Böhmischer Saal ²⁾. На вечера или на балы перваго дамы пріѣзжали въ низкихъ платьяхъ, кавалеры въ башмакахъ и черныхъ чулкахъ (подъ длинными панталонами), съ орденскими ленточками или цѣпочками въ петлицѣ. Князь Меншиковъ продѣвалъ цѣпочку, тянувшуюся отъ одной петли въ другую и состоявшую изъ 12-ти звѣздъ. Здѣсь я видѣлъ князя Меттерниха, чистенькаго старичка небольшого роста, съ серебристыми сѣдыми волосами, между которыми было еще, можетъ быть, $\frac{1}{8}$ часть не посѣдѣвшихъ. Можетъ быть, при близкомъ изслѣдованіи лица я открылъ бы въ немъ черты гениальности и изящную дипломатическую отдѣлку, но, сколько я могъ разглядѣть его мимоходомъ, или когда онъ сидѣлъ за карточнымъ столомъ, въ его фізіономіи не видно было ни того ни другого: тщательная прическа, острая бритва и хитрые глаза; и въ поступи не было ничего замѣчательнаго. Если бы я не зналъ никого изъ присутствовавшихъ, и мнѣ предоставили бы отгадать, который изъ нихъ Меттернихъ, я, не задумавшись, указалъ бы на князя Меншикова. Видѣлъ тучнаго короля вюртембергскаго, который, подходя къ дамамъ, выдѣлывалъ ногами пѣ, какъ въ менуэтѣ. Изъ русскихъ дамъ были тогда въ Карлсбадѣ Разумовская и Киселева. Разумовская озадачивала меня нѣсколько разъ. Въ первый разъ я увидѣлъ ее окруженною кавалерами, верхомъ на пылкомъ ворономъ жеребцѣ. Амазонка обращена была ко мнѣ спиною, рослая, стройная, въ черномъ платьѣ, граціозно и смѣло сдерживающая коня, который не хотѣлъ стоять спокойно и грызъ удила съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ; другіе всадники держались подлѣ, ожидая чего-то, чтобы тронуться. Мнѣ пришло неодолимое желаніе видѣть лицо амазонки; я зашелъ почти бѣгомъ впередъ, и далеко впередъ, чтобы имѣть болѣе времени насладиться зрѣніемъ лица, прекраснаго, какъ я себя увѣрилъ; но каково было мое удивленіе, когда я увидѣлъ старуху за 60 лѣтъ,

---

¹⁾ Саксонскій залъ.

²⁾ Богемскій залъ.

съ огромнымъ носомъ и съ лицомъ грязно-желтаго цвѣта, какъ старая незолоченая бронза. Въ другой разъ князь Меншиковъ, гуляя со мной и съ сыномъ, встрѣтился съ нею. Разумовская остановила князя и пригласила его представить ей сына.

— Dites lui, que je suis sa grand mère... ¹⁾

Князь сказалъ сыну:

— La comtesse a été épouse de votre grand oncle, qui l'a vendue pour 25 m. roubles...

— Ce n'est pas vrai, le mauvais sujet m'a cédée pour 60 m. roubles ²⁾.

И князь выговорилъ эту, скандализировавшую меня, фразу, какъ самое обыкновенное привѣтствіе, графиня, выслушавъ ее, какъ обыкновенное «bonjour», отвѣчала спокойно и серьезно, глядя на мальчика, такъ точно, какъ бы она говорила ему, что въ Дрезденѣ не 25, а 60 тысячъ жителей.

На балѣ Разумовская была дуэньей дамъ и вела себя прекрасно. Въ то время была тамъ молоденькая красавица-княжна Абамеликъ (теперь Барятинская), съ которою очень любезничалъ князь Рейсъ, сорокъ который—не помню. По прошествіи трехъ или четырехъ недѣль Разумовская подозвала его къ себѣ на балѣ и стала поздравлять съ прекраснымъ выборомъ. Долговязый Рейсъ смутился и пробормоталъ, что онъ никакого выбора не дѣлалъ.

— Въ такомъ случаѣ,—сказала ему графиня,—ваше поведеніе невеликодушно; прелестная, милая дѣвушка, прекрасной фамиліи, могла бы сдѣлать здѣсь хорошую партію, но молодые люди, видя передъ собою такого соперника, какъ вы, князь, конечно, не рѣшатся вступить въ состязаніе. Если же вы любезны съ княжною со скуки, то я обязана предупредить васъ, что эта дѣвушка выше орудія препровожденія времени.

Князь Рейсъ на другой день уѣхалъ. Не такъ вела себя Киселева. Она влюбилась въ графа А. Г. Строганова (о вкусахъ спорить нельзя), и когда онъ собирался ѣхать, то она просила его остаться для нея. Получивъ отказъ на балѣ, она отправилась топиться въ рѣчку Тепль, въ которую фіакры въѣзжали для того, чтобы обмыть колеса. Страстная Киселева могла, стало быть, замочить только фалбалы на своемъ платьѣ, что она и сдѣлала. Я видѣлъ ее на обратномъ пути ночью въ платьѣ, которое билось съ всплескомъ около ногъ и оставляло за собою мокрый слѣдъ. На другое утро весь городъ видѣлъ окна ея завѣшанными турецкими

¹⁾ — Скажите ему, что я его бабушка.

²⁾ — Графиня была супругою вашего двоюроднаго дѣда, который продалъ ее за 25 тысячъ рублей...

— Неправда, негодяй уступилъ меня за 60 тысячъ рублей.

палями, красною, бѣлою, черною и пр. по числу окошекъ. Въ знойные дни она раздѣвалась донага и прохаживалась по комнатамъ,—и тогда окна не завѣшивались. Впрочемъ, она жила во второмъ этажѣ на Alte Wiese, слѣдовательно, безъ vis-à-vis, но съ другой набережной, Neue Wiese, можно было видѣть ее въ зрительную трубку.

VIII.

Повѣдка съ княземъ Меншиковымъ въ Стокгольмѣ.—Король шведскій Карлъ XIV, его семья и дворъ.—Составъ нашего посольства.—Графъ Сухтеленъ.—Бодиско.—Свита князя Меншикова.—Глазенапъ и его курьезное объясненіе съ королемъ.—Представленіе наше королевской фамиліи.—Мой разговоръ съ королевой и объясненіе съ княземъ Меншиковымъ.—Вечеръ при дворѣ.—Веселаго.—Вліяніе на меня князя Меншикова.—Холера.—Государь на Сѣнной площади.—Болѣзнь князя.—Заботы о немъ государя.—Письмо государя къ князю.—Мое новое служебное назначеніе.

Въ 1835 году князь посланъ былъ въ Стокгольмъ благодарить короля Карла XIV за присылку чрезвычайнаго посла графа Левенгелъна къ открытію Александровской колонны. Карлъ XIV (Бернадоттъ) былъ еще бодрый старикъ, сухощавый, довольно высокаго роста, тонкой, хитрой фізіономіи съ саркастическою улыбкою—принадлежностію всѣхъ очень узкихъ губъ—и очень просто одѣтый: въ темно-синемъ мундирѣ безъ шитья, съ маленькими золотыми пуговицами и въ высокихъ узкихъ сапогахъ. Орлиный носъ, курчавые, съ просѣдью, стального цвѣта, волосы и романскій выговоръ представляли въ немъ чистый типъ гасконца. Королева — толстая, полнокровная марселька, простыхъ приемовъ и типъ добродушія. Наслѣдный принцъ Оскаръ — хорошъ собою, тоже чистый гасконецъ, съ большимъ, чѣмъ у отца, выраженіемъ шарлатанства; вообще, по наружности онъ довольно близко подходилъ подъ типъ Ив. Матв. Толстого, или французскаго парикмахера. Супруга его, принцесса Лейхтенбергская, прекрасная ростомъ и лицомъ, привлекательная всѣми своими движеніями, тонъ рѣчи скромный, почти застѣнчивый. Дворъ великолѣпный, разумѣется, великолѣпіе не въ золоченыхъ карнизахъ, а въ осанкѣ, приемахъ и наружности придворныхъ. Первое мѣсто между ними занималъ графъ Браге (Brahe), начальникъ штаба, смуглый, но чистый лицомъ, какъ поблекнувшій каррарскій мраморъ, рослый и стройный, лѣтъ за 50, рыцарской наружности, въ голубомъ мундирѣ съ золотымъ шитьемъ по бѣлому воротнику, въ бѣлыхъ, съ широкимъ золотымъ лампасомъ, панталонахъ; на сапогахъ огромныя золотыя шпоры; на треугольной шляпѣ широкая золотая изъ бити кокардная петля и трехцвѣтный, сине-желто-бѣлый султанъ изъ страусовыхъ перьевъ. Дамъ не было,—кромѣ двухъ-трехъ свиты королевы и принцессы. Кромѣ нѣсколькихъ голубыхъ мундировъ (генераль-адъютантскихъ), дер-

жавшихся у самого подножія троннаго возвышенія, на первой ступени котораго сталъ король, стояла по сторонѣ трона далѣе первыхъ группа кавалеровъ въ синихъ фракахъ съ форменными пуговицами и золотымъ кантомъ по бархатному отложному воротнику; это были полковники, вмѣстѣ съ тѣмъ камергеры. Браге отличался отъ всѣхъ не только важною и рельефною своею фигурою, но и золотою тростью, эмблемою штаба. Нашу миссію представляли: графъ Сухтеленъ, очень маленькій и дряхлый старичокъ, безцеремонный, безэтикетный, какъ будто выжившій изъ ума. Онъ опоздалъ; король и королева были уже въ тронной, когда прибылъ Сухтеленъ; онъ подошелъ къ королевѣ, почти сзади, такъ, что она не замѣтила его приближенія, взялъ ея руку и сталъ цѣловать ее, скоро, скоро; поцѣловалъ разъ 5 или 6. Королева, обернувшись къ нему, привѣтствовала его: «Ah, cher comte!» ¹⁾ такимъ тономъ, какимъ привѣтствуютъ маленькихъ дѣтей. Бодиско, совѣтникъ посольства, — говорили, умный человѣкъ, — весьма невзрачнаго лица, но довольно видный ростомъ, воткнувшій свою шею въ огромный, тугой галстукъ до самыхъ ушей. Былъ тамъ еще Бодиско, полковникъ артиллеріи, состоявшій при нашей миссіи, — какой-то шутъ краснощекій, *si-devant jeune homme* ²⁾. Онъ сочинилъ себѣ мундиръ по своему вкусу; носилъ панталоны и шляпу, какъ шведскіе генералъ-адъютанты, только съ другими цвѣтами перьевъ, и, застигнутый врасплохъ чрезвычайнымъ посольствомъ, явился въ этомъ фантастическомъ костюмѣ, къ величайшему негодованію его двоюроднаго брата или дяди, совѣтника. Онъ хотѣлъ, кажется, похвастать дипломатичностью своего тона, начавъ какую-то рѣчь съ графомъ Сухтеленомъ, въ которой слово *excellence* составляло четыре пятыхъ. Сухтеленъ, однако, прервалъ его словами: «*Allez-vous en au diable avec vos excellences, polisson!*» ³⁾ — и полиссонъ отступилъ сконфуженный. Мы выстроились въ рядъ, но не въ іерархическомъ порядкѣ. При князѣ были въ свитѣ капитанъ перваго ранга Веселаго, толстый, необразованный, русскій купчина по манерамъ, адъютанты Глазенапъ (теперь главный командиръ Черноморскаго флота) и Веригинъ; чиновникъ министерства иностранныхъ дѣлъ, молоденькій, хорошенькій Кудрявскій и я. Пароходомъ командовалъ Твериновъ, хорошій морякъ, но необразованъ, какъ мужикъ, и съ тономъ рѣчи хуже, — у мужика что-то скромное, мягкое, у Тверинова — угрюмо-дерзкое и, что называется по-нѣмецки, — *Rücksichtloses* ⁴⁾. Бодиско, взятый на пароходъ за его фамилію; Окуловъ, лейтенантъ, сынъ русскаго плацъ-майора,

¹⁾ А, дорогой графъ!

²⁾ Нѣкогда молодой человѣкъ.

³⁾ Убирайтесь къ чорту съ вашими сіятельствами, повѣса...

⁴⁾ Ничего не уважающій.

женившагося на финляндкѣ, которая воспроизвела свой типъ на сынѣ: широкое мѣщански-румяное лицо, огромные, широкіе зубы, большіе, очень свѣтло-голубые глаза съ бѣлыми рѣсницами и бровями; въ тонѣ что-то наивно-нахальное, — и Краббе (нынѣшній управляющій морскимъ министерствомъ), исправлявшій должность шута. Князь Меншиковъ называлъ королю каждого. Король оставился передъ Глазенапомъ, у котораго вся грудь завѣшана была крестами русскими: Станислава, Анны, Владимира и Георгія.

— Je vous félicite, — сказалъ ему король: — si jeune et déjà si décoré ¹⁾.

Глазенапъ былъ очень наивенъ, онъ сталъ объяснять королю, за что онъ получилъ каждую декорацию.

— La croix de St. Georges, Sire, m'a été donnée pour 25 campagnes, mais je ne les ai pas faites; j'ai été deux fois autour du monde et cela compte pour 24 campagnes, parce qu'il y en avait 12; celui-ci pour avoir accompagné le prince N. N. jusqu'à Memel, celui-là pour avoir conduit le prince N. N. jusqu'à Stettin ²⁾, и такъ далѣе въ этомъ родѣ.

Князь стоялъ какъ на угляхъ; судороги корчили его лицо, а король выставлялъ болѣе и болѣе сарказма на уста свои, по мѣрѣ своего назиданія рѣчью Глазенапа, который такъ углубился въ номенклатуру своихъ подвиговъ, что не замѣчалъ ни высочайшей улыбки, ни свѣтлѣйшихъ гримасъ. Когда онъ кончилъ, король, проходя къ слѣдующему, сказалъ, сохраняя ту же улыбку: «Le mérite et la valeur n'attendent pas le nombre des années!» ³⁾ чѣмъ Глазенапъ былъ очень доволенъ и съ сладкою улыбкою отвѣсилъ низкій поклонъ. Послѣ того представляли насъ королевѣ, наследному принцу и принцессѣ вдругъ; пока одни представлялись одной особѣ, другіе другой. Принцесса пошла съ «хазоваго конца», но тутъ-то и напала на Веселаго и Тверинова; въ недоумѣніи она пошла далѣе, проходя мимо нѣсколькихъ, и остановилась передъ Окуловымъ, заключивъ, вѣроятно, изъ смѣло устремленныхъ на нее огромныхъ бѣло-голубыхъ глазъ, что по-французски собаку съѣлъ. Она съ нимъ заговорила, а этотъ во все горло прокомандовалъ ей: «Jag talar iske frenska, jag talar på svenska». Такъ какъ Стокгольмъ открыто изъявлялъ свои претензіи за то, что кронпринцесса не говоритъ по-шведски, то она отъ такого отвѣта совсѣмъ переконфузилась. Между тѣмъ въ свитѣ былъ Веригинъ,

¹⁾ Поздравляю васъ, такъ молоды и уже пожалованы многими орденами.

²⁾ Георгіевскій крестъ, ваше величество, данъ мнѣ за 25 кампаній, но я ихъ не сдѣлалъ; я сдѣлалъ два раза кругосвѣтное плаваніе, и это считается за 24 кампаніи, потому что ихъ было 12; этотъ мнѣ данъ, потому что я сопровождалъ принца N N въ Мемель, а тотъ, потому что я провожалъ принца N N въ Штеттинъ.

³⁾ Заслуга и доблесть не ждутъ числа лѣтъ.

образованный и очень остроумный; случилось, что съ нимъ никто не заговаривалъ. Не знаю, отчего выборъ королевы палъ на меня, безъэполетнаго, въ невзрачномъ адмиралтейскомъ мундирѣ. Она спросила меня, былъ ли я въ Марсели? Я отвѣчалъ, что не былъ, но что воображеніе мое такъ занято прелестями южной Франціи etc. Королева вошла въ экстазъ, и разговоръ нашъ заставилъ короля ждать, потому что приѣмъ кончился. Взоръ мой встрѣтился съ княземъ; я видѣлъ на лицѣ его безпокойство. Когда я воротился домой, князь прибѣжалъ ко мнѣ.

— Mon cher, comment avez-vous pu retenir toute la cour par votre loquacité, et qu'avez-vous pu dire aussi long à la reine ¹⁾.

Мнѣ стало досадно, я отвѣчалъ ему:

— Il me serait assez difficile de donner à la reine la mesure de son entretien; quant au sujet, n'ayant pas autant de décorations que Glasenapp, je n'ai pas eu l'occasion de parler politique; aussi je ne parlais que de la Suisse saxonne ²⁾.

Князь обрадовался, что не было говорено «о политикѣ»,— и послѣ полуночи вошелъ въ нашу комнату, гдѣ мы, четверо свиты его, ужинали. Князь пресерьезно сказалъ мнѣ:

— К. Ив! одѣвайтесь скорѣ! Королева прислала за вами ѣздового.

За приѣмомъ намъ подавали чай; чашки китайскаго фарфора были разставлены на золоченой пирамидѣ, въ родѣ старинныхъ plateau для конфетъ. Веригинъ совѣтовалъ мнѣ не брать чашки, предостерегая меня отъ локтей моихъ ловкихъ товарищей; я послѣдовалъ этому совѣту, и мы двое не пили чаю. На другой день былъ балъ. Князь Меншиковъ уговаривалъ храбраго Тверинова держаться подальше,—но моряку этому море было по колѣно. Онъ пригласилъ фрейлину на мазурку и танцевалъ съ нею какъ медвѣдь въ зимнихъ сапогахъ. Послѣ бала собрались всѣ въ нашей «свитской» комнатѣ. Князь пенялъ Тверинову.

— Ничего, ваша свѣтлость, вѣдь я недурно «откалывалъ» мазурку, и по-французски говорилъ, да, говорилъ! Je trois, и дѣти есть, да, quatre!—при этомъ онъ поднялъ руку, прижалъ большой палецъ къ ладони, а остальные четыре пальца растопырилъ.

— Ну, полно, братецъ,—сказалъ князь, совершенно растерявшійся.

— Ничего, ваша свѣтлость, фрейлина прехорошенькая; я ее смѣшилъ!

¹⁾ Любезный, какъ вы могли задерживать вашу болтливостью весь дворъ и о чемъ могли вы такъ долго говорить королевѣ.

²⁾ Мнѣ было бы довольно трудно назначить королевѣ предѣлъ ея разговора; что касается предмета разговора, то, не имѣя столько орденовъ, какъ Глазеннапъ, я не имѣлъ случая говорить о политикѣ, и говорилъ только о саксонской Швейцаріи.

Черезъ два дня былъ приглашенъ къ обѣду короля Веселаго. Король извинялся, что не можетъ приглашать всю свиту, потому что этикетъ не допускалъ къ королевской трапезѣ лицъ, чиномъ ниже полковника. Вечеромъ Веселаго рассказывалъ:

— А я сидѣлъ между камергерами, да по-французски—такъ и каталъ, такъ и каталъ!—хвасталъ онъ, сопровождая свои слова движеніемъ руки, какъ бы играя на контрабасѣ.

Князь страдалъ мученическими муками, а я думалъ себѣ: ништо, по дѣломъ. Затѣмъ прислали намъ ложу въ оперу, и мы обѣдали у Сухтелена и у Браге. Вѣжливость шведскихъ придворныхъ того времени была замѣчательной тонкости и изящества; женщины—всѣ красавицы, даже и служанки: темносиніе глаза, черныя брови и темные волосы, при бѣлизнѣ лица ослѣпительной. Притомъ очень впечатлительны и, какъ бы сказать, безъ предвзвѣсудковъ. Дегалетъ, котораго я было забылъ, сдѣлалъ эффектъ своею греческою красотою, и красавица, въ полномъ смыслѣ слова, графиня Гюльденстольпе (кажется) удостоила его своей благосклонности до самыхъ крайнихъ предѣловъ, подаривъ ему при прощаніи перстень съ бирюзою, рублей въ 10.

Такъ, мало-по-малу, прибрѣталъ я политическую опытность и самостоятельный кругъ дѣятельности. Бывъ простымъ орудіемъ чужой воли, я старался трудомъ прибрѣсти способность годнаго орудія. Разсужденія и пренія съ княземъ, въ которыхъ я былъ столько твердъ, чтобы не уступать своихъ убѣжденій волѣ начальства, а начальникъ столько благороденъ, чтобы не требовать отъ подчиненнаго дисциплины убѣжденій, укрѣпили мои силы. Пользуясь свѣтомъ ума и опорой благородства этого начальника, я твердѣлъ въ убѣжденіяхъ, и мои душевныя влеченія прибрѣтали большій просторъ. Во мнѣ рождалась полная самостоятельность; ко мнѣ близился 30-тилѣтній возрастъ, я все еще былъ только темнымъ спутникомъ большой планеты, но мои духовныя движенія избавились уже отъ господствующаго вліянія планетной силы. 1831-й годъ посвятилъ меня въ нѣкоторыя таинства царскаго сердца. Когда государь получилъ извѣстіе о бунтѣ на Сѣнной площади, онъ забылъ холеру, опасность и кордоны, сѣлъ въ коляску съ Меншиковымъ и Козарскимъ и поскакалъ въ Петербургъ, гдѣ, по громкому слову государя: «Н а к о л ѣ н и!» бунтующая пятитысячная толпа опустилась на колѣни, какъ одна сплошная масса. По возвращеніи въ Петергофъ, уже около 11 часовъ вечера, государь прямо изъ коляски вошелъ въ Монпле-зиръ въ хлоровую ванну, чтобы не занести заразы въ семейство, и его спутники сдѣлали то же. У Меншикова въ этотъ день начиналъ развиваться припадокъ подагры. Онъ, вѣроятно, застудилъ ее, и она бросилась въ брюшную полость. Черезъ сутки раздуло животъ изумительно; это сопровождалось сильнымъ жаромъ, и

Арендтъ объявилъ государю, что Меншиковъ находится на крайней степени опасности. Государь обнаружилъ величайшую тревожность, приѣзжалъ иногда два раза въ день справляться, спрашивалъ Дегалета и меня, при встрѣчахъ на улицѣ, о здоровьѣ князя, и когда князю стало лучше, онъ приѣзжалъ къ нему, садился у его постели, вынималъ изъ кармана донесенія о ходѣ усмиренія польскаго мятежа и читалъ ихъ вслухъ. Кто бы думалъ, что государь былъ такъ сильно тогда озабоченъ послѣ той увѣренности, какую онъ чувствовалъ еще за годъ передъ тѣмъ. Въ 1830 году молнія ударила въ павильонъ адмиралтейства. Князь Меншиковъ писалъ ему: «Флагштокъ разгромленъ вдребезги, но флагъ Вашего Императорскаго Величества остался невредимъ». Это обстоятельство было весьма естественно. Флагтухъ бываетъ или шелковый, или шерстяной; въ томъ и другомъ случаѣ изъ непроводниковъ электричества, но государь принялъ это въ другомъ смыслѣ. Онъ написалъ на запискѣ князя:

«Слава Богу, слава намъ,
Noc est signum Dei!»

Теперь, годъ спустя, тотъ же государь изливалъ передъ Меншиковымъ, со всею живостью своей души, заботы и огорченія.

— Дай Богъ, дай Богъ,—говорилъ онъ съ жаромъ:—чтобы это бѣдствіе скорѣе прекратилось; только объ этомъ молю Его.

Эти слова я слышалъ изъ сосѣдней комнаты. Въ эту же эпоху его силы, когда генералъ-фельдмаршалъ повергалъ къ стопамъ его Варшаву, когда кабинеты великихъ державъ несмѣло заявляли свои требованія относительно правъ усмиренной Польши, родился у него младшій сынъ. Вотъ что написалъ государь на поздравительной запискѣ князя Меншикова:

«Благодарю тебя, любезный князь. Еще одного слугу поставляю на службу Россіи. Дай Богъ, чтобы онъ былъ счастливецъ своего измученнаго отца!»

Показывая мнѣ записку, князь Меншиковъ сказалъ:

— Посмотрите, это историческія слова.

Узнаетъ ли исторія объ этомъ выраженіи скорби государя, окруженнаго наружнымъ величіемъ?

Съ 1835 года поручена мнѣ канцелярія комитета образованія флота, преобразованная потомъ въ канцелярію свода морскихъ постановленій, и особенная канцелярія финляндскаго генералъ-губернатора. Кромѣ того, за мной остались по морскому вѣдомству редакціи всеподданныхъ отчетовъ и мнѣній въ государственнѣйшій совѣтъ и переписка, въ которой неумѣстна была канцелярская стилистика.

IX.

Обѣздъ княземъ Меншиковымъ финляндскаго побережья. — Золотая рыба. — Финляндскіе сенаторы. — Разсужденія о внутреннемъ положеніи Россіи. — Аварія близъ Свеаборга. — Або и Бомарзундъ. — Новые штаты крѣпостныхъ укрѣпленій. — Помощникъ финляндскаго генераль-губернатора. — Графъ Штевенъ. — Теслевъ. — Мое пребываніе въ Гельсингфорсѣ. — Положеніе Финляндіи.

Посланный въ Стокгольмъ, князь Меншиковъ воспользовался этимъ случаемъ обѣхать побережье Финляндіи и пройти по тѣмъ шхернымъ фарватерамъ, по которымъ флотъ нашъ мало плавалъ. Движимый необыкновенною любознательностью и легко подозрѣвающій шарлатанство или неотчетливость въ другихъ, князь любилъ испытывать все самъ; такъ, прочитавъ что-либо о дѣйствіи новаго лекарственнаго средства, онъ тотчасъ принималъ самъ это лекарство для опыта; если газеты рекомендовали новый лакъ, новый клей, новыя чернила, онъ лакировалъ тѣмъ лакомъ, клеилъ тѣмъ клеемъ, писалъ тѣми чернилами, чтобы испытать новостъ. Такъ въ настоящемъ случаѣ онъ хотѣлъ провѣрить лично карты Финскаго залива. Экспедиція его состояла изъ парохода и люгера — судна безъ шпангоутовъ. Онъ плылъ на люгерѣ, а пароходъ сопровождалъ его. Огправясь изъ Кронштадта въ началѣ октября, мы сильно качались; войдя за Выборгомъ въ шхеры, мы пошли по фарватерамъ, не выдавшимъ военнаго судна. Подъ Выборгомъ видѣли мы издали маленькую финскую ладью, — какъ моряки говорятъ, скорлупу, борющуюся съ безпокойнымъ моремъ; завидя насъ, несчастный мореплаватель бросился опять къ морю, несмотря на видимую опасность. Князь догадался, что это былъ контрабандистъ, везшій, можетъ быть, боченокъ водки. «Утонетъ, бѣдный», — сказалъ князь, — надо ему показать, что мы за нимъ не гонимся», — приказалъ поворотить, и вслѣдъ за тѣмъ ладья направилась опять къ берегу. Въ Гельсингфорсѣ сдѣланъ былъ князю торжественный пріемъ; у помощника генераль-губернатора, Теслева, необыкновенно скупого, былъ обѣдъ, за которымъ сидѣли представители всѣхъ властей, съ женами, именитые купцы и золотая рыба. Въ Свеаборгѣ былъ булочникъ-нѣмецъ, Стерке, у котораго была очень хорошенькая дочка. Мичмана хаживали любоваться ею украдкою, а чтобы имѣть къ этому благовидный предлогъ, они глядѣли въ колодезь, бывшій передъ окнами булочника, и искали въ немъ золотую рыбку. Тамошній купецъ Синехруховъ далъ этой барышнѣ тщательное образованіе; она проводила по цѣлымъ днямъ время у доброй г-жи М. Вальронтъ, жены свеаборгскаго главнаго командира порта, и съ этою дамою она пріѣхала и на церемоніальный обѣдъ, за которымъ затмила многихъ командиршъ красотою лица и приличіемъ пріемовъ. Финляндскій сенатъ былъ въ то время очень приличнаго состава. Баронъ

Клинковстремъ, румяный, рослый старикъ, съ отпечаткомъ вышшаго стокгольмскаго общества, знакомый съ княземъ Меншиковымъ со времени пребыванія послѣдняго въ Стокгольмѣ; князь Меншиковъ участвовалъ въ похищеніи женщины, которая была потомъ баронессой Клинковстремъ, онъ былъ переодѣтъ лакеемъ и сажалъ прекрасную въ карету, которая изъ театра привезла ее къ Клинковстрему. Гартманъ, худошавый, болѣзненный, лѣтъ 45-ти, государственный человѣкъ, какихъ нѣтъ теперь ни въ Финляндіи, ни въ Россіи, дипломатъ по тону рѣчи и тѣлодвиженіямъ, былъ тоже сенаторомъ, но въ то же время и абоскимъ губернаторомъ, ожидалъ князя въ Або. Карлъ Кронштетъ, сынъ коменданта, который сдалъ намъ Свеаборгъ въ 1807 году, гордый, независимый, гнетомый мыслію, что онъ сынъ отца, считаемаго измѣнникомъ,—и подъ этимъ вліяніемъ враждебный всему, что представляло власть русскую. Валленъ, генераль-прокуроръ, либераль и сепаратистъ, и проч. Весь этотъ составъ достался намъ готовый отъ Швеціи, воспитанный въ конституціонной атмосферѣ просвѣщеннаго народа и выражавшій свою духовную независимость или вольнымъ свѣтскимъ обхожденіемъ съ ген. - губернаторомъ, какъ Клинковстремъ, или достоинствомъ осанки, какъ Кронштетъ. Въ то время, какъ я это пишу, они вымерли; ихъ замѣстили другіе, съ тѣми же правами, съ тѣми же чинами, но эти другіе — чиновники, не только по ихъ пріемамъ передъ начальствующими, но по узости взглядовъ и по всему складу ума,—оттого, что родились на иной почвѣ и надышались воздухомъ бюрократической Россіи. Не въ регламентахъ и положеніяхъ кроются зародыши мужей государственныхъ; ихъ производитъ историческое, культурное развитіе народа: этого мы, русскіе, не хотимъ понять и думаемъ, что перо, бумага и царская подпись могутъ вдругъ дать намъ то, что другіе выработали себѣ вѣками умной и трудолюбивой народной жизни. Французы хотѣли преобразоваться на основаніи философическихъ принциповъ Руссо, Дидро и Вольтера, — не умѣя читать, перерѣзали другъ друга,—а въ культурѣ не подвинулись. И теперь то же варварство осталось во Франціи, какое было до революціи,—та же подлость передъ властью изъ-за шитаго мундира, та же дерзость передъ безнаказанностью, и то же смиреніе передъ палкою: только нравы испортились. Мы идемъ тѣмъ же путемъ; не посовѣтовавшись съ уровнемъ народнаго просвѣщенія и отдавшись на вѣру доморощеннымъ философамъ, правительство освободило крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, а они остались въ душѣ тѣми же холопами, только холопами своевольными; сочинили народныхъ депутатовъ подъ именемъ гласныхъ, а эти гласные, эти управы—тѣ же чиновники, только чиновники болѣе дерзкіе, оттого, что нѣтъ надъ ними единоличнаго начальства; вывели на свѣтъ независимыхъ судей, а эти судьи—такіе же пристрастные, такіе же

кутилы, только въ большемъ размѣрѣ, оттого, что меньше страху и больше жалованья. Отмѣнили тѣлесное наказаніе, а за двугривенный каждый позволить себя высѣчь и еще въ ноги поклонится; заводимъ народныя школы—въ этихъ школахъ будутъ читать памфлеты и прокламаціи. Изъ гнилого матеріала нельзя строить твердое зданіе, каковъ бы ни былъ архитекторъ. Не такъ совершаются реформы. Лютеръ не по высочайшему повелѣнію проповѣдывалъ противъ папизма; паства его убѣждалась не циркулярами. Пасторы проповѣдывали въ томъ же смыслѣ противъ высочайшихъ повелѣній: реформація осуществилась въ общественной совѣсти, вопреки правительству и несмотря даже на гоненія, она осуществилась, требуя правительственной санкціи и, когда достигла санкціи, установилась безъ недоразумѣній, потому что ее уразумѣлъ народъ прежде признанія ея правительствами. Правительства не предписывали ее, а только признали,—и то поневолѣ. А у насъ: по какому побужденію бояре сбрили бороды, по какому надѣли фракы? По волѣ царя; зато и до сихъ поръ цивилизація заключается только въ бритомъ подбородкѣ и во фракѣ,—а подъ нимъ — варварство. По какому побужденію даны надѣлы, дана одноличная власть мировымъ судьямъ, отданы уѣзды на расхищеніе управъ? Оттого, что Милютинъ сказалъ, что это будетъ хорошо! Чѣмъ руководствуются власти въ проведеніи реформъ: буквою циркуляровъ; а какъ они понимаются каждымъ различно, то и вышло, что «кто въ лѣсъ, кто по дрова!» Оттого общая неурядица: хотѣли улучшить бытъ крестьянъ—онъ ухудшился; полагали ввести судъ правый—вышелъ Шемякинъ; желали облагодѣтельствовать земство — оно разоряется. Сказано: «да будетъ свѣтъ!»—и бысть... тьма! Но еще не кончено! чѣмъ болѣе карабкаемся въ болотѣ, тѣмъ глубже вязнемъ. «Облагодѣтельствованные» крестьяне ропщутъ и на надѣлы, и на оброки, и на судей, и на земскія учрежденія,—и до сихъ поръ ропоть ихъ не уменьшился, но усиливается.

Изъ Гельсингфорса поплыли мы такими же невѣдомыми путями черезъ шхеры въ Або. Немного отойдя отъ Свеаборга, люгеръ наскочилъ на камень, который, давъ люгеру лихорадочную дрожь, оборвалъ килевую мѣдную обшивку,—къ великому ужасу старика Веселаго. Князь былъ очень доволенъ этимъ событіемъ; онъ видѣлъ въ немъ полезное открытіе. Камень былъ тотчасъ нанесенъ на карту, и тутъ же князь принялъ рѣшеніе снарядить экспедицію для новаго промѣра шхерныхъ фарватеровъ. Пароходъ, за нами шедшій, сидѣлъ не такъ глубоко въ водѣ, какъ люгеръ, и прошелъ черезъ гребень безъ соприкосновенія. Послѣ долгой борьбы съ самимъ собою Веселаго (доставшійся князю въ наслѣдство отъ адмирала Сенявина) рѣшился наконецъ сказать:

— Ваша свѣтлость, малъ люгеръ для осенняго плаванія.

— Кому угодно, можетъ пересѣсть на пароходъ!—отвѣчалъ князь съ насмѣшливою улыбкою.

День былъ сквернѣйшій, мрачность, дождь и вѣтеръ. Часовъ въ 10 вечера командиръ объявилъ, что ничего не видно. Князь приказалъ слѣдовать впередъ до перваго возвышеннаго острова съ нордвеста, чтобы укрыться отъ вѣтра и зыби. Проплывъ еще съ часъ, мы остановились за лѣсистымъ островомъ. Темнота такая, что «хоть глазъ выколи». Вѣтеръ дулъ нещадно; дождя не было, но какая-то мокрая пыль льнула и примерзала къ одеждѣ. Князь сошелъ внизъ, а офицеры и мы остались наверху; я потому, что на палубѣ переносилъ качку, а въ каютѣ дѣлалась тошнота. Когда зрачки наши достаточно расширились, предметы, насъ окружавшіе, начали слегка очерчиваться въ видѣ силуэтовъ, и мы увидѣли въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ себя что-то черное въ родѣ судна. Спустили шлюпку, послали мичмана для осмотра, оказалось, что рядомъ съ нами стоялъ транспортъ съ порохомъ,—а у насъ на палубѣ мичманъ Краббе (теперь управляющій морскимъ министерствомъ) курилъ сигару. Веселаго опять исполнился:

— Краббе, брось сигару! брось, купидонъ, вспомни, что мы веземъ его свѣтлость, начальника главнаго морского штаба!

— А что дадите?

— Ну, брось, дамъ 2 сигары.

— Мало, давайте 10.—И далъ десятокъ сигаръ старикъ, чтобы заставить повѣсу бросить сигару въ море, съ противной транспорту стороны.

На другое утро прибыли мы въ Або; на берегу стояли мѣстные власти, во главѣ ихъ благородная фигура Гартмана, и нѣсколько экипажей, для князя и для свиты его. Мы отправились въ гофгерихтъ и нашли его въ полномъ засѣданіи, въ древнемъ зданіи съ высокою, крутою кровлею. Проходя черезъ залу присутствія, князь сказалъ шутку, довольно неумѣстную, по-французски:

— *Le plafond va crouler et écraser ces messieurs* ¹⁾.

— *Monseigneur*,—отвѣчалъ Гартманъ съ улыбкой, въ которой было и серьезное выраженіе,—*nous espérons que la providence qui veille sur la Finlande, ne laissera pas périr ces dignes magistrats* ²⁾.

Насъ помѣстили въ прекрасномъ просторномъ домѣ аптекаря Юлинъ, который угостилъ насъ завтракомъ отличнымъ, хотя не по нашему вкусу, какъ, наприимѣръ, холодная телятина съ сладкимъ соусомъ,—а потомъ былъ обѣдъ человѣкъ на 60, съ музыкой. Послѣ тостовъ финляндцы, изъ вниманія къ князю Меншикову,

¹⁾ Потолокъ обрушится и раздавитъ этихъ господъ.

²⁾ Милостивѣйшій государь, мы надѣемся, что Провидѣніе, заботящееся о Финляндіи, не дастъ погибнуть этимъ достойнымъ судьямъ.

заиграли, какъ финалъ, русскую арію, не подозрѣвая, что играютъ: «Ты поди, моя коровушка, домой». Черезъ нѣсколько часовъ отъ Або проходили мы мимо строившихся тогда укрѣпленій въ Бомарзундѣ,—прескверныхъ, не дающихъ никакой защиты, какъ они и доказали въ 1854 г., сдавшись французамъ безъ выстрѣла. Бомарзундскія укрѣпленія начали строиться при Закревскомъ, на счетъ финляндскихъ суммъ и, какъ обыкновенно, съ содержаніемъ плановъ въ величайшей тайнѣ. Когда выводимые фундаменты указали расположеніе крѣпости, люди свѣдущіе увидѣли несообразность плана. Графа Армфельтъ сообщилъ ихъ замѣчанія великому князю Михаилу, который, разсмотрѣвъ ихъ, объявилъ: «с'est trop tard!»¹⁾ Хорошъ поводъ достроивать! Вообще Финляндія страдала больше отъ обороны, чѣмъ отъ непріятеля. Въ 1854 году возложена была оборона ея береговъ на великаго князя Константина, который и пошелъ по-своему; сформировалъ какой-то вольный флотъ изъ наемныхъ судовъ и наемныхъ матросовъ. Набрали разныхъ бродягъ, не видавшихъ моря и не нюхавшихъ пороху; этотъ знаменитый флотъ спрятался въ шхеры при видѣ англійскаго пароходишка—avisо, котораго въ Экнесѣ отбили кольями и плохими ружьями мужики подъ предводительствомъ купца, а между тѣмъ истрачена была вся экономія, собранная княземъ Меншиковымъ въ 22 года управленія. Я представлялъ вслѣдствіе этого докладъ государю, въ которомъ доказывалъ, что Выборгъ, Фридрихсгамъ и Свеаборгъ защищаютъ столько же Россію, Ревель, Петербургъ, сколько Финляндію, и что потому было бы правильнѣе возлагать на финляндскую казну расходы только по оборонѣ Ботническаго берега, отнеся защиту Финскаго залива на государственное казначейство имперіи. Государь передалъ это Костѣ: с'est tout dire!²⁾

Ничто не можетъ быть живописнѣе Аландскаго архипелага; онъ объясняетъ возможность перехода Каменскаго по морю къ Стокгольму. Острововъ здѣсь болѣе, чѣмъ моря. Князь велѣлъ сдѣлать нѣсколько пушечныхъ выстрѣловъ; каждый оставлялъ за собою долгіе перекаты грома, а три-четыре выстрѣла, слѣдующіе другъ за другомъ каждую секунду, произвели грохотъ эхо изумительный. Стокгольмъ величаво выходитъ изъ моря передъ приближающимся мореплавателемъ.

Года черезъ три, если не ошибаюсь, послѣ нашего первого посѣщенія Финляндіи военное министерство передѣлало штаты крѣпостныхъ управленій. Изъ шести плацъ-майоровъ Свеаборга оставлены были два, а четверо переведены въ другія мѣста, и какъ милостиво. Въ Свеаборгѣ оставленъ полковникъ Штрикеръ, бывший ординарцемъ у Петра III-го. Екатерина воцарилась въ 1762 году,

¹⁾ Слишкомъ поздно.

²⁾ Этимъ все сказано.

слѣдовательно Штрикеръ былъ офицеромъ не позже 1759 году, слѣдовательно въ 1835 году 76 лѣтъ офицеромъ, и Чаплинскій—65 лѣтъ отъ роду. Полковникъ Енишъ—80 лѣтъ—назначенъ комендантомъ въ Геленджикъ. Другой, лѣтъ за 50, котораго фамиліи никакъ не припомню, куда-то еще дальше. Енишъ былъ смолоду адъютантомъ генерала Клейнмихеля, сына эстляндскаго мужика и отца нынѣшняго графа; этотъ былъ въ то время ребенкомъ и нерѣдко прибѣгалъ къ адъютанту за бумажкой или карандашикомъ. Енишъ строилъ на этомъ свои надежды; явился къ дежурному генералу, генераль-адъютанту Клейнмихелю, который встрѣтилъ съ удивленіемъ, что онъ уже полковникъ, поздравлялъ его съ успѣшною службою и съ прекраснымъ мѣстомъ, восхваляя геленджикскій климатъ. Разобиженный Енишъ пришелъ ко мнѣ со слезами; жаловался на несправедливость, что его отсылаютъ въ Геленджикъ, а Чаплинскаго, мальчишку, оставили въ Свеаборгѣ. Князь опредѣлилъ Ениша въ Николаевъ, Херсонской губерніи, давъ ему средства къ переѣзду и обзаведенію. Черезъ нѣсколько дней входитъ ко мнѣ беременная женщина съ тремя малютками и четвертымъ на рукахъ. Это была жена другого переводимаго полковника. Я упросилъ князя дать ему мѣсто въ Петербургѣ; его сдѣлали командиромъ двухъ ластовыхъ ротъ, расположенныхъ въ Петербургѣ, чѣмъ онъ былъ очень доволенъ и расписывался командиръ всѣхъ ротъ. Глупости былъ неимовѣрной. Надоѣдалъ мнѣ жестоко своими праздничными визитами. Каждый разъ, входя, говорилъ онъ мнѣ: *Morgenstunde hat Gold im Munde* ¹⁾, а уходя: *Berge kommen nicht zusammen, aber Menschen kommen zusammen* ²⁾. Странно что я совсѣмъ забылъ его фамилію.

Помощникомъ генераль-губернатора былъ, по выбору князя Меншикова, генераль Теслевъ, человекъ ограниченный и скупъ до мерзости. Онъ объѣзжалъ Финляндію изъ спекуляціи, бралъ прогоны на 12 лошадей, а ѣхалъ на двухъ. Послѣ него былъ Рокасовскій, *gentilhomme*, но тоже простъ. Удивительно, какъ наши министры и главноуправляющіе считаютъ зыбкимъ свое положеніе. Если имъ приводится выбирать товарища или помощника, они ищутъ его не между умными, а между дураками; они боятся умнаго, чтобы не столкнулъ; страхъ этотъ такъ великъ, что въ это время всѣ дураки кажутся имъ слишкомъ умными. Опытъ показалъ однако князю, что и дураки не всегда полезны. Теслевъ, не понявъ, что онъ сидитъ въ сенатѣ на креслахъ генераль-губернатора, что онъ только рупоръ его, *alter ego*, вздумалъ присоединяться къ оппозиціи. Князь былъ недоволенъ имъ, а Теслевъ, съ

¹⁾ Утренній часъ—золотой часъ.

²⁾ Горы не сходятся, но люди сходятся.

своей стороны, вообразилъ, что онъ человѣкъ необходимый и сталъ просить прибавки жалованья. Тогда князь рѣшился смѣнить его, если найдется другой кандидатъ. При Закревскомъ командовалъ дивизіей въ Финляндіи генералъ Штевенъ, женившійся на дочери прежняго генералъ-губернатора графа Штейнгеля и получившій при этомъ фамилію графъ Штевенъ-Штейнгель—очень хорошій человѣкъ. По смерти графини Штейнгель онъ вышелъ въ отставку и жилъ въ прекрасномъ имѣніи жены за Выборгомъ. Родной братъ его Штевенъ былъ выборгскимъ губернаторомъ. Князь приказалъ мнѣ проситься въ Финляндію для осмотра водопада на Иматрѣ, и подъ этимъ предлогомъ проѣхать мимо графа Штевена, заѣхать къ нему и предложить ему мѣсто помощника генералъ-губернатора. Ежели онъ приметъ предложеніе, то я долженъ былъ воротиться тотчасъ въ Петербургъ; если нѣтъ, то мнѣ поручено было уговорить Теслева остаться, но не именемъ князя, а, напротивъ, внушеніемъ, что князь охотно уволитъ его. Въ гостиную графа Штевена проходилъ я черезъ прекрасную залу, всю въ стеклахъ, какъ галерея, уставленную камеліями, рододендрами, кактусами. Предложеніе мое выслушалъ Штевенъ съ видимымъ волненіемъ, былъ имъ менѣе польщенъ, чѣмъ пораженъ, считая, что свѣтъ давно забылъ объ его существованіи, но за обѣдомъ онъ оправился и, видимо, наслаждался какъ памятью о немъ князя, такъ и представлявшеюся новою карьерою; я ночевалъ у губернатора. На другое утро губернаторъ получаетъ письмо отъ брата, которымъ онъ отказывается отъ предложенія, извиняется передо мною въ непослѣдовательности, извиняется, что пишетъ не ко мнѣ, и приводитъ въ оправданіе, что ему было совѣстно объявить мнѣ причину отказа, причину въ глазахъ свѣта ребяческую, но имъ непреодолимую; ему стало жаль разстаться съ взлелѣянными имъ растеніями. Я понималъ его, но князь Меншиковъ не понялъ бы, и потому я ограничился сообщеніемъ князю, что Штевенъ не принялъ предложенія, и поѣхалъ въ Гельсингфорсъ къ Теслеву подъ видомъ свиданія съ моимъ пріятелемъ барономъ Котенъ, который, по моему ходатайству, недавно былъ назначенъ директоромъ канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора. Я совѣтовалъ Теслеву подумать, что онъ дѣлаетъ, говорилъ, что князь очень охотно его уволитъ, съ пенсіею по закону, и онъ получать будетъ 3 тысячи рублей вмѣсто нынѣшнихъ 12 тысячъ рублей ассигнаціями. Теслевъ струсилъ; сталъ обнимать меня (при Котенѣ), потомъ выбѣжалъ изъ гостиной въ кабинетъ и вынесъ оттуда два апельсина, одинъ, побольше, далъ мнѣ, а маленькій—Котену. Апельсины эти оказались худосочными. Въ это время я имѣлъ уже въ Финляндіи значеніе весьма рельефное. Вѣсть о моемъ пріѣздѣ разошлась скоро по Гельсингфорсу. Ко мнѣ пріѣхали баронъ Клинквостремъ, Кронштетъ, дивизіонный начальникъ, кажется, Петерсенъ,

и губернаторъ, генераль-адъютантъ графъ Армфельтъ; всѣ пригласили меня къ себѣ; такъ я пробылъ еще дня три въ Гельсингфорсѣ и на вечерахъ этихъ лицъ познакомился и съ другими, дотолѣ мнѣ незнакомыми. Баронъ Котенъ былъ тогда женатъ на красавицѣ Гартманъ. Легко увлекаемый честолюбивыми мечтаніями, онъ купилъ себѣ домъ и помѣстился въ немъ очень комфортабельно, но молодая красавица недовольна была судьбою; она жаловалась мнѣ, что мужъ ея поглощенъ честолюбіемъ и для семейства негоденъ. Недолго искала она земного счастья; прахъ ея покоится на дрезденскомъ кладбищѣ. Городъ Або былъ нѣкогда сердцемъ Финляндіи; прекрасная почва губерніи, удобный портъ, близость Стокгольма, изъ котораго Финляндія всасывала въ себя черезъ Або европейскую цивилизацію, университетъ, гофгерихтъ, бывшіе въ Або, и резиденція архіепископа дѣлали изъ Або средоточіе духовной, умственной и политической жизни Финляндіи; поэтому именно онъ не могъ нравиться нашему правительству. Государь Александръ I не былъ вовсе зараженъ славянофильствомъ; онъ, напротивъ, старался привлекать иностранцевъ, чтобы русскіе позаимствовали у нихъ свѣдѣнія, понятія и нравы, но Александръ видѣлъ независимость чиновъ на сеймѣ; онъ боялся нападенія со стороны Швеціи и поэтому перенесъ центръ тяжести въ Гельсингфорсѣ, прикрываемый Свеаборгомъ, слѣдовательно, русскимъ гарнизономъ и русскимъ флотомъ. Сначала посаженъ въ Гельсингфорсѣ сенатъ, генераль-губернаторъ и штабъ російскихъ войскъ (финскія войска упразднены); потомъ перевели туда же университетъ. Въ 1837 г., по особому случаю, о которомъ я говорю въ другомъ мѣстѣ, сформированъ въ Выборгѣ гофгерихтъ, вслѣдствіе чего доктрины абоскаго гофгерихта перестали быть едиными юридическими путеводителями. Оставался тамъ еще губернаторъ Гартманъ, своею личностью составлявшій центръ тяжести. Когда Гартмана назначили начальникомъ финансовой экспедиціи сената, онъ, желая оставаться нравственно хозяиномъ и покровителемъ Абоской губерніи, выхлопоталъ, чтобы преемникомъ его былъ Антонъ Кронитетъ, старшій братъ сенатора, изъ русскихъ военныхъ, дуракъ и plat-riéd. Онъ покори́лся Гартману, но губернія потеряла послѣдній свой блескъ и вскорѣ сдѣлалась настоящею провинціею. Однако Гельсингфорсѣ не замѣнилъ Або; онъ развился подъ другими условіями, созданъ не исторіею, а высочайшими указами, и потому уподобился нашимъ губернскимъ городамъ: много признаковъ власти и очень мало симптомовъ цивилизаціи. Вслѣдъ за городомъ Або сталъ упадать и финляндскій сенатъ. Императоръ Александръ I такъ высоко цѣнилъ достоинства графа Армфельта (сѣвернаго Алкивіада), графа Аминова и графа Тролля, что не только слѣдовалъ ихъ внушеніямъ по вопросамъ, исключительно касавшимся Финляндіи, но по ихъ направленію разрѣшалъ и

вопросы международные, не стѣсняясь принципами юридической равноправности, но по взвѣшеніи политическихъ вліяній. Такимъ образомъ, финляндскіе дворяне признаны дворянами русскими, но не наоборотъ; жителямъ Олонецкой губерніи запрещено ходить въ Финляндію для разноснаго торгоу, а финляндцамъ дозволено ходить и промыслять во всѣхъ городахъ и уѣздахъ имперіи. Русскіе, или, вѣрнѣе, только русскіе считали это несправедливостью, но тогда русскихъ было мало; теперь—не такъ бы возопили, но основанія такихъ неравноправностей были правильны. Дворяне русскіе и финляндскіе сходны только по созвучію, а не по смыслу: это омонимы, а не синонимы. Дворяне финляндскіе представляли собою настоящихъ потомковъ древнихъ рыцарскихъ родовъ, а какъ и самъ державный государь не можетъ никому повелѣть быть потомкомъ того, кто ему не предокъ, то дворянство финляндское означало роды, которыхъ размноженіе или прекращеніе зависѣло отъ воли Божіей. Оттого въ Финляндіи Сакленъ, бывшій 24 года министромъ финансовъ и 16 лѣтъ тайнымъ совѣтникомъ, былъ не дворянинъ. Въ Россіи дворяне, односвоиственные съ финляндскими, совершенно смѣшаны съ дворянами по праву ордена или чина, полученнаго ими или отцами ихъ, а какъ количество орденовъ и чиновъ зависитъ совершенно отъ произвола человѣческаго, то въ такіе дворяне можно обратить весь родъ человѣческій. Ясно, что нельзя было уподобить ихъ, какъ нельзя уподобить Траянѣ колонну каждому каменному столбу. Крестьяне-разносчики бродили по захолустямъ Финляндіи, сбывали фальшивыя деньги и заражали сифилисомъ; потомъ собирались группами и грабили обывателей. Финляндцы же никуда не выходили; даже въ Петербургѣ бывали только выборгцы. Затѣмъ распоряженіе, о которомъ я упомянулъ, имѣло двоякую цѣль: защитить Финляндію отъ лицъ, которыхъ теперь называли бы русскимъ элементомъ, и сблизить вновь присоединенный къ русскому скипетру народъ съ имперіею. Независимый сенатъ былъ преданъ государю; преданность независимаго и лестнѣе и прочнѣе, чѣмъ покорность раба; оттого государю нравилась эта независимость. Въ послѣдніе годы царствованія взгляды государя Александра измѣнились; при Николаѣ Павловичѣ, при Закревскомъ, еще болѣе. Закревскій не любилъ вольнодумцевъ, но въ его вооруженіи было только два оружія: палка и шпіонство, и какъ палка была тутъ слишкомъ неумѣстна, то онъ только шпіонилъ. Князь Меншиковъ отвергъ рѣшительно шпіонскую систему, однако, видимо, не жаловалъ людей, способныхъ противостоять произволу; самъ онъ положительно противостоялъ ему, охранялъ конституцію всѣми своими силами, но не хотѣлъ, чтобы оппозиція являлась въ сенатѣ, опасаясь послѣдствій слишкомъ крутыхъ. Когда Гартманъ поступилъ въ сенатъ, онъ, по тѣмъ же побужденіямъ,

которыя руководили имъ при выборѣ преемника въ Або, старался ослабить нравственный вѣсъ сената; пошли награды, кресты людямъ ничтожнымъ; другіе, не видѣвшіе большого достоинства въ орденахъ, но тѣмъ не менѣе оскорблявшіеся, когда были обходимы, притихли; время дѣлало тоже свое дѣло; мало-по-малу старики сходили со сцены и замѣнялись людьми, выросшими подъ бюрократическимъ направленіемъ Закревскаго. Такъ, сенатъ обращался постепенно въ скопище чиновниковъ, бездарныхъ, низкопоклонныхъ, и духъ независимости перемѣстился изъ сената въ среду профессоровъ, журналистовъ и студентовъ: событіе неблагоприятное государству, ибо въ такихъ обстоятельствахъ на мѣстѣ практическихъ политическихъ взглядовъ являются отвлеченныя доктрины, своекорыстные расчеты партій и заблужденіе юношества. Мое вліяніе, весьма значительное въ отдѣльныхъ случаяхъ, не распространялось на личныя симпатіи и антипатіи князя Меншикова, ни на общую его политику; притомъ въ то время я не имѣлъ и достаточной зрѣлости понятій; мои общіе взгляды на дѣла явились уже послѣ; что я теперь вижу, я вижу ретроспективно; а въ то время я занятъ былъ почти исключительно вопросами административными, и если останавливалъ князя въ реакціонныхъ его побужденіяхъ, то это относилось все-таки къ отдѣльнымъ случаямъ, не обнимавшимъ всего политическаго горизонта. Рокасовскій, самъ по себѣ ничтожный, былъ подъ вліяніемъ жены своей, женщины малообразованной, но желавшей играть роль; къ ней прильстились либералы новѣйшей школы, люди, ищущіе во что бы то ни стало свободы ругательной или развратительной прессы, а она поддерживала ихъ втихомолку. Когда князь Меншиковъ уѣхалъ въ Константинополь, Рокасовскій открыто выступилъ покровителемъ либерализма, изъ котораго возникъ неофиннизмъ. Эти новые финны, какъ всѣ доктринеры, стали сбрасывать не только иго русскаго вліянія, но и давленіе шведской цивилизаціи; презрѣвъ историческое развитіе края, они вводили чухонство, и изъ чухонскаго народнаго языка стали созидать языкъ политическій, со всѣми глупыми послѣдствіями насилуванія исторіи для проведенія новаго принципа національности. Бергъ, замѣнившій Рокасовскаго, обратился къ своей системѣ, *systeme du double jeu* ¹⁾; казался либераломъ, а между тѣмъ завелъ шпіонство; искалъ въ чиновникахъ своего іерархическаго возвышенія, дѣлая изъ секретарей сенаторовъ; искалъ популярности въ уѣздѣ, осыпая наградами землевладѣльцевъ, которые сообщали ему тайныя свѣдѣнія, словомъ, ища славы путемъ подлымъ, развратилъ въ нѣсколько лѣтъ край настолько, что и вѣками не исправитъ утраченную нравственность.

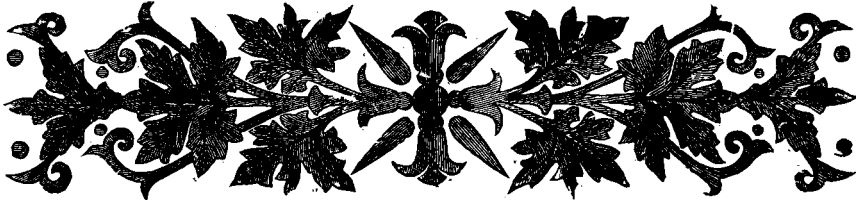
---

¹⁾ Система двойной игры.

Если теперь сравнить Финляндію новѣйшую съ тѣмъ, чѣмъ она была въ день присоединенія ея къ россійскому скипетру, окажется, что она принарядилась внѣшними покровами, дворцами, храмами, желѣзными дорогами, но утратила всѣ свои внутреннія добродѣтели, народную нравственность, духовную независимость, утратила способность воспроизводить людей политическихъ и тѣ рыцарскія личности, которыя давали ей блескъ въ исторіи Швеціи. Sic transit gloria mundi!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

Х.

Моя дѣятельность по завѣдыванію финляндскими дѣлами.—Отношенія къ князю Меншикову.—Я дѣлаюсь властью.—Возрастающее вліяніе Чернышева.—Его антагонизмъ съ Меншиковымъ.—Назначеніе Перовскаго оренбургскимъ генераль-губернаторомъ.—Увольненіе министра внутреннихъ дѣлъ и финляндскаго генераль-губернатора Закревскаго.—Назначеніе князя Меншикова финляндскимъ генераль-губернаторомъ.—Характеристика его.—Перемѣна въ государѣ.—Интриги приближенныхъ къ нему лицъ.—Новые министры.—Воронцовъ.—Посылка меня въ Николаевъ.—Неудачные смотры.—Отставка Муравьева.—Мое знакомство съ Клейнмихелемъ.—Моя служба у графа Орлова.—Князь Друцкой-Любецкій.—Паденіе ассигнацій.—Комитеты.—Анекдоты о Паскевичѣ.

ВСТУПИВЪ въ завѣдываніе финляндскими дѣлами, производившимися въ Петербургѣ, я ограничивался сначала принятіемъ приказаній князя Меншикова и ихъ исполненіемъ, но при этомъ я, какъ и прежде бывало, позволялъ себѣ съ нимъ спорить; въ морскихъ дѣлахъ предметы моего сопротивленія были ничтожны; въ финляндскихъ же, гдѣ дѣла были посерьезнѣе, я не только оспаривалъ, но и не соглашался, до тѣхъ поръ отлагая исполненіе, доколѣ не истощалъ всѣхъ способъ убѣжденія. Очень часто, даже по большей части, я одерживалъ верхъ. Князь былъ такъ уменъ, и такъ благороденъ, что вовсе не сердился за то, что я доказывалъ ему неправильность его взгляда; напротивъ, послѣ каждой моей побѣды онъ усугублялъ свое ко мнѣ довѣріе и расширялъ кругъ моего полномочія. Не прошло года, какъ я перемѣнилъ весь порядокъ теченія дѣлъ: я не доклады-

¹⁾ Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. СХІІ, стр. 58.

валъ ему вступающихъ бумагъ; распечатывалъ ихъ, собиралъ свѣдѣнія, приготавливалъ исполненіе, и, когда все было готово, докладывалъ, какая поступила бумага, какія я требовалъ свѣдѣнія, къ какому пришелъ заключенію и въ какомъ содержаніи приготвилъ бумаги для его подписанія. Князь выслушивалъ проекты, дѣлалъ въ редакціи измѣненія, или подписывалъ ихъ тотчасъ. Такимъ образомъ я вошелъ въ непосредственное сношеніе съ мѣстными властями. Сперва сношенія мои ограничивались запросами или требованіями отъ имени его свѣтлости, потомъ я вошелъ въ партикулярную переписку съ губернаторами, сенаторами, епископами и архіепископами. Вообще, кругъ дѣйствія петербургской канцеляріи измѣнился. До меня управлялъ ею Бахтинъ; предметы канцеляріи были: секретная переписка и передѣлка редакціи. При мнѣ, когда собираемыя мною свѣдѣнія наводили меня на мысли объ улучшеніи или поддержаніи какой-либо части, канцелярія принимала инициативу. Нѣсколько распоряженій по мыслямъ, родившимся въ Петербургѣ, хотя князь тщательно скрывалъ ихъ мѣсторожденіе, побудили многихъ лицъ пріѣзжать для объясненія со мной, и даже, если они являлись для объясненій съ княземъ,—прежде стараться уговорить меня. Скромное мое жилище въ домѣ начальника морского штаба наполнялось посѣтителеми, статскими—большею частью по дѣламъ общественнымъ, военными русскихъ войскъ—почти исключительно по дѣламъ награднымъ. Переписка расплодилась ужасно (почтовая) на французскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Статсъ-секретарь финляндскій присылалъ ко мнѣ безпрестанно своихъ первыхъ секретарей; все, что нужно было выпросить у князя, выпрашивалось прежде у меня: я сдѣлался властью. Къ такому положенію моему содѣйствовало и то, что кредитъ князя началъ съ 1835 г. понижаться, что его беспокоило и часто поглощало. Съ 1835 г. начало возрастать вліяніе графа Чернышева. Приготавливая перомъ Позена новые проекты военного управленія или войсковыхъ заготовленій,—вѣрнѣе, подписывая проекты Позена,—Чернышевъ—вѣрнѣе Позень—умѣлъ очень ловко выманивать у государя солидарность его въ этихъ вымыслахъ, и какъ государь любилъ единство, и даже только однообразіе, имѣвшее видъ единства, то все, что онъ утверждалъ но военному вѣдомству, приказывалъ распространять и на морское. Такимъ образомъ Меншиковъ изъ самостоятельнаго начальника морскихъ силъ становился копистомъ Чернышева. Этого одного было достаточно, чтобы взволновать его самолюбіе, но, кромѣ того, подъ этою копировкою скрывались величайшія затрудненія. Если на морское вѣдомство распространялось что-нибудь хорошее, заслуга оставалась за Чернышевымъ; если дурное—флотъ ропталъ на Меншикова; а Меншиковъ, отстаивая флотъ, терялъ расположеніе царя; такъ кредитъ его обрушивался съ двухъ концовъ. Но что еще хуже—Чернышевъ лгалъ государю

съ изумительною наглостью, а князь этого не умѣлъ. Не могу забыть доселѣ одинъ случай. Чернышевъ представилъ государю, что существующій порядокъ казенныхъ заготовленій черезъ русскихъ подрядчиковъ вреденъ; что они обходятся дорого казнѣ, а барыши не дѣлятся съ крестьянами и другими первыми производителями, что гораздо лучше покупать изъ первыхъ рукъ, хоть по мелочамъ; что военное министерство сдѣлало опытъ, и онъ удался необыкновенно,—и всѣ мужички благословляютъ государя. Государь въ восхищеніи. Посылаетъ докладъ къ князю Меншикову съ приказаніемъ немедленно ввести такой порядокъ и по морскому вѣдомству. Князь проситъ Чернышева прислать ему правила или инструкции для такого способа заготовленій. Отвѣта нѣтъ; пишетъ вторично,—Чернышевъ отвѣчаетъ, что такихъ правилъ нѣтъ; справляется, какъ и гдѣ заготовленъ послѣдній провіантъ для войскъ,—оказывается, что вся поставка отдана одному Кузину, милліона два четвертей муки! Это значило купить изъ первыхъ рукъ! Князь ненавидѣлъ доносы, но въ этомъ случаѣ дѣло шло не о доносѣ, а о невозможности исполнить монаршую волю. Князь, при первомъ докладѣ, сказалъ государю, въ какомъ положеніи дѣло, т. е. что правилъ нѣтъ и что заготовленія дѣлаются еще по старому, умолчавъ изъ деликатности о томъ, что новость заготовленія состояла въ отдачѣ почти всего продовольствія арміи въ однѣ руки. И это сошло съ Чернышева, какъ съ гуся вода; вѣроятно, отолгался! Между тѣмъ борьба между ними сдѣлалась ожесточеннѣе; Меншиковъ усилилъ насмѣшки надъ парикомъ Чернышева, а тотъ, гораздо практичнѣе, подрывалъ грунтъ подъ ногами Меншикова. На сторонѣ князя была правда, на сторонѣ Чернышева — сила. Князь имѣлъ одинъ докладъ въ недѣлю; Чернышевъ ходилъ съ докладомъ ежедневно. Меншиковъ безпрестанно отказывалъ дамамъ высоко стоящимъ въ ихъ покровительныхъ просьбахъ; Чернышевъ шелъ этимъ просьбамъ навстрѣчу. Первый сидѣлъ съ утра до вечера за бумагами, послѣдній посѣщалъ всѣ вечера и вездѣ закидывалъ удочки себѣ, рогатины князю. Въ 1835 году Перовскій сдѣланъ оренбургскимъ генералъ-губернаторомъ, и это играло важную роль въ политической жизни Меншикова. Перовскій пылкій, *chevalier sans peur et sans reproche*¹⁾, обожавшій князя Меншикова. Его *franc-parler*²⁾ было всѣмъ извѣстно. Узнавъ о какомъ-нибудь наговорѣ на князя Меншикова, Перовскій былъ въ состояніи вбѣжать къ государю безъ доклада, чтобы сказать ему, что это ложь. Онъ былъ такъ же дѣятеленъ въ посѣщеніяхъ свѣта, какъ и Чернышевъ, но умнѣе его и неизмѣримо уважительнѣе. Оттого Перовскій былъ цитомъ Меншикова. Съ отъѣздомъ Перовскаго оплотъ

¹⁾ Рыцарь безъ страха и упрека.

²⁾ Свобода слова.

князя Меншикова сокрушился. Къ Чернышеву присоединился князь Воронцовъ, тоже лгунъ,—этотъ ловчѣе, тотъ наглѣе. Къ нимъ пристала старая месь Грейга; подъ его предсѣдательствомъ сочинили нормальную смѣту морского министерства, по которой ассигновано было: на балтійскій флотъ, съ 27 экипажами, съ 27 линейными кораблями, со всѣмъ главнымъ управленіемъ и съ флотиліями каспійскою, байкальскою, охотскою и архангельскою—11 милліоновъ рублей ассигнаціями, а на черноморскій флотъ, съ 15 экипажами и 15 линейными кораблями, 9 милліоновъ рублей ассигнаціями, всего 20 милліоновъ ассигнаціями, или меньше 7 милліоновъ рублей серебромъ (теперь безъ черноморскаго флота 23 милліона рублей серебромъ), отчего, естественно, суда балтійскія были плохи, и офицеры балтійскіе менѣе довольны княземъ Меншиковымъ, чѣмъ черноморскіе—Лазаревымъ. Закревскій былъ тоже врагомъ Меншикова, которому приписывалъ свое увольненіе отъ службы, но совершенно неосновательно. Я, какъ сегодня, помню разсказъ князя Меншикова, воротившагося отъ государя. Меншиковъ говорилъ мнѣ озабоченно: Закревскій написалъ государю письмо, которымъ проситъ увольненія отъ званія министра внутреннихъ дѣлъ и финляндскаго генералъ-губернатора (въ 1831 г. послѣ холеры) въ предположеніи, что государь имъ недоволенъ. Между строчками это значило: я надѣялся получить ленту, но не получилъ; дайте мнѣ ее, пожалуйста. Письмо это подано государю въ то время, когда ему докладывалъ Меншиковъ. Государь, подумавъ, сказалъ:

— Закревскій просится въ отставку; я никого не удерживаю; министръ внутреннихъ дѣлъ у меня есть. Меншиковъ! возьми Финляндію. Я всегда думалъ, что это управленіе ближе всего входитъ въ тѣ руки, въ которыхъ мои морскія силы.

Меншиковъ отозвался государю, что онъ не можетъ взяться за это, что онъ все еще учится морскому дѣлу, котораго не зналъ вовсе, когда его величество далъ ему это управленіе; что онъ не знаетъ и Финляндіи, и опять долженъ учиться, а между тѣмъ не имѣетъ довольно времени и для дѣлъ морского управленія. Государь поручилъ ему назвать кандидатовъ. Князь говорилъ мнѣ: «я увѣренъ, что это комедія, что государь не приметъ моихъ кандидатовъ и навяжетъ мнѣ Финляндію». На слѣдующее воскресенье князь позванъ къ государю; онъ назвалъ троихъ, изъ которыхъ помню Дена и Берга, но государь никого не принялъ, и Финляндія возложена на князя Меншикова. Закревскій, выйдя въ чистую отставку, разсердилъ государя. Однакоже, давая великолѣпные балы, онъ понемногу привлекъ къ себѣ царскую фамилію и получилъ вѣсь. Такъ, Чернышевъ, Воронцовъ, Закревскій, Грейгъ и куча недовольныхъ особъ женскаго пола составляли батарею противъ Меншикова; за нимъ, или съ нимъ—ни души! Ибо если нельзя безъ вопіющей несправедливости сказать, что Меншиковъ не былъ

вполнѣ благороденъ по правиламъ, то нельзя также, безъ слѣпоты, не сознаться, что онъ обладалъ особеннымъ искусствомъ отталкивать отъ себя людей теплаго чувства; довольно было сдѣлать ему слабую демонстрацію дружбы, чтобы онъ скривилъ ротъ, или выпустилъ шуточку. Это послѣдствіе философіи Ларошфуко, которой онъ начитался въ молодости, и тѣхъ обмановъ, которыхъ неоднократно былъ жертвою. Добрыя волненія души возбуждали въ немъ ложный стыдъ. Мнѣ случилось войти къ нему вслѣдъ за Перовскимъ, приходившимъ прощаться; увидя меня, князь нагнулся, какъ будто отыскивая что-то на нижней полкѣ этажерки, и утеръ слезу. Я спросилъ его, зачѣмъ онъ такъ старается скрыть то, что изобличаетъ доброе человѣческое чувство и притворяется худшимъ.

— Ah, mon cher ami, — отвѣчалъ князь, — quand vous aurez atteint mon âge, vous verrez que l'humanité ne mérite point qu'on se soucie de son approbation ¹⁾.

Съ 1835 года, по моему мнѣнію, началъ совершаться переворотъ и въ самомъ государѣ. Изъ министровъ перваго десятилѣтія его царствованія Меншиковъ былъ одинъ, возстановленный государемъ; прочіе достались ему въ наслѣдство.

Нессельродъ, лицо историческое, котораго достоинство оспаривать никому и на мысль не приходило; Канкринъ, предъ высокою личностью котораго государь смирялся и предъ которымъ охотно сознавался въ своей финансовой несостоятельности; Лобановъ, министръ юстиціи, Закревскій, внутреннихъ дѣлъ, люди пустые, но они выбыли мимо воли государя.

Дашковъ и Блудовъ замѣстили уже впослѣдствіи ихъ, и были рекомендованы Карамзинымъ. Бенкендорфъ, шефъ жандармовъ. Все были люди безупречные, не доктринеры, не реформаторы, не временщики. Государь не имѣлъ надобности направлять ихъ. Когда Чернышевъ, своею пронырливостью и безстыдно-ловкимъ перомъ Позена, проложилъ себѣ дорогу къ государю, начались проекты и преобразованія, которыхъ заднею мыслию была систематическая нажива на казенныхъ заготовленіяхъ. L'appétit vient en mangeant ²⁾.

Провіантскія и комиссаріатскія операціи стали тѣсны для дѣятельности прожекторовъ; надо было дать что-нибудь и полевымъ инженерамъ, и выдумали постройки; нужны были деньги больше смѣтныхъ, — сочинили займы министерствъ, и назвали такіа постройки въ долгъ — «даромъ потомству», а чтобы оградить себя отъ протестовъ Канкрина, стали шептать государю, что теперь онъ

¹⁾ Ахъ, мой дорогой другъ, когда вы доживете до моихъ лѣтъ, то увидите, что человѣколюбіе не заслуживаетъ, чтобы заботились объ его одобреніи.

²⁾ Чѣмъ больше ѣшь, тѣмъ больше ѣсть хочется.

самъ можетъ судить о финансовыхъ мѣрахъ и не всегда слушать совѣтовъ человѣка, безспорно, умнаго, но, очевидно, упрямаго. Проекты Позена съ изумительною наглостью были названы въ докладахъ и положеніяхъ «мыслями, преподанными вашимъ императорскимъ величествомъ», и подъ этою фирмою они не могли уже подвергаться той рѣзкой критикѣ, какой заслуживали.

Такъ, Чернышевъ, самъ орудіе Позена, вливалъ ежедневно тонкій ядъ въ патріотическое сердце государя и раздувалъ жаръ его врожденныхъ слабостей. Государь любилъ все колоссальное. Онъ, по страсти, строилъ бы все зданія монументальныя, какою была собственная его особа, но его честное сердце не позволяло ему удовлетворять эту страсть. Коварство приближенныхъ успѣло извратить въ немъ понятія о государственномъ хозяйствѣ, а лесть увѣрила его, что эти понятія непогрѣшительны,—и онъ, безукоризненный по намѣреніямъ, сталъ «дарить потомству» монументальныя зданія и монументальные долги. Въ это же время пріѣхалъ въ Петербургъ и Киселевъ (игравшій весьма подозрительную роль въ смутахъ 2-й арміи въ 1825 году). Добиваясь министерства, онъ сталъ рисовать государю мрачными красками бытъ государственныхъ крестьянъ, поднялъ ужасный шумъ, что департаментъ государственныхъ имуществъ, въ 30 лѣтъ существованія, накопилъ 15 т. дѣлъ нерѣшенныхъ,—и ради ихъ рѣшенія изъ одного департамента вырастили министерство изъ 4-хъ департаментовъ и 60-ти палатъ. Князь Друцкой-Любецкій тоже интриговалъ противъ министра финансовъ. Спокойный Канкринъ шелъ какъ левъ между лающими на него бульдогами и шавками, но отзывы государя, что онъ и самъ понимаетъ уже финансы, и въ особенности изъятіе изъ его вѣдомства государственныхъ имуществъ, сломили волю утомленнаго трудами и борьбою министра. Здѣсь онъ измѣнилъ своей личности; ему слѣдовало бы сдѣлать изъ вопроса о государственныхъ имуществѣхъ условіе своей службы и не слушать никакихъ утѣшеній. Онъ поддался на лестныя слова, остался,—и, кажется, тотчасъ же увидѣлъ самъ, что сдѣлалъ промахъ. Съ этихъ поръ замѣтно въ немъ равнодушіе къ будущности Россіи; можетъ быть, и не равнодушіе, а безнадежность; онъ одинъ разъ отвѣчалъ Меншикову на замѣчаніе, зачѣмъ онъ допустилъ расходъ: «Eh, cher prince! cela ne vaut pas la peine! On a beau faire, la Russie sera toujours un f.... banqueroutier» ¹⁾.

О себѣ говоритъ въ путевыхъ запискахъ 1840 года: «Mein Leben war thätig, aber freudenlos» ²⁾.

¹⁾ «Ахъ, дорогой князь! Не стоитъ! Что ни дѣлай, Россія всегда будетъ банкротомъ..

²⁾ Моя жизнь была дѣятельная, но безотрадная.

Онъ старался только замазывать финансовые изъѣяны, чтобы поддержать растрескивающееся финансовое зданіе и не попасться подъ жестокой ударъ гнѣвнаго царскаго слова. Иногда, конечно, срывались у него сарказмы; напримѣръ, онъ сказалъ государю, что «денегъ нѣтъ, а между тѣмъ два полка разъѣзжаютъ по всѣмъ городамъ Россіи два раза въ годъ на почтовыхъ тройкахъ».

— Какіе два полка?

— Образцовые, государь.

Всматриваясь во все мною видѣнное и слышанное, я называлъ бы 1835 годъ новою эрою царствованія Николая Павловича, началомъ второго его періода. Съ 1825 по 1835 годъ государь приводилъ въ порядокъ государство, вспомогаемый людьми, болѣе или менѣе даровитыми, но вообще матеріально и нравственно безкорыстными или стыдящимися обнаружить свою корысть, преданными ему и сосредоточивавшими свои силы на томъ, чтобы дѣла шли стройно. Успѣвали ли они всѣ въ этомъ, или нѣтъ,—это другой вопросъ, но никого нельзя было обвинять въ проведеніи своихъ тайныхъ замысловъ, ни даже въ подлой лести. Съ 1835 года сцена перемѣняется; почтенные дѣятели сходятъ постепенно со сцены или парализуются интригами дѣльцовъ новой школы. Первымъ изъ такихъ дѣльцовъ является Чернышевъ, т. е. Позенъ въ шкурѣ Чернышева, проводившій усовершенствованную систему организованнаго хищничества чиновниковъ. Вторымъ дѣльцомъ выступаетъ Киселевъ, подрывающій самодержавіе и его опору, поземельное дворянство. Къ нимъ присоединяется Любецкій, чтобы, по внушенію польскаго патріотизма, споить Россію. Первою жертвою этой компаніи былъ Канкринъ; за нимъ утратили свое вліяніе Меншиковъ и Бенкендорфъ; первый,—устраненіемъ его отъ участія въ вопросахъ внутренней политики, второй — ничтожный, разсѣянный въ дѣлѣ администраціи, но опасный—какъ рыцарь вѣрности и чести. Между тѣмъ выплывали на вѣтеръ Орловъ и Клейнмихель. Орловъ — себялюбивый и ко всему, кромѣ своей особы, равнодушный; угодить государю, разсмѣшить его и обмануть, гдѣ и сколько можно,—въ этомъ заключалась вся его политика. Клейнмихель стоитъ, по моему убѣжденію, несравненно выше Орлова въ нравственномъ смыслѣ. Онъ эгоистъ, какъ Орловъ, но не заходилъ такъ далеко, какъ онъ, за средствами къ удовлетворенію эгоизма; притомъ самая натура эгоизма была чище; онъ жаждалъ власти изъ тщеславія, а тотъ искалъ власти какъ средства къ утоленію страстей грязныхъ. Онъ тоже обманывалъ государя, но дѣлалъ это не изъ предательства, а изъ страха, какъ дитя обманываетъ своего вспыльчиваго отца, если по неосторожности изломало вещь, имъ любимую. Онъ гналъ людей, непріятныхъ государю, не изъ расчетовъ, а какъ рабъ, удаляющій отъ барина своего все, что можетъ нарушить доброе расположеніе

его духа. По приказанію государя, Клейнмихель, дежурный генералъ, являлся ежедневно къ государю съ личнымъ докладомъ, несмотря на то, что Чернышевъ, его прямой начальникъ, имѣлъ самъ ежедневные личные доклады. Даже болѣе—государь поручалъ иногда Чернышеву передать свое приказаніе Клейнмихелю по дѣламъ военнаго вѣдомства. И при всемъ томъ Чернышевъ, завистливый и тщеславный Чернышевъ, не ссорился съ Клейнмихелемъ! Объясняю себѣ этотъ случай тѣмъ, что Чернышевъ былъ совершенно поглощенъ хозяйственными дѣлами, что онъ самъ желалъ ограничиваться ими; доклады по этимъ дѣламъ были и интереснѣе и безопаснѣе, потому что государь не интересовался живо хозяйственными вопросами, да и не былъ въ нихъ компетентнымъ судьей. Съ своей стороны, Клейнмихель вовсе не желалъ вліянія на дѣла хозяйственныя, потому что не участвовалъ, какъ Чернышевъ, въ разныхъ спекуляціяхъ, и вообще былъ безкорыстенъ; онъ исполнялъ приказанія по строевой части и исполнялъ очень быстро. Чтобы личные доклады свои изъ экстренныхъ обратить въ ежедневные, Клейнмихель возилъ къ государю всякія дрязги, образчики сукна для выпушекъ, или краски для кроватей, водилъ солдатиковъ, на которыхъ примѣрялись новыя фуражки, новые мундиры. Оба были вредные государю люди. Чернышевъ былъ проводникомъ воровскихъ системъ, и первый осмѣлился возвести въ высокія званія человѣка, крещеннаго еврея, извѣстнаго всей Россіи за наглаго вора.

Когда Позену пожаловали титулъ статсъ-секретаря, въ городѣ сочинили загадку: «Кто мудрѣ Бога?» Отвѣтъ: «Чернышевъ: Богъ создалъ человѣка изъ земли, а Чернышевъ дѣлаетъ людей изъ г....». Даже братъ государя говорилъ сатиры на награды Позена. Когда ему дали табакерку съ портретомъ, великій князь Михаилъ объяснилъ, что это сдѣлалъ государь «pour mieux voir dans ses roches». Клейнмихель приучилъ государя заниматься мелочами и видѣть въ своихъ приближенныхъ не министровъ, не мужей государственныхъ, не сотрудниковъ по управленію колоссальною имперіею, а портныхъ, маляровъ, курьеровъ и, по большей мѣрѣ, секретарей. При такой обстановкѣ люди серьезные чувствовали себя въ ложномъ положеніи; они парализовались на службѣ, а когда выбывали изъ службы, то замѣнялись людьми, далеко не похожими на нихъ ни умомъ, ни доблестью. Это составляетъ отличительную черту второго десятилѣтія царствованія Николая, а благодаря этому, государь, самый честный человѣкъ во всей имперіи, самый ревностный слуга Россіи изъ всѣхъ ея служителей, сталъ впадать въ ошибки и неловкости. Съ 1840 года началось сильнѣйшее движеніе личностей государственныхъ сверху

¹⁾ Чтобы лучше видѣть въ его карманахъ.

истор. вѣстн., май, 1908 г., т. схи.

внизъ по внутреннему достоинству. Благородный Дашковъ, министръ юстиціи, замѣненъ гр. Панинымъ, который ввелъ по министерству капральское управленіе; просвѣщенный графъ Толь, авторитетъ по военной и технической части, независимаго, прямого характера, оставилъ управленіе путей сообщенія въ наслѣдство Клейнмихелю, невѣждѣ и безхарактерному. Безпечный, но честный Бенкендорфъ замѣнился столь же безпечнымъ, но и безчестнымъ Орловымъ. Въ кресла всеобъемлющаго умомъ Канкринъ сѣлъ Вронченко, великанъ по росту, пигмей въ сердцѣ, принесшій къ подножію престола малороссійскую хитрость вмѣсто ума и холопскую смѣтливость въ замѣну просвѣщенія. Сообразно съ свойствами этихъ государственныхъ дѣятелей пошли и дѣла государственныхъ. Самимъ министрамъ приходилось плохо. Угадалъ умный Дружининъ, когда предостерегалъ знакомыхъ ему лицъ, видя, что они стали забавлять государя мелочами, игрушками. «Не играйте, — говорилъ онъ, — съ русскимъ царемъ: русскій царь добръ, но онъ богатырь, не подѣлать вамъ; станетъ играть съ вами, плохо вамъ будетъ; возьметъ васъ за руку шутя — руки нѣтъ; возьметъ за голову — голова долой». Такъ министра императорскаго двора обругалъ государь при всѣхъ за то, что поваръ приготовилъ слишкомъ мало для завтрака на пароходѣ; Клейнмихелю щипалъ онъ руки до крови, если на какой-нибудь станціи худо двигалась оконная задвижка. Министры перестали быть мужами государственныхъ; они сдѣлались чиновниками, или, еще хуже, угождали государю по-лакейски и обманывали его, какъ лакеи. Государь, видя самъ, что повелѣнія его не исполняются, что онъ повсюду окруженъ обманомъ, лицемеріемъ, декораціями, лишился того спокойствія духа и той важности дѣйствія, которыя нужны и присущи монарху; онъ сталъ брать на себя роль полицейскую, которая часто оканчивалась публичнымъ fiasco, потому что отъ него ускользали подробности и послѣдствія. Такъ, одинъ разъ государь видѣлъ издали, что два солдата вошли въ кабакъ вопреки строжайшему запрещенію впускать ихъ въ кабаки. Государь вышелъ изъ саней, вошелъ въ кабакъ и сталъ отыскивать солдатъ, которые спрятались въ другой комнатѣ. Повелѣно было отдать откупщика подѣ слѣдствіе, но Бенардаки и К^о пріѣхали къ Вронченкѣ, доказывали ему, что они не могутъ отвѣчать за поведеніе солдатъ, что поводъ къ слѣдствію незаконный и что если не прекратятъ его немедленно, то они отказываются отъ всѣхъ своихъ откуповъ, а ихъ было миллионовъ на 20. Вронченко подалъ въ отставку, — и государь, самодержецъ всероссійскій, долженъ былъ взять свое повелѣніе назадъ предъ угрозою Бенардаки и К^о. Никому не пришло въ голову, что вторая комната при кабацкѣ составляла уже законный поводъ къ преслѣдованію откупщика. Въ другой разъ, государь, открывъ случайно товары въ ящикѣ,

присланномъ изъ-за границы подъ адресомъ *Expédition officielle*, самъ сталъ ихъ досматривать со всѣми обрядами таможенной службы, дѣлая изъ себя досмотрщика. Желая вывести воровъ изъ службы, онъ сталъ разсматривать формуляры и, замѣтивъ благопріобрѣтенныя имѣнія, приказывалъ спрашивать, какъ они пріобрѣтены. Отвѣты попадались насмѣшливые или нагло-плутовскіе, напр.: «Имѣніе пріобрѣтено женою на подарки, полученные ею въ молодости отъ графа Бенкендорфа». Чѣмъ безуспѣшнѣе были его усилія, тѣмъ болѣе онъ раздражался. Бѣдный государь! Одинъ нѣмецъ, путешествовавшій по Россіи, кажется, Kohl, правду сказалъ: «Императоръ русскій, вмѣшиваясь въ мелочи, часто компрометируется, но надобно войти въ его положеніе: онъ приведенъ къ убѣжденію, что во всей имперіи онъ — единственный честный человѣкъ, а между тѣмъ любитъ правду выше всего: поневолѣ онъ сдѣлался полицеймейстеромъ». Раздраженіе государя обрушивалось тяжело только на людей честныхъ; плутамъ оно было ни почемъ, и интрига торжествовала. Такъ это было уже въ 1838 году. Когда государь собирался ѣхать осматривать южныя военныя поселенія и черноморскіе порты, дошло до него донесеніе Муравьева, корпуснаго командира, что въ войскахъ, подчиненныхъ новороссійскому генералъ-губернатору Воронцову, господствуютъ величайшія злоупотребленія, особенно въ греческомъ батальонѣ, котораго командиръ, Ломброзо-Каччіоне, пользовался расположеніемъ графа; чины этого батальона не получали законнаго содержанія и поочередно работали на хуторѣ Ломброзо. Государь разгнѣвался и объявилъ, что не хочетъ быть ни въ Одессѣ, ни на южномъ берегу Крыма, чтобы не видѣть Воронцова. Въ то время я ничего еще не зналъ о Воронцовѣ, кромѣ того, что онъ отлично жилъ и отлично принималъ въ Одессѣ, и что Пушкинъ написалъ его портретъ:

«Полумилордъ,
Полукупецъ,
Полумудрецъ,
Полуневѣжда;
Полуподлецъ,
И есть надежда,
Что будетъ цѣлый наконецъ».

Приготовительная переписка по вояжу государя поручена была мнѣ графомъ Орловымъ, съ которымъ познакомилъ меня Меншиковъ. Маршрутъ былъ уже совершенно готовъ, какъ прискакалъ въ Петербургъ вельможа Воронцовъ и, сдѣлавъ нѣкоторые визиты въ Петербургъ, поѣхалъ на 9-ю версту петергофской дороги, на дачу, поздравить съ рожденіемъ—Позена! Дня черезъ три Орловъ посылаетъ за мною;

— Mon cher ami, tout est changé! L'empereur reste trois jours à Odessa; l'impératrice passe deux journées à Aloupka chez Worontsoff ¹⁾).

Все передѣлано. Меня послали на курьерскихъ въ Николаевъ; черезъ сутки прибылъ туда князь Меншиковъ, а вслѣдъ за нимъ и государь. Въ Николаевѣ вывелъ Муравьевъ на смотръ пѣхотный полкъ; государь — не въ духѣ. На бѣду въ ту самую минуту, когда государь произнесъ первое слово команды, выбѣжала на площадь какая-то женщина, бросилась ему въ ноги и подала просьбу! Государь вышелъ изъ себя:

— Quelle est cette femme? Emportez-moi cette femme! ²⁾ — закричалъ онъ по-французски громовымъ голосомъ.

Женщину схватили и увлекли, какъ бѣшеную собаку. Полкъ двинулся. Государь сталъ бранить полкъ, и еще болѣе Муравьева. Вся свита понурила голову, и смотръ кончился, какъ похороны. Всѣ приписывали несчастный исходъ смотра неумѣстному появленію женщины: это утѣшало гордаго Муравьева. Поѣхали въ Севастополь. Тамъ смотръ обошелся еще хуже. Передъ всѣмъ полкомъ, передъ многочисленною свитою, государь, обратясь къ флигель-адъютанту Астафьеву, сказалъ:

— Астафьевъ! я оставляю тебя здѣсь и поручаю тебѣ возстановить, если можно, войска, которыя истребилъ этотъ генералъ, — указавъ на Муравьева.

Все это я видѣлъ и слышалъ изъ окна. Муравьевъ хотѣлъ тутъ же сказаться больнымъ, но адмиралъ Лазаревъ, возмущенный такими сценами, убѣждалъ генерала подождать; онъ увѣрялъ его, что подобную сцену должно разсматривать какъ апогей царскаго гнѣва, что затѣмъ должна наступить реакція; что въ этихъ случаяхъ государь, сознаваясь, что «погорячился», старается обыкновенно загладить свою несправедливость усиленнымъ выраженіемъ благоволенія. Уговорили Муравьева; но въ Керчи повторились тѣ же сцены, и лучший русскій генералъ вышелъ изъ службы! Винить ли государя? Конечно, нельзя оставить такое поведеніе безъ упрека, но нельзя судить царей, какъ людей частныхъ; они въ другомъ положеніи. У каждаго изъ насъ есть враги, но есть и друзья; когда враги готовятъ намъ козни, друзья разрушаютъ ихъ; когда мы выходимъ изъ такта, они берутъ друга подъ руки и удерживаютъ въ равновѣсіи. Государь — одинъ, или, окруженный толпою предателей, онъ опутывается сѣтью невидимою, но ощущаемою, не видя рукъ, ее плетущихъ. Онъ не прогрызаетъ этой сѣти втихомолку, какъ мышь, но мечется и рвется, потому что

¹⁾ Дорогой другъ, все переименовано! Императоръ останется три дня въ Одессѣ; императрица проведетъ два дня въ Алупкѣ у Воронцова.

²⁾ Какая это женщина? Уведите эту женщину.

онъ—левъ. Предатели предлагаютъ ему лекарство, но вмѣсто него подаютъ ему ядъ. Онъ; отуманенный, поражаетъ тѣхъ, которыхъ считаетъ за злодѣевъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ ранитъ самого себя. Такъ я понималъ государя Николая Павловича.

Кажется, въ 1839 году я познакомился съ Клейнмихелемъ и увидѣлъ въ первый разъ его приемы и его порядки. Они поразили тѣмъ, что Клейнмихель былъ типъ тогдашняго времени. Меншиковъ послалъ меня къ нему для какого-то объясненія: Клейнмихель былъ тогда дежурнымъ генераломъ. Я пріѣхалъ въ инспекторскій департаментъ часовъ въ 12, и, между толпою офицеровъ разнаго оружія, увидѣлъ впереди трехъ флигель-адъютантовъ, полковниковъ: князя Долгорукова (теперь шефъ жандармовъ), Крузенштерна (теперь сенаторъ); кто былъ третій—не помню, кажется, Урусовъ. Узнавъ, что Клейнмихель будетъ не скоро, я уѣхалъ и воротился во второмъ часу: Долгоруковъ и Крузенштернъ все еще были тамъ, въ полной формѣ, ботфортахъ и шарфахъ. Черезъ полчаса объявлено мнѣ, что дежурнаго генерала не будетъ и что можно его видѣть вечеромъ въ 7 часовъ, на дачѣ по Каменноостровскому проспекту. Я пріѣхалъ туда; флигель-адъютанты были уже тамъ; у дверей стояло 4 фельдъегеря съ сумками на груди. Черезъ полчаса вышелъ генералъ, протирая, какъ со сна, глаза, кивнулъ головой флигель-адъютантамъ, кивнулъ мнѣ, нѣсколько любезнѣе, и подошелъ къ фельдъегерямъ, спросилъ каждого, кто куда ѣдетъ, когда полагаетъ доѣхать на мѣсто, и отпустилъ ихъ словами: «съ Богомъ». Потомъ подошелъ ко мнѣ очень любезно (потому что я не у него служилъ) и въ заключеніе просилъ меня мимоѣздомъ зайти въ его канцелярію и у правителя оной, Заики, потребовать тѣ свѣдѣнія, которыя мнѣ нужны. Это было въ іюнѣ; вечеръ великолѣпный, какъ бываетъ у насъ въ этомъ мѣсяцѣ; 8 часовъ вечера. Я очень наивно сказалъ: «Я заѣду завтра,—теперь, конечно, не застаю г. Заики ни въ канцеляріи, ни дома въ такой прекрасный вечеръ».—«Какъ не застанете? — отвѣчалъ съ удивленіемъ генералъ: — Заика долженъ быть въ канцеляріи всегда!» Я вытаращилъ глаза. Клейнмихель, протянувъ мнѣ руку, прибавилъ: «Заѣзжайте-ка, застанете непременно!» Съ странными впечатлѣніями поѣхалъ я въ канцелярію дежурнаго генерала: тамъ торчалъ кантонистъ, стоя у окна, разстегнутый. Такъ какъ я вошелъ очень скромно, то онъ, не поворачивая ко мнѣ передняго фасада своей персоны, спросилъ грубо: «Что вамъ надо?»—«Г. Заика здѣсь?»—«Какой теперь г. Заика; приходите завтра утромъ, извѣстно!»—«Мнѣ Петръ Андреевичъ сказалъ, что я найду его сегодня». Писарь восторженно, какъ подстрѣленный коршунъ, и, застегиваясь, проговорилъ впопыхахъ: «Онъ здѣсь, онъ сейчасъ будетъ, онъ пошелъ до вѣтру». Черезъ 5 минутъ пріѣхалъ, запыхавшись, Заика. Смуглое, исхудалое,

доброе и смышленное лицо малороссійскаго типа, съ огромнымъ улыбающимся ртомъ, выказывающимъ два ряда крупныхъ, здоровыхъ зубовъ, зеленыхъ у корня и оканчивающихся очень бѣлыми, какъ будто наточенными рѣзцами; обѣ руки держалъ онъ поднятыми и прижатыми къ груди, съ опущенными книзу кистями, напоминая собачекъ, стоящихъ на заднихъ лапкахъ. «Извините, я только что вышелъ проглотить чашку чаю!» сказалъ онъ мягкимъ голосомъ. Бѣдняжка! Впослѣдствіи я узналъ ближе этого Заику: препотенный человѣкъ, но загнанный и потерявшій уже тѣ струны души, на которыхъ волнуется и звучитъ чувство оскорбленія. Я благодарилъ Бога, что Онъ не поставилъ меня подъ такую желѣзную руку, и говорилъ себѣ: лучше съ голоду умереть, чѣмъ прикоснуться къ подобному начальнику. *L'homme propose et Dieu dispose*¹⁾.

Въ 1838 году князь Меншиковъ отрекомендовалъ меня графу Орлову для переписки по вояжу государя. Съ 1839 года начались мои безпрестанныя сношенія съ графомъ Орловымъ и длились до самаго отправленія его въ Парижъ для заключенія мирнаго трактата въ 1855 году. Съ 1839 года онъ избиралъ меня постоянно въ правители дѣлъ всѣхъ комитетовъ, которыхъ онъ былъ председателемъ. Первый комитетъ былъ пустой по своему достоинству, но весьма важный по дѣлу: разорившійся богатый архангельскій купецъ Поповъ представилъ проектъ о способахъ возведенія русскаго торговаго судоходства и русской биржи на уровень независимости. Вздоръ! Второй комитетъ возбужденъ критикою князя Любецкаго на систему питейнаго сбора Канкринъ. Князь Друцкой-Любецкій былъ человѣкъ замѣчательный и по уму и по наружности. Маленькаго роста, на толстыхъ короткихъ ногахъ, онъ поворачивался всѣмъ тѣломъ, какъ бы вырубленный изъ одного куска. На короткой шеѣ сидѣла огромная голова, лысая по всей передней части черепа, осѣняясь только на вискахъ и затылкѣ сѣдо-русыми волосами. Его лицо, чистое, бѣлое, блѣдное, загоралось румянцемъ нѣжнаго тона, когда онъ воодушевлялся; когда въ немъ закипали чувства, румянецъ собирался въ видѣ яркаго пятна на каждой щекѣ. Носъ орлиный; большіе голубые глаза. Общій типъ выраженія: пронизательность, скрытность и желѣзная воля. Говорилъ онъ медленно, плавно, изысканно по-французски, съ отличнымъ французскимъ произношеніемъ; отчетливо по-русски, съ капризною акцентуаціею словъ русскихъ. По мѣрѣ теченія рѣчи голосъ становился сильнѣе, слова текли быстрѣе, — онъ былъ бы истинный ораторъ, если бы его правильныя французскія фразы не прерывались вставками: бо и терась. Когда потокъ рѣчи его доходилъ до кульминаціи, Любецкій переходилъ въ жесты, и съ

¹⁾ Человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ.

той минуты онъ дѣлался смѣшнымъ. Впрочемъ, я лично не находилъ въ немъ ничего смѣшного; я слушалъ его съ напряженнымъ вниманіемъ, несмотря на его ежѣли, какъ слушалъ я и Канкринъ, несмотря на его сакѣнъ; наши государственные люди были подъ другими впечатлѣніями; они ловили только ошибки просодіи въ рѣчахъ Любецкаго и награждали ихъ улыбочками. Орловъ забывалъ, что его хошѣ вмѣсто хотя было гораздо тривіальнѣе, чѣмъ Любецкаго ежѣли, да и Киселева кой часъ вмѣсто коль скоро не отличался изяществомъ.

Со времени Тильзитскаго мира ассигнаціи банка стоили ровно четверть своей нарицательной цѣны. За десятирублевую бумажку давали два цѣлковыхъ и полтинникъ. Этотъ курсъ установился такъ твердо, что публика забыла уже паденіе ассигнацій и считала 25 коп. сер. за рубль, а рубль серебряный за 4 рубля, т. е. въ народѣ сталъ монетною единицею рубль бумажный, а не серебряный. При Канкринѣ, когда оживленная промышленность потребовала большаго числа оборотныхъ знаковъ, ассигнаціи стали предпочитать серебряной монетѣ; десятирублевая бумажка мѣнялась на 2 цѣлковыхъ съ полтинникомъ не даромъ, а получала преміи гривенникъ,—она стала дороже. Чѣмъ бы радоваться возстановляющемуся довѣрію къ долговымъ обязательствамъ правительства, министерство внутреннихъ дѣлъ нашло въ этомъ дѣйствіи обманъ и силою хотѣло заставить народъ вѣрить правительству менѣе, чѣмъ онъ вѣрилъ. Это уродливое воззрѣніе облеклось въ другую мантию: «берутъ произвольный лажъ». Государь хотѣлъ издать указъ, строго запрещающій лажъ, а Канкринъ представлялъ, что по подписаніи такого указа лажъ непосредственно удвоится. Государь обидѣлся. «Посмотримъ,—сказалъ онъ:—я покажу, что въ Россіи есть еще самодержавіе». Однакоже указа не было. Ограничились административнымъ запрещеніемъ лажа выше 10%; мѣняльныя лавки тотчасъ исчезли, какъ мухи на холоду, и лажъ въ три дня достигъ до 6, 7, 9 и 10%. Что дѣлать, бѣда! Бѣда, что векселя стали выше, и объ этомъ плакалъ векселедатель, которому еще нужны были деньги! Какъ мнѣ кажется, Канкринъ надулъ тутъ своихъ мудрыхъ товарищей. Онъ видѣлъ средство наполнить сундуки казначейства серебромъ, и предложилъ измѣненіе монетной системы; остановились на вопросѣ, въ какомъ курсѣ принимать ассигнаціи. Канкринъ давалъ 1 рубль сер. за 3 руб. 50 коп. ассигнаціями, оттого что въ то время ассигнаціи стоили столько на биржѣ. Любецкій предлагалъ курсъ 3,60, оттого, что это число имѣетъ наибольшее число дѣлителей. Канкринъ одержалъ верхъ, и на эту тему Любецкій билъ и питейный сборъ. Тутъ, дѣйствительно, Канкринъ былъ неправъ, ибо при монетной искомѣ, приноровленной къ десяткамъ и половинамъ, плата тою монетою на серебро становилась невозможною. Даже на сценѣ

театра появились на это пасквили: мѣщанинъ, прїѣхавшій на извозчикѣ за 10 копеекъ, рылся долго въ кошелекъ, прибиралъ и перебиралъ монеты, и, наконецъ, отдавъ съ досадою монету извозчику, прибавилъ: «²/7 на водку!» Весь партеръ захопалъ, равно какъ и самъ государь, Григорьеву, этому русскому Бомарше. Любецкій порицалъ также мѣру и пробу вина.

— Ведро,—говорилъ онъ:—что такое ведро? Ежели ведро вина, то 80 чарокъ; ежели водка, то 100 чарокъ!! Вы меня спросите: что такое рубль, а я вамъ скажу: назовите мнѣ прежде, что вы покупаете; ежели книгу, то 80 копеекъ, а ежели бумагу, то 100 копеекъ. Что бы вы сказали про такой рубль?

«Проба, отжигательница Траллеса. Надобно сжечь спиритъ, чтобы узнать, хорошъ ли онъ: хороша проба! Я купилъ спиритъ и пробую: онъ весь выгорѣлъ! Жаль, говорю я, что сжегъ спиритъ! Хорошъ былъ!»

Въ этомъ тонѣ онъ критиковалъ Канкринъ. Случалось, однако, что Любецкій смѣшилъ и въ другомъ смыслѣ. Канкринъ, разумѣется, не смущался такими и даже болѣе серьезными обвиненіями. Въ одномъ совѣтѣ, при государѣ, послѣ длинной обвинительной рѣчи Любецкаго, на вопросъ государя, что онъ на это скажетъ,—Канкринъ преспокойно возразилъ: «Это все пустяки!» и тѣмъ кончился диспутъ.

Комитетъ положилъ: 1) Установить постоянную чарку въ $\frac{1}{100}$ ведра. 2) Въмѣсто отжигательницы ввести аэрометрический спиртомѣръ. 3) Мѣдную монету переименовать: грошъ въ полкопейки серебра, пятакъ въ полторы копейки, гривну въ 3 копейки. 4) Узаконить тѣ злоупотребленія въ продажѣ питей, за которыми невозможно усмотрѣть. Меня произвели при этомъ случаѣ въ статскіе совѣтники, 34-хъ лѣтъ, что было въ то время довольно рѣдкимъ случаемъ. Затѣмъ былъ комитетъ о финансахъ неизвѣстнаго. Нетрудно было отгадать имя этого неизвѣстнаго. Записка началась слѣдующими словами: «Страсть къ золоту есть сильнѣйшая изъ всѣхъ страстей человѣческихъ; для удовлетворенія этой страсти человѣкъ не щадитъ ничего, даже своей жизни, etc.». Такой афоризмъ указывалъ прямо на автора-еврея, слѣдовательно на Позена. Позенъ предлагалъ отдать Россію большимъ компаніямъ, считая каждого компаньона чиновникомъ въ родѣ *Reseveur général* ¹⁾: онъ хотѣлъ соединить полезное съ пріятнымъ. Любецкій сильно поддерживалъ проектъ, имѣя въ виду, что при такомъ устройствѣ можно *ad libitum* или разорять Россію, или взволновать ее. Князь Меншиковъ такъ прозрачно выразилъ возможность задней мысли этого рода, что Любецкій онѣмѣлъ,—и проектъ похоронили.

---

¹⁾ Главный сборщикъ.

Было много другихъ комитетовъ, но самый замѣчательный изъ нихъ: о способахъ поощренія торговли и промышленности; это было уже при Вронченкѣ. Какъ только биржа узнала объ этомъ комитетѣ,—все бросилось къ Орлову, а Орловъ отсылалъ всѣхъ ко мнѣ, отзываясь, что «Фишеру извѣстны всѣ его мысли, и что онъ далъ Фишеру подробную программу». *Entre nous soit dit* ¹⁾, какъ говорится, программа графа Орлова была слѣдующая. Я пріѣзжалъ къ нему наканунѣ собранія комитета съ подготовленнымъ журналомъ и рассказывалъ, какія заключенія я вывелъ изъ свѣдѣній и какое мнѣніе полагаю правильнымъ. Орловъ говорилъ мнѣ: «*Eh bien donc, demain lorsque le comité se mettra à l'ouvrage, je dirai à ces messieurs...*» ²⁾ и старался повторить все, что я говорилъ. Когда онъ зарапортовывался, я останавливалъ его: «*Par-don, m-r comte! il y a une petite nuance...*» ³⁾ (эта *petite nuance* значило: *diamétralement opposé*) ⁴⁾ и снова объяснялъ ему. Тогда онъ снова говорилъ, а на другой день, передъ засѣданіемъ, онъ еще разъ дѣлалъ себѣ репетицію. Комитету онъ объяснялъ въ предисловіи: «Я съ правителемъ дѣлъ занимался разсмотрѣніемъ... и мы нашли...» Пожалуй, пусть такъ, но случилось, что среди пересказа Орловымъ урока, который я въ него задалбливалъ, доложили о князѣ А. М. Голицынѣ. Когда Голицынъ вошелъ, Орловъ протянулъ мнѣ руку и, отпуская, сказалъ:

— *Eh bien, mon cher ami, donnez à toutes ces idées une forme convenable; j'espère que vous m'avez compris* ⁵⁾.

Какой цинизмъ! Въ комитетѣ обращались съ Вронченкою какъ съ шуткомъ или лакеемъ. Мы, т. е. Орловъ, Меншиковъ и Киселевъ, по моему соображенію, настаивали на томъ, чтобы отпускная пошлина съ сала и пеньки была уменьшена на половину, а Вронченко, опровергая, приводилъ въ опору Листа! Князь Меншиковъ замѣтилъ наивно: «Знаю! Извѣстный піанистъ!»—«Нѣтъ, ваша свѣтлость, не тотъ!» заревѣлъ Вронченко, поднявъ руки и приложивъ ихъ къ обѣимъ сторонамъ головы. «*C'est son cousin!*» ⁶⁾ прибавилъ Меншиковъ тѣмъ же наивнымъ тономъ (*bruyante hilarité*) ⁷⁾. Потомъ, разбитый со всѣхъ сторонъ, Вронченко разсудилъ, что тарифные вопросы нельзя рѣшать въ многочисленныхъ комитетахъ (у насъ были только министры), что это вопросъ то бѣ

¹⁾ Между нами будь сказано.

²⁾ Итакъ, завтра, когда комитетъ примется за работу, я скажу этимъ господамъ...

³⁾ Извините, графъ! здѣсь есть маленький отгѣнокъ.

⁴⁾ Совершенно противоположно.

⁵⁾ Ну, мой дорогой другъ, дайте всѣмъ этимъ мыслямъ надлежащую форму; надѣюсь, что вы меня поняли.

⁶⁾ Это его двоюродный братъ!

⁷⁾ Шумный смѣхъ.

или не бѣ! (To be or not to be)¹⁾, что въ Англіи министры не знали даже, что будетъ говорить Пиль, когда онъ провозгласилъ торговую реформу. Орловъ сказалъ ему на это грубо: «Такъ ты думаешь, что ты Пиль? Давай намъ Пиля; мы сейчасъ разойдемся!» Вронченко струсилъ. «Извините, ваше сіятельство, ради Бога, если я сказалъ что-нибудь неловко; право, безъ намѣренія». Что было мнѣ съ нимъ возни! Я его упрасивалъ согласиться на 1 рубль пошлыны съ берковца пеньки вмѣсто 2 р. «А откуда я возьму 200 тысячъ рублей?»—отвѣчалъ онъ:—теперь пенька даетъ мнѣ 400 тысячъ, а тогда будетъ давать 200 тысячъ рублей». Я возражалъ: вывезутъ по крайней мѣрѣ на 40% больше; вы получите не 200, а 280 тысячъ рублей, на цѣну избытка вывоза привезутъ иностраннаго товара, съ котораго вы берете 20%; вы будете въ барышахъ. «Извините, ваше превосходительство, меня учили, что дважды два четыре, и $1\frac{1}{2}$ четырехъ два!..»—«Такъ потрудитесь подписать журналъ».—«Не могу».—«Отчего же?»—«Вы меня очень критикуете».—«Но вѣдь я написалъ и ваше возраженіе».—«Да вы такъ положительно меня обвиняете!»—«Я ничего не дѣлаю, я записалъ то, что происходило, развѣ вы находите, что я что-нибудь пропустилъ или прибавилъ?»—«Я этого не говорю».—«А если журналъ написанъ точно, то потрудитесь подписать».—«Не могу!» Наконецъ уломалъ я его. Между тѣмъ Орловъ, восхищенный «своими идеями», сказалъ государю, что онъ получитъ журналъ прелюбопытный, и что «мы» разбили въ пухъ министра финансовъ. «Ну, однако, вы мнѣ не обижайте моего добраго старика!» сказалъ государь. Орловъ пишетъ мнѣ: «Il faudra modifier le protocole; venez me voir»²⁾. Я какъ громомъ пораженный бѣгу къ нему. Онъ пересказываетъ мнѣ разговоръ съ государемъ и заключаетъ рѣшительнымъ тономъ: «il faudra mitiger». ³⁾ Mitiger подписанный уже журналъ. Мы митижировали, митижировали и составили наконецъ нѣчто въ родѣ Zuckerwasser ⁴⁾. Комитетъ кончился ничѣмъ, а сколько онъ стоилъ мнѣ работы! Самый результатъ ея казался мнѣ, и доселѣ кажется, заслуживавшимъ вниманія. Это значитъ: толочь воду. Спрашиваю себя: кто виноватъ? Орловъ или государь? Не такъ дѣйствовалъ Паскевичъ. Въ 1848 году, въ венгерскую кампанію, на настойчивыя приказанія государя спѣшить впередъ во что бы ни стало фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Не пойду, пока не обезпечу армію продовольствіемъ и госпиталями», и не пошелъ, а все-таки остался фельдмаршаломъ. Пока перо мое писало имя фельдмаршала, память выдвинула анекдотъ того времени.

¹⁾ Быть или не быть.

²⁾ Надо измѣнить протоколъ; приходите ко мнѣ.

³⁾ Надо будетъ смягчить.

⁴⁾ Сахарная вода.

Извѣстно, что Бергъ интриговалъ противъ него и возстановилъ на него даже австрійскаго императора. Послѣ кампаніи въ Варшавѣ былъ выходъ у намѣстника; въ многочисленной толпѣ генераловъ былъ и Бергъ. Фельдмаршалъ, подходя къ нему, произнесъ знакъ удивленія: «А!..» потомъ повертѣлъ пальцемъ передъ лбомъ своимъ и тономъ сожалѣнія прибавилъ: «Слышалъ, слышалъ!» и пошелъ далѣе. Это разсказалъ мнѣ Одинцовъ. Старикъ Корсаковъ разсказывалъ мнѣ другой случай въ этомъ родѣ. Какой-то ничтожный генералъ, весь покрытый крестами и медалями, былъ на выходѣ намѣстника. Онъ передъ нимъ остановился, сосчиталъ вполголоса кресты, указывая на каждый пальцемъ, и, не сказавъ генералу ни слова, пошелъ далѣе.

XI.

Моя служба въ комитетахъ.—Отношеніе ко мнѣ Киселева и Клейнмихеля.—Смѣты по постройкѣ Николаевской желѣзной дороги.—Возобновленіе Клейнмихелемъ Зимняго дворца.—Выходка актера Григорьева.—Назначеніе мое директоромъ канцеляріи комитета и комиссіи по постройкѣ Николаевской дороги.—Интриги Чевкина.—Мое объясненіе съ нимъ.—Расколъ во мнѣ.—Составъ комитета подъ предѣлательствомъ цесаревича.—Положеніе цесаревича.—Рѣчь графа Бенкендорфа подрядчикамъ.—Клейнмихель и Бенкендорфъ.—Объясненіе съ Бенкендорфомъ.—Засѣданіе комитета.—Графъ Канкринъ.—Моя просьба объ увольненіи.—Объясненіе съ Клейнмихелемъ.—Оригинальный способъ скорой переписки бумагъ.—Фрейлина Нелидова.—Разсказъ объ Аракчеевѣ.—Семейныя отношенія Клейнмихеля.—Князь Вѣлосельскій-Вѣлосерскій.—Характеристика графа Клейнмихеля.—Еще разсказъ объ Аракчеевѣ.

Комитеты, въ которыхъ я работалъ, познакомили меня и съ министрами, и съ крупными торговыми лицами. Многіе на моемъ мѣстѣ не упустили бы такого случая утвердить свои отношенія; но я, вслѣдствіе мизантропизма, отголоска вліяній, дѣйствовавшихъ на меня въ первую молодость, вышелъ изъ этихъ комитетовъ столько же неизвѣстнымъ, какимъ былъ и до ихъ открытія; я никому не дѣлалъ визитовъ, ни съ кѣмъ не объяснялся по дѣламъ: садился за столъ, читалъ и разсылалъ къ подписанію журналы. Только Киселевъ иногда говорилъ со мной вполголоса въ комитетахъ, потому что я сидѣлъ подлѣ него. Вспоминаю одно наивное его откровеніе. Споръ шелъ объ уменьшеніи отпускныхъ пошлинъ съ нашихъ сырыхъ произведеній, въ виду возникающихъ новыхъ соперниковъ; я представилъ комитету поразительныя свѣдѣнія. Въ Австраліи сдѣланъ опытъ скотоводства: въ 1839 г. привезено оттуда сала въ Англію 200 бочекъ; въ 1840—600 бочекъ, въ 1841—1600 бочекъ, въ 1842—4000 бочекъ. Если мы продолжать будемъ дорожиться нашимъ саломъ, его бросятъ. Министръ финансовъ соглашался на спускъ пошлинъ, но съ тѣмъ, чтобы и

Англія спустила пошлины съ предметовъ, которые намъ нужны. Всѣ нашли это совершенно раціональнымъ закономъ взаимности. Тогда я шепнулъ Киселеву, что здѣсь нѣтъ вопроса о взаимности: не Англіи нужно наше сало, а мы просимъ ее, чтобы она брала его у насъ. Киселевъ съ живостью обратился къ сочленамъ: «Это правда. Господа! какой вздоръ мы говоримъ! etc.» Подобные эпизоды не были рѣдкостью въ нашихъ высшихъ коллегіяхъ. Перовскій, генералъ, одинъ разъ не согласился въ государственномъ совѣтѣ (шутя) на выпускъ новой серіи билетовъ государственнаго казначейства, на что всѣ прочіе были согласны. Его спросили, на какомъ основаніи онъ протестуетъ? «Для того, чтобы Россія не сказала про насъ, что мы всѣ за—серіи».

Итакъ, одинъ Киселевъ узналъ меня ближе. Я пользовался его благоволеніемъ. Кромѣ него, Клейнмихель считалъ меня за чловѣка способнаго, потому что сознавалъ умъ князя Меншикова и зналъ, что у него я имѣлъ кредитъ. При всемъ томъ, про меня говорили въ высшихъ кружкахъ то, чего я, однако, вовсе не зналъ. Только два случая открыли мнѣ это: одинъ разъ, при открытіи какой-то важной вакансіи,—если не ошибаюсь, управляющаго дѣлами комитета министровъ,—князь Меншиковъ мнѣ сказалъ:

— Вакансія замѣщена и—не вами!

Я удивился этому выраженію и объявилъ князю, что и не думалъ объ этомъ мѣстѣ, и не ожидалъ его.

— Знаю,—отвѣтилъ онъ:—но о васъ была рѣчь.

Около этого же времени на вечерѣ у Княжевича (впослѣдствіи министра финансовъ) сенаторъ Челищевъ просилъ его, чтобы его со мною познакомили. Княжевичъ повторилъ мнѣ при этомъ слова его: «Познакомьте меня съ этою восходящею звѣздою!»—1841 годъ былъ эпохою моего служебнаго апогея.

Въ 1841 г. Абаза и графъ А. А. Бобринскій составили проектъ желѣзной дороги отъ Рыбинска до Тверцы, гдѣ она пересѣкаетъ московское шоссе,—дороги самой простой и дешевой—изъ деревянныхъ рельсовъ обитыхъ листовымъ желѣзомъ, по которымъ предполагалось возить хлѣбъ на тройкахъ. Они просили разрѣшенія составить компанію и рассчитывали, что дорога будетъ стоить 6 или 7 милл. руб. Государь предложилъ имъ строить желѣзную дорогу до Москвы съ паровыми двигателями. Тутъ втерся Чевкинъ и съ Мельниковымъ (теперь министръ путей сообщенія) составилъ смѣту въ 37 милл. руб. Государь обрадовался, составилъ комитетъ подъ своимъ предсѣдательствомъ, и Чевкинъ, начальникъ штаба горныхъ инженеровъ, сдѣланъ членомъ комитета. Смѣта была составлена самымъ наглымъ образомъ фальшиво; вагонъ, напр., цѣнился въ 350 руб., но государю было это пріятно, потому что ограниченность расхода служила къ его оправданію; къ займамъ тогда еще не привыкли, и потому важнымъ считалось

начать съ займа незначительнаго. Князь Меншиковъ сталъ доказывать невѣрность смѣты; подкрѣпляя свои доводы отчетами иностранныхъ желѣзныхъ дорогъ, привезенными съ собой. На 4-й или 5-й статьѣ смѣты государь прервалъ его, сказавъ, что онъ самъ повѣритъ смѣту, и тѣмъ кончились пренія. Канкринъ и, если не ошибаюсь, Толь, говорили, что Россія нуждается прежде всего въ шоссе, что желѣзная дорога не можетъ имѣть должнаго вліянія на народное богатство, когда къ ней нельзя подъѣхать; Чернышевъ путался, Левашовъ говорилъ общія мѣста изъ политической экономіи. Проектъ утвержденъ въ началѣ 1841 г.; затѣмъ учреждены; комитетъ С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги подъ предсѣдательствомъ цесаревича и комиссія построеній С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги подъ предсѣдательствомъ Бенкендорфа. Первый долженъ былъ рѣшать главные вопросы, вторая—исполнять. Исполненіе было изъято изъ вѣдомства путей сообщенія на томъ основаніи, что если начальникъ не сочувствуетъ мысли, то нельзя ожидать, чтобы подчиненные исполнили ее съ усердіемъ. Это служило наружнымъ поводомъ къ изъятію. Истинный поводъ заключался въ томъ, что Чевкинъ надѣялся проложить себѣ дорогу этимъ путемъ, а Клейнмихель, только что окончившій возобновленіе Зимняго дворца, считалъ себя специалистомъ по части великихъ сооруженій и надѣялся захватить дѣло въ свои руки. Такимъ образомъ, оба дѣйствовали здѣсь заодно, чтобы не оставить дѣла при Толѣ.

Спеціализмъ Клейнмихеля былъ очень подозрительнаго свойства. Кажется, въ 1839 г. сгорѣлъ Зимній дворецъ. Государь собралъ лучшихъ архитекторовъ и просилъ ихъ «починить ему домъ скорѣе». Они единогласно объявили, что скорѣе двухъ лѣтъ никакъ нельзя кончить эту работу,—и не уступали никакимъ настояніямъ государя. Тогда Клейнмихель, завѣдывавшій казарменною строительною частью, вызвался возобновить дворецъ въ одинъ годъ,—и ему дана *carte blanche*¹⁾. Клейнмихель не тужилъ о деньгахъ, далъ строительнымъ средствамъ насильственное развитіе; наставилъ сотни желѣзныхъ и чугунныхъ печей, чтобы сушить кирпичную кладку и штукатурку; 10 тыс. человѣкъ работали во дворцѣ зимою при 10—20° морозу снаружи, и 20—25° тепла внутри, штукатурили, полировали, золотили! Дворецъ былъ готовъ черезъ годъ, но готовъ только для смотра, а не для обитанія. Усиленная нелѣпо, невѣжественно топка высушила наружныя оболочки, заперевъ ими исходъ внутренней сырости. Какъ только эта топка замѣнилась нормальною, сырость стала выступать, позолота и штукатурка стали отваливаться и, наконецъ, обрушился весь потолокъ Георгіевской залы, два часа послѣ окон-

¹⁾ Полномочіе.

чанія бывшаго въ ней какого-то собранія. Тогда возобновилась работа съ новою яростію; нѣсколько тысячъ рабочихъ перемерло отъ горячки, вслѣдствіе перехода изъ жары въ стужу. Смѣтныя суммы были далеко передержаны, а чтобы въ этомъ не сознаться, Клейнмихель не платилъ подрядчикамъ; весь городъ кричалъ о злоупотребленіяхъ, а между тѣмъ, еще до провала потолка, Клейнмихель возведенъ въ графское достоинство: въ гербѣ, ему данномъ при этомъ случаѣ, изображенъ дворецъ, а надпись гласитъ: Усердіе все преодолагаетъ!—Такой девизъ и медали, данныя рабочимъ, обнаружили, что государь смотрѣлъ на починку дворца, какъ на государственный подвигъ. Актеръ Григорьевъ едва ли не первый открылъ смѣшную сторону этого дѣла; пуская остроты каждый разъ, когда игралъ роль щукинодворца въ пьесѣ «Ложа 1-го яруса» и получая за нихъ даже подарки отъ государя, онъ позволилъ себѣ явиться на сцену съ медалью; сцена представляла кассу Большого театра. Сторожъ этой кассы, увидя медаль, спросилъ: подъ Туркомъ ли онъ получилъ медаль, или подъ Варшавой? Григорьевъ отвѣчалъ: «Никакъ нѣтъ-съ, въ Зимній (дворецъ) песокъ возили!» Весь партеръ захопалъ, но Григорьева посадили на гауптвахту.

Въ это же время началась связь государя съ В. А. Нелидовой, родственницей графини Клейнмихель, и Клейнмихель игралъ здѣсь значительную роль посредника: это усиливало его кредитъ. Зато всѣ его возненавидѣли, одни изъ зависти, другіе изъ страха предъ будущимъ его вліяніемъ, но почти всѣ скрывали свои чувства или умѣряли ихъ, кромѣ Бенкендорфа, который выходилъ изъ себя, принималъ жалобы отъ обиженныхъ подрядчиковъ, доводилъ до высочайшаго свѣдѣнія всѣ несправедливости Клейнмихеля,—и чѣмъ бесплоднѣе оказывались его усилія опрокинуть Клейнмихеля, тѣмъ болѣе ожесточался Бенкендорфъ,—и вдругъ узнали, что Клейнмихель назначенъ членомъ и комитета и комиссіи желѣзной дороги! Чевкинъ сталъ эксплуатировать страсти. Онъ вызвался быть управляющимъ канцеляріею комитета и комиссіи, на что согласились и оба предсѣдателя. Расчетъ его былъ вѣренъ. Ни цесаревичъ, ни Бенкендорфъ не были спеціалисты; ни цесаревичъ, ни Бенкендорфъ не рѣшились бы докладывать государю техническіе вопросы. Очевидно, что они брали бы съ собою къ государю Чевкина для докладовъ или посылали бы его одного,—а ему только того и хотѣлось. Но и Клейнмихель не дремалъ: онъ уже нашепталъ государю, что при разсѣянномъ Бенкендорфѣ нельзя ожидать скорого исполненія, если канцелярія не будетъ поручена дѣятельному лицу. Было условлено, что главнымъ начальникомъ канцеляріи будетъ Клейнмихель. Первый примѣръ отстраненія предсѣдателя отъ начальства надъ канцеляріей. Клейнмихель обратился къ князю Меншикову, чтобы онъ «уступилъ» ему Фишера; я

отозвался, что не хочу этого мѣста, но князь уговорилъ меня. Онъ говорилъ: «вы проработаете не долго; черезъ годъ не хватитъ денегъ—и вы освободитесь, но между тѣмъ успѣете сблизиться съ цесаревичемъ». Поднесли государю указъ о моемъ назначеніи, и я сталъ директоромъ канцеляріи комитета и строительной коммисіи С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги. Этотъ указъ измѣнилъ видъ всей комедіи. До этого акта велась противъ графа Толя одинокая интрига; подъ него рылъ мину Чевкинъ, въ надеждѣ, что будетъ докладывать государю дѣла желѣзной дороги и понемногу столкнетъ Толя, на котораго государь дулся за то, что онъ не аплодировалъ проекту; ту же участь раздѣляли князь Меншиковъ и Канкринъ, но послѣдній уступилъ *tacitement*¹⁾, принявшись за совершеніе займа, а первые двое сохранили за собою славу людей несочувствующихъ. Чевкинъ сладилъ, что въ комитетъ и коммисію посажены были Дестремъ и Готманъ, генералы путей сообщенія. Назначеніе въ главный комитетъ директоровъ департаментовъ при главноуправляющемъ было такою же ненормальностью, какъ потомъ подчиненіе канцеляріи не предсѣдателю. Послѣ того представили государю, что полковники Крафтъ и Мельниковъ, проектировавшіе дорогу, будутъ въ фальшивомъ положеніи подъ начальствомъ Толя,—и, вслѣдствіе этого, высочайше повелѣно состоять имъ при особѣ его величества; всю эту интригу велъ Чевкинъ черезъ Бенкендорфа, между тѣмъ какъ Клейнмихель велъ свою мину противъ нихъ: мое назначеніе было для Чевкина камуфлетомъ, покуда ему одному, потому что Бенкендорфъ не понималъ важности этого факта. Клейнмихель послалъ меня тотчасъ къ Чевкину «за бумагами», потому что Чевкинъ управлялъ уже недѣли три канцеляріею. Когда я къ нему явился, очень скромно,—онъ спросилъ меня, гдѣ я воспитывался, и я имѣлъ глупость отвѣчать ему на это; но едва глупость эта была совершена,—я понялъ ея размѣры, и мнѣ стало досадно. На слѣдующій его вопросъ: знаю ли я по-англійски? я отвѣчалъ съ намѣреніемъ отрицательно. Чевкинъ замѣтилъ: «Любезный! безъ англійскаго языка тутъ быть нельзя! Мы выписываемъ совѣщательнаго инженера, который говоритъ только по-англійски!» Меня взорвало, и я объявилъ его превосходительству, что пріѣхалъ къ нему не для экзамена, а за бумагами. Чевкинъ отозвался, что не получилъ еще указа, и потому бумаги мнѣ отдать не можетъ. Я поѣхалъ къ Клейнмихелю, рассказалъ ему, что было, и объявилъ, что если каждый членъ комитета будетъ считать себя моимъ начальникомъ и трактовать меня, какъ Чевкинъ, то я не останусь ни одной минуты, хотя бы мнѣ предложили весь капиталъ, ассигнованный на сооруженіе дороги. Клейнмихель потиралъ себѣ руки, пригова-

¹⁾ Молча.

ривая: «Я его, каналью, заставлю просить у васъ прощенья». На другое утро поѣхалъ онъ къ Чевкину, объяснилъ ему съ участіемъ, что я считаю себя имъ обиженнымъ и прошусь прочь; что онъ не знаетъ, какъ доложить государю, и проч. Рѣшили, что Клейнмихель дастъ Чевкину случай со мной объясниться. Вечеромъ я былъ приглашенъ къ Клейнмихелю для совѣщанія о штатахъ. Тамъ нашелъ я и Чевкина. Черезъ четверть часа вызвали Клейнмихеля, и когда я остался одинъ съ Чевкинымъ, онъ протянулъ мнѣ руку и сказалъ:

— Константинъ Ивановичъ! не сердитесь на меня. Я поступилъ неблагоразумно, но я былъ подъ вліяніемъ гнусной интриги, веденной противъ меня; когда вы ближе узнаете лицъ, съ которыми будете имѣть дѣло,—вы увидите сами, что я не худшій...

Мы поцѣловались.

Такъ я попалъ въ новую колею, но, вступивъ въ нее, не согласился оставить князя Меншикова: это было условіемъ *sine qua* поп. Такъ навалилъ я на себя дѣла финляндскія всѣ, морскія образовательныя, морскую кодификацію и дѣла по сооруженію желѣзной дороги,—не считая комитетовъ, гдѣ я былъ правителемъ дѣлъ. Финляндія меня наиболѣе интересовала, но экстренность дѣлъ по желѣзной дорогѣ меня болѣе поглощала матеріально; во мнѣ произошелъ расколъ.

Укрѣпившись въ своемъ новомъ положеніи, Клейнмихель началъ и самъ интриговать противъ Толя. Онъ увѣрялъ государя, что офицеры, нужные на постройку желѣзной дороги, не могли оставаться въ вѣдѣніи главноуправляющаго, у котораго особенная часть, шоссе и каналы: человекъ 30 офицеровъ были отчислены отъ вѣдомства корпуса путей сообщенія и введены въ вѣдѣніе Клейнмихеля, оставаясь въ списочномъ отношеніи по тому корпусу,—третья аномалія. Но едва Толь померъ, что послѣдовало въ то же лѣто 1842 года, а за нимъ и Бенкендорфъ, едва Клейнмихель заступилъ мѣсто Толя, какъ онъ же доказалъ государю несообразность отдѣленія желѣзныхъ дорогъ отъ завѣдыванія главноуправляющаго путями сообщенія; строительная комиссія упразднена, а ея канцелярія обращена въ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, котораго я назначенъ директоромъ, безъ моего вѣдома. Такъ попалъ я въ рядъ чиновниковъ, въ первый разъ по оставленіи министерства финансовъ, однакоже и тутъ я настоялъ на томъ, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ оставался по особымъ порученіямъ при начальникѣ главнаго морского штаба и финляндскомъ генераль-губернаторѣ.

Съ этихъ поръ въ памяти моей роятся воспоминанія о событіяхъ моей тройственной службы. Начну съ желѣзной дороги.

Главный комитетъ желѣзной дороги, подъ предсѣдательствомъ цесаревича, состоялъ изъ Канкринъ, Левашова, Бенкендорфа, Ор-

лова, князя Меншикова, Киселева, графа Толя, Клейнмихеля, Дестрема, Готмана, Чевкина и графа Бобринскаго. Толь вскорѣ померѣ, какъ и Бенкендорфъ, а черезъ годъ Вронченко замѣнилъ Канкрину, то есть не замѣнилъ, а только замѣстилъ. Передъ кабинетомъ цесаревича, въ первой комнатѣ за пріемною, ставили рядъ столовъ, если не ошибаюсь, ломберныхъ, покрытыхъ сукномъ. Цесаревичъ садился посрединѣ длинной стороны, подлѣ него справа—Канкринъ, слѣва—Левашовъ, первый—накупленный, неподвижный, съ зеленою ширмою на глазахъ, второй—чопорный, накрахмаленный, или, какъ выражался князь Меншиковъ, заимствуясь изъ «Энеиды» Котляревскаго: «якъ на арканѣ жеребецъ». Прямо противъ цесаревича было мое мѣсто, какъ правителя дѣлъ, подлѣ меня, справа, садился, ниже своего чина, Киселевъ—мой тогдашній пріятель, слѣва—Клейнмихель. Изъ всего этого состава только четверо исполнены были любви къ дѣлу: самъ предсѣдатель, видимо, польщенный своимъ званіемъ (это было едва ли не первое важное дѣло, ему ввѣренное), но молодой, неопытный, онъ, видимо, затруднялся останавливаться на рѣшеніи, въ виду заявленій разногласящихъ; потомъ Канкринъ, Киселевъ и Бобринскій—полны желанія помочь дѣлу. Орловъ былъ величайшій невѣжда, искавшій преимущественно случая позабавить цесаревича. Левашовъ подбиралъ звучныя фразы изъ политической экономіи, и ихъ плотностью старался возмѣстить жидкость идей, въ родѣ того, какъ китайцы вывѣшиваютъ передъ своими батареями изображенія огнедышащихъ чудовищъ, чтобы сдѣлать страшнѣе свою артиллерію. Бенкендорфъ являлся въ комитетъ какъ на раутъ, *en charmant cavalier*, со всѣми вѣжливымъ и обязательнымъ, всегда разсѣяннымъ, но съ четверти второго часа приходившій въ тревожное состояніе; тревожность доходила до лихорадочнаго состоянія послѣ половины второго, а въ три четверти второго онъ просилъ позволенія ѣхать по важнымъ дѣламъ службы; едва онъ затворялъ за собою дверь, слѣдовалъ общій смѣхъ, потому что всѣ знали, что въ 2 часа каждый день онъ являлся къ *m-me Krüdener*. Меншиковъ казался мало заинтересованнымъ, или, вѣрнѣе, имѣлъ видъ, какъ будто пригласили его принять участіе *aux petits jeux*,—и если говорилъ, то шутя или иронически. Вронченко разыгрывалъ роль шута. Когда онъ пріѣхалъ въ первый разъ, то обратился къ Дестрему, такому же волокитѣ, какъ и онъ самъ: «Мусью Дестремъ; кесъ ке сѣ? Ву ангресіѣ, et moi, же мерю?..—Cela prouve, m-r le ministre, que les choses, qui vous font maigrir, me font engraisser» ¹⁾.—(Общій смѣхъ). Вронченко сдѣлалъ на это очень мастерски такую мину, что показался еще глупѣе, чѣмъ былъ. (Гомерическій смѣхъ).

¹⁾ Что это? Вы толстѣете, а я худѣю?—Это показываетъ, г-нъ министр, что, отчего вы худѣете, я оттого полнѣю.

Когда я прочитывалъ статьи новой смѣты, то послѣ каждой произнесенной цифры Вронченко дѣлалъ на стулѣ комическіе прыжки, и чѣмъ болѣе смѣялись, тѣмъ болѣе онъ кривлялся. Клейнмихель и Чевкинъ имѣли видъ сосредоточенный, оба равно подъ вліяніемъ преобладающей мысли, какъ бы другъ друга укусить; въ свободныя отъ этой мысли минуты Чевкинъ вторилъ Левашову въ теоріяхъ политической экономіи, но съ нѣкоторою приправою металлургіи. А. А. Бобринскій вообще говорилъ рѣдко; онъ вставалъ почти исключительно *pour les questions d'opportunité*¹⁾,— и тогда говорилъ съ жаромъ. Кто зналъ его ближе, тому онъ извѣстенъ былъ за человѣка кроткаго и въ высокой степени приличнаго, но въ голосѣ его была какая-то жесткость, которая незнакомымъ могла выказывать его за человѣка, что называется *cassant*²⁾. Клейнмихель выходилъ изъ себя каждый разъ, когда Чевкинъ и Бобринскій начинали говорить. Злобу его на Чевкина я понимаю, но что вооружало его противъ Бобринскаго, — это осталось для меня загадкою. Дестремъ, гасконецъ въ полномъ смыслѣ слова, издавалъ звуки, какъ Мемнонова статуя предъ солнечнымъ лучомъ. Добрый и честный, но апатичный Готманъ былъ невиннымъ эхомъ Дестрема. Предсѣдатель цесаревичъ смотрѣлъ на дѣло съ любовью, но и съ неопытностью юноши. Вся его личность производила на меня глубокое впечатлѣніе; я проникался чувствомъ живѣйшаго участія предъ его взоромъ, исполненнымъ кротости и доброты, и одушевлялся глубокою признательностью къ его необыкновенно привѣтливому обращенію со мною (къ живѣйшей досадѣ графа Клейнмихеля, котораго онъ трактовалъ, видимо, не такъ дружески, какъ меня). Какъ все перемѣнилось! Государемъ онъ принялъ на себя видъ суровый, неподходящій къ его натурѣ. Въ отношеніи ко мнѣ онъ не только пересталъ быть привѣтливымъ, но, казалось, былъ ко мнѣ недоброжелателенъ,—а за что?— не знаю и не постигаю. Трудна была его задача! Понимать дѣло въ существѣ онъ не могъ, потому что никто не показывалъ ему Россіи,—а научиться дѣлу въ этой пестрой сходкѣ надутыхъ ораторовъ, остряковъ, иутовъ, интригановъ и невѣждъ было еще менѣе возможно. Лучше бы оставили его наединѣ съ Канкринымъ, Киселевымъ и Бобринскимъ, между критикою глубокаго ума, хотѣніемъ ума впечатлительнаго и практическимъ знаніемъ промышленныхъ силъ Россіи. Живость Киселева и Бобринскаго возбуждала бы его духовныя силы, а холодность Канкринина служила бы конденсаторомъ мечтаній, иногда парообразныхъ, первыхъ двухъ. Это было бы сочетаніе классицизма съ романтизмомъ; скептицизма,

---

¹⁾ Своевременные вопросы.

²⁾ Рѣзкій.

сангвинизма и гуманности, а прочихъ бы—кромѣ Толя и Меншикова—въ балаганъ. Этихъ двухъ скоро спустили.

Собрался главный комитетъ; прочитали указъ о моемъ назначеніи. Я, по свойственной мнѣ нелюдимости, не сдѣлалъ ни одного визита; представился только цесаревичу, который принялъ меня очень благосклонно и объявилъ мнѣ, что если мнѣ нужно будетъ его видѣть, то я могу являться въ 10 часовъ утра; если же желаю говорить съ нимъ безъ свидѣтелей, то въ 6 часовъ, послѣ обѣда. Я не поѣхалъ даже къ Бенкендорфу до того времени, пока нужно было собрать комиссію. Бенкендорфъ понялъ уже, что противъ него сдѣлано. Когда главный комитетъ положилъ заготовить отъ казны землекопные инструменты, Бенкендорфъ назначилъ присутствіе у себя, а не въ комнатѣ, которую Клейнмихель приготовилъ для этой цѣли въ зданіи экзерциргауза, у Зимняго дворца, гдѣ помѣщалась тогда канцелярія, а теперь гвардейскій штабъ. Въ комиссіи засѣдали графъ Клейнмихель, Чевкинъ, графъ Бобринскій, Дестремъ, Готманъ, Крафтъ и Мельниковъ. Когда собрались подрядчики, Бенкендорфъ сказалъ имъ рѣчь:

— Господа! прежде всего я обязанъ предупредить васъ, что васъ здѣсь не будутъ обсчитывать; вы будете имѣть дѣло съ людьми честными, и мы надѣмся, что будемъ имѣть дѣло съ такими же. Я для того именно и посаженъ сюда государемъ, чтобы наблюдать за справедливостью расчетовъ съ вами.

Это было не въ бровь, а въ глазъ. Клейнмихель поблѣднѣлъ, однакоже не сказалъ ни слова Бенкендорфу послѣ засѣданія. Я было забылъ, что въ то время, когда я поѣхалъ къ Бенкендорфу съ просьбою собрать комиссію, онъ не зналъ еще, что канцелярія офиціально поручена вѣдѣнію графа Клейнмихеля. На докладъ мой, что графъ Клейнмихель поручилъ мнѣ просить etc., онъ взволнованнымъ голосомъ отозвался, что не графъ, а онъ председатель, что это его дѣло, что я обязанъ былъ спрашивать его приказанія, а не графа,—говорилъ это съ большою живостью жеста, то устремляя указательный палецъ на меня, то ударяя имъ себя въ грудь. Когда онъ кончилъ, я доложилъ ему, что канцеляріи объявлено высочайшее повелѣніе на дняхъ быть въ вѣдѣніи графа Клейнмихеля, что я считалъ обстоятельство это уже извѣстнымъ его сіятельству и являюсь сегодня къ нему, какъ посланный отъ своего прямого начальника. Бенкендорфъ смягчился и отпустилъ меня довольно милостиво.

Между тѣмъ Клейнмихель подрывался подъ кредитъ Бенкендорфа средствами чисто экзекуторскими. Чтобы заставить председателя ѣздить къ нему въ канцелярію, а не собирать комиссіи у себя, онъ составилъ планъ расположенія комнатъ канцеляріи, а одну залу отдѣлилъ для присутствія комиссіи; на планѣ было это написано, и государь утвердилъ его. Очень нужно было за-

нимать самодержавнаго разстановкою мебели и развѣпиваніемъ ярлыковъ надъ дверьми! Копію съ высочайше утвержденнаго плана препроводилъ онъ къ Бенкендорфу и затѣмъ поручилъ мнѣ доложить ему, что въ канцеляріи собралось довольно много дѣлъ къ докладу и потому не угодно ли будетъ назначить день для собранія комиссіи. Бенкендорфъ назначилъ число и прибавилъ: «у меня». Въ это время Клейнмихель пошелъ еще болѣе въ гору. Чернышевъ посланъ въ Грузію съ Позеномъ устраивать тамошнюю администрацію, равно какъ и въ землю донскихъ казаковъ устраивать (читай: разорять) этотъ край, и на время его отсутствія Клейнмихель сдѣланъ управляющимъ военнымъ министерствомъ. Когда я пріѣхалъ къ нему отъ Бенкендорфа, онъ сидѣлъ въ домѣ военнаго министерства, въ кабинетѣ министра, и слушалъ докладъ директора канцеляріи, М. М. Брискорна. Сцена, возбужденная моимъ донесеніемъ, была одною изъ самыхъ оригинальныхъ. Графъ Клейнмихель взбѣсился:

— Да какое же онъ имѣетъ право собирать у себя комиссію, скотина! Какое право онъ имѣетъ, каналья! По какому праву (такой-сякой). Какое право?—повторялъ графъ, смотря пристально на Брискорна, возвышая постепенно голосъ и пересыпая эти вопросы крупными русскими междометіями.

Директоръ спокойно замѣтилъ: «Не имѣетъ никакого права!» Только что Брискорнъ выговорилъ эти слова, графъ съ яростью сталъ повторять: «Не имѣетъ никакого права!» дополняя эту фразу крупными словами и глядя на директора такъ гнѣвно, какъ будто онъ-то и былъ всему виною. Брискорнъ опять съ прежнимъ спокойствіемъ замѣтилъ: «Рѣшительно никакого права!»

— Рѣшительно никакого права! — загремѣлъ опять управляющій военнымъ министерствомъ, повторяя это разъ десять. Затѣмъ онъ началъ было успокаиваться и замѣтно упавшимъ голосомъ сказалъ:—И надпись есть на дверяхъ: «Присутствіе строительной комиссіи С.-Петербургско-Московской желѣзной дороги».

— Такъ и надпись есть? — спросилъ хитрый директоръ, сдѣлавъ видъ удивленія: — послѣ этого какое же онъ имѣетъ право?

Это заключеніе произвело дѣйствіе огня, въ который вспрыснута вода. Клейнмихель опять сталъ кричать:

— И надпись есть: при-сут-ствіе etc. Какое же право? Каналья!

Сцена была *imprayaable!*¹⁾. Съ одной стороны—очевидные сарказмы, не замѣчаемые только тѣмъ, кого они поражали; съ другой—яростное повтореніе сарказмовъ на самого себя. Клейнмихель послалъ за Дубельтомъ, начальникомъ штаба корпуса жандармовъ, и просилъ его растолковать Бенкендорфу, что комиссія должна

¹⁾ Преуморительная.

собираться въ залѣ, высочайше для того назначенной, но Дубельтъ отозвался, что это не его дѣло и онъ не смѣетъ въ него вмѣшиваться. Наконецъ Клейнмихель обратился ко мнѣ съ просьбою уговорить графа Бенкендорфа. Я отправился къ нему, доложилъ содержание дѣлъ, назначенныхъ къ докладу, и, собирая бумаги, прибавилъ:

— *Votre excellence a voulu que la commission soit rassemblée chez elle! c'est un coup qui me frappe. A peine entré en fonction, je n'ai pas encore pris connaissance des affaires qui m'ont précédées; si on me demande quelques renseignements là dessus je risque de rester court, tandis qu'ayant ma chancellerie à côté, je pourrais consulter l'archive.*

— *En bien!*—отвѣчалъ добрый графъ:—*je viendrai chez vous, mais ce n'est que pour vous!*¹⁾.

Такъ я оказалъ услугу Клейнмихелю,—сознаюсь себѣ,—не со всѣмъ рыцарскую: первый фактъ, внушившій мнѣ отвращеніе къ моему новому званію послѣ примиренія съ Чевкинымъ. Потомъ было бурное засѣданіе главнаго комитета: рѣшался вопросъ, вести ли дорогу прямо, или съ колѣномъ на Новгородъ. Левашовъ, Киселевъ и, сколько помню, графъ Толь, котораго я только разъ видѣлъ въ комитетѣ, находили, что желѣзная дорога должна связывать города, не гоняясь за прямизною линіи; Чевкинъ, Клейнмихель и другіе настаивали на краткости пути. Канкринъ и Меншиковъ молчали. Когда цесаревичъ спросилъ Меншикова, какого онъ мнѣнія, князь отвѣчалъ:

— Такъ какъ 34 милліона достаточны будутъ только верстѣ на 150, то я полагаю лучше вести дорогу на Новгородъ, и тѣмъ кончить, чѣмъ остановиться на концѣ, упирающемся въ непроходимое болото.

Всѣ расхохотались, но цесаревичъ принялъ этотъ отзывъ не благосклонно и сказалъ съ досадой:

— Я знаю, что вы противникъ желѣзной дороги.

Рѣшено: миновать Новгородъ. Съ этихъ поръ Меншиковъ не ѣздилъ болѣе въ комитетъ. Затѣмъ разсматривали въ комитетѣ проекты столичныхъ станцій: Мельниковъ нарисовалъ великолѣпныя картины, изображавшія с.-петербургскую товарную станцію. Предполагалось подъ невскимъ монастыремъ вырыть большой бассейнъ, окружить его тремя рядами каменныхъ магазиновъ, могу-

---

¹⁾ — Ваше сіятельство желали бы, чтобы комиссія собралась у васъ! Для меня это ударъ! Только что вступивъ въ должность, я не успѣлъ еще ознакомиться съ предшествовавшими дѣлами; если у меня спросятъ какую-нибудь справку, я рискую не знать, что отвѣчать; между тѣмъ, имѣя возлѣ мою канцелярію, я могъ бы справиться въ архивѣ.

— Ну! я приѣду къ вамъ, но это только для васъ!

щихъ вмѣстѣ до 20 милліоновъ пудовъ товара, и соединить эти склады рельсовою вѣтвію съ главнымъ путемъ. Бенкендорфъ всталъ, разглядывалъ сквозь лорнетъ рисунки, восклицалъ: *charmant!*¹⁾ и «дѣлалъ ручки» Мельникову, приставляя лорнетъ къ губамъ и потомъ наклоняя его передъ авторомъ; Орловъ провозглашалъ свои русскіе комплименты: «молодецъ, хватъ» и т. п. Клейнмихель улыбался, какъ будто онъ самъ былъ сокровенный авторъ этого проекта; Меншикова и Толя не было. Канкринъ съ зеленою ширмою надъ глазами сидѣлъ подлѣ цесаревича, насупя голову, и молчалъ. Наслѣдникъ придвинулъ къ нему планъ и сказалъ ласково: «Егоръ Францовичъ! что вы объ этомъ думаете?» Канкринъ, взглянувъ на планъ исподлобья, спросилъ Мельникова, не копія ли это съ лондонскаго или другого англійскаго? Мельниковъ сказалъ, что нѣтъ, покраснѣвъ. Тогда Канкринъ сказалъ цесаревичу, что такіе проекты разоряютъ государства и для Россіи вообще не годятся; что наши громоздкіе товары отпускаются моремъ, что барки идутъ съ ними до устьевъ Невы и тамъ складываются въ буяны, стоившіе городу большихъ капиталовъ, и прямо идутъ въ Кронштадтъ; что если заставить барки сгружаться подъ Невскимъ, то доставка ихъ до устьевъ посредствомъ желѣзной дороги вдоль Обводнаго канала до Гутуева острова (какъ предположено) обойдется въ десять разъ дороже, чѣмъ проплытіе тѣхъ же барокъ по Невѣ до буяновъ; что эти буяны останутся безъ употребленія и городъ лишится дохода, безъ котораго онъ не можетъ существовать. Кто-то замѣтилъ, что эти пакгаузы понадобятся для склада иностранныхъ товаровъ, впредь до отправленія ихъ въ Россію по желѣзной дорогѣ, но Канкринъ прибавилъ, что иностранные товары можно перевозить съ биржи на извозчикъ прямо въ вагонъ. Все это онъ говорилъ протяжно, спокойно, однозвучно, какъ отвѣты оракула. Въ заключеніе Канкринъ сказалъ:

— Ваше высочество! я вижу, что мы идемъ въ подражаніе Англіи и Америкѣ, но сравнивать насъ съ этими странами все равно, что сравнивать англійское сукно съ солдатскимъ. Мы видимъ, что англійская королева начала уже просить милостыню по воскресеньямъ (ссылка на то, что, по случаю неурожая, пасторы послѣ обѣдни вызывали прихожанъ къ благотворительности именемъ королевы), а если мы станемъ подражать Англіи, то скоро придется намъ просить милостыню и по буднямъ.

Все молчало, не было ни смѣху, ни возраженій, ни даже резолюціи по этому вопросу. Наслѣдникъ перешелъ къ другому вопросу. Съ тѣхъ поръ не было помину о товарной станціи съ бассейномъ и пакгаузами; ея нѣтъ и доселѣ (въ 1864 году), черезъ 22 года послѣ описаннаго здѣсь засѣданія.

---

¹⁾ Предельно.

Прошло мѣсяца три со времени моего назначенія. Клейнмихель прислалъ ко мнѣ высочайшее повелѣніе и подписанную уже имъ исполнительную бумагу, не мною заготовленную, съ тѣмъ, чтобы я скрѣпилъ ее и отправилъ. Мнѣ казалось, что въ бумагѣ повелѣніе выражено не точно. Я поѣхалъ къ графу; онъ былъ у государя. Пріѣхавъ домой, онъ спросилъ меня коротко: «что такое?» Когда я сказалъ, зачѣмъ пріѣхалъ, отъ отвѣчалъ съ дурно сдержаннымъ нетерпѣніемъ: «Такъ вы, стало быть, не читали высочайшее повелѣніе!» При словѣ «не читали» сдѣлалъ быструю присядку, согнувъ оба колѣна, и, разстегивая мундиръ, сказалъ камердинеру: «сними мундиръ!» Я вышелъ въ смущеніи, пріѣхалъ домой и написалъ графу, что вслѣдъ за моимъ опредѣленіемъ я объявлялъ ему, что ни за какія блага не останусь въ настоящемъ званіи, если моя служба сопровождаться будетъ обстоятельствами, несомнѣстными съ моими правилами и свойствами, что теперь такія обстоятельства наступили, и что потому я прошу уволить отъ званія директора канцеляріи, если мнѣ не будетъ дана увѣренность въ томъ, что я не буду впредь встрѣчаться съ ними. Записка моя не застала его въ Петербургѣ. Ее отправили въ Петергофъ, и оттуда онъ прислалъ ко мнѣ фельдъегеря; на моей запискѣ изъяснялось, что онъ не понимаетъ записки и проситъ пріѣхать къ нему въ Петербургъ вечеромъ. Я выразилъ ему безъ церемоніи, что не привыкъ къ такому тону, въ какомъ онъ говорилъ со мною, что начальники при мнѣ не раздѣвались, что если его другіе подчиненные терпятъ подобное, то они, вѣроятно, люди недобросовѣстные, но что ни я, ни другой честный человѣкъ не согласится быть на службѣ въ оскорбительномъ положеніи. Клейнмихель приводилъ въ оправданіе, что онъ заваленъ дѣлами, измученъ, съ 5-ти часовъ утра до обѣда не имѣлъ времени напиться чаю и пр. На это я объяснилъ, что вполнѣ понимаю его утомленіе, удивляюсь даже, какъ онъ можетъ переносить подобные труды, но никакъ не могу вслѣдствіе этого подчиняться оскорбленіямъ. Пошли разныя нѣжности; графъ повелъ меня къ графинѣ, представилъ ей меня, какъ его вѣрнаго помощника и друга, котораго онъ любитъ и уважаетъ, etc. Я пилъ у него чай. Потомъ пошли мы въ кабинетъ. Прощаясь, я ему сказалъ, что все-таки лучше было бы намъ теперь же разстаться; что, какъ я замѣтилъ, онъ приученъ уже своими подчиненными къ *lasser-aller*¹⁾, котораго я переносить не въ состояніи, но онъ далъ мнѣ слово, что никогда подобнаго столкновенія не повторится, и, надо отдать ему справедливость, онъ сдержалъ слово. Въ самомъ дѣлѣ я имѣлъ случай выяснить себѣ привычки и взгляды графа Клейнмихеля въ отношеніи къ своимъ подчиненнымъ. Когда я прочиталъ ему

---

¹⁾ Непринужденность.

проектъ штата канцеляріи (это было въ четвергъ на масленицѣ), онъ просилъ меня велѣть переписать его, чтобы онъ могъ поднести его къ государю въ понедѣльникъ. На докладъ мой, что невозможно переписать листовъ 30 чисто въ такое короткое время, онъ возразилъ мнѣ шутя:

— А развѣ вы не знаете, что въ службѣ хоть тресни, да полѣзай!

— Знаю, графъ, что это говорилъ какой-то солдатъ своему земляку, но вѣдь и рассказываютъ этотъ фактъ, какъ забавный случай.

Онъ разсмѣялся, однако же приказалъ отдать брульонъ Заикѣ съ приказаніемъ, чтобы былъ переписанъ къ 10 часамъ утра въ понедѣльникъ.

— Графъ,—сказалъ я,—если для меня невозможно, то и для него будетъ тоже!

— Это ужъ его дѣло!—сказалъ графъ.

Отдалъ я бумагу Заикѣ, который чуть не заплакалъ. Въ понедѣльникъ я спросилъ этого Заику (правильнѣе было бы назвать его Зайка), исполнилъ ли онъ приказаніе? «Слава Богу! еще 2 часа раньше было готово!» При этомъ онъ рассказалъ мнѣ и способъ исполненія: у него есть списки писарей, пишущихъ схожимъ почеркомъ; онъ послалъ трехъ фельдъегерей подъ качели ловить писарей даннаго списка и приводить къ нему; наловили 5 или 6 человекъ; распили тетрадь, раздѣлили отрывки по рукамъ, съ приказаніемъ «пригонять» страницы,—и рукопись готова! Искусство, *digne d'une meilleure cause!*¹⁾

Въ другой разъ я пораженъ былъ деспотизмомъ, тѣмъ болѣе, что онъ былъ совершенно безплоденъ. Клейнмихель, садясь со мной въ коляску, чтобы ѣхать въ Петергофъ, отдаетъ пакетъ фельдъегерю, стоявшему у подъѣзда: «Отвези это ко мнѣ въ Петергофъ: я сейчасъ туда буду». Около Стрѣльны обгоняетъ насъ, ѣхавшихъ въ карьеръ, фельдъегерь діавольскимъ аллюромъ! За чѣмъ этотъ расходъ государству? За что это тиранство лошадей? Въ третій разъ я пріѣхалъ къ графу, по его зову, но узналъ, что его дома нѣтъ и что онъ будетъ черезъ часъ. Я уѣхалъ, и черезъ часъ опять пріѣхалъ. Узнавъ объ этомъ, онъ обидѣлся. Въ это время сила его была огромная, и, какъ кажется, я нашелъ къ ней ключъ: разъ, будучи вечеромъ у графини, когда назначенъ былъ маскарадъ въ залѣ Дворянскаго Собранія или Большого театра, засталъ я у графини фрейлину Нелидову. Графъ подходилъ къ ней безпрестанно и о чемъ-то просилъ ее,—какъ видно было—безуспѣшно. Слышалъ я раза два слово «п о ѣ з ж а й», на что она отвѣтила, смѣясь: «отвяжитесь отъ

¹⁾ Дстойное лучшаго дѣла.

меня!» Из кабинета графа проведенъ былъ подземный электромагнитный телеграфъ, тогда еще единственный, въ Зимній дворецъ. Въ кабинетѣ сидѣлъ безвыходно офицеръ инженерный, который по временамъ выходилъ въ гостиную съ докладомъ: «государь стучить!» Въ этотъ вечеръ офицеръ вбѣгалъ каждыя 10 минутъ, и каждый разъ Клейнмихель удваивалъ усилія упросить Нелидову. Наконецъ, уже около 11 часовъ, она сказала вслухъ: «Ну, хорошо, хорошо! надоѣли вы мнѣ!» Графъ побѣждалъ стремглавъ въ кабинетъ, сказавъ Нелидовой: «Ахъ, спасибо, душенька!»—Ясно!

Клейнмихель началъ службу у графа Аракчеева и былъ долгое время начальникомъ его штаба; немудрено, что за нимъ осталась и система Аракчеева. Хорошъ былъ! Одинъ только разъ видѣлъ я его вблизи: въ 1824 или 1825 году на паперти Петергофскаго дворца противъ Самсона, во время иллюминаціи 22 іюля въ именины императрицы Маріи Ѳеодоровны. Вся паперть покрыта была сплошною массою народа, и только около одного старика, высокаго роста, въ смятой форменной фуражкѣ и изношенной военной шинели, оставалось какъ бы незанятое мѣсто у перилъ. Я велъ сестру, не выдавшую никогда этого праздника; мнѣ самому было лѣтъ 18, я не обратилъ вниманія на ненормальность этого простора и продвинулъ сестру къ периламъ. Сестра моя, m-me Villiers, была красавица. Генералъ-адъютантъ въ полной формѣ, который стоялъ за грязнымъ старикомъ и котораго я прежде не замѣтилъ, взялъ меня за руку и, останавливая, сказалъ: «н е л ь з я», но старикъ, взглянувъ на 17-тилѣтнюю красавицу, сказалъ: «о с т а в ь», и насъ оставили въ покоѣ. Тутъ я замѣтилъ, что за старикомъ въ фуражкѣ и шинели, единственныхъ въ этотъ вечеръ во всемъ паркѣ, стоялъ не одинъ, а три генерала. Въ недоумѣніи сталъ я разсматривать старика; подлая, грубая, солдатская рожа съ кривымъ ртомъ и кривою спиною; старикъ началъ произносить какія-то шуточки гнусливымъ тономъ, не помню какія, но я сказалъ сестрѣ: «allons nous en» ¹⁾, и вывелъ ее изъ привилегированнаго сосѣдства. Старикъ обернулся ко мнѣ съ цинически-насмѣшливою улыбкою, а генералы взглянули на меня какъ будто не то съ удивленіемъ, не то съ любопытствомъ. Это былъ Аракчеевъ, вице-императоръ, если не больше, ибо императоръ былъ въ паркѣ въ мундирѣ и эполетахъ; вся свита *cilotte courte*, а Аракчеевъ—какъ денщикъ, идущій изъ бани. Хорошъ былъ и тѣломъ и душою!

Одинъ разъ, дожидаясь приѣма у графа Клейнмихеля съ полчаса, я сказалъ: «Какая скука ждать безсознательно о томъ, долго ли это будетъ». Бывшій тутъ же старикъ Ольденборгеръ, ди-

---

¹⁾ Уйдемъ.

ректоръ типографіи военныхъ поселеній, вздрогнулъ и взглянулъ на меня съ какимъ-то трепетомъ.

— Что съ вами? — спросилъ я.

— Ахъ,—отвѣчалъ онъ мнѣ съ участіемъ.—Надобно быть въ приемныхъ очень осторожнымъ; я расскажу, что со мной случилось. Ждалъ я въ приемной у графа Алексѣя Андреевича, ждалъ часа два,—ну, молодъ былъ; дѣла была пропасть; вотъ я и сказалъ: «Ахъ, скоро ли приметъ меня графъ?» Адъютантъ входилъ къ графу и выходилъ; звали къ нему того, другого,—а я жду. Передъ обѣдомъ графа адъютантъ объявляетъ мнѣ, что его сіятельство приказалъ мнѣ прійти завтра въ 8 часовъ. Пришелъ. Жду, жду. Въ 2 часа графъ проходитъ мимо, со шляпой, не глядя на меня; ѣдетъ со двора, въ 4 возвращается, проходитъ мимо, не глядитъ на меня,—а я дошелъ почти до обморока. Слышу: сѣлъ обѣдать. Въ 6 часовъ приказываетъ мнѣ явиться завтра въ 7 часовъ; я смекнулъ, въ чемъ дѣло. Иду на другой день, взялъ въ карманъ корочку хлѣба и нѣсколько мятныхъ лепешекъ,—опять жду, но уже спокойнѣе. Наконецъ, въ 12 часовъ зовутъ меня къ графу. Когда я вошелъ въ кабинетъ, графъ говоритъ мнѣ: «Ну что, любезный, привыкъ?»

Какъ ученикъ такого воспитателя, Клейнмихель былъ еще мягкосердеченъ. Таковъ онъ былъ и у себя дома при второй женѣ. Первая жена его была Кокошкина, вышедшая за него противъ воли родителей. Онъ оказался несостоятельнымъ обратить эту дѣвицу въ супругу и вдобавокъ требовалъ отъ нея благосклоннаго приема волокитства Аракчеева; онъ насильно сажалъ ее къ окну, когда Аракчеевъ проѣзжалъ мимо, и щипками заставлялъ ее улыбаться. Такъ по крайней мѣрѣ рассказывала она сама. Начались домашнія распри, въ которыхъ утѣшилъ ее двоюродный ея братъ Булдаковъ. Клейнмихель жаловался Аракчееву, и Булдакову было высочайше запрещено жить въ томъ городѣ, въ которомъ живетъ г-жа Клейнмихель, но она сама стала ѣздить туда, гдѣ жилъ Булдаковъ: отсюда—юридическая компликація. Наконецъ, Клейнмихель, вѣроятно, не имѣвшій уже прежнихъ интересовъ держать у себя непокорную жену, вошелъ съ нею въ сдѣлку. Она уступала ему свое приданое, а онъ обязывался быть виновнымъ въ нарушеніи брачной вѣрности, и они развелись. М-me Kleinmichel вышла за Булдакова, съ которымъ она была очень несчастна, а Клейнмихель женился на вдовѣ Хорвата, рожденной Ильинской, богатой, милой женщинѣ, по вдовьему положенію своему облегчившей новому мужу способы исполнять супружескія обязанности. Съ этихъ поръ Клейнмихель измѣняетъ совершенно свой характеръ семьянина; сначала онъ долженъ былъ сдерживать порывы въ опасеніи, чтобы не ссориться съ богатою женою и съ родственницею Нелидовыхъ, которыхъ сестра Варенька уже

начинала нравиться государю; потомъ, подъ вліяніемъ кротости жены и самъ будучи не злой человѣкъ, отвыкъ отъ домашнихъ ругательствъ, и когда я съ нимъ познакомился, онъ былъ добрый мужъ, нѣжный отецъ и довольно кротокъ съ своею личною прислугою; злымъ оставался онъ только къ прислугѣ, состоящей на казенномъ жалованьи, да еще вопросъ, не столько ли же виноваты въ томъ и эти слуги отечества, которые добровольно унижали себя до уровня лакеевъ. Со мной Клейнмихель былъ всегда вѣжливъ и остороженъ.

Клейнмихель хвастался быстротою своей работы и, вслѣдствіе этого, не оставлялъ на своемъ письменномъ столѣ ни одной бумаги: всѣ, дескать, исполнены! Но дѣло въ томъ, что всѣ бумаги были отдаваемы Заикѣ, который былъ всегда въ канцеляріи, помѣщенной въ томъ же домѣ, слѣдовательно, бумаги были на столѣ, но только не въ кабинетѣ. При началѣ сооруженія желѣзной дороги государь былъ такъ занятъ этою мыслию, что по десяти разъ въ день посылалъ къ графу Клейнмихелю вопросы, или требовалъ планы, а онъ посылалъ ко мнѣ за свѣдѣніями. Чтобы выйти изъ положенія, которое угрожало мнѣ, положенія подобнаго тому, въ какомъ находились Заика и телеграфный офицеръ, я приготовилъ нарядный планъ желѣзной дороги, реестръ распоряженій, предписанныхъ главнымъ комитетомъ, и сводъ различныхъ свѣдѣній и представилъ ихъ Клейнмихелю, съ просьбою оставить это у себя на случай вопросовъ отъ государя, но онъ не хотѣлъ принимать бумагъ:

— На что мнѣ? я не люблю столовъ съ бумагами; понадобятся, такъ я пришлю къ вамъ за ними.

На это я замѣтилъ графу, что государь спрашиваетъ очень часто по вечерамъ; что я никакъ не могу обѣщать ему быть по вечерамъ дома; что у меня есть обязанности свѣтскія и семейственныя,—да притомъ есть и обязанности по другой службѣ, что я и отъ своихъ начальниковъ отдѣленія могу требовать утро, а не вечеръ. Графъ, казалось, былъ скандализованъ такимъ «фармазонствомъ», однакожъ принялъ бумаги.

Я все-таки думаю, что графъ Клейнмихель выше своей репутаціи и лучше большинства своихъ сверстниковъ. Онъ льстилъ страстямъ государя и позволялъ себѣ интриги, но много ли людей у насъ, которые, въ его положеніи, этого бы не сдѣлали. Чернышевъ и Воронцовъ далеко перещеголяли его и въ томъ и въ другомъ, только дѣлали это не такъ грубо, но чѣмъ независимѣе и воспитаннѣе они были, тѣмъ постыднѣе ихъ дѣйствія. Клейнмихель былъ совершенно чуждъ тѣхъ познаній, какія нужны въ должностяхъ, имъ занимаемыхъ, — но зачѣмъ назначали его въ эти должности; много ли, опять спрошу, у насъ людей, которые отказались бы отъ высокаго званія, по сознанію

своей неспособности? Онъ былъ грубъ съ своими подчиненными,—но какіе же подлецы и эти подчиненные: не говорю о Заикѣ, бѣдномъ, имѣющемъ огромное семейство,—но о Кролѣ, Арцыбушевѣ, Кривошеинѣ. Даже князь Бѣлосельскій-Бѣлозерскій велъ себя неприлично своему имени. Онъ взялъ на себя званіе полицейскаго инспектора по линіи работъ желѣзной дороги. Узнавъ, что будетъ графъ, князь Бѣлосельскій велѣлъ усыпать пескомъ всѣ тѣ проходы, по которымъ, по его расчету, пройдетъ Клейнмихель, и обсадить ихъ съ обѣихъ сторонъ ёлками: жандармамъ и лекарямъ лазаретовъ,—не казеннымъ, а содержимымъ подрядчиками,—далъ писанныя инструкціи, въ которыхъ были изложены программы, гдѣ стоять, какъ поклониться, и какъ отвѣчать на каждый вопросъ. Послѣ каждого продиктованнаго отвѣта, Бѣлосельскій прибавлялъ въ инструкціи слова: «и болѣе ни слова!» или: «и болѣе ни полслова!» Священникамъ походныхъ церквей приказалъ выходить навстрѣчу съ крестомъ. Священники спросили, однако, по этому предмету архимандрита, который запретилъ исполнять это приказаніе. Мнѣ жаль, что я не сохранилъ экземпляра этой инструкціи; но она была переведена и напечатана въ какомъ-то парижскомъ «Revue». Лаваль, пріѣхавъ обѣдать къ Бѣлосельскому, сказалъ ему:

— J'ai été furieux hier en lisant une feuille dans laquelle le coquin de journaliste vous fait faire des bêtises indignes d'un gentilhomme! ¹⁾

Слава Клейнмихеля заключалась единственно въ точномъ и скоромъ исполненіи; за всякую неточность государь «распекалъ» его, и онъ боялся его до безумія. Поставленный на должность техническую, сознавая свою техническую неспособность, онъ опасался ошибокъ тѣмъ болѣе, что самъ не умѣлъ ихъ видѣть. Въ такомъ положеніи онъ полагалъ свирѣпостью внушить подчиненнымъ столько страха, чтобы они сами опасались ошибки. «Дѣлайте, какъ знаете, я дѣла не понимаю; но бѣда вамъ, если сдѣлано будетъ дурно»—такъ можно опредѣлить систему его поведенія съ подчиненными, и это тѣмъ болѣе вѣрно, что подтверждается его домашнимъ бытомъ, въ которомъ онъ не былъ обязанъ давать отчетъ другимъ; съ слугами, за исключеніемъ минутъ вспыльчивости, онъ былъ даже слишкомъ мягокъ. Я помню, что на мое замѣчаніе, что въ кабинетѣ угарно, онъ сказалъ камердинеру открыть трубу; камердинеръ находилъ это ненужнымъ, и, несмотря на повторенное приказаніе, не открылъ ея и вышелъ. Графъ сказалъ только вслѣдъ ему: «какая каналья!» Но въ графѣ Клейнмихелѣ есть и хорошія качества, какими не могутъ похвалиться

¹⁾ Я былъ золъ вчера, читая газету, въ которой мошенникъ-журналистъ приписываетъ вамъ глупости, недостойныя дворянина.

многіе и многіе изъ высокихъ особъ Онъ сердился на противорѣчія, не допускалъ никакого сопротивленія по принципу, однако же цѣнилъ независимость мнѣнія. При разсмотрѣніи въ технической комиссіи проекта моста черезъ Волховъ произошло разногласіе: Мельниковъ составилъ проектъ моста безъ разводной части, достаточной высоты арокъ для прохода судовъ съ сѣномъ и дровами въ обыкновенныя весеннія воды; я полагалъ, что разводная часть необходима, чтобы сѣнной и дровяной промыселъ, съ одной стороны, и снабженіе столицы, съ другой, не могли подвергаться опасности; Мельниковъ доказывалъ, что высокія вешнія воды, при которыхъ барки не прошли бы подъ мостъ, случаются въ 20—25 лѣтъ одинъ разъ, а разводная часть требуетъ 40 тысячъ рублей лишняго расхода, а я говорилъ, что когда правительство рѣшается строить въ долгъ 600 верстъ желѣзной дороги для облегченія сообщеній, то странно было бы этимъ самымъ дѣломъ запираеть другой путь сообщенія. Бобринскаго и Чевкина не было въ комиссіи, а инженеры всѣ, *par esprit de corporation*¹⁾, пристали къ Мельникову: я остался одинъ. Графъ Клейнмихель ужасно боялся разногласій; они могли подать государю поводъ заговорить съ Клейнмихелемъ о подробностяхъ, гдѣ онъ легко могъ выразить слишкомъ ясно мѣру своего невѣжества. Онъ сталъ меня упрашивать присоединиться къ другимъ, и какъ упрашивать! Разумѣется, трудъ былъ напрасенъ. Между прочимъ я сказалъ графу, что не признаю даже, что за Мельникова большинство, что за него Дестремъ да и то лишь для того, чтобы не быть за меня противъ своего ученика, а что всѣ другіе подписались съ Дестремомъ безсознательно. Мы разстались довольно дурно, а графъ принялся, вѣроятно, за другой конецъ. Черезъ недѣлю Дестремъ, войдя въ комиссію, началъ рѣчью, въ которой доказывалъ или излагалъ, что умный человекъ никогда не постыдится признанія въ своей ошибкѣ, а честный, сознавшій въ оной, не можетъ оставаться при ней изъ самолюбія, что онъ обдумалъ дома вопросъ о волховскомъ мостѣ, убѣдился въ правильности мнѣнія г. директора и охотно отказывается отъ своего; за нимъ отказались другіе, и журналъ состоялся единогласный, по моему мнѣнію. Привожу я на другой день журналъ къ Клейнмихелю, докладывая, что онъ безъ разногласія.

— Какъ?

— Дестремъ перешелъ къ моему мнѣнію.

— А другіе?

— Всѣ пошли за Дестремомъ.

Графъ, сложа руки, уставя на меня глаза и потряхивая голову въ одну сторону, повторялъ:

---

¹⁾ По духу корпораціи.

— Каково! Каково!—усиливая постепенно голосъ, и наконецъ съ чувствомъ отчаянія воскликнулъ:—И вотъ люди, которыми я окруженъ! вотъ съ кѣмъ я долженъ работать! за кого я долженъ отвѣчать государю!—и сталъ цѣловать меня.

Я сказалъ ему шутя:

— Графъ, вы оскорбляете меня! Будучи такого мнѣнія о людяхъ съ аккоммодациями, вы меня уговаривали отступить отъ своего мнѣнія.

Конечно, Аракчеевъ, Воронцовъ, Чернышевъ, Орловъ, поступили бы со мною иначе.

Графъ Клейнмихель стоилъ много денегъ государству азіатскими аллюрами въ службѣ и лишними угодами государю, но онъ не воровалъ; онъ стоилъ государству меньше, чѣмъ Чернышевъ и Орловъ, которые служили ширмою для организациі воровъ, расплодившихся подъ ихъ кровомъ изумительно и развившихъ свою наглость до уродливости. Я спорилъ съ Клейнмихелемъ 8 лѣтъ; онъ бранилъ меня за глаза; я бранилъ его, а чаще хвалилъ:

Tu dis du mal de moi,
J'ai dit du bien de toi,
Mais si grand malheur est le nôtre
On ne nous croit, ni l'un ni l'autre¹⁾.

Но прошли годы; я по одному случаю заѣхалъ къ нему лѣтъ черезъ пять; онъ этимъ хвасталъ. Въ нынѣшнемъ году (1864) давалъ онъ вечеръ государю, но въ его небольшой квартирѣ онъ не могъ помѣстить болѣе 120 человѣкъ; графиня работала и не могла разрѣшить задачи: или 70 человѣкъ, или 300; вотъ дилемма. Графъ говорилъ ей: «Зови кого хочешь, но чтобы К. И. Фишеръ былъ тутъ!»—И этого не сдѣлалъ бы не только Врангель, но и Меншиковъ.

Трепетъ передъ государемъ былъ въ Клейнмихелѣ ужасенъ. Мы условились, что онъ не будетъ посылать курьеровъ отыскивать меня, когда меня нѣтъ дома. Разъ, когда я обѣдалъ у Дружинина, приѣзжаетъ въ дождь-ливень курьеръ отъ графа, съ просьбою, ради Бога, сейчасъ къ нему пожаловать. Нахожу я его въ истерическомъ состояніи. Онъ рассказываетъ мнѣ, что приѣхалъ съ дороги полицейскій дистанціонный начальникъ, полковникъ Игнатъевъ, съ донесеніемъ, что у барона Корфа, подрядчика земляныхъ работъ по сѣверной половинѣ желѣзной дороги, хлѣба для рабочихъ остается на три дня и мяса на день, и что онъ опасается голода. Клейнмихель рассказывалъ это, ходя по комнатѣ и прерывая себя вздохами: «Боже, Боже, что со мною будетъ!»—хо-

¹⁾ Ты говоришь обо мнѣ дурно, я говорилъ о тебѣ хорошо, но на наше несчастье намъ не вѣрять, ни тому, ни другому.

дилъ, ходилъ и вдругъ, остановясь предо мной, сказалъ съ горечью:

— Какой счастливый у васъ характеръ, вамъ можно позавидовать! 15 тысячъ человѣкъ умираютъ съ голоду, а вы—улыбаетесь! Вы, стало быть, не знаете, какъ мнѣ досталось отъ государя, когда 200 человѣкъ рабочихъ пришли въ Царское Село жаловаться, что подрядчикъ имъ не платитъ,—а теперь, когда 15 тысячъ человѣкъ придутъ, и столица можетъ быть въ опасности... что будетъ!

Я отвѣчалъ ему, что не улыбаюсь, да и не унываю: если бы нужда была такъ велика, то Корфъ, вѣроятно, пришелъ бы ко мнѣ просить денегъ, но онъ ничего не просилъ.—«А, впрочемъ,—прибавилъ я:—напрасно ваше сіятельство не объяснили государю на жалобу 200 человѣкъ, что департаментъ желѣзныхъ дорогъ имѣетъ дѣло съ подрядчиками; рабочіе же должны приносить жалобу на ихъ нанимателей—губернатору, который отъ васъ не зависитъ. Вообще, мнѣ кажется, что Игнатьевъ сдѣлалъ фальшивую тревогу; прискакалъ сюда какъ брандмейстеръ, но пожара я еще не вижу!

— Ахъ, дай Богъ! да что онъ, каналья, не ѣдетъ, я послалъ его къ Корфу, чтобы онъ притащилъ ко мнѣ этого мошенника за шиворотъ.

Послѣ четверти часа лихорадочнаго ожиданія возвратился Игнатьевъ съ жалобой:

— Не ѣдетъ, ваше сіятельство! Я сказалъ ему, что вы приказали притащить его за шиворотъ, а онъ опустилъ голову на обѣ руки и сидитъ передъ столомъ; я бы его потащилъ, да онъ—въ халатъ.

Я не могъ вынести такой возмутительной рѣчи и, не женируясь графомъ, сказалъ Игнатьеву, что непростительно ему передавать приказанія въ выраженіяхъ, сказанныхъ въ минуту гнѣва, глазъ на глазъ; что баронъ Корфъ—статскій совѣтникъ, и что вообще вы, г. полковникъ, встревожили графа опасностями, которыя, можетъ быть, только въ вашемъ воображеніи (Графъ стоялъ, какъ ягненокъ). Игнатьевъ смѣшался и просилъ графа не беспокоиться, что онъ самъ распорядится раздачею порцій и надѣется, что хлѣба хватитъ дней на шесть. Я опять замѣтилъ, что, во-1-хъ, онъ не имѣетъ права раздавать порціи изъ чужой провизіи; во-2-хъ, если онъ можетъ разверстать хлѣбъ на 6 дней, то, конечно, самъ подрядчикъ, отвѣчающій состояніемъ и личностью, распорядится еще лучше,—и что, словомъ, весь шумъ вы сдѣлали изъ пустяковъ.—«А мясо?» спросилъ графъ. Въ этотъ моментъ пришло мнѣ на память, что черезъ день наступаетъ постъ. Когда я это сказалъ, Игнатьевъ ударилъ себя по лбу, со словами: «Ахъ! виноватъ! забылъ!» Только что онъ выговорилъ эти слова, Клейнмихель закипѣлъ:

— Ахъ ты, брандмейстеръ! Ахъ, ты, бранд-мей-сте-ерь!! Вонъ!!!

Игнатьевъ бросился растерянный изъ комнаты. Графъ вдругъ вздохнулъ и сталъ мягокъ, такъ мягокъ, что глазамъ своимъ я не вѣрилъ. Обнималъ меня, цѣловалъ, говоря: «Спасибо, спасибо, любезный Константинъ Ивановичъ».

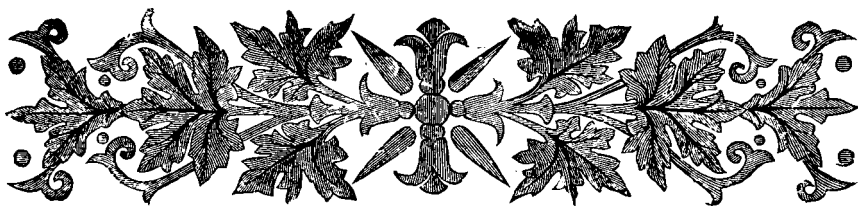
Таковъ былъ Клейнмихель, росшій во времена Павла I и пропедшій службу подъ начальствомъ Аракчеева! Это обстоятельство должно служить великимъ ему оправданіемъ, если вѣрна пословица: «dis-moi qui tu hantes, je te dirai, qui tu est!»¹⁾ Объ Аракчеевѣ знаетъ вся Россія, какъ о деспотѣ, безчеловѣчномъ, свирѣпомъ; я случайно узналъ и виновника его возвышенія и мѣру его безкорыстія.

Апрѣлевъ, отецъ сенатора И. Ф. Апрѣлева, былъ при Екатеринѣ начальникомъ арсенала. Наслѣднику престола, Павлу, понадобились въ Гатчину двѣ маленькія пушки. Онъ обратился о томъ къ Апрѣлеву, и этотъ исполнилъ его просьбу. Случай рѣдкій! Такъ какъ великій князь былъ въ дурныхъ отношеніяхъ съ матерью-императрицею, то отказывать ему въ просьбахъ, даже дѣйствовать ему на зло—было въ модѣ. Великій князь, по открытіи вакансіи начальника артиллеріи въ Гатчинѣ, просилъ Апрѣлева принять это мѣсто, но Апрѣлевъ отозвался, что императрица благоволитъ къ нему, и онъ не имѣетъ ни повода, ни мужества проситься изъ Петербурга; вмѣсто себя онъ рекомендовалъ Павлу Аракчеева. Аракчеевъ взялъ, а черезъ годъ или два Павелъ воцарился. Аракчеевъ былъ пожалованъ въ бароны, съ девизомъ въ гербѣ: «Безъ лести преданъ», который публика потомъ передѣлала въ другой: «Бѣсъ, лести преданъ!» Въ 1850 году слышалъ я о немъ отъ маленькаго человѣка, чиновника VIII класса Свяцова, у котораго я купилъ землю. Этотъ чиновникъ характеризовалъ мнѣ Аракчеева, самъ того не зная. Онъ продалъ землю оттого, что 20 лѣтъ не имѣлъ хорошаго урожая; года черезъ два по продажѣ видитъ онъ мои великолѣпныя поля и, приписывая это исключительно благословенію Божию («никто, какъ Богъ!»), рассказываетъ мнѣ случай, въ которомъ онъ видѣлъ явно Божіе покровительство, который и касался Аракчеева только объективно. Рассказъ его такъ оригиналенъ, что я замѣтилъ его себѣ слово въ слово. «Въ 1824 году дали мнѣ богатую заготовку сѣна, пудовъ тысячъ до 500. Передъ моимъ отъѣздомъ генералъ-провіантмейстеръ Абакумовъ зоветъ меня къ себѣ и говоритъ: «Купи сѣно у графа Алексѣя Андреича, да смотри, не надѣлай глупостей! подъ судъ отдамъ!»—«Слушаю, ваше превосходительство!» Поѣхалъ въ Грузино, къ управляющему; ведутъ къ самому. Вхожу, кланяюсь. «Здравствуй, любезный! тебѣ сѣно надо. Бери, сѣно у меня хоро-

¹⁾ Скажи, съ кѣмъ ты другъ, а я скажу, кто ты таковъ.

шее, 40 коп. пудъ. Ну, ступай!—показать ему сѣно!»—Посади́лъ меня управляющій въ телѣжку и повезъ по лугамъ; кажетъ на траву да похваливаетъ! «А каково сѣно?»—Я такъ и обомлѣлъ! и говорю: «Вѣдь это трава!»—«Выкоси да высуши, сѣно будетъ; зато и цѣна какая!» Господи помилуй! думалъ я,—ну, да, признаться, думаю: вѣдь губернаторъ не промахъ; дастъ справочную цѣну гривень шесть.—Нанялъ людей, стали косить, убирать, а я къ губернатору! Этотъ заломался! 35 копеекъ, да 35 копеекъ, — за эту цѣну, говоритъ, миллионъ пудовъ поставлю!—Плакалъ, плакалъ, и то и сѣ... нѣтъ! Что дѣлать! принялъ сѣно, всѣ денежки свои (разумѣя тѣ, которыя думалъ украсть) ухлопалъ, а 70 тысячъ пудовъ не хватаетъ! Пришелъ къ графу. «Ну, что, говоритъ, принялъ?»—«Принялъ, ваше сіятельство!»—«А вѣдь славное сѣно, а?»—«Прекрасное, ваше сіятельство!» Подошелъ къ конторкѣ, вынулъ 1000 рублей и даетъ мнѣ. «На, говоритъ, бери!»—«Помилуйте, ваше сіятельство, за что?»—«Когда я даю, говоритъ, такъ бери!» Взялъ, поклонился, ушелъ, да и взрыдалъ, какъ ребенокъ. Господи! думаю, чѣмъ я Тебя прогнѣвалъ! (это спрашивалъ человекъ, 30 лѣтъ обокрадывавшій казну). Явился къ генералу Абакумову: «Ну, что?» говоритъ.—«Да что! бѣда, ваше превосходительство...»—«Молчать, говоритъ, подъ судъ отдамъ!»—Господи, Господи, Боже мой! Поѣхалъ въ Новгородскій монастырь; отслужилъ молебенъ и молился Господу: Господи спаси! въ отставку выйду! четыре дѣвки (дѣуки, какъ выговаривалъ этотъ 70-лѣтній малороссъ) въ монастырь дамъ! Спаси и помилуй!—И что жъ вы думаете, генераль?—Тутъ онъ приостановился, обвелъ глазами всѣ четыре угла комнаты; не найдя ни въ одномъ образа, уставилъ глаза въ потолокъ, медленно изобразилъ крестное знаменіе, относя руку во всю ея длину, такъ что она описала широкія дуги, отъ лба къ брюху, и отъ праваго плеча къ лѣвому,—и продолжалъ: «Послалъ Господь Богъ наводненіе; барки мои разбило, я показалъ погибшимъ полное количество; приняли на счетъ казны, и я—какъ добрый христіанинъ—тотчасъ подалъ въ отставку»—«Какъ?—сказалъ я: — наводненіе 7-го ноября 1824 года?»—«То самое, генераль».—Вотъ черта изъ жизни намѣстника Россійской имперіи въ ту эпоху, когда царь чертилъ на медаляхъ: «Не намъ, не намъ, а имени Твоему!»

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XII.

Обсужденіе смѣты на постройку желѣзной дороги.—Послѣдствіе этого для меня.—Реформы въ главномъ управленіи путями сообщенія.—Составъ моей канцеляріи.—Столкновеніе съ графомъ Клейнмихелемъ.—Мельниковъ.—Дѣятельность графа Канкринъ.—Вронченко.—Вражда князя Меншикова съ Киселевымъ.—Неудовольствіе государя на князя Меншикова.—Дѣло Тарасова.—Бутурлинскій комитетъ.—Враждебныя отношенія Клейнмихеля къ Меншикову.—Разговоръ государя съ Меншиковымъ о Николаевскомъ мостѣ.—Отношеніе государя къ Меншикову.—Посольство Меншикова въ Константинополь.—Увольненіе Меншикова.—Взглядъ на царствованіе императора Николая.—Дѣятельность графа Клейнмихеля.—Моя просьба объ увольненіи.

ЦЕСАРЕВИЧЪ позволилъ мнѣ являться къ нему, когда сочту нужнымъ. Это право перешло ко мнѣ отъ Чевкина; но Чевкинъ имъ воспользовался и ходилъ къ цесаревичу до самаго вступленія его на престолъ; я не воспользовался имъ; подносилъ журналъ къ подписанію утромъ, ожидая приѣма въ бильярдной, гдѣ познакомился съ княземъ Барятинскимъ, тогдашнимъ его адъютантомъ (теперь фельдмаршалъ), прекраснымъ тѣломъ и душою.

Едва принялись мы за работу, какъ стало ясно шарлатанство предварительной смѣты въ 37 милліоновъ рублей. По моему расчету, нужно было отъ 70 до 75 милліоновъ. Клейнмихель, стараясь нравиться только устраненіемъ всякаго непріятнаго ощущенія, не заботясь о завтрашнемъ днѣ, силился сократить цифры и, не успѣвъ

¹⁾ Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 426.

въ соглашеніи со мною, сочинилъ смѣту самъ, сколько помнится, въ 55 милліоновъ рублей, и прислалъ мнѣ ее для подписанія часа за два до засѣданія. Я поѣхалъ къ нему объявить, что не могу скрѣпить смѣты; онъ ужасно разсердился, взялъ смѣту назадъ и привезъ ее съ собою въ комитетъ съ переписаннымъ послѣднимъ листомъ, на которомъ прежде была приготовлена подпись: Директоръ... — Смѣта докладывалась не подписанная никѣмъ. При чтеніи и обсужденіи смѣты Киселевъ былъ пораженъ ничтожествомъ суммы по одной статьѣ и спросилъ меня тихо: «Неужели этого довольно?» Комитетъ засѣдалъ, какъ я уже упоминалъ, въ слѣдующемъ порядкѣ: столъ, составленный изъ пяти или шести столовъ, кажется, ломберныхъ, а можетъ быть и иныхъ, но узкихъ. Посреди длинной стороны садился цесаревичъ; я, какъ правитель дѣлъ,—противъ него; по обѣимъ сторонамъ подлѣ цесаревича сидѣли Канкринъ и Левашовъ; мои сосѣди были Киселевъ и Клейнмихель. Въ такой обстановкѣ я не могъ ничего отвѣчать Киселеву, чтобы отвѣтъ мой не былъ слышимъ ни предсѣдателемъ, ни моимъ начальникомъ. Я не отвѣчалъ ни слова, но поворотилъ послѣдній листъ къ нему, никѣмъ не подписанный. Смѣтливый Киселевъ понялъ жестъ, и сказалъ тихо:

— А!

Кажется, цесаревичъ замѣтилъ это. Когда кончилось засѣданіе, онъ спросилъ меня ласково (цесаревичъ показывалъ мнѣ необыкновенную благосклонность):

— Вы надѣетесь, что этой суммы будетъ довольно? Мы на васъ полагаемся.

Этотъ адресъ ко мнѣ, а не къ Клейнмихелю, не понравился послѣднему. Онъ отвѣчалъ наслѣднику живо:

— Я могу вполне надѣяться, что будетъ достаточно.

— А вы какъ думаете, господинъ директоръ?

Я отвѣчалъ, что въ работахъ столь огромныхъ и продолжительныхъ трудно предвидѣть съ точностью результаты, потому что они зависятъ отъ постороннихъ вліяній: если правительство уменьшить другія работы, то смѣта, можетъ быть, не потребуетъ дополненій; если же другія работы, особенно казенныя, будутъ усилены, то рабочіе значительно вздорожаютъ.

— Нѣтъ, ваше высочество! Я ручаюсь за смѣту!—сказалъ съ сердцемъ Клейнмихель.

Цесаревичъ же прибавилъ, что онъ совершенно согласенъ съ директоромъ. Этого довольно было, чтобы Клейнмихель меня остерегался. Я завелъ самъ разговоръ съ нимъ объ этомъ засѣданіи и объяснилъ ему, что мой отвѣтъ служилъ ему скорѣе гарантіею, чѣмъ противорѣчіемъ; что, по моему мнѣнію, теперь было бы осторожнѣе написать даже лишнее, потому что первая смѣта не его, и что онъ, сокративъ цифру, защитилъ только Чевкина, но себѣ

готовить затрудненія. Графъ понялъ это, а черезъ два года надо было составлять опять новую смѣту; она вышла въ 78 милліоновъ рублей, и государь ужасно разбранилъ Клейнмихеля за то, что онъ такъ грубо ошибся въ расчетѣ. При всемъ томъ онъ не пускалъ уже меня ни къ цесаревичу, ни къ другимъ членамъ, къ которымъ я и безъ того никогда не ѣздилъ. Онъ отвозилъ журналы цесаревичу самъ, и самъ посылалъ ихъ къ подписанію другимъ членамъ. Сдѣлавшись главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ сталъ все ломать. Изъ канцеляріи, которой я былъ директоромъ, образованъ департаментъ желѣзныхъ дорогъ, въ которомъ онъ непремѣнно хотѣлъ учредить общее присутствіе, но я не согласился быть директоромъ при общемъ присутствіи,—и это осталось безъ исполненія. Комиссію проектовъ и смѣтъ, весьма раціональное учрежденіе, гдѣ инженеры-ветераны разсматривали техническую сторону дѣла, преобразовалъ въ департаментъ съ начальниками отдѣленія, столоначальниками и помощниками, офицерами полудѣтскаго возраста, не умѣвшими отличить еловаго бревна отъ сосноваго. Въмѣсто того, чтобы раздѣлить дѣла по мѣстностямъ, учреждены департаменты искусственный, хозяйственный, счетный,—а какъ всякая будка требовала проекта, написанія контракта, заключенія подряда и расчетовъ, то дѣло о постройкѣ каждой будки заводилось во всѣхъ трехъ или четырехъ департаментахъ. Онъ хотѣлъ было, чтобы я написалъ штаты, но когда я сказалъ ему свою программу,—онъ обидѣлся, что я хотѣлъ сократить его министерство.

Вскорѣ затѣмъ послѣдовало высочайшее повелѣніе, чтобы лица, занимающія болѣе одной должности, оставлены были при одной изъ нихъ. Клейнмихель и распорядился мною, не спрося меня; однако я подалъ рапортъ князю Меншикову, что желаю остаться при немъ. Князь вошелъ съ докладомъ къ государю, Клейнмихель протестовалъ, спорили, спорили, и, наконецъ, высочайше повелѣно, не въ примѣръ другимъ, оставить меня при всѣхъ должностяхъ.

Канцелярія моя, долго некомплектная, требовала укомплектованія, но людей не было. Смѣтная сумма расходовъ отъ 10 до 15 милліоновъ въ годъ вызвала всѣхъ плутовъ, какъ крысъ — приманка. Что за рожи ко мнѣ являлись! А молодыхъ людей образованныхъ я не могъ имѣть, потому что, по особому высочайшему повелѣнію, дворяне и всѣ кончающіе университетскій курсъ не могли поступать въ центральныя управленія, не прослуживъ трехъ лѣтъ въ губерніи. Я просилъ для своего вѣдомства исключенія и выпросилъ его; пригласилъ къ себѣ юношей неопытныхъ, но чистыхъ, просвѣщенныхъ и благовоспитанныхъ.

Вдругъ является ко мнѣ какой-то статскій совѣтникъ Штюмеръ и докладываетъ, что онъ опредѣленъ докторомъ департамента желѣзныхъ дорогъ. — «Зачѣмъ?» — «Пользовать больныхъ

чиновниковъ!» — «Развѣ больные выбираютъ врачей для своего пользованія по начальству?» — «Свидѣтельствовать больныхъ чиновниковъ». — «Зачѣмъ?» — «Сказывающихся больными». — «Такихъ у меня нѣтъ!» Послѣ этого разговора я объявилъ ему, что онъ мнѣ не нуженъ, поѣхалъ къ графу, сказалъ ему, что такими мѣрами онъ разгонитъ у меня лучшихъ людей, и настоялъ, чтобы Штюмера взяли назадъ.

Черезъ годъ пришлось дѣлить остаточную сумму, до трехъ тысячъ рублей. Я назначилъ суммы наградныя только младшимъ, т. е. не начальникамъ отдѣленій, потому что они были въ комплектѣ, а остатокъ образовался отъ некомплекта, и въ размѣрѣ отъ 300 до 600 рублей каждому, обѣщая другимъ дать то же въ слѣдующемъ году. Графъ написалъ: раздѣлить между всѣми! Я опять протестовалъ: я не хотѣлъ, чтобы чиновники получали на водку, поголовно, но желалъ дать средство бѣднымъ поправиться. И это состоялось.

Такія дразги повторялись безпрестанно. Хотя я одерживалъ верхъ, но онѣ сердили и меня и Клейнмихеля. Онъ, не смѣя меня оскорблять въ глаза, сталъ отзываться обо мнѣ недоброжелательно за глаза, а это подало поводъ Мельникову, начальнику работъ сѣверной дирекціи, интриговать.

Лѣтъ за пять до начала сооруженія дороги или позже, графъ Толь выбралъ полковника Крафта для послышки за границу, изучить желѣзныя дороги, предоставляя ему избрать себѣ товарища. Онъ указалъ на Мельникова. Говорятъ, что Мельниковъ, письмами изъ-за границы, распускалъ слухъ, будто Крафтъ помѣшался, и что, такимъ образомъ, центръ тяжести перешелъ на Мельникова. Когда они воротились, то Крафта какъ-то дичились, а Мельникова разспрашивали. Протяженіе желѣзной дороги раздѣлили между обоими, и Мельниковъ всячески старался блеснуть передъ Крафтомъ бережливостію работъ; для этого онъ сталъ обсчитывать всѣхъ подрядчиковъ, и когда, по ихъ жалобамъ, департаментъ сталъ требовать объясненій, Мельниковъ увѣрилъ графа, что департаментъ платитъ лишнее. *C'était de l'eau sur son moulin*¹⁾.

Всякій разъ, что искусственное отдѣленіе департамента исправить расчетныя нормы и департаментъ предпишетъ ихъ къ исполненію, Мельниковъ входилъ съ рапортомъ къ главноуправляющему, а этотъ утверждалъ всегда то представленіе, по которому приходилось платить меньше. Департаментъ представлялъ официально, что дѣла принимаютъ незаконный ходъ, что контракты не исполняются казною, и даже, что департаментъ не беретъ на себя отвѣтственности за послѣдствія. Все это бѣсило Клейнмихеля и утраивало мнѣ работу, — портило мнѣ глаза, кровь и характеръ.

---

¹⁾ Ловко обдѣлывалъ свои дѣлишки.

Къ этимъ личнымъ дразгамъ присовокупилось вліяніе и общей административной деморализаціи. Какъ испортили систему государя окружающіе его, это видно было уже изъ тѣхъ несвойственныхъ ему дѣйствій въ отношеніи къ Бенкендорфу, Толю и Меншикову, которыми онъ удивилъ многихъ при открытіи дѣйствій по устройству желѣзной дороги; двое изъ нихъ сошли въ могилу, унеся съ собою огорченія. Меншиковъ болѣе и болѣе слабѣлъ; и даже Канкринъ долженъ былъ удалиться.

Со времени оставленія министерства финансовъ, я потерялъ изъ виду графа Канкрина, въ отношеніи къ его личности. Въ первый разъ послѣ того я увидѣлъ его, а онъ меня, въ комитетѣ желѣзныхъ дорогъ. Послѣ того я ѣздилъ къ нему нѣсколько разъ по порученіямъ князя Меншикова; когда порученіе было исполнено, онъ меня спрашивалъ, имѣю ли я время, — и на утвердительный отвѣтъ говорилъ: «Такъ покафаримъ немножко», и мы говорили о томъ или другомъ. Разъ онъ выразилъ мнѣ нѣкоторую досаду на Чевкина. Когда я замѣтилъ, что онъ, кажется, умный человекъ, то Егоръ Францовичъ нашелъ, что онъ уменъ, «только жаль, что у него умъ, какъ спина» (горбатая). Онъ обманываетъ своимъ «умомъ сперва самого себя, а потомъ и другихъ». Признаться, я бы хотѣлъ прибавить, что онъ наглъ: это я испыталъ; онъ меня экзаменовалъ и находилъ, что безъ англійскаго языка нельзя быть директоромъ канцеляріи желѣзныхъ дорогъ, а вскорѣ оказалось, что онъ самъ не зналъ по-англійски. Когда инженеръ Вистлеръ въ технической комиссіи сказалъ свое мнѣніе, я отомстилъ Чевкину тѣмъ, что передалъ ему это мнѣніе, и потомъ его отзывъ передалъ Вистлеру.

Канкринъ принялъ въ 1823 г. министерство при величайшемъ разстройствѣ финансовъ; онъ поднялъ промышленность, и сохранялъ балансъ въ бюджетѣ. При немъ не было ни одного дефицита, несмотря на то, что онъ выдержалъ персидскую, турецкую и польскую войну. Въ благодарность отняли у него государственныя имущества, и государь сталъ уговаривать его взять товарища. Какъ Канкринъ ни отговаривался, волю эту надо было исполнить. Канкринъ выбралъ Вронченко, дурака, потому что считалъ лишнимъ товарища министра, да при томъ думалъ, что этотъ, по крайней мѣрѣ, не будетъ интриговать. Въ этомъ-то онъ и ошибся! При первомъ отъѣздѣ въ отпускъ министра, товарищъ его успѣлъ увѣрить государя, что онъ самъ отличный министръ финансовъ, и что ему нуженъ только секретарь, не такой упрямый, какъ Канкринъ. Вронченко роняетъ Канкрина! О tempoга! Вронченко былъ бѣднякъ, малороссъ, просившій Дружинина опредѣлить его въ службу. Дружининъ взялъ его на козла своей коляски, привезъ въ Петербургъ и опредѣлилъ въ канцелярію свою писаремъ на 300 рублей. Въ 1823 г. Вронченко былъ начальникомъ 3-го отдѣ-

ленія канцеляріи съ Владимиромъ на шеѣ. Когда узнали, что Гурьева смѣняють, Вронченко отправился къ камердинеру Гурьева, спросилъ его, правда ли, что говорятъ, расплакался, бросился къ Гурьеву на шею. За такую нѣжность Гурьевъ, уходя изъ министерства, далъ ему звѣзду. Когда канцелярія помѣщалась въ домѣ Шуваловой, Вронченко ставилъ свою лошадь противъ оконъ столовой Канкринъ видѣлъ это. Произведя его за усердіе въ д. ст. совѣтники, Канкринъ образовалъ изъ 3-го отдѣленія особенную канцелярію по кредитной части, и Вронченко сдѣланъ ея директоромъ,— а затѣмъ товарищемъ, потомъ министромъ. Грубый, какъ мужикъ, онъ понялъ, что министръ долженъ быть вѣжливъ,—и сталъ вѣжливымъ. Подчиненному говорилъ: «имѣю честь покорнѣйше просить, садитесь на диванъ!» и потомъ вдругъ сорвется на свою обычную колею. Его выразилъ очень точно Гревеницъ: «учтивъ, какъ лакей, и грубъ, какъ лакей». Канкринъ оставилъ министерство въ 1844 г., и въ 1845 г. былъ уже дефицитъ въ 14¹/₂ мил. руб.; въ 1846—21 м. р.; въ 1847—45 м. р.; въ 1848—46 м. р.; въ 1849—57 м. р.; въ 1850—83 м. руб. Какъ частный человѣкъ дѣлается расточительнѣе и безрасчетливѣе, когда запутается, такъ и правительство. Съ 1845 г. по 1857 г. издержано сверхъ бюджета, «въ даръ потомству»:

На сооруженіе крѣпостей	42 ¹ / ₂ мил.
На постройку дворцовъ	8 »
На казармы и госпитали	7 ¹ / ₂ »
На сооруженіе церквей	15 »
На пути сообщенія	208 »

Въ какой степени усиливались расходы по управленіямъ, можно заключить по одной статьѣ: штабъ военно-учебныхъ заведеній стоилъ въ 1840 г.—24.000 р., а въ 1854 г.—316.000 рублей.

Меншиковъ тоже видимо упалъ. Къ его врагамъ присоединился Киселевъ, самый опасный, потому что былъ умнѣ Чернышева, злѣе Грейга и смѣлѣе Воронцова и Орлова, который не взлюбилъ Меншикова съ тѣхъ поръ, что надѣлъ голубой мундиръ. Ему казалось, что Меншиковъ надъ нимъ смѣется. Киселевъ и Меншиковъ были друзьями; между ними началась борьба съ 1839 г.—борьба политическая, не имѣвшая вліянія на ихъ дружбу. Предметомъ борьбы былъ вопросъ объ освобожденіи крестьянъ. Киселевъ хотѣлъ, чтобы они были освобождены съ землей, остающейся въ общинномъ владѣніи, а Меншиковъ находилъ, что освобожденіе должно совершаться, какъ въ балтійскихъ губерніяхъ. Разрѣшеніе этого вопроса, кажется, въ 1844 г., было таково, что не удовлетворило ни того, ни другого. Въ нѣкоторомъ распространеніи

правъ крестьянъ Меншиковъ видѣлъ торжество Киселева, и сталъ надъ нимъ подтрунивать; Киселевъ же, не успѣвшій провести свои демократическіе виды, приписывалъ свое пораженіе Меншикову. Другіе, видя, что Киселевъ уже раненъ, стали изобрѣтать на его счетъ остроты отъ имени Меншикова; двѣ особенно его оскорбили. Киселевъ жилъ на Мойкѣ, а противъ дома, имъ занимаемаго, выстроили деревянный балаганъ, кажется, для звѣринца. Рассказывали во время его постройки, будто князь Меншиковъ, спрошенный, для чего строятъ этотъ балаганъ, отвѣчалъ: «Здѣсь графъ Киселевъ будетъ показывать благосостояніе государственныхъ крестьянъ въ маломъ видѣ». Другая острота состояла въ томъ, будто князь Меншиковъ пріѣхалъ въ клубъ на баллотировку статс-секретаря Кариѣва и сказалъ, что Кариѣвъ авторъ того анти-дворянскаго ученія, которое Киселевъ выдаетъ за собственное произведеніе. Первой остроты я не слышалъ отъ князя Меншикова, но она очень похожа на него; о второй я знаю навѣрное, что она изобрѣтена Неклюдовымъ. Киселевъ пересталъ кланяться Меншикову. Князь былъ очень огорченъ разрывомъ съ Киселевымъ, искалъ случая объясниться съ нимъ; наконецъ, мнѣ удалось навести Киселева на этотъ предметъ; я убѣждалъ его въ томъ, что князя обоглади, но онъ остался непоколебимъ, сказавъ мнѣ: «Между нимъ и мною—кончено!»

Съ государемъ стали происходить столкновенія тоже чаще; иногда по винѣ князя, а чаще—по благороднымъ побужденіямъ; явились случаи, которые вооружили противъ Меншикова дамскую половину дворца, и какъ эта половина всегда ловче дѣйствуетъ и чаще нападаетъ, то она сильнѣе всего расширяла тотъ оврагъ, который сталъ отдѣлять государя отъ его министра, котораго онъ еще въ 1830 г. считалъ почти за единственнаго честнаго и способнаго совѣтника.

Государь пожелалъ переименовать морскіе чины въ сухопутные. Князь, не успѣвъ переубѣдить его, сдѣлалъ изъ этого предмета *une question de portefeuille*¹⁾; мысль оставлена,—но впечатлѣніе осталось неблагоприятное.

Потомъ возникла мысль о введеніи въ Финляндіи рекрутскаго набора. Меншиковъ возставалъ противъ этого энергически, одержалъ верхъ, но понизился у двора. Государь звалъ его посмотреть Новогоріевскую крѣпость. Меншиковъ, на вопросъ, какъ онъ ее находитъ, представилъ, что низенькія стѣнки передъ баціонами, не принося особой пользы, служатъ непріятелю способомъ засыпать ими ровъ, при штурмованіи,—и что цитадельскія орудія полощатъ крѣпостныя стѣны, такъ что если непріятель завладѣетъ цитаделью, то онъ сгонитъ нашими же орудіями гар-

¹⁾ Министерскій вопросъ.

низонъ со всѣхъ крѣпостныхъ баціоновъ: государь прогнѣвался и почти прогналъ его.

Такъ пріобрѣлъ онъ мало-по-малу у государя названіе спорщика. Снисходительность князя тоже не всегда одобрялась. Когда сгорѣлъ корветъ «Фершампенуазъ», сгорѣлъ не отъ небрежнаго исполненія устава командиромъ, а, напротивъ, вслѣдствіе педантическаго соблюденія его,—и когда, несмотря на это, аудиторіатъ присудилъ командира, прослужившаго 30 лѣтъ, къ разжалованію въ матросы, князь поручилъ мнѣ выбрать изъ архива всѣ судныя дѣла о крушеніяхъ во время Екатерины. Изъ нихъ князь выбралъ два. Екатерина, имѣвшая врожденную боязнь воды, съ великимъ усиліемъ рѣшалась на плаваніе; одинъ разъ рѣшилась на это и, какъ нарочно, фрегатъ ударился объ мель. Императрица упала въ обморокъ. Очнувшись, она сказала съ гнѣвомъ: «Арестовать лейтенанта!» Когда поднесли ей сентенцію морского суда на конфирмацію, она положила слѣдующую резолюцію: «Для благороднаго офицера самое тяжкое наказаніе быть арестовану въ глазахъ императрицы,—а потому болѣе не наказывать». По другому дѣлу, гдѣ корабль потерпѣлъ крушеніе, Екатерина, въ день Пасхи, написала: «Для праздника Христова прощаются!» Князь понесъ эти дѣла, вмѣстѣ съ докладомъ о «Фершампенуазѣ» на Страстной недѣлѣ, но это было принято очень дурно, потому что «то, что было простительно за 80 лѣтъ,—теперь непростительно».

Охтянинъ Тарасовъ постановкою паркетовъ и мебели разбогатѣлъ и вздумалъ освободиться отъ званія охтенскаго поселенина, вопреки закону Петра I, основавшаго это поселеніе для вѣчной прочности флота, съ строжайшимъ запрещеніемъ увольнять кого бы ни было изъ этого званія. Онъ поднялъ на ноги весь городъ и весь дворъ. Князя просили о немъ великія княгини и великія княжны; государь говорилъ князю Меншикову, что ему не даютъ покоя; Перовскій, умирая, просилъ князя не упрямиться, полагая, что отъ этого дѣла зависитъ его собственный кредитъ. Дѣло дошло до государственнаго совѣта. Баронъ Корфъ, государственный секретарь, сказался больнымъ въ день доклада его; весь государственный совѣтъ полагалъ освободить Тарасова; одинъ Меншиковъ утверждалъ, что одинъ примѣръ изъятія поведетъ къ уничтоженію всего учрежденія Петра Великаго. Государь согласился съ Меншиковымъ, но дворецъ разгнѣвался. Стоило труда! Не успѣлъ князь ухъать изъ Петербурга, какъ Тарасова освободили!

Слѣдующій случай еще важнѣе: императрица давала вечеръ въ Монплеизирѣ и желала, чтобы кадеты морского корпуса выѣхали на катерахъ съ пѣснями; она приказала статсъ-секретарю Гофману сказать князю Меншикову, чтобы онъ сдѣлалъ о томъ распоряженіе. Князь обидѣлся; онъ отвѣчалъ Гофману, что кадеты дворяне, что родители ихъ ввѣрили правительству для того, чтобы

образовать изъ нихъ защитниковъ отечества, и что потому онъ не считаетъ себя въ правѣ употреблять ихъ офиціально какъ пѣсенниковъ, но совѣтовалъ Гофману попросить командира эскадры, чтобы онъ пригласилъ кадетъ гулять на катерахъ; «когда катера подойдутъ,—вышлите имъ фунтовъ 10 конфетъ и попросите, чтобы спѣли: такъ дѣло устроится». Гофманъ донесъ императрицѣ, что Меншиковъ не считаетъ себя въ правѣ высылать кадетъ для публичнаго пѣнія.

Она прогнѣвалась и послала его къ государю. Государь отозвался, что объ этомъ надо сговориться съ Меншиковымъ. — «Я былъ у него, государь!» — «Ну, что жъ онъ говоритъ?» Гофманъ передалъ первую половину отзыва князя. — «И онъ совершенно правъ!» сказалъ государь. Пѣсенъ на водѣ не было, но зато во дворцѣ стали напѣвать на Меншикова безъ умолку.

Травимый, какъ дикій звѣрь, Меншиковъ пришелъ въ ожесточеніе. Государь написалъ собственноручно программу батальоннаго ученія канонирской флотиліи и прислалъ къ нему при очень любезной запискѣ, гдѣ писалъ, что желаетъ общими силами уладить это, въ свободное для него и для князя время. Князь написалъ отвѣтъ, что какъ онъ часто бываетъ боленъ, то не изволитъ ли государь предпочесть графа Гейдена, эскадръ-майора. И изъяснилъ князю свое удивленіе. Онъ отозвался съ горькой усмѣшкой:

— Графъ Гейденъ интригуетъ противъ меня, но не находитъ довольно случая: я хочу доставить ему удобный случай.

Сильнѣйшій же ударъ нанесенъ князю Меншикову назначеніемъ великаго князя, генералъ-адмирала, въ его товарищи. Великій князь считалъ себя если не старшимъ, то равнымъ князю Меншикову и обижался, что онъ не совѣтуется съ нимъ предварительно о дѣлахъ, подносимыхъ государю. Помню, какъ одинъ разъ пріѣзжалъ Лутковскій къ князю, по порученію генералъ-адмирала, выразить ему неудовольствіе его высочества. Князь сказалъ Лутковскому:

— Пусть его высочество самъ мнѣ скажетъ это; я возьму его за руку и отведу къ папашѣ.

Я неоднократно совѣтовалъ князю отказаться отъ морского управленія. Князь утверждалъ, будто онъ это и дѣлалъ, но безъ успѣха; будто онъ говорилъ государю, что «два флага вдругъ на гротъ-мачтѣ развѣваться не могутъ», будто онъ при генералъ-адмиралѣ просилъ государя оставить его при Финляндіи, и на отзывъ государя, что не имѣетъ кѣмъ замѣнить его, указалъ на его высочество, какъ на особу, вполне могущую управлять министерствомъ, но государь отозвался: «Какъ? этому мальчику?!» Все это такъ, но тѣмъ болѣе слѣдовало настаивать, и если бы князь

желалъ уйти серьезно, то, конечно, сумѣлъ бы достигнуть цѣли. Дѣло въ томъ, что *l'art de s'en aller est difficile*!¹⁾

Никто, однако, не можетъ отрицать въ князѣ Меншиковѣ гражданскаго мужества, хотя онъ по наружности, являясь на разводы, на рекрутскіе смотры, имѣетъ видъ мелочнаго куртизана. Припоминаю случаи, въ какомъ не всѣ поступили бы, какъ Меншиковъ.

Государь передалъ ему записку неизвѣстнаго, доказывавшую, что министръ народнаго просвѣщенія Уваровъ поощряетъ въ журналистикѣ статьи республиканскаго направленія или раздражающія,—передалъ съ тѣмъ, чтобы въ особомъ комитетѣ подъ предѣлательствомъ Меншикова разсмотрѣть дѣйствія Уварова. «Я ему покажу!—заключилъ государь:—а вашу свѣтлость прошу со мной не шутить; я знаю, что у васъ всегда правы тѣ, которые передо мною провинились!» *C'était fort* ²⁾.

Неизвѣстный авторъ былъ баронъ Модестъ Корфъ, страдавшій издавна не удовлетворенною страстью быть министромъ. Въ комитетъ посажены: Бутурлинъ (историкъ военный), графъ А. Г. Строгановъ, баронъ Корфъ, Дубельтъ (начальникъ штаба корпуса жандармовъ), Дегай, статсъ-секретарь, пріятель Корфа, а я, правитель дѣлъ, запасся журналами за три года и сталъ перелистывать ихъ. Дубельтъ указалъ на статьи Бѣлинскаго, дѣйствительно скверныя; Корфъ молчалъ и удивлялся, съ чего взяли всю эту исторію; Дегай прочиталъ изъ «Отечественныхъ Записокъ»: «Молодой человѣкъ, оставя школьную скамью, находитъ свѣтъ далеко не такимъ, какимъ онъ представлялъ его себѣ; онъ озирается, иногда озлобляется, иногда дѣлается врагомъ общества etc.». Зашумѣли! По странному случаю, я читалъ эту статью, разборъ дѣтскихъ повѣстей Чистяковой. Рецензентъ, хваля эти повѣсти, говорилъ, что у насъ недовольно обращаютъ вниманіе на то, чтобъ юношеству дать правильное понятіе о свѣтѣ; оно, оставаясь безъ руководства, создаетъ себѣ свѣтъ идеальный, непохожій на свѣтъ дѣйствительный; оттого, молодой человѣкъ, оставляя etc. Я заявилъ это комитету; Дегай прочиталъ только конецъ и такимъ образомъ бросилъ на всю статью ложный свѣтъ. Дегай обидѣлся, оспаривалъ мое право вмѣшиваться въ диспуты членовъ, на что я доложилъ, что я не изъявлялъ мнѣнія, а только представилъ справку. Сѣтъ раскрыта; предсѣдатель предложилъ членамъ раздѣлить между собою журналы и просмотрѣть ихъ. Онъ хотѣлъ выиграть время.

Между тѣмъ онъ поручилъ мнѣ съѣздить къ Уварову, предупредить его объ интригѣ и просить у него какихъ-нибудь поло-

¹⁾ Искусство уходить—трудно.

²⁾ Это было слишкомъ.

жительныхъ средствъ къ его оправданію. Уваровъ далъ мнѣ съ десятокъ дѣлопроизводствъ, въ которыхъ я нашелъ собственно-ручные брульоны, гдѣ онъ очень сильно подтверждаетъ цензурному комитету не допускать ни въ журналахъ, ни на сценѣ опозоренія высшихъ сословій или осмѣиванія чиновниковъ высшей іерархіи. Меншиковъ повезъ эти дѣла къ государю. Государь отозвался: «Я вижу, что его оболгали»,—и члены комитета получили повѣстки, что по высочайшему повелѣнію комитетъ считается закрытымъ.

Наконецъ, къ врагамъ князя Меншикова присоединился и Клейнмихель, слабый для защиты его, но опасный въ толпѣ нападающихъ. Вражда произошла совершенно независимо отъ Меншикова. Онъ стоялъ на набережной, опершись на парапетъ, и смотрѣлъ на достраивающійся Николаевскій мостъ. Въ то время ударяетъ его кто-то по плечу: это государь, вышедшій изъ экипажа.

— Что ты дѣлаешь?

— Гляжу на мостъ.

— Что ты думаешь?

— Ничего, государь, смотрю, какъ любопытный.

— Нѣтъ, я видѣлъ твою гримасу: значитъ, думаешь!

— Я размышлялъ, государь, о возможностяхъ. Мостъ построенъ на сваяхъ въ 30 футовъ вышины; сваи эти связаны желѣзными обручами и залиты пущолономъ, такъ что теперь представляютъ сплошную массу, но дерево никогда не теряетъ упругости; каждое движеніе экипажей производитъ дрожаніе, какъ это замѣтно и въ каменныхъ домахъ. Мнѣ приходило на мысль, что если отъ этого дрожанія отдѣлятся небольшія зерна гидравлической извести, вода тотчасъ вымоетъ ихъ и оставитъ пустоту, а отъ этого дрожаніе усилится и усилитъ отдѣленіе извести. Я спрашивалъ себя, сколько лѣтъ пройти можетъ, пока обнаженіе свай сдѣлаетъ ихъ способными къ вибраціи, опасной для цѣлости моста.

— Ты совершенно правъ! *C'est clair comme le jour*¹⁾.

— Государь, — сказалъ князь, — во всякомъ случаѣ вопросъ о прочности можетъ родиться не прежде 50 лѣтъ.

Государь, пріѣхавъ во дворецъ, телеграфируетъ Клейнмихелю: «Меншиковъ доказалъ мнѣ, что твой мостъ провалится».

Можно себѣ представить его трепетъ и гнѣвъ. Онъ скачетъ во дворецъ; государь рассказываетъ ему сужденіе Меншикова; тотъ не понимаетъ ни слова! Собираетъ комиссію изъ 10 генераловъ и 20 штабъ-офицеровъ для освидѣтельствованія прочности работъ. Комиссія написала толстѣйшую тетрадь, въ которой доказывала, что матеріалы самаго лучшаго качества, что работы превосходны

¹⁾ Это ясно какъ день.

etc, etc. и съ драматизмомъ заключила, что одна злоба или интрига осмѣлится выставить свое жало противъ этой добросовѣстной работы. Клейнмихель съ торжествомъ посылаетъ докладъ государю, и получаетъ обратно съ резолюціей: «Ты меня вовсе не понялъ, — и дѣлу конецъ».

Какъ бы ни было, Меншиковъ, видимо, лишился благоволенія царскаго, но государь былъ такой патріотъ, что, позволяя себѣ иногда противъ лицъ, его разсердившихъ, нѣкоторыя несправедливости, *des mortifications*¹⁾, никогда не устранялся отъ совѣтовъ, если считалъ ихъ умными. Онъ былъ такъ честенъ, что никогда не бросалъ стараго слуги отечества, хотя бы и неблаговолилъ къ нему. Досаду свою на Меншикова государь не скрывалъ, но, когда возбуждался серьезный вопросъ, онъ не рѣшалъ его, не спрося Меншикова, что онъ думаетъ. Браня его, онъ между тѣмъ склонялся почти всегда на сторону Меншикова въ совѣтахъ. Доклады Меншикова были ему пріятны; на балахъ, когда государь бывалъ озабоченъ какой-либо вновь полученной депешей, онъ подзывалъ Меншикова и съ нимъ совѣщался. Можно сказать: съ его врагами онъ жилъ, — съ нимъ онъ царствовалъ, съ нимъ и съ Паскевичемъ, когда онъ бывалъ здѣсь. Ясно, что надобно было удалить Меншикова; этимъ достигались двѣ цѣли: отлученіе его слова отъ слуха царскаго и фактическое введеніе его товарища въ управленіе министерствомъ. Случай представился: государь возбудилъ восточный вопросъ и хотѣлъ послать Орлова въ Константинополь, сказавъ, какъ обыкновенно, свои мысли князю Меншикову. Вотъ что я писалъ въ докладъ государю, по порученію князя: «Время для возбужденія этого вопроса кажется вообще неудобнымъ, но если ваше величество остановились на исполненіи своего намѣренія постановить ультиматумъ, то не изволите ли отложить это до іюля мѣсяца. Въ іюлѣ черноморскій флотъ крейсируетъ ежегодно въ морѣ для практики. Послу вашего величества останется только приказать слѣдовать флоту за нимъ къ Босфору; тогда законныя требованія вашего величества, подкрѣпляемые присутствіемъ 1000 орудій, получатъ надлежащій вѣсъ предъ Диваномъ, колеблющимся подъ вліяніемъ Франціи и Англіи». Это не слово въ слово, но совершенно точно по содержанію, и, кажется, писано было 11 января. Нессельродъ, боявшійся взрыва и не довѣрявшій умѣренности Орлова, старался объ избраніи Меншикова для этого чрезвычайнаго посольства. Киселевъ, который тоже былъ въ виду, отклонилъ отъ себя это порученіе, и Меншиковъ назначенъ. Въ это время постигъ его сильнѣйшій припадокъ подагры; онъ пролежалъ три недѣли, и отправился въ Севастополь уже въ распутицу.

---

¹⁾ Оскорбленія,

Едва онъ выѣхалъ,—едва прошелъ мѣсяцъ, въ который государь ожидалъ подписаннаго фирмана, все бросилось чернить его, кромѣ Нессельрода, но послѣдній и самъ утратилъ уже свой политическій вѣсъ; со времени 1848 г., когда, не знаю почему, мы думали, что Австрія добровольно будетъ намъ цѣловать ноги,—военная партія прозвала Нессельрода австрійцемъ; Орловъ острилъ на его счетъ, называя его *prince Circulairski*,—и государь мало его слушалъ. Управляющій морскимъ министерствомъ «приготовился» къ оборонѣ и говорилъ самодовольно про англичанъ и французовъ: «Милости просимъ!»—Вице-адмиралъ Корниловъ, выведенный Меншиковымъ въ люди, писалъ сюда на него жалобы; сухопутные начальники тоже. Государь, посылая флигель-адъютантовъ своихъ, отзывался съ такою досадою о князѣ Меншиковѣ, что эта молодежь не церемонилась съ главнокомандующимъ. Государь требовалъ отъ князя партикулярнаго сообщенія своихъ мыслей; князь Меншиковъ не отвѣчалъ на это съ должною откровенностью, и государь гнѣвался еще болѣе; дисциплина ослабѣла; отдѣльные войсковые начальники портили дѣло; пороку было недостаточно; ругательства сыпались на князя при дворѣ, въ салонахъ, въ клубахъ и въ газетахъ. Меншиковъ писалъ изъ Севастополя: «*Kotzebue a décrit une année de sa vie! j'en ai une aussi, mais je me tairai*» ¹⁾. Наконецъ, дошло до того, что приказано было сказать Меншикову, что если онъ видитъ свою неспособность, то долгъ его проситься въ отставку,—а Меншиковъ отвѣчалъ на это, что военный, стоящій подъ бомбами, не имѣетъ права проситься въ отставку, но что если его величество убѣжденъ въ его неспособности, то напрасно медлитъ отставленіемъ его безъ просьбы. Въ Севастополѣ комендантъ не далъ главнокомандующему камень для оборонительныхъ работъ, говоря, что безъ разрѣшенія военнаго министра не можетъ выдать камень, заготовленный для оборонительной казармы. Изъ Петербурга не давали ему даже канцеляріи. Князь Меншиковъ писалъ мнѣ 17 октября 1853 года: «*Depuis huit mois que la presse s'occupe de moi, je suis devenu parfaitement indifférent à tout ce que l'on dit, écrit et imprime sur mon compte, ainsi qu' à ma mise en scène par Mlle Bloudoff et aux mauvais propos de D. Nesselrode*» ²⁾ et du B-n Meyendorff. Je suis fatigué physiquement et moralement, au milieu de toutes les pérégrinations, que je suis obligé de faire; je suis obéré d'une correspondance immense, tant en français qu'en russe; mes archives, depuis mon retour de Constantinople, forment une masse de plus de 700 feuilles. N'ayant ni secrétaire, ni employé, je suis dans la né-

¹⁾ Коцебу описалъ годъ своей жизни! у меня имѣется такой же, но я помочу.

²⁾ Сынъ канцлера, отъявленный дуракъ.

cessité de tout rédiger et de tout copier moi-même; l'écrivain Лялинъ est mon seul aide. Bien des fois, j'ai passé dix heures et même plus, dans une journée, à ma table à écrire» ¹⁾. И въ этомъ жалкомъ положеніи онъ былъ еще въ состояніи шутить. Онъ оканчиваетъ это письмо словами: «Il est temps que je finisse cette longue lettre; c'est presque du Worontzoff, qui m'écrit des épitres qui vont de 12 à 22 pages!» ²⁾ Но ни заботы, ни огорченія не заглушали въ немъ добраго участія и привѣтливости. Передо мной письмо его отъ 9 декабря 1854 г., когда половина Севастополя уже пылала. Меншиковъ пишетъ мнѣ: «J'ai eu la satisfaction d'apprendre, que vous avez reçu le St. Wladimir de la 2-de classe, et qu'on apprécie vos talens et votre service. En me rappelant à votre amitié, dont vous m'avez donné tant de preuves, je retourne aux bastions bombardés par l'ennemi» ³⁾.

Великій князь Константинъ Николаевичъ послалъ къ нему Комовскаго, безъ просьбы князя. Князь писалъ мнѣ: «Une girouette pourra m'être utile; elle me dira de quel côté tourne le vent» ⁴⁾.

Въ 1855 году, въ минуты, когда кончался императоръ, Меншиковъ уволенъ отъ званія главнокомандующаго,—и странно, въ тотъ же день, почти въ тотъ же часъ, какъ государь отдавалъ Богу душу въ Петербургѣ,—Меншиковъ сдавалъ команду по болѣзни, и лежалъ безъ признаковъ жизни передъ А. Д. Крыловымъ, сидѣвшимъ у постели въ недоумѣніи, передъ трупомъ, или передъ живымъ сидитъ онъ! Такъ Меншиковъ предупредилъ фактически свое увольненіе.

Два года передъ симъ я выражалъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что первое десятилѣтіе царствованія Николая было эпохою приве-

¹⁾ «Восемь мѣсяцевъ, какъ печать занимается мною, и съ этихъ поръ я сталъ совершенно равнодушенъ ко всему, что про меня говорятъ, пишутъ и печатаютъ, также какъ и къ постановкѣ меня на сцену г-жею Блудовою и къ злословію Д. Нессельрода и барона Мейендорфа. Я усталъ физически и нравственно среди странствованій, которыя я обязанъ дѣлать; я обремененъ громадною корреспонденціей, какъ французской, такъ и русской; мои письменные документы, со времени моего возвращенія изъ Константинополя, составляютъ груду болѣе 700 листовъ. Не имѣя ни секретаря, ни чиновника, я вынужденъ составлять и переписывать все самъ; писарь Лялинъ мой единственный помощникъ. Много разъ я проводилъ въ день за моимъ письменнымъ столомъ по десяти часовъ и даже болѣе».

²⁾ Пора кончить это длинное письмо; это почти по-воронцовски, который пишетъ мнѣ посланія отъ 12 до 22 страницъ!

³⁾ И съ удовольствіемъ узналъ, что вы получили Владимира 2-й степени и что цѣнять ваши таланты и вашу службу. Напомнивъ о себѣ вашей дружбѣ, доказательства которой вы мнѣ давали столько разъ, я возвращаюсь на бастионы, бомбардируемые непріятелемъ.

⁴⁾ Флюгарка можетъ быть мнѣ полезна; она покажетъ, съ какой стороны дуетъ вѣтеръ.

денія въ порядокъ дѣлъ имперіи, и что съ 1835 года началась другая эра. Перечитывая теперь свои записки и приводя на память событія, я не только не беру назадъ своего заключенія, но дополняю его,—я скажу, что это царствованіе раздѣляется на три періода равной длины во времени: періодъ возвышенія, періодъ кульминаціи и склоненія, и періодъ паденія. Съ 1835 по 1845 годъ—торжество внѣшней силы государя, отсюда преувеличенная самонадѣянность и вслѣдствіе того упадокъ внутренней политики. Въ Петербургѣ сходили со сцены вѣрные и умные помощники государевы, и замѣнялись эгоистами, или алчными, или бездарными,—но еще настолько сохранившими чувство собственнаго достоинства, что вели интриги только въ своемъ кругу. Съ 1845 или 1846 г. эти вельможи или временщики привлекаютъ въ свое сообщество канцелярскую грязь: Киселевъ входитъ въ сообщество съ подлыми чиновниками, какъ Заблоцкій и пр., чтобы водворить демократическія начала; Орловъ вступаетъ въ заговоры съ Суковкиными и Гвоздевыми; Чернышевъ учреждаетъ золотопромышленную компанію изъ себя, Позена, Брискорна и Якобсона, своихъ подчиненныхъ,—словомъ, обманываетъ государя сообщая съ канцеляріями. Съ этого же времени начинаютъ навѣвать съ Запада и проникать въ Россію болѣзненные доктрины новѣйшей либеральной школы, ученіе своеобразнаго деспотизма, отрицающаго исторію и боготворящаго деньги, кидающаго грязь на памятники и преклоняющагося передъ миллионерами. Преданіе, патріотизмъ, чувство чести, любовь славы, всѣ силы, возбуждающія духовную природу человѣка, подъ вліяніемъ которыхъ государственные люди жертвуютъ достояніемъ и жизнію отечеству, уступили мѣсто любостыжанію. Въ вопросахъ объ улучшеніи администраціи или финансовъ никому не приходило въ голову искать улучшенія нравственности чиновниковъ въ возвышеніи ихъ политическаго значенія; всѣ толковали о самостоятельности, въ смыслѣ матеріальнаго довольства. Никто не вспомнилъ, что человѣку присуще чувство привязанности къ своему творенію, что онъ любитъ собаку, имъ излеченную, деревцо, спасенное имъ отъ засухи, что человѣкъ любитъ то, что ему отдано на вѣру, и надъ чѣмъ онъ трудился. Проповѣдывали только возвышеніе окладовъ, какъ единственный рычагъ, одушевляющій силы человѣческія. На такомъ основаніи, вмѣсто того, чтобы вывести чиновниковъ изъ рабства, вывести честныхъ людей изъ мелочнаго контроля и оскорбительнаго начета за копейку, чтобы дать каждому извѣстную сферу дѣятельности по закону,—вмѣсто того, чтобы вѣрить незапятнанному дворянину болѣе, чѣмъ нечесанному становаму приставу,—начали увеличивать штаты,—и какъ увеличивать! Не повсемѣстно, а только «для привлеченія лучшихъ людей» въ какое-нибудь привилегированное управленіе,—какъ будто государство можетъ бла-

годенствовать, когда въ одну часть управленія собраны всѣ лучшіе люди, а во всѣхъ другихъ—оставлены негодяи, не говоря уже о томъ, что добытіе мѣста съ высшимъ окладомъ весьма мало доказываетъ доблесть добившагося.

Такую канцелярскую политику провозгласилъ прежде всѣхъ Киселевъ при учрежденіи министерства государственныхъ имуществъ. Этотъ полицейскій способъ улучшенія нравственности администраціи увѣнчался такимъ успѣхомъ, какого слѣдовало ожидать отъ подобныхъ мѣръ. Въ министерство попали Гамалѣя, Карнѣевъ, Заблоцкій—грабители-циники. Во всѣхъ палатахъ воцарилось взяточничество; даже крестьяне въ волостныхъ правленіяхъ до того развращены, что брали взятки не для кабака, не для наживы, а чтобы распивать шампанское; недоимки оброковъ возрастали съ году на годъ, несмотря на то, что продавали крыши за недоимки. Въ 1857 году сложено недоимокъ съ 9 мил. душъ государственныхъ крестьянъ 11 мил. руб., тогда какъ на 11 мил. душъ помѣщичьихъ было въ недоимкѣ 3½ милліона. При первомъ за подрядъ рабочихъ-землекоповъ подрядчиками департамента желѣзныхъ дорогъ управляющіе палатами потребовали съ нихъ взятки по 1 руб. съ человѣка (60 т. человѣкъ), а когда подрядчики не согласились дать это, то палаты вошли съ докладомъ къ министру, что подрядчики департамента пріѣзжаютъ въ селенія въ масленицу, спаиваютъ крестьянъ и заключаютъ съ пьяными контракты, для нихъ убыточные. Въ попеченіи о благѣ крестьянъ палаты находили полезнымъ постановить, чтобы только тѣ контракты считались дѣйствительными, которые будутъ утверждены палатою или окружнымъ начальникомъ.

Умный Киселевъ, котораго чиновники водили за носъ, какъ глупца, понесъ представленіе къ государю и испросилъ высочайшее его утвержденіе. На слѣдующій годъ чиновники прямо объявили нашимъ подрядчикамъ Шарвину и К°, что за наемъ каждаго рабочаго имъ слѣдуетъ 3 рубля и объяснили, что они такъ уладятъ, что это имъ самимъ будетъ прибыльно. И сдержали слово: въ первые большіе заподряды Шарвинъ платилъ бѣлорусскому рабочему въ лѣто 52 и 53 рубля, а въ этотъ годъ чиновники выставили имъ рабочихъ за недоимки, по 48 руб.; слѣдовательно, подрядчики, приплачивая 3 р. взятки, сберегали еще 1 или 2 р., но зато рабочіе лишались отъ 4-хъ до 5-ти рублей. Честный Шарвинъ возмущенъ былъ этимъ грабительствомъ; пошелъ жаловаться Киселеву; этотъ поднялъ шумъ, который кончился ничѣмъ, но чиновники возвысили таксу. Я узналъ объ этомъ по слѣдующему случаю. Подрядчики наши имѣли по контракту право получать на задатки каждую весну 300 т. руб. безъ залога. Кажется, въ 1849 году Клейнмихелю вдругъ вздумалось не давать имъ этихъ денегъ, потому, говорилъ онъ, что въ случаѣ неисправности не

изъ чего было бы взыскать. Видя, что образумить его невозможно, я предложилъ ему послать чиновника съ деньгами, съ тѣмъ, чтобы онъ расходовалъ ихъ по указанію подрядчика, но только для задатковъ рабочимъ. Сначала подрядчики были очень благодарны за эту согласительную мѣру, но на другой день явились ко мнѣ и изложили свое недоумѣніе, какъ будетъ чиновникъ записывать въ шнуровую книгу взятки, которыхъ надобно раздать 120 т. руб. Я пересказалъ это Клейнмихелю, и онъ сталъ втущикъ; сердился, ругался, ходилъ по кабинету, и кончилъ откровеніемъ, что «тутъ дѣлать нечего! надо дать 120 т. руб.!» Я послалъ съ подрядчиками графа Гейдена, давъ ему 180 т. руб. съ книгой, и самимъ подрядчикамъ 120 т. руб. Вслѣдъ за тѣмъ я оставилъ должность директора, но графъ Гейденъ, не зная еще объ этой перемѣнѣ, увѣдомлялъ меня письмомъ о ходѣ найма и доносилъ, что взятки кому слѣдуетъ разданы. Таковы были подвиги «лучшихъ людей» въ министерствѣ государственныхъ имуществъ; но первый шагъ сдѣланъ,—второй не заставилъ долго ждать себя. Всѣ министерства возопили, что у нихъ берутъ лучшихъ людей, и всѣ сравнены въ штатахъ съ министерствомъ имуществъ; приманка уничтожилась обобщеніемъ права, а на государственное казначейство легло новое бремя. Затѣмъ, министерство военное нашло, что ему особенно нужны лучшіе люди: Позена было недостаточно. Возвысили оклады военного министерства, а вслѣдъ за симъ оказалось, что лучшіе люди всѣ налицо, и прежніе чиновники продолжали наживаться отъ подрядовъ, при высшихъ окладахъ. За этимъ министерствомъ потянулись другія,—новая нивеллировка, новый расходъ по бюджету. Возвышеніе окладовъ сдѣлалось мѣриломъ политической силы министровъ, и они пошли обгонять другъ друга. Когда начальникомъ морского управленія сталъ великій князь, онъ возвысилъ оклады настолько, насколько его особа была выше всѣхъ другихъ.

Не такъ дѣйствовалъ Канкринъ, насадившій своими руками парки лѣсного института и Александровскій, а между тѣмъ Канкринъ чаще терпѣлъ пораженія, чѣмъ Вронченко.

Такъ опутывали новые дурные элементы нашего честнаго государя, который 30 лѣтъ трудился и мучился для того, чтобы на смертномъ одрѣ убѣдиться, что онъ ошибся! И это тяжкое возмездіе понесъ онъ за одну главную ошибку, за то, что ввѣрился льстецамъ болѣе, чѣмъ откровенію правды.

Департаментъ желѣзныхъ дорогъ открылъ мнѣ всѣ язвы нашей администраціи, но открылъ и то, что многія язвы исцѣлимы.

Приторгахъ на перевозку рельсовъ изъ Кронштадта къ петербургской станціи состязаніе остановилось съ повышеніемъ на 2 коп. съ пуда. Замѣтивъ одну честную фізіономію, я спросилъ у этого господина, отчего цѣна такъ дорога для насъ, когда мнѣ извѣстно,

что купцы платятъ по 4 коп. ассигнаціями. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что въ условіяхъ сказано: въ случаѣ гибели перевознаго судна, подрядчикъ ставитъ вмѣсто утонувшихъ рельсовъ другіе». — «Откуда же намъ ихъ взять?» — говорилъ онъ. — «Намъ даже не позволяютъ написать ихъ изъ-за границы». Я приказалъ исключить это условіе. Начальникъ хозяйственнаго отдѣленія сталъ протестовать, доказывая, что это противно пользамъ казеннаго интереса. Я велѣлъ записать его протестъ въ журналъ и то, что я оставилъ его безъ уваженія; стали торговаться, и цѣну сбили до $\frac{4}{7}$ коп. съ пуда. Это составляло на 5 мил. пудовъ рельсовъ сбереженіе больше 62 т. руб. противъ прежней цѣны. Случилось, что 1.200 штукъ потонули; я нанялъ водолазовъ, которые вытащили рельсы и заплатилъ имъ 200 рублей, и эти 200 руб. хотѣли начесть на меня, не сказавъ спасибо за сбереженіе 62 т. руб.! Разумѣется, мое усердіе нѣсколько охладилось чувствомъ самосохраненія.

Въ контрактѣ было сказано: перевозка не болѣе 1.500.000 пуд. въ годъ. Реформа Ииля была причиной, что кердифскій поставщикъ рельсовъ Guest не могъ зафрахтовать судовъ болѣе какъ на 300 т. пудовъ. Я позвалъ перевозчика рельсовъ отъ Кронштадта и объявилъ ему это, чтобы онъ не запрядалъ лишнихъ судовъ. Онъ благодарилъ меня за предупрежденіе, но когда я предложилъ ему дать мнѣ подписку, что онъ претендовать не будетъ на столь малую пропорцію, онъ объявилъ мнѣ, что эта подписка будетъ стоить 10 т. руб. Подрядчикъ, требующій взятку съ директора департамента! Я его разругалъ и объявилъ ему, что притѣснять его не буду, а прикажу только, чтобы ему выдавали деньги на 10-й день, какъ контрактомъ условлено, а не на 3-й, какъ ему выдавали доселѣ. Онъ кинулся мнѣ въ ноги, говоря: «Берите съ меня, что хотите, — только не погубите!» Я прогналъ его и, разумѣется, угрозы не исполнилъ. Послѣ того этотъ Полосухинъ вѣрилъ въ меня, какъ въ Евангеліе; онъ подрядился развозить рельсы и поперечины для желѣзной дороги, а когда пришлось класть ихъ и вообще дѣлать верхнее полотно, департаментъ встрѣтилъ затрудненіе. Никто не явился къ торгамъ на это неизвѣстное въ Россіи дѣло, кромѣ американцевъ, которые просили 3.600 руб. съ версты, тогда какъ, по расчету департамента, эта работа должна была стоить около 2.000 руб. Я позвалъ Полосухина и просилъ его взять работу за 2 т. руб. Онъ сталъ отказываться, говоря, что вовсе не знаетъ, чего такая работа будетъ стоить, но когда я ему далъ честное слово, что онъ въ убыткѣ не будетъ, онъ отвѣчалъ мнѣ: «Слово ваще для меня дороже, чѣмъ мои расчеты; вы говорите, убытку не будетъ, — беру! только прибавьте 100 рублей (безъ этого русскій человѣкъ не можетъ обойтись). Я былъ радъ, что нашелъ охотника; заключили контрактъ; Полосухинъ разбогатѣлъ, а казна выиграла по этой статьѣ 800 т. руб. Узнавъ,

что я оставляю департаментъ, подрядчики-мужики пришли ко мнѣ благодарить за справедливость, и бородачъ-Полосухинъ сказалъ мнѣ: «Самое вѣрное доказательство, какъ мы васъ уважаемъ, что пришли къ вамъ «съ пустыми руками»; и очень желали бъ благодарить, да не посмѣли». Я видѣлъ изъ этого, что подрядчики въ Россіи плуты оттого, что плуты чиновники.

Неприятности съ графомъ Клейнмихелемъ усиливались. Гамбсъ, мебельный мастеръ, рассказалъ мнѣ, что Клейнмихель при немъ и при Погребовѣ ударилъ карандашомъ по носу полковника Кроля, моего вице-директора, что Кроль сказалъ: «Помилуйте, ваше сіятельство! Я 30 лѣтъ въ службѣ, я полковникъ, у меня Владимиръ на шеѣ»,—а Клейнмихель отвѣчалъ: «Врешь! ты дуракъ въ полковничьемъ мундирѣ!» Я отправился къ графу просить, чтобы онъ взялъ отъ меня полковника Кроля и далъ мнѣ другого вице-директора.—«Отчего?» спросилъ графъ. Я отвѣчалъ, что Кроль, вѣроятно, и ему извѣстенъ, какъ человекъ замаранной нравственности, когда онъ обращается съ нимъ такъ, какъ было при Гамбсѣ и Погребовѣ, и что я не могу имѣть своимъ помощникомъ человека, публично обезчещеннаго. Графъ перевелъ Кроля въ департаментъ проектовъ и смѣтъ, мнѣ далъ, по моему желанію, милаго Латраверса,—но въ душѣ готовъ бы былъ истребить меня, по крайней мѣрѣ въ эту минуту.

Между тѣмъ дѣла болѣе и болѣе путались; главноуправляющій болѣе и болѣе произвольничалъ. Въ первые годы я удерживалъ его отъ несправедливости, дѣлая видъ, будто считаю за нимъ рыцарскій характеръ; онъ дорожилъ такимъ мнѣніемъ и остерегался,—но, «прорвавшись» одинъ разъ, онъ пересталъ уже церемониться и обсчитывалъ подрядчиковъ направо. Дирекція работъ, сѣверная, стала насчетъ всѣхъ подрядчиковъ дѣйствовать сама, прежде, чѣмъ департаментъ объявлялъ ихъ несостоятельными; вмѣсто выдачи квитанцій, по которымъ департаментъ долженъ былъ расплачиваться, Мельниковъ требовалъ денегъ туда, о чемъ Клейнмихель давалъ предписанія департаменту, несмотря на его рѣзкіе протесты. Шарвинъ, 40 лѣтъ считавшійся патріархомъ честности, молилъ о выдачѣ ему 300 т. р. въ счетъ квитанціи, чтобы расплатиться съ рабочими; департаментъ настаивалъ на скорѣйшемъ доставленіи квитанцій, просилъ графа, жаловался ему,—все напрасно! Старикъ Шарвинъ умеръ съ горя, а черезъ годъ оказалось, что было ему недоплачено 1.200.000 р. Инженеры тратили на мѣстахъ сотни тысячъ; обтесанный гранитъ называли необтесаннымъ; матеріалы, забракованные у одного подрядчика, принимали на счетъ другого, смежнаго. Смѣтныхъ денегъ опять не хватало. Въ главномъ комитетѣ, при чтеніи смѣты суммъ, нужныхъ на достройку дороги, Вронченко игралъ роль шута. Услышавъ большую сумму, мною названную, онъ комически подпрыгнулъ на стулѣ,—общій хохотъ!

Успѣхъ поощрилъ его добрую волю, и онъ послѣ каждой цифры прыгалъ на стулѣ, сидя дѣлая полуобороты то вправо, то влѣво. Комитетъ наслаждался! Бѣдная Россія! думалъ я, глядя на этого министра финансовъ, видя, что фиглярство его ведетъ скорѣе къ утвержденію его на министерскихъ креслахъ, чѣмъ къ удаленію. Наши министры такъ мало любятъ Россію, такъ мало любятъ государя и долгъ свой, что каждый старается только, какъ бы захватить больше денегъ, чтобы блеснуть передъ государемъ или заслужить — честолюбіе новаго произведенія — отъ подчиненныхъ репутацію щедраго начальника. Оттого серьезный Канкринъ сидѣлъ предъ ними какъ бѣльмо на глазу, а холопъ въ родѣ Вронченки былъ настоящимъ кладомъ. Клейнмихель компрометировался инымъ способомъ: взявъ силу, онъ пересталъ стыдиться своего невѣжества: и въ приказахъ, и въ резолюціяхъ. Весной онъ приказалъ, во время разлива Волги, навести мостъ для проѣзда государя. Инженеры объявили, что это физически невозможно. Тогда онъ приказалъ исполнить это своему адъютанту Серебрякову. Между тѣмъ вода спала: мостъ навѣденъ. Объявляя о томъ въ приказѣ, Клейнмихель прибавилъ, что «усердіе и знаніе дѣла все преобладаютъ!» Такъ онъ дополнилъ девизъ своего герба. Государь, съ своей стороны, видѣлъ болѣе и болѣе, что Клейнмихель его обманываетъ. Одинъ разъ, приглашенный къ нему обѣдать, я ждалъ обѣда до 5 часовъ. Графиня, полагая, что государь оставилъ его обѣдать у себя, велѣла подавать кушанье, — но только что мы отобѣдали, пріѣзжаетъ графъ, полумертвый, и требуетъ съ азартомъ обѣда! Государь спрашивалъ его въ это утро, что дѣлается на дамбѣ у Смольнаго монастыря? — «Готова, ваше величество», «Готова? Поѣзжай же еще разъ, посмотри и доложи мнѣ». Графъ поѣхалъ къ Смольному на работы, далеко еще не готовая, и къ ужасу своему узналъ, что государь былъ самъ на работахъ. Разругавъ всѣхъ и каждого, Клейнмихель поѣхалъ во дворецъ. Государь уѣхалъ въ Царское. Графъ отправился туда. Государь нащипалъ ему руку въ кровь (такъ онъ наказывалъ его за ложь), приговаривая: «не лги! не лги!» и не оставилъ его у себя обѣдать. Въ присутствіи многихъ приглашенныхъ Клейнмихель долженъ былъ ѣхать назадъ съ первымъ поѣздомъ; пока другіе кушали у царя, — онъ, любимецъ, ждалъ поѣзда!

Все это мнѣ опротивѣло, и я попросилъ уволить меня изъ главнаго управленія путей сообщенія. Графъ сопротивлялся, онъ говорилъ, что не пуститъ меня, потому что меня любитъ; что я 7 лѣтъ трудился, что онъ имѣлъ въ виду удивить меня наградой, а я предъ самымъ окончаніемъ работъ ухожу. Я возражалъ на это, что именно потому и не могу оставаться, что подрядчики всѣ до одного обсчитаны и всѣ бросаются съ жалобами въ сенатъ; что я буду поставленъ въ необходимость или давать сенату объясне-

нія непосредственно, въ которыхъ не могу не сказать, что департаментъ дѣйствовалъ по его резолюціямъ вопреки своимъ убѣжденіямъ, или отказывать въ скрѣпѣ тѣхъ объясненій, которыя графъ захочетъ писать самъ,—и я уволенъ. Нашъ разговоръ заключалъ пресмѣшные эпизоды. Графъ, желая мнѣ польстить, сказалъ:

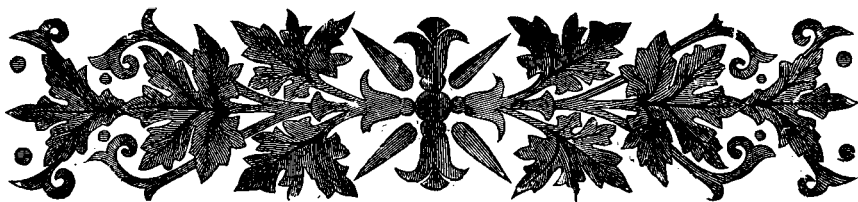
— Развѣ вы не видите, какъ я васъ отличаю! Я ни съ кѣмъ не обращаюсь такъ, какъ съ вами; другихъ директоровъ я не пускаю къ себѣ въ переднюю, а вы другъ моего дома!

Поблагодаривъ его за личное расположеніе, я отвѣчалъ, что теперь еще менѣе могу оставаться; что я считалъ званіе директора департамента почетнымъ, но если оно недостойно даже мѣста въ передней, то оно унижаетъ меня. Графъ разсердился:

— Константинъ Ивановичъ! какой ты желчный человѣкъ!... да ты, пожалуй, и этимъ обидишься? Я самъ желчный; слѣдовательно, не хочу тебя обидѣть, называя желчнымъ.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА¹⁾

XIII.

Увольненіе мое отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ.— Мои занятія финляндскими дѣлами. — Отношеніе императора Александра I къ Финляндіи. — Крестьянскій бунтъ. — Безпорядки въ управленіи Финляндіей.— Баронъ Гартманъ.—Графъ Ребиндеръ и графъ Армфельтъ. — Начальникъ финляндскихъ таможенъ Авеланъ. — Противорѣчія въ князѣ Меншиковѣ.—Случай съ священникомъ Зотиковымъ. — Секретарь митрополита Сусловъ. — Дѣло Форстадіуса.—Смерть Гартмана.—Лопари.—Лангеншельдъ.—Финляндскій фарфоръ.— Борьба князя Меншикова. — Сводъ финляндскихъ законовъ.—Вопросъ о городѣ Вазѣ.—Винокуреніе.

РАФЪ КЛЕЙНМИХЕЛЬ, вынужденный принять мою просьбу объ увольненіи меня отъ должности директора департамента желѣзныхъ дорогъ, не хотѣлъ выпустить меня изъ своего вѣдомства. Онъ предложилъ мнѣ мѣсто члена совѣта съ тѣмъ, чтобы я оставилъ мѣсто чиновника особыхъ порученій при начальникѣ главнаго морского штаба и финляндскаго генералъ-губернатора, доказывая, что это званіе унижаетъ меня (съ 1842 по 1848 г. я получилъ уже чинъ дѣйствительнаго статскаго совѣтника и ордена: Владимира 3-ей степени, Станислава и Анны 1-ой степени), но какъ я на это не согласился, то, сдѣлавшись членомъ совѣта, остался въ прежнихъ отношеніяхъ къ князю Меншикову.

Сваливъ съ себя обузу департамента, я нашелъ столько свободнаго времени, что могъ опять заняться дѣлами Финляндіи съ сосредоточенностью, совмѣстною съ моимъ къ нимъ влеченіемъ.

¹⁾ Продолженіе, см. «Историческій Вѣстникъ», т. CXII, стр. 825.

Здѣсь представлялось мнѣ поприще пріятное: образованный, благородный, просвѣщенный начальникъ, раціональные уставы и миніатюрные размѣры, такъ что въ Финляндіи можно было изучать вопросы экономическіе и политическіе, какъ на модели изучать механизмъ,—можно было дѣйствовать съ спокойнымъ умомъ и сердцемъ.

Дѣла финляндскія занимали меня соп атоге съ 1835 года; съ 1837 г. я вошелъ уже въ прямыя сношенія со всѣми, возбуждалъ вопросы самъ, принималъ иниціативы, и такимъ образомъ, заимствуя мысли изъ своего усердія и исполнительныя средства отъ моего признательнаго начальника, я былъ такъ счастливъ, что исправилъ или уладилъ многое, что въ порядкѣ канцелярской работы или Schlendrian ¹⁾ нельзя было бы исправить и уладить. Это возбуждало во мнѣ новое усердіе; я полюбилъ Финляндію душевно.

Принявъ дѣла, я нашелъ въ нихъ цѣлый архивъ шніонской системы Закревскаго. Князь Меншиковъ разрѣшилъ мнѣ запечатать эти тюки, никогда не справляться съ ними и забыть, что такая система существовала. Князь соблюдалъ конституцію съ величайшимъ тцаніемъ, устраняя даже наружныя формы, которыя могли бы показаться нарушеніемъ принятыхъ обрядовъ, и, непроницаемостью своихъ видовъ и убѣжденій, умѣлъ держать всѣ партіи въ равновѣсіи, не убивая ни одной, но и не позволяя ни одной брать надъ другими верхъ. Этого не умѣлъ достичь ни Закревскій своимъ шпіонствомъ, ни Бергъ — сладостью своего слова. Съ Финляндіей довольно трудно управиться, если не считать въ числѣ дозволенныхъ средствъ—насиліе. Императоръ Александръ I избаловалъ ее: независимо отъ собственныхъ тенденцій, онъ былъ подъ сильнымъ вліяніемъ двухъ шведовъ, бывшихъ министровъ и заговорщиковъ, казенныхъ въ Стокгольмѣ en effigie: ²⁾ Армфельта (извѣстнаго подъ именемъ сѣвернаго Алкивиада: Alcibiade du nord) и Аминова. Они не только проводили въ Финляндіи все, что согласовалось съ ихъ конституціонными взглядами, но имѣли вліяніе и на дѣла имперіи. Армфельтъ былъ даже въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ императоромъ, къ которому поступилъ въ службу. У сына его, министра статсъ-секретаря графа Армфельта, хранится цѣлая корреспонденція между Александромъ и Армфельтомъ. Государь посылаетъ ему какой-то проектъ по имперіи: «Lisez le mémoire ci-joint, cher comte, et dites votre opinion» ³⁾. Ниже приписка рукою Армфельта: «Je restitue le

¹⁾ Обычай все медленно и по старинному дѣлать.

²⁾ Заочно надъ ихъ изображеніемъ.

³⁾ Прочтите записку, при семъ прилагаемую, дорогой графъ, и скажите ваше мнѣніе.

mémoire, Sire, sans le lire jusqu'au bout; il est assez ennuyeux»¹⁾. Ниже приписка государя: «N'importe, lisez toujours!»²⁾. Эти два умные и тонкіе шведа-финляндца, закрѣпивъ права вновь присоединенной Финляндіи, уговорили государя обратить подъ права финляндскія и Выборгскую губернію, область, которую завоевалъ Петръ Великій, гдѣ онъ роздалъ въ потомственное владѣніе земли генераламъ, побѣждавшимъ шведовъ на этомъ театрѣ: Салтыкову, Голицыну, Фридрихсу, Фоку и нѣкоторымъ другимъ, и гдѣ онъ воздвигъ русскія крѣпости или занялъ русскимъ гарнизономъ бывшія шведскія. Финляндцы чтили память императора-благодѣтеля, но профессоры, адвокаты, судьи и всѣ inamovibles³⁾ стали, какъ вездѣ они дѣйствуютъ, мутить воду. Въ образованной части Финляндіи ихъ пропаганда оставалась безплодною; но Выборгская губернія, по своему варварству, была воспріимчивѣе. Послѣ столѣтняго повиновенія палкѣ, всѣмъ знакомой и всѣмъ уважаемой, вступивъ въ 24 часа въ права конституціонныя, подъ сѣнь и власть закона никому неизвѣстнаго,—крестьяне поняли только то, что сѣчь ихъ нельзя, что они вольные, и имѣютъ право жаловаться суду даже на губернатора; перестали работать, перестали платить оброки, стали пьянствовать и винить полицеймейстеровъ въ нарушеніи habeas corpus, если они прикажутъ лежащаго на улицѣ мертвецки пьянаго убрать въ будку. Земледѣліе пришло въ упадокъ; населеніе обѣднѣло; начались столкновенія между землевладѣльцами и населеніемъ,—и правительство нашло нужнымъ опредѣлить точнѣе обоюдныя отношенія. Губернаторомъ былъ Валленъ, рѣшительный демократъ. Въ 1817 году подсунули государю докладъ, въ которомъ объяснялось, что по шведскимъ законамъ правитель края не имѣетъ права дарить казенныя земли; что онъ можетъ давать только во владѣніе, т. е. въ пользованіе на неопредѣленный срокъ; что по праву пользованія помѣщики не имѣли права облагать обывателей бѣльшимъ оброкомъ, чѣмъ казенный, и что потому всѣ фрельзовыя владѣльцы (дворянскіе) не фрельзовые, а казенные, бравшіе съ крестьянъ поборы лишніе. Такимъ образомъ они подчиняли Петра завоевателя законамъ побѣжденной страны, потому что Александръ разсудилъ дать Выборгской губерніи новыя права. Салтыковъ, Голицынъ, люди богатые, не удостоили этого распоряженія никакого вниманія, бѣднѣйшіе покорились, и манифестомъ 1817 г. повелѣно обложить выборгскія фрельзовыя имѣнія оброкомъ въ пользу владѣльцевъ, не выше казеннаго. Но адвокаты этимъ не удовлетворились; они

---

¹⁾ Возвращаю записку, ваше величество, не дочитавъ до конца; она слишкомъ скучна.

²⁾ Нужды нѣтъ, все-таки прочтите.

³⁾ Несмѣняемые.

стали отыскивать въ пользу крестьянъ возврата всѣхъ переборовъ: въ моихъ еще рукахъ было дѣло о взысканіи съ г-жи Фокъ 42.000 рублей, а она получала съ имѣнія около 800 руб. дохода. Закревскій хотѣлъ исправить ошибку, но не сумѣлъ это сдѣлать. По его докладу, состоялся въ 1826 году высочайшій рескриптъ, объявлявшій, что имѣнія, подаренныя Петромъ I, фрельзовыя, и что посему обыватели могутъ оставаться въ нихъ не иначе, какъ по контрактамъ, добровольно заключеннымъ съ помѣщиками,—но, прибавлялъ некстати рескриптъ,—такъ какъ крестьяне привыкли уже къ мысли, что это земли казенныя, то исполненіе сего повелѣнія отлагается на 10 лѣтъ, съ тѣмъ, чтобы финляндскій сенатъ принялъ мѣры, въ продолженіе этого срока, къ усвоенію крестьянамъ новаго толкованія и къ приготовленію ихъ на исполненіе обязанностей. Сенатъ ничего не сдѣлалъ; юристы и самъ губернаторъ внушали противное, а Закревскій, занимаясь выкрадываніемъ изъ библіотеки Валлена запрещенныхъ книгъ и масонскихъ знаковъ, не смотрѣлъ, что дѣлаетъ Валленъ въ губерніи.

Въ 1836 году наступилъ срокъ исполненія рескрипта 1826 года; Меншикову пришлось вкусить плодъ, приготовленный Закревскимъ. Владѣльцы предъявили проекты контрактовъ крестьянамъ и назначили имъ годовой срокъ на подписаніе контракта или выѣзда изъ имѣнія. Крестьяне отказались отъ повиновенія, и свое упорство выразили такъ, какъ въ первыя времена Рима—римскіе плебен: оставили свои хозяйства и ушли, только не на гору, какъ римляне, а въ лѣса, какъ чухны, съ кускомъ хлѣба въ котомкѣ, съ дубиною въ рукахъ и съ топоромъ за спиною. Дѣло становилось грозное: слѣдствіемъ побѣга въ лѣса представлялся голодъ, отъ котораго надлежало спасти, во что бы ни стало, несчастныхъ обывателей, жертвъ юридическаго звѣрства и юридической подлости. Генераль-губернаторъ велѣлъ двинуть войско, отдавая однако его въ распоряженіе мѣстной гражданской власти. Ленсманъ (становой приставъ), съ уложеніемъ и рескриптомъ въ рукахъ, подошелъ къ опушкѣ лѣса, и именемъ закона сталъ вызывать уполномоченныхъ отъ скрывшейся толпы. Вышло человѣка четыре, между которыми сѣдоволосый, огромнаго роста, старикъ съ сыномъ. На слова ленсмана старикъ отвѣчалъ, что не слышитъ, но какъ только ленсманъ подошелъ къ нему ближе, увеличивъ разстояніе между собой и казацкимъ конвоемъ, старикъ схватилъ его за голову, пригнулъ ее къ себѣ, другою рукою вынулъ топоръ изъ-за пояса, и взмахнулъ имъ; ленсманъ закричалъ: «казакъ»!—Казакъ наскочилъ и прокололъ старика пикою въ тотъ моментъ, когда топоръ опускался уже на голову несчастнаго ленсмана. Толпа упала духомъ, опомнилась, воротилась на другой день домой и принялась за работу. Но какое дѣло юристу до судьбы населенія? Публичный обвинитель поднялъ тревогу; ленсманъ отданъ подъ

судъ и приговоренъ въ тюрьму, на хлѣбъ и воду, на годъ и одну ночь. Князь Меншиковъ приказалъ губернатору (Стевену) не выдавать ленсману, объяснивъ суду, что ленсманъ былъ исполнителемъ приказанія начальства. Тогда абоскій гофгерихтъ потребовалъ къ суду губернатора, но генералъ-губернаторъ увѣдомилъ его, что губернаторъ исполнялъ его приказаніе. Гофгерихтъ представилъ жалобу свою на генерала-губернатора въ судебный департаментъ сената, а этотъ вошелъ съ всеподданнѣйшимъ докладомъ о нарушеніи генералъ-губернаторомъ конституціи. Князь Меншиковъ вызвалъ нѣсколькихъ членовъ сената въ Петербургъ; спросилъ ихъ, полагаютъ ли они полезнѣйшимъ, чтобы въ цѣлой губерніи появился голодъ или грабежъ, думаютъ ли они, что государь допуститъ гибель населенія и разстройство администраціи изъ педантическаго уваженія мертвой буквы; знаютъ ли они, что если край будетъ усмирять оружіемъ, то и законы будутъ писаны не юристомъ, а побѣдителемъ; забыли ли они, что Польша еще недавно лишена правъ, данныхъ тоже Александромъ, etc. Сенатъ струсилъ и взялъ свой адресъ назадъ. Такъ и слѣдовало ожидать, но была опасность съ другой стороны: какъ доложить государю? какъ кончить дѣло въ гофгерихтѣ? Меншиковъ представилъ, что для Выборгской губерніи нуженъ особый гофгерихтъ. Онъ былъ учрежденъ, предсѣдателемъ назначенъ просвѣщенный графъ Маннергеймъ; онъ вытребовалъ изъ абоскаго гофгерихта всѣ выборгскія дѣла, — и похоронилъ дѣло о ленсманѣ. Эта драма произошла только въ одномъ имѣніи и тянулась въ послѣдствіяхъ, когда все дѣло было устроено, благодаря логичности управленія. Графъ Маннергеймъ былъ губернаторомъ. Князь вызвалъ его въ Петербургъ и поручилъ ему словесно собрать помѣщиковъ и просить ихъ именемъ государя, на первый разъ, не возвышать оброковъ, для того, чтобы не ставить матеріальныхъ затрудненій къ введенію заключенія контрактовъ; вмѣстѣ съ тѣмъ приказано пригласить ихъ заключить первые контракты такъ, чтобы сроки ихъ истекали въ разное время. Благодаря этому, контракты заключены, и потомъ возобновлены, безъ малѣйшаго сотрясенія.

Въ сороковыхъ годахъ контракты вошли въ нормальное состояніе; повинности, ими опредѣляемыя, вдвое и втрое ниже повинностей въ Новой Финляндіи, однако въ Выборгской губерніи населеніе бѣдно; за Кюменью же богато. На одномъ берегу рѣки бѣдныя, полуразвалившіяся лачужки, крестьяне въ рубищѣ, лица исхудалыя, болѣзненные; на другомъ берегу, въ 150 саженьяхъ разстоянія, дома обшитыя тесомъ, окрашенные чисто мумією, обыватели сытые, румяные, въ чистомъ бѣлѣ и опрятномъ платьѣ, безъ всякаго вмѣшательства администраціи въ ихъ бытъ, или въ ихъ отношенія къ землевладѣльцамъ. Вся разница въ томъ, что по эту сторону Кюмени лѣность, а по ту сторону трудъ.

Ознакомясь съ мѣстными обстоятельствами, я имѣлъ случай убѣдиться, что и въ этомъ благоустроенномъ краѣ бюрократія успѣла протянуть свой хоботъ: по судебному вѣдомству мѣста давались по связямъ племянникамъ, зятьямъ и пр., иногда людямъ, ничѣмъ не доказавшимъ своихъ достоинствъ, кромѣ университетскаго аттестата; получивъ мѣсто, они не вступали вовсе въ должность, а тотчасъ нанимали викарія. Отсюда происходило, что судебныя лица были двухъ родовъ: одни, зажиточныя, — праздныя, другія бѣдныя, — трудящіяся. Такой же беспорядокъ вкоренился и въ губернскихъ управленіяхъ: губернаторы обратили низшія полицейскія мѣста въ способъ награждать свою доманію прислугу за усердную службу. Несмотря на охранительные обряды при замѣщеніи вакансій: вызовъ желающихъ по газетамъ, размѣщеніе кандидатовъ по старшинству службы, избраніе изъ нихъ трехъ достойнѣйшихъ сенатомъ и утвержденіе одного изъ нихъ государемъ или генераль-губернаторомъ, — назначенія дѣлались пристрастно. 17-лѣтній герадлевдитъ (приходскій судья), никогда не занимавшійся службою и получавшій только доходъ отъ своего мѣста, — черезъ 20 лѣтъ такой пріятной жизни считался старшимъ лагманскимъ кандидатомъ, и опять не исполнялъ должности, а только пользовался доходомъ отъ 8000 до 5000 р. въ годъ.

Генераль-губернаторъ испросилъ высочайшее повелѣніе считать въ старшинство и ту службу, которая проходила въ званіи викарія, — и, при равенствѣ другихъ условій, ставить впереди то лицо, которое дѣйствительно исполняло должность, а не то, которое носило только титулъ и получало доходы. Это распоряженіе измѣнило вдругъ весь порядокъ; старые викаріи получили штатныя мѣста, и всѣ стали исполнять обязанности своей службы лично; по губернскимъ мѣстамъ князь требовалъ подробныхъ формуляровъ отъ кандидатовъ. Разумѣется, это не понравилось дядюшкамъ, тестямъ и тещамъ; они знали, откуда шелъ ударъ, и не могли меня жаловать, но зато большинство было довольно новымъ порядкомъ. Впослѣдствіи я сталъ мѣшать высокимъ чиновникамъ спекулировать незаконною продажей вина, и они искали способа подорвать мое вліяніе. Это взялъ на себя баронъ Гартманъ, вице-президентъ сената, человекъ ума необыкновеннаго, ловкій, хитрый и измѣнявшій себѣ иногда единственно отъ чрезмѣрной любви къ политическимъ интригамъ. Прибывъ въ Петербургъ для объясненій по службѣ, онъ съ тономъ огорченія сказалъ князю, что весь край наполненъ разсказами, будто все дѣлаетъ Фишеръ, — и что онъ понять не можетъ, кто распускаетъ такіе слухи, обидные для всѣхъ, кто любитъ князя. Князь отвѣчалъ ему на это: «*Mais savez-vous, baron, que c' est parfaitement vrai!*»¹⁾ и какъ онъ не

---

¹⁾ А знаете, баронъ, что это совершенно вѣрно!

могъ обойтись безъ шутокъ, то и тутъ прибавилъ: «*Quelquefois je demande à Fischer, qu' est-ce? avant de signer, mais il me dit: signez toujours, je vous le dirai une autre fois,—et je signe!*»¹⁾. Гартманъ переконфузился, — и потомъ никто уже не пробовалъ подобныхъ уловокъ.

Съ барономъ Гартманомъ я былъ лично въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ, но по службѣ велъ съ нимъ постоянно подземную войну. Ему хотѣлось быть министромъ статсъ-секретаремъ; для этого надобно было отдѣлаться отъ старика графа Ребиндера, почтеннаго, благороднаго и скромнаго до робости. Гартманъ увѣрилъ его, что князь Меншиковъ находитъ его устарѣвшимъ; Ребиндеръ всполошился и со слезами объявилъ Гартману, что онъ охотно просился бы въ отставку, если бы не имѣлъ долговъ и не опасался, что жена его останется безъ куска хлѣба, когда онъ умретъ въ отставкѣ. Гартманъ обнадежилъ его, что князь Меншиковъ не откажется ходатайствовать о назначеніи ему бостели (аренды), если только это препятствуетъ ему удалиться на покой. Затѣмъ Гартманъ обратился ко мнѣ, изобразилъ стѣсненное положеніе Ребиндера и просилъ доставить ему бостель, *mais, il ne faut pas, qu'il sache d' avance, ce que l' on veut faire pour lui; car il est si fier dans les affaires d' argent, qu' il déclinerait toute démarche à cet effet; il faut que cela lui tombe comme un coup de foudre*²⁾.

Вся интрига раскрылась передо мною случайно; догадки графа Армфельта (товарища министра статсъ-секретаря), словцо, сказанное мнѣ Ребиндеромъ послѣ хорошаго обѣда, — просвѣтили мнѣ тайные ходы; я просилъ князя Меншикова о бостели для генерала Ребиндера, рассказалъ ему все, что знаю, и приготовилъ проектъ рескрипта, въ которомъ Ребиндеръ приглашался не оставлять полезнаго своего служенія. Графъ Ребиндеръ, къ которому я самъ повезъ рескриптъ, не вѣрилъ своимъ глазамъ, растрогался до слезъ и сказалъ мнѣ: «*Mourant je me ferai porter chez l' Empereur et le gouverneur général plutôt que de quitter*»³⁾. На другое утро я получилъ отъ добраго старика трогательную записку, которую сохраняю. Черезъ годъ онъ скончался, поручивъ графинѣ послать ко мнѣ его портретъ: онъ у меня въ деревнѣ.

По смерти графа Ребиндера, Гартманъ напрягъ всѣ свои силы, чтобы сѣсть на его мѣсто. Графиня Армфельтъ (первая, достой-

---

¹⁾ Иногда я спрашиваю Фишера, что это? прежде, чѣмъ подписать», — но онъ мнѣ говоритъ: «пока подпишите, я вамъ расскажу въ другой разъ», — и я подписываю!

²⁾ Но не надо, чтобы онъ зналъ объ этомъ заранее; потому что онъ такъ гордъ въ денежныхъ дѣлахъ, что отклонить всякую попытку въ этомъ дѣлѣ; надо, чтобы это надъ нимъ разразилось, какъ громовой ударъ.

³⁾ Умирая, я прикажу снести меня къ императору и генералъ-губернатору, скорѣе чѣмъ оставить службу.

нѣйшая жена графа) просила меня пріѣхать къ ней по секрету, чтобы мужъ не узналъ о томъ. Когда я явился къ ней, она взяла съ меня честное слово дать ей знать, если Гартмана пожелаютъ назначить на мѣсто Ребиндера, дабы мужъ ея успѣлъ подать въ отставку прежде, чѣмъ совершится оскорбленіе. Я общалъ это графинѣ, но вмѣстѣ съ тѣмъ сталъ думать и о предупрежденіи оскорбленія. На князя Меншикова я не могъ разсчитывать положительно; я зналъ, что одно доброжелательное слово государя о Гартманѣ могло побудить его рекомендовать Гартмана. Зная, что въ Россіи часто великія послѣдствія рождаются отъ мелкихъ причинъ, я совѣтовалъ Армфельту просить позволенія вѣхаться въ домъ министра статсъ-секретаря на время исправленія его квартиры. Это исполнено; затѣмъ, осенью, когда зашла рѣчь о замѣщеніи министерской вакансіи, принято было во вниманіе, что Армфельтъ живетъ уже въ министерской квартирѣ, что неловко выгонять его оттуда,—и на этомъ основаніи онъ оказался единственнымъ возможнымъ кандидатомъ; Армфельтъ совершенно на своемъ мѣстѣ. При всемъ томъ, обстоятельства, споспѣшествовавшія его назначенію, даютъ мнѣ поводъ утверждать, что у насъ басня о горѣ, родившей мышъ, дополнена: у насъ не только горы рождаютъ мышей, но и мыши рождаютъ горы.

Баронъ Гартманъ былъ, однако, столь замѣчательный человекъ, что, воюя съ нимъ въ вопросахъ, гдѣ онъ являлся деспотомъ или интриганомъ, я поддерживалъ его, когда онъ проводилъ полезныя мысли. Одна борьба стоила мнѣ большого труда. Начальникомъ финляндскихъ таможенъ былъ старикъ Авеланъ; радѣя о пользахъ государственныхъ, какъ добрый хозяинъ радѣетъ о своихъ личныхъ выгодахъ, онъ взялъ на себя слагать часть таможенныхъ пошлинъ съ такихъ товаровъ, которые легко прокрадываются контрабандою. Эти лиценціи содѣйствовали значительно уменьшенію контрабанды. Объ нихъ зналъ графъ Ребиндеръ, а потомъ и князь Меншиковъ, который предупредилъ однако Авелана, что если его распоряженіе дойдетъ до свѣдѣнія министра финансовъ, то онъ не въ состояніи будетъ защитить его произволъ.

Авеланъ не потерялъ мужества дѣлать то, что ему казалось полезнымъ государству. Этого человека хотѣлъ Гартманъ столкнуть, чтобы дать его мѣсто своему родственнику. Какъ начальникъ финансовой экспедиціи, онъ былъ начальникомъ Авелану; далъ ему какое-то словесное приказаніе, котораго тотъ не принималъ, отзываясь, что онъ подчиненъ финансовой экспедиціи, а не ему лично. Гартманъ написалъ ему, грозя именемъ князя Меншикова, на что Авеланъ отвѣчалъ, что князь ему начальникъ, какъ довѣренное лицо, блюдущее законъ, а не какъ баринъ рабу своему. Письмо это во французскомъ переводѣ прислано къ

князю въ партикулярномъ письмѣ. Меншиковъ приказалъ мнѣ заготовить немедленно докладъ объ увольненіи Авелана отъ службы; въ то время я еще былъ слишкомъ молодъ, чтобы прямо протестовать; я просилъ князя, какъ милости, возложить эту работу на другого: я не могъ ее исполнить. Князь пришелъ ко мнѣ (я былъ боленъ) спросить, что это значило, и я откровенно сказалъ ему, что подобное дѣйствіе столь вопіющей несправедливости такъ мало похоже на всѣ дѣйствія князя, что перо мое отказывается отъ исполненія, что *je ne voulais pas être complice dans un acte, qui jette de l'ombrage sur les principes de Son Altesse.*— «Vous voulez donc que j'avale les grossièretés qu' il m' a dit?»— *Je ne les connais pas, mon prince, je les ai lues en français et Avelan écrit en suédois.*— «Mais vous avez donc lu la traduction»— «J' ignore si c'est une traduction ou une composition» ¹⁾.—Князь перемѣнилъ оружіе; онъ утверждалъ, что Авеланъ ссорится съ начальствомъ, что отъ этого служба можетъ только терять, и что если Гартманъ не хочетъ служить съ Авеланомъ, то послѣдній долженъ быть уволенъ. На это я повторилъ просьбу поручить редакцію другому, въ чемъ онъ, конечно, не встрѣтитъ затрудненія. Князь, уходя, сказалъ: «Я хочу прежде доказать вамъ, что вы неправы». Двѣ недѣли приходилъ онъ ко мнѣ каждый день дебатировать этотъ вопросъ. Я видѣлъ, что благородное сердце его тотчасъ распознало, на чьей сторонѣ правда, но барская спесь не хотѣла преклониться. Въ одномъ изъ преній онъ имѣлъ неосторожность упомянуть о лиценціяхъ. Мое дѣло съ этихъ поръ было выиграно! Я замѣтилъ князю, что если Авеланъ поступалъ неправильно, то князь давно могъ остановить его, и что если это — причина его увольненія, то пусть онъ выставитъ ее и въ рескриптѣ объ отставкѣ.

— Что же, по-вашему, надобно сдѣлать?

— Уволить его отъ службы по преклонности лѣтъ, съ полнымъ содержаніемъ и съ награжденіемъ чиномъ за полезную и честную 40-лѣтнюю службу.

Такъ и было. Авеланъ, на верху блаженства, написалъ князю письмо съ трогательными изліяніями благодарности. Князь, прочитавъ письмо, пожалъ мнѣ руку, сказавъ:

— Этимъ добрымъ исходомъ я вамъ обязанъ!

Странныя противорѣчія гнѣздились въ этомъ сановникѣ. Смертельный врагъ организованнаго шпіонства, онъ, самъ не вѣдая того, былъ подъ вліяніемъ шпіоновъ, дѣйствуя по свѣдѣніямъ,

¹⁾ Я не хочу быть соучастникомъ въ дѣлѣ, которое броситъ тѣнь на нравственные правила вашей свѣтлости.—«Стало быть, вы хотите, чтобы я проглотилъ грубости, которыя онъ мнѣ сказалъ?»—Я ихъ не знаю, князь, я ихъ читалъ по-французски, а Авеланъ пишетъ по-шведски.—«Но вѣдь вы читали переводъ».—Я не знаю, переводъ это или сочиненіе.

собраннымъ подъ рукою. Я понималъ источникъ такого противорѣчія. Князь зналъ, что непотизмъ господствовалъ въ Финляндіи, какъ и въ Россіи, и хотѣлъ знать правду, но въ государствѣ, гдѣ все офиціальное — ложь, ищущій правды долженъ поневолѣ обращаться къ инымъ источникамъ. Князь и выбралъ этотъ опасный источникъ, такъ часто отравляемый ядомъ клеветы. Я не упустилъ ни одного случая упрекать его въ этомъ способѣ дѣйствія. Когда племянника моего, мичмана Папенгута, обошли при производствѣ, я спросилъ князя, какая этому была причина.

— Онъ шалунъ!

— Почему вы это знаете?

— Мнѣ сказали!

— Аттестовали ли вамъ всѣхъ мичмановъ, или только Папенгута? Ежели только его, то потому, что онъ мой племянникъ! Ваша свѣтлость согласитесь, что это одно изъ послѣдствій службы моей при васъ, которое трудно назвать преимуществомъ.

Князь поправилъ ошибку, но совершенно исцѣлилъ его отъ такой опасной системы слѣдующій случай. Нѣкто Виноградовъ, предсѣдатель духовной православной консисторіи, настоящій русскій попъ по лукавству, изъяснялъ свое соболѣзнованіе, что въ Карелію назначаетъ синодъ священниковъ, не говорящихъ по-карельски. Что въ Гельсингфорсѣ есть іерей Зотиковъ, изъ Кареліи, и желалъ бы быть на родинѣ, что тамъ есть и вакансія, но синодъ не назначаетъ его туда. Князь Меншиковъ и бухнулъ отношеніе къ митрополиту. Недѣли черезъ три является ко мнѣ Зотиковъ.

— Помилуйте!—говоритъ въ слезахъ:—за что погубили меня! Я, какъ членъ духовной консисторіи, получаю 500 руб.; какъ учитель Закона Божія въ школѣ—300 руб.; я воспитываю дѣтей въ Гельсингфорсѣ, — и вдругъ кидаютъ меня въ глушь, на 200 руб. содержанія, и гдѣ мои дѣти не могутъ даже учиться чистописанію!

Когда я объяснилъ ему, что, по словамъ Виноградова, онъ самъ желалъ служить въ Кареліи, и что онъ, говоря по-карельски, можетъ быть полезенъ православію, — Зотиковъ объявилъ, что по-карельски не знаетъ ни слова, что никогда не изъяснялъ желанія другого мѣста, что Виноградову нужно было его мѣсто для своего родственника, и онъ оболгалъ его. Меншиковъ пораженъ былъ, какъ громомъ, моимъ рассказомъ.

— Вотъ, ваша свѣтлость,—сказалъ я,—послѣдствія распоряженій на основаніи изустныхъ, сообщаемыхъ глазъ на глазъ свѣдѣній.

Князь умолялъ меня исправить ошибку: «я вамъ въ ноги поклонюсь». Я поѣхалъ къ секретарю митрополита, чтобы узнать, когда можно видѣть преосвященнаго, и какіе обряды существуютъ

по этому предмету. Алексѣй Ивановичъ Сусловъ жилъ въ одномъ изъ тѣхъ деревянныхъ домовъ, которые тянулись вдоль Невскаго проспекта, отъ Зимней Конной до Невскаго монастыря, съ наружными деревянными лѣстницами въ оба этажа, и составляли Александро-Невскую слободку. Теперь эти дома, кажется, не существуютъ. Вышелъ ко мнѣ человѣкъ высокаго роста, съ курчавыми серебристо-сивыми волосами, нахальнаго выраженія лица. Узнавъ о поводѣ моего желанія, онъ мнѣ сказалъ:

— Это надобно со мною сладить.

Я отвѣчалъ ему, что пріѣхалъ по официальному порученію, и лично не могу дѣйствовать никакими партикулярными средствами.

— Ну, какъ хотите!—дерзко отвѣчалъ Сусловъ.

Отправился я къ митрополиту. Преосвященный спросилъ меня, былъ ли я у Суслова.

— Былъ, ваше высокопреосвященство.

— А что онъ вамъ сказалъ?

— Ничего положительнаго; онъ, кажется, принялъ мою просьбу за партикулярную; онъ сказалъ мнѣ, что это дѣло надо черезъ него устроить.

— Ну, такъ условьтесь съ Сусловымъ.

Я—опять къ Суслову; въ первой комнатѣ сильно пахло жаренымъ постнымъ масломъ и варенымъ лукомъ. Сусловъ, жуя и глотая, какъ акула, вышелъ ко мнѣ съ салфеткою въ рукѣ и прежде, чѣмъ я сталъ говорить, онъ съ громкимъ смѣхомъ спросилъ:

— Ну, нито?

Я изъявилъ свое недоумѣніе, а онъ на это замѣтилъ:

— А я что вамъ говорилъ?

На отзывъ мой, что я въ этомъ дѣлѣ человѣкъ посторонній, онъ повторилъ мнѣ прежнюю фразу:

— Ну, какъ хотите!

Я пересказалъ князю Меншикову слышанное и видѣнное: онъ, послѣ долгой нерѣшимости, что дѣлать, написалъ митрополиту самую убѣдительную просьбу перевести Зотикова обратно въ Гельсингфорсъ. На это получили въ отвѣтъ, что исполнить ходатайство его свѣтлости оказывается совершенно невозможнымъ, но что святѣйшій синодъ, по уваженію участія его свѣтлости къ службѣ Зотикова, опредѣлилъ наградить сего послѣдняго бархатною фіолетовою скуфьею! Зотиковъ вскорѣ померъ, вѣроятно, отъ радости, что получилъ фіолетовую скуфью.

Православное духовное начальство, поколику оно проявлялось въ Финляндіи, не внушало мнѣ чувствъ, могущихъ сдѣлать изъ меня прозелита, тѣмъ болѣе, что уже въ отрочествѣ моя совѣсть не могла усвоить себѣ убѣжденій въ правотѣ дѣйствій во имя православія. Мой крестный отецъ, дѣйствительный статскій со-

вѣтникъ Егоръ Борисовичъ Фуксъ, былъ женатъ на трехъ живыхъ женахъ, изъ которыхъ первая вела процессъ противъ двухъ позднѣйшихъ, а вторая противъ третьей, съ которою Фуксъ прижилъ двухъ сыновей, бывъ до того бездѣтенъ. Когда синодъ рѣшилъ, что второй и третій бракъ были незаконны,—Фукса не было уже на свѣтѣ, а дѣти его офицеры гвардіи, и ихъ-то призналъ синодъ незаконнорожденными. Допускаю, что въ силу закона нельзя было рѣшить это иначе, но зачѣмъ онъ медлилъ рѣшеніемъ столь долгое время, что исполненіе рѣшенія становилось возмутительнымъ. Государь былъ, вѣроятно, самъ возмущенъ этимъ рѣшеніемъ, ибо въ то же время пожаловалъ молодымъ Фуксамъ потомственное дворянство и фамилію Егорьевыхъ.

Въ Финляндіи былъ нѣкто Форстадіусъ, протестантъ, котораго тетка вышла замужъ за Прокофьева, православнаго. Форстадіусъ влюбился въ свою благовѣрную кузину Прокофьеву, которая лишилась уже родителей. Онъ и она просили чрезъ финляндскій сенатъ высочайшее разрѣшеніе переселиться въ Швецію и принять шведское подданство, на что соглашался и король шведскій. Это было разрѣшено. Какъ шведская подданная, Прокофьева имѣла право принять лютеранскую вѣру; какъ лютеранка, она имѣла право выйти замужъ за своего двоюроднаго брата. Они обвѣнчались, прижили дѣтей и жили въ Швеціи. Въ преклонныхъ лѣтахъ тоска ли по отчизнѣ, или наслѣдство—не знаю—повлекли ихъ опять въ Финляндію; супруги поступили тѣмъ же порядкомъ: испросили соизволенія государя на принятіе ихъ въ финляндское подданство и соизволеніе короля на увольненіе ихъ изъ подданства шведскаго, переселились опять въ Финляндію, и годы жили спокойно. Вдругъ какой-то православный священникъ пронюхалъ ихъ исторію, донесъ консисторіи; эта отнеслась въ синодъ, а синодъ положилъ: Форстадіуса отдать подъ судъ за соvrащеніе изъ православія своей двоюродной сестры; бракъ его признать недѣйствительнымъ; разлучить Форстадіуса отъ Прокофьевой отъ незаконнаго сожителства, «бо скверны аки козліи»; Прокофьеву предать церковному покаянію, а дѣтей признать незаконнорожденными и воспитывать въ правилахъ православной церкви. Князь Меншиковъ, получивъ о томъ отношеніе митрополита, вступилъ съ нимъ въ полемику, но, не успѣвъ добиться измѣненія резолюціи, приказалъ мнѣ оставить бумагу у себя и не дѣлать по ней никакого исполненія. Митрополитъ и синодальный оберъ-прокуроръ спрашивали князя Меншикова каждый мѣсяцъ, какое распоряженіе онъ сдѣлалъ по тому отношенію. Я спрашивалъ у князя, что прикажетъ отвѣчать?—«Ничего!» былъ постоянный его отвѣтъ.—Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ синодъ вошелъ съ всеподданнѣйшею жалобою на финляндскаго генералъ-губернатора. Когда государь написалъ: «подтвердить», дѣло стало серьезнѣе: не исполняемо было уже не отношеніе синода, а высочайшее повелѣніе.

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать?—спрашивалъ я.

— Ничего!—отвѣчалъ князь.

Прошло еще нѣсколько мѣсяцевъ, а между тѣмъ князь объяснилъ дѣло государю. Государь былъ въ затруднительномъ положеніи: отказать синоду—нельзя; приказать исполнить приговоръ его государь не могъ рѣшиться. Князь сказалъ наконецъ:

— Государь! не вмѣшивайтесь въ это дѣло; пусть оно тяготеетъ только надо мною; подтверждайте мнѣ,—а я прошу только снисхожденія, если не быстро исполню подтвержденіе.

— Да, болѣе нечего дѣлать, рѣшилъ государь,—и все осталось по старому.

Въ Пасху, передъ самой заутреней, получаетъ государь посланіе отъ митрополита весьма рѣзкое; не помню словъ его, но помню, что въ немъ указывалось на посмѣяніе православной церкви, продолжающееся и въ ту минуту, когда Іисусъ Христосъ воскресаетъ. Государь отправилъ къ Меншикову это письмо, встревоженный. Меншиковъ увѣдомилъ оберъ-прокурора о полученіи высочайшаго повелѣнія исполнить опредѣленіе синода—и не исполнилъ его. Еще прошло около года, какъ въ «Финляндской Газетѣ» прочиталъ я, что Форстадіусъ померъ. Я побѣжалъ къ князю въ спальную сказать ему это извѣстіе, какъ я объявилъ бы ему извѣстіе объ изгнаніи непріятеля изъ предѣловъ отечества. «Форстадіусъ померъ!» — Князь вскочилъ съ дивана, съ восклицаніемъ: «Слава Богу!» — Написали мы на другой день митрополиту, что Форстадіусъ померъ, и просили его, именемъ христіанскаго милосердія, предать дѣло его волѣ Божіей; въ то же время отправленъ о томъ докладъ государю. Дѣло кончилось!—Oh! le prince!¹⁾—говорилъ мнѣ Гартманъ голосомъ, сдерживаемымъ чувствами удивленія и почтенія,—Fabius Cunctator²⁾.

Какъ произнесу имя Гартмана, такъ выступаетъ предо мною эта замѣчательная личность, Кольберъ въ финансахъ, Макиавелли въ политикѣ, Сикстъ V твердостію воли и маленькій ребенокъ—въ тщеславіи. Дѣла его пошли плохо: кандидаты его несли часто поражение; проекты биферировались,—и царское благоволеніе поколеблено какимъ-то неловкимъ объясненіемъ. Онъ, больной, чахоточный съ 20-тилѣтняго возраста, доживъ до свыше 60 лѣтъ, едва таскалъ ноги, безпрестанно шатался отъ головокруженія и кашлялъ такъ, что ежеминутно былъ въ опасности задохнуться. Такъ пришелъ онъ ко мнѣ одинъ разъ, убитый духомъ, опальный, опираясь на трость, съ поникшею головою; проходя черезъ комнату передъ моимъ кабинетомъ, онъ зашатался; я подоспѣлъ къ нему, и онъ упалъ ко мнѣ на руки. Довелъ я его до дивана, куда

¹⁾ О! князь!

²⁾ Фабій Медлитель!

онъ опустился, съ потухшимъ взоромъ и безжизненнымъ лицомъ, котораго правильныя тонкія черты уподоблялись камей афинскаго рѣзчика.

— Je vous félicite, baron, — сказалъ я ему:—l'Empereur vient de vous donner le cordon de St. Alexandre! ¹⁾).

Гартманъ вскочилъ, стиснулъ свои бѣлые невредимые зубы, бросилъ палку, такъ что она проскользила черезъ весь полъ, и сталъ ходить по комнатѣ, бодро, бодро, приговаривая:

— Alors, je ne suis pas encore fini ²⁾).

И это не было скинутое притворство,—это была сила воли.

Онъ умеръ въ концѣ пятидесятихъ годовъ у себя въ деревнѣ, въ отставкѣ.

«Есть вещи, милый другъ Гораціо,
Которыя не снились мудрецамъ».

Я потерялъ изъ виду Гартмана, и только изрѣдка вспоминалъ о немъ. Въ одну ночь я проснулся отъ неизвѣстной причины, и первое понятіе, проснувшееся во мнѣ, было—образъ Гартмана. Я не могъ оторвать мыслей отъ этого образа; всѣ мои сношенія съ нимъ, всѣ его качества, хорошія и дурныя, воскресли въ моей памяти; во мнѣ возродилось желаніе съ нимъ еще разъ увидѣться; я упрекалъ себя за то, что, бывъ въ Финляндіи, полѣнился проѣхать еще 200 верстъ, чтобы посѣтить оставленнаго старика. На другую ночь то же самое,—и я положилъ: съѣздить лѣтомъ къ Гартману; но съ первою почтою получаю изъ Финляндіи извѣщеніе, что баронъ Гартманъ скончался!

Финляндцы поняли заслуги Гартмана, когда его не стало. Въ одной газетѣ было очень мѣтко изображено прежнее время, періодъ Гартмана, и новое—правленіе графа Берга. Авторъ идетъ задумчиво по большой дорогѣ; слухъ его поражается отдаленнымъ звономъ, гуломъ, трескомъ,—и изъ-за горы показывается огромный экипажъ въ запряжкѣ съ бубенчиками; лошади суетятся, кучеръ размахиваетъ кнутомъ; на имперіалѣ сидитъ разукрашенный старикъ въ парикѣ (Бергъ носить парикъ). Поровнявшись съ нимъ, старикъ кричитъ: «Сторонись, остановись! Я Новый годъ». — «Честь имѣю кланяться, ваше п-во!—говоритъ странникъ. — «Высокопревосходительство!—поправляетъ старикъ:—я високосный!..» Съ этимъ словомъ онъ откидываетъ стѣнку кареты, и странникъ усматриваетъ въ ней полки съ проектами, рисунками, планами и прочее. «Вотъ что я везу вамъ,—говоритъ високосный годъ, раскидывая одинъ планъ за другимъ:—вотъ телеграфъ, вотъ желѣзныя дороги, вотъ искусственное разведеніе рыбъ; здѣсь вы видите, какъ я

¹⁾ Поздравляю васъ, баронъ, императоръ пожаловалъ вамъ орденъ святаго Александра.

²⁾ Значитъ, мнѣ еще не конецъ!

раскидываю лососью икру въ море; тамъ, посмотрите, толпится народъ: это приморскіе жители тащутъ сѣти, полныя лососей». Расхваливая все это по-французски, годъ прибавлялъ слово: *scharmant*¹⁾, когда самовосхищеніе доходило до апогея.—Я, говоритъ авторъ, оглушенный, озадаченный, отступилъ; экипажъ покатился; бубенчики зазвенѣли. Я пошелъ далѣе, и встрѣчаю маленькія саночки, въ которыхъ сидѣлъ худенькій, истомленный старичокъ. «Прости!—говоритъ онъ мнѣ:—я старый годъ! отправляюсь отсюда безвозвратно!» За санями шла скромная женщина въ глубокомъ траурѣ; ее звали Финляндія! Она, всхлипывая, говорила: «Прощай, старикъ! спасибо за всѣ блага, тобою намъ доставленныя; за труды, для меня тобою подъятыя!»

И въ самомъ дѣлѣ, Гартманъ подвинулъ финляндскую промышленность, но нельзя того же сказать о народной нравственности. Прежде Финляндія отличалась строгимъ исполненіемъ обязательствъ; умереть въ долгахъ считалось безчестіемъ; тамъ не отказывали въ погребеніи тѣла несостоятельнаго должника, какъ въ древнемъ Египтѣ, но общественное мнѣніе бросало такой позоръ на покойнаго, что его родственники, скупцы, бѣдняки, жертвовали частью своего достоянія, чтобы удовлетворить его кредиторовъ. При Гартманѣ явились банкротства.

Финляндія представляла феноменальное явленіе: чѣмъ ниже чиновникъ, тѣмъ выше нравственность. Сенаторы спекулировали иногда нарушеніемъ закона; ленсманы—никогда! При Гартманѣ это ослабло; при Бергѣ—измѣнилось, и, вѣроятно, Финляндія никогда уже не воротится къ прежнимъ своимъ нравамъ.

Два дѣла, мною подвинутыя, оставляютъ во мнѣ пріятное воспоминаніе. Одно—о финляндскихъ лопаряхъ, другое—о городѣ Вазѣ.

Галяминъ оказалъ плохую услугу разграниченіемъ Финляндіи съ Норвегіею; проведя границу вдоль рѣки Таны, онъ совершенно отрѣзалъ Варангерскій заливъ отъ Финляндіи, а въ этомъ заливѣ лопари наши промышляли и запасались рыбою. Правда, въ трактатѣ постановлено было, что финскіе лопари имѣютъ право заниматься рыбною ловлею въ заливѣ, а взамѣнъ того норвежскіе лопари могутъ гонять зимой своихъ оленей на финляндскія моховыя пастбища, но какъ исполнялся этотъ трактатъ,—о томъ никто не заботился. Баронъ Котенъ говорилъ мнѣ объ одномъ чиновникѣ губернскаго правленія, Лангеншельдѣ, какъ объ очень способномъ человѣкѣ; я съ нимъ сблизился и узналъ отъ него, что онъ былъ въ Лапландіи, что нашимъ лапландцамъ плохо, что норвежскіе олени выѣдаютъ у нихъ церковныя ограды и домашніе огороды, а наши лапландцы могутъ ловить рыбу въ Варангерѣ

¹⁾ Прелестно.

только какъ батраки; норвежская полиція, принимая букву трактата, говоритъ лопарямъ нашимъ: «Вы можете ловить рыбу, но не имѣете права строить шалаши и оставлять на берегу на зиму свои лодки и свои сѣти». Такое толкованіе равносильно запрещенію. Лопари наши, вслѣдствіе того, умираютъ съ голоду, или толпами переселяются въ Норвегію, находя, что выгоднѣе быть норвежскимъ, чѣмъ финляндскимъ подданнымъ. Я вытребовалъ все дѣло о пограничныхъ отношеніяхъ и, къ удивленію моему, увидѣлъ изъ него, что переписка съ графомъ Нессельродомъ о равноправности лопарей тянется 20 лѣтъ! Я составилъ докладъ въ два столбца; съ одной стороны выражался весь комизмъ нашей бесплодной переписки, съ другой—все коварство норвежскаго министерства и бѣдственное положеніе лопарей нашихъ. Князь Меншиковъ сталъ критиковать мои выраженія, называя ихъ то неловкими, то рѣзкими; мнѣ стало досадно. Я составилъ другой докладъ и, поднося князю, объявилъ ему, что первая записка моя составляла меморандумъ, который я предназначалъ для графа Нессельрода, но какъ онъ находитъ его недовольно обязательнымъ въ тонѣ, то я представляю докладъ всеподданнѣйшій, и думаю, что его свѣтлость не остановится чувствами вѣжливости на пути, которымъ можно спасти цѣлое населеніе отъ голодной смерти. Въ заключеніе я предполагалъ объявить норвежскому правительству, какъ ультиматумъ, что если черезъ 6 мѣсяцевъ, къ осени, не послѣдуетъ согласія на наши предложенія, то трактатъ считается будетъ требующимъ поясненія, а до тѣхъ поръ границы обоюдно закрываются: финскіе лопари перестаютъ ходить къ Варангерскому заливу, а норвежскіе—пасты стада свои въ Финляндію, а такъ какъ доселѣ сіи послѣдніе самовольно переходили дозволенную черту, то мѣстное начальство распорядится усиленіемъ гарнизона, который будетъ ловить и конфисковать зашедшихъ оленей. Дѣло въ томъ, что нани лопари могли обойтись безъ варангерскихъ тюленей, но оленямъ норвежскимъ нечего ѣсть внѣ нашихъ пастбищъ. Шведское министерство было такъ избаловано нами, что не обратило вниманія и на ультиматумъ; утверждало, что въ 6 мѣсяцевъ нельзя рѣшить дѣло, потому что должно быть представлено норвежскому Thing, а наше отвѣчало, что дѣло тянется не 6 мѣсяцевъ, а 20 лѣтъ. Наступило 1 октября; граница закрыта; до 1 ноября пало уже 15,000 оленей отъ голода. Шведское министерство поспѣшило объявить, что оно согласно на все, только просить какъ можно скорѣе снять пограничный кордонъ. Такъ кончилось это долгое дѣло¹⁾.

---

¹⁾ Теперь черезъ 20 лѣтъ узнаю изъ записокъ Видемана, что лапландцы наши перешли почти всѣ въ Норвегію! Хорошо исполняли трактатъ!

Я познакомился съ Лангеншельдомъ, когда онъ былъ въ XII классѣ и получалъ 300 рублей жалованья,—уже лѣтъ за 30 отъ роду; я опредѣлилъ его вторымъ секретаремъ въ финляндскій статсъ-секретаріатъ, мѣсто VIII класса, съ 1,800 рублей жалованья. Года черезъ полтора занялъ онъ вакансію перваго секретаря, VI класса, съ 3,000 рублей жалованья. Въ 1853 г., т. е. года черезъ два, я рекомендовалъ его князю Меншикову, какъ лучшаго кандидата въ абоскіе губернаторы. При назначеніи Берга финляндскимъ генераль-губернаторомъ я обратилъ вниманіе его на Лангеншельда. Онъ узналъ его и назначилъ губернаторомъ въ Гельсингфорсъ, затѣмъ членомъ финляндскаго сената, затѣмъ въ 1860 году начальникомъ финансовой экспедиціи, а въ 1864 году Лангеншельдъ умеръ, въ звѣздахъ и барономъ.

И это не одинъ примѣръ.

Явился разъ ко мнѣ переводчикъ губернскаго правленія, чело-вѣкъ бѣдный, получающій жалованья 120 рублей и состоящій по должности въ XIV классѣ. Онъ разсказалъ мнѣ, что получилъ отъ отца въ наслѣдство десятинъ десять земли; по наружнымъ признакамъ онъ заключилъ, что земля эта должна содержать фаянсовую глину (въ Выборгской губерніи), началъ развѣдывать и открылъ такую глину фарфоровую и фаянсовую, какую трудно найти лучше для домашняго обихода; что онъ сформовалъ нѣсколько тарелокъ, показалъ ихъ купцу Гостиного двора, и этотъ объявилъ ему, что будетъ брать у него весь товаръ, сколько бы ни оказалось. Но денегъ нѣтъ у него ни гроша; онъ построилъ въ долгъ одинъ маленькій горнъ,—а для серьезной фабрикаціи ему нуженъ заводъ, который стоитъ будетъ до 10,000 рублей. Этой суммы въ ссуду онъ не смѣетъ испрашивать, но заявляетъ фактъ. Я посо-вѣтовалъ ему сдѣлать чашку для простокваши, съ гербомъ наслѣдника. Эту чашку изъ финляндскаго фарфора князь представилъ цесаревичу, а цесаревичъ показалъ, какъ рѣдкость, государю. Затѣмъ испрошено ему 10,000 рублей въ ссуду, и заводъ пошелъ въ гору.

Вотъ плоды классическаго образованія, котораго ищутъ молодые финляндцы прежде, чѣмъ думаютъ объ успѣхахъ на службѣ. У насъ въ Россіи никто не ищетъ просвѣщенія; родители отдають дѣтей въ училища не для науки, а для полученія аттестата, платятъ тысячи за приготовленіе дѣтей въ лицей или въ военное училище въ 2 мѣсяца; знаютъ, что сынъ ничему не научится, да и не тужатъ: лишь бы приняли и поскорѣе выпустили IX классомъ или прапорщикомъ. Это равнодушіе къ успѣхамъ находитъ себѣ то оправданіе, что и преподаваніе въ училищахъ — одна декорация; предметовъ бездна, программа блестящая, а экзаменъ съ фальшемъ; все дѣлается для программы и для экзамена. Само правительство смотритъ па желаніе учиться, какъ на самоотвер-

женіе, даетъ чины въ награду за то, что юноша учится на казенный счетъ. Я представилъ разъ записку о прекращеніи преимуществъ въ службѣ по аттестатамъ. Какъ всѣ возопили! Родители за дѣтей, а начальники за то, что хотятъ унижить училище, состоящее подъ ихъ покровительствомъ. Горчаковъ (намѣстникъ) сказалъ про подобный проектъ мой: «Je voudrais qu'on ne sache pas que ce projet ait jamais existé» ¹⁾).

Чѣмъ невѣжественнѣе край, тѣмъ богаче мнимыми талантами. Россія изобилуетъ мудрецами, критикующими людей общественныхъ, мужей государственныхъ; помѣщики, не читавшіе ничего, кромѣ «Современника», студенты, плохо знающіе свои уроки, женщины, ученые только по инспираціи, судятъ министровъ, дипломатовъ, администраторовъ. Все это такъ злобно и вмѣстѣ съ тѣмъ такъ невѣжественно, что слушать ихъ, или, вѣрнѣе, слышать ихъ, даже не слушая,—истинное мученіе. Какъ труденъ судъ правильный,—это можетъ знать только тотъ, кто посвященъ во всѣ тайны общественной дѣятельности. Сколько винили Меншикова за пренебреженіе частями, ему ввѣренными, потому что онъ не писалъ громкихъ проектовъ,—но я знаю борьбы его, стойшія ему многихъ огорченій и многого благоволенія царскаго. Кромѣ идей, проявившихся внезапно у государя, какъ, напримѣръ, рекрутская повинность въ Финляндіи, военно-сухопутная іерархія во флотѣ, и т. п., князь Меншиковъ получилъ незавидное наслѣдство и отъ Закревскаго.

При Закревскомъ послѣдовало высочайшее повелѣніе обязать всѣхъ финляндцевъ учиться по-русски, и черезъ 5 лѣтъ не принимать никого въ службу, кто не знаетъ русскаго языка. По объявленіи этого повелѣнія финляндцы, учившіеся по-русски добровольно,—перестали ходить на русскія лекціи. Прошло 5 лѣтъ, никто не зналъ по-русски, а вакансіи замѣщать нужно. На докладъ о томъ государю повелѣно ввести въ Финляндіи русскій училищный уставъ. Еще лучше! Недоставало бы затѣмъ преобразовать дерптскій университетъ по образцу юнкерской школы! Въ Финляндіи курсъ низшихъ училищъ чисто народный; тамъ не учили крестьянскихъ дѣтей россійской исторіи, но внушали имъ религіозныя чувства, объясняли четыре дѣйствія ариѳметики и читали наставленія сельско-хозяйственныя. Въ среднихъ училищахъ курсъ былъ чисто классическій, потому что эти училища были съ тѣмъ вмѣстѣ семинаріи; преобразовать эти училища на русскій ладъ значило бы не только испортить училища въ отношеніи къ гуманистическому образованію, но и уничтожить приготовительное богословское назиданіе. Государь понялъ важность представлен-

¹⁾ И бы желалъ, чтобы не знали, что этотъ проектъ когда-либо существовалъ».

ныхъ ему доводовъ, но, кажется, не вѣрилъ ихъ искренности; велѣлъ составить сравненіе уставовъ, статья противъ статьи, и объяснить причины непримѣнимости каждой. Эту работу я долженъ былъ исполнить лично; трудъ мой обнималъ 100 листовъ! Государь не находилъ времени прочесть ихъ. Тогда я приготовилъ докладъ о главныхъ основаніяхъ преобразованія. Князь Меншиковъ просилъ государя повѣрить финляндскому сенату, предоставить ему написать и издать уставъ, по основаніямъ высочайше утвержденнымъ. На это государь согласился, — и гроза миновала: въ среднихъ училищахъ были устроены параллельныя каѳедры по исторіи и географіи, русскія и шведскія, съ правомъ учащихся выбирать, какую хотятъ. Черезъ годъ въ фридрихсгамскомъ училищѣ явилось по русскому отдѣленію 72 слушателя вмѣсто бывшихъ дотолѣ 4-хъ. Наши геніи, вводящіе русскій элементъ въ западныхъ губерніяхъ, — этого не понимаютъ: они умѣютъ владѣть только топоромъ.

При Закревскомъ заложены были Аландскія укрѣпленія (въ Бомарзундѣ); на счетъ бѣдной Финляндіи сдѣланъ заемъ тысячъ въ триста. Князь Меншиковъ, видя несообразность плана, но зная и то, какъ государь былъ чувствителенъ къ критикѣ инженерныхъ плановъ (неудобство раздачи должностей великимъ князьямъ: государь во всю свою жизнь сохранилъ въ себѣ остатки генераль-инспектора по инженерной части), объяснилъ великому князю Михаилу Павловичу бесполезность этихъ укрѣпленій. Великій князь, объяснясь съ государемъ, говорилъ потомъ Меншикову важнымъ тономъ: «*Vos observations sont justes, — mais... s'est trop tard!*»¹⁾. Въ то время выведенъ былъ только фундаментъ.

Но это еще не все. Инженеры издержали всю занятую сумму, не построивъ и двухъ третей, и военное министерство потребовало новой ассигновки. Это было уже невыносимо. Князь Меншиковъ возсталъ рѣшительно; онъ говорилъ государю, что Финляндія не можетъ разоряться для насыщенія расточительности полевыхъ инженеровъ, что если бы постройка укрѣпленій была поручена распоряженію финляндскаго сената, то прежняя смѣта была бы достаточна и даже избыточна. Государь уступилъ, — но сердился на Меншикова.

Кредитъ князя Меншикова уже колебался, когда возникъ Блудовъ (сдѣлавшійся великимъ со времени смерти. Въ нравственномъ отношеніи наши покойники часто вырастаютъ до колоссовъ; живой пигмей становится исполиномъ въ эпитафій). Блудовъ предложилъ государю издать сводъ законовъ и для Финляндіи. Не спрося генераль-губернатора, учредили финляндскій комитетъ подъ предсѣдательствомъ Валлена, тогда прокурора сената (генераль-проку-

¹⁾ Ваши замѣчанія правильны, — но... теперь слишкомъ поздно.

роръ) и подчинили его 2-му отдѣленію собственной его императорскаго величества канцеляріи. Блудовъ назначалъ оклады и награды, — а Финляндія плагила. Черезъ нѣсколько лѣтъ сводъ составленъ, и государь утвердилъ было этотъ трудъ, но какъ манифестъ слѣдовало написать по финляндскимъ обрядамъ, то и нельзя было обойти князя Меншикова. Меншиковъ доложилъ государю, что все уложеніе финляндское меньше половины одного тома свода; въ докладѣ писалъ я, что финнъ, недовѣрчивый по природѣ, любитъ свои законы какъ самого себя, что если онъ новую форму изложенія приметъ за новый законъ, то государь утратитъ ту вѣрноподанную любовь, которой исполнена теперь вся Финляндія, — и законъ исполняемъ не будетъ. Посему испрашивалось высочайшее разрѣшеніе разослать новый сводъ во всѣ суды не для руководства, а чтобы съ нимъ ознакомиться, и въ теченіе трехъ лѣтъ ссылаться въ постановленіяхъ, попрежнему, на уложеніе, прибавляя въ выносахъ указаніе на соответствующій параграфъ свода; тогда общество убѣдится, что законы тѣ же, но только иначе размѣщены. На этотъ разъ князь Меншиковъ не спорилъ противъ моихъ выраженій «слишкомъ рѣзкихъ»; дѣло было слишкомъ серьезно. Докладъ утвержденъ.

Мы слишкомъ коротко знали вѣтреность Валлена и пустословность Блудова, чтобы не видѣть, что предложенная нами мѣра поведетъ прямо къ изобличенію бредней кодификаціи. Такъ и вышло. Не прошло года, финляндскій сенатъ представилъ на высочайшее усмотрѣніе двѣ толстыя тетради: одну — объ измѣненіяхъ въ смыслѣ законовъ, сдѣланныхъ кодификаціоннымъ комитетомъ; другую — о вновь изобрѣтенныхъ имъ законахъ. Спросили Блудова. Блудовъ не разъ уже писалъ объясненія презамѣчательныя; напр., «я писалъ это вашей свѣтлости оттого, что не имѣлъ всего дѣла подъ рукою» — и т. под. Такъ наивно поступилъ онъ и въ настоящемъ случаѣ; написалъ, что онъ прибавилъ нѣкоторыя законоположенія «для округленія главъ», что устарѣлая форма уложенія не раскладывалась въ рамки новѣйшей кодификаціи, что въ ней оставались бы пробѣлы etc. — Князь понесъ эту исповѣдь къ государю, и сводъ... съѣли крысы. Единственнымъ памятникомъ этого труда осталось баронское достоинство Валлена и разрѣшеніе ему, при двухъ живыхъ сыновьяхъ, усыновить Шернваля, съ фамиліею баронъ Шернваль-Валленъ, независимо отъ настоящихъ бароновъ Валленъ! — Напишутъ ли это въ біографіи графа Блудова?

Вопросъ о городѣ Ваза былъ тоже довольно важенъ. Ваза выстроена была на берегу моря; съ тѣхъ поръ уровень ли моря сталъ понижаться, или море только перемѣщалось, но городъ очутился уже не у моря, а верстахъ въ 2-хъ или 3-хъ отъ моря, имѣя передъ собою острова, бухты и проливы мелководные; отъ этого и большія купеческія суда не могли уже подходить къ самому

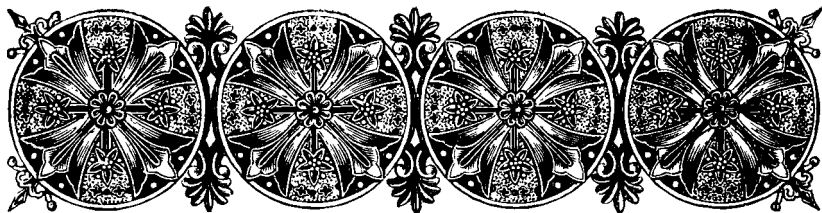
городу; явилась надобность посреднической перевозки. Городъ этотъ сгорѣлъ, за исключеніемъ какихъ-нибудь 20 или 30 домовъ на форштадтѣ. Среднее купечество и нѣкоторые обыватели просили о постройкѣ новаго города опять у моря; планъ составленъ былъ отлично; всѣ островки употреблены въ дѣло: гдѣ таможня, гдѣ склады, гдѣ верфь,—и все подъ рукою. Но тѣ большіе негодіанты, которые содержали перевозные пароходы, и тѣ обыватели, которые владѣли лучшими дворовыми мѣстами въ старомъ городѣ, домогались, чтобы городъ строили вновь на прежнемъ мѣстѣ. Въ сенатѣ большинство было за прежнее мѣсто; магистратъ города — за новое. Я поддерживалъ магистратъ: такъ и было рѣшено. Восторгъ магистрата, большинства купечества и окрестныхъ землевладѣльцевъ—невъразимый. Они просили государя позволенія назвать городъ: «Nicolaistad», но государь не принялъ этого. За мною осталось недоброжелательство сенаторовъ, которые въ этомъ вопросѣ были разбиты.

Другой вопросъ еще серьезнѣе. Гартманъ, Рамзай, сенаторы и нѣкоторые богатые помѣщики стали спекулировать на винокурении; сочинили новый уставъ, по которому домашнее винокурение ограничено, а противъ злоупотребленій заводскаго установлены штрафы, но какіе: за каждый разъ открытаго перекура столько-то; за каждый разъ незаконной продажи столько-то; открывать зло должны были ленсманъ, а когда ленсманъ донесъ губернатору что Гартманъ куритъ вино дольше срока, онъ ему погрозилъ. Я представилъ кн. Меншикову о необходимости сдѣлать слѣдующія перемѣны въ уставѣ; вмѣсто каждый разъ сказать: каждая канна, и открывателю злоупотребленія присвоить $\frac{1}{3}$ штрафныхъ денегъ,—это задѣло за живое! Дѣло тянулось до самаго отъѣзда князя въ Константинополь, а на меня встала сильная партія.

Еще прежде того, въ 1849 г., социализмъ проникъ въ Финляндію; въ газетахъ появились дерзкія статьи; составилось общество распространенія полезнаго чтенія на финскомъ языкѣ. Князю Меншикову донесли, что въ Гельсинфорсѣ издаются французскіе романы и уже напечатанъ переводъ Евгенія Сю по-фински, продаваемый выпусками по 5 копеекъ. Князь Меншиковъ попросилъ высочайшее повелѣніе воспретить брошюры и выпуски на финскомъ языкѣ, исключая сочиненія первоначальныхъ наукъ, религіозныя и хозяйственныя. Тогда поднялась и литературная партія и противъ князя, и противъ меня, котораго считали виновникомъ и этой мѣры, хотя кн. Меншиковъ самъ принялъ въ этомъ случаѣ инициативу.

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XIV.

Моя неудачная женитьба.—Назначеніе мое товарищемъ финляндскаго министра статсъ-секретаря.—Взглядъ на мою службу при графѣ Клейнмихелѣ.—Къ его характеристикѣ.

ВЪ 1848 и 1849 были эпохой перелома въ моей жизни: отношенія мои къ графу Клейнмихелю сдѣлались невыносимы; кредитъ князя Меншикова упалъ, а съ нимъ и мои надежды на лучшую мою будущность; женился я очень несчастливо, и почти противъ воли, и поселилъ такимъ образомъ въ своемъ домѣ сѣмена постоянного раздора. Не стану записывать эпизоды этого несчастнаго времени: я ихъ не забуду, но теперь уже самъ перестаю вѣрить возможности такого случая, какой былъ со мною. Мнѣ минуло 40 лѣтъ; двоюродная сестра моя Эльвира стала уговаривать меня жениться; она говорила, что теперь я могу еще надѣяться поступить благоразумно и любить жену; лѣтъ черезъ 5 это будетъ уже очень трудно, а на старости рискую жениться на прачкѣ. Въ примѣръ приводила Грейга, женившагося на жидовкѣ, и Жандра, женившагося на солдатской дочери. Эти примѣры, особенно первый, поколебали меня. У тайнаго совѣтника Маркова была дочь, о которой мужъ кузины моей говорилъ, что это—ангелъ кротости; что онъ знаетъ Маркова 25 лѣтъ, а дочь его—отъ рожденья. Я сталъ

¹⁾ Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 50.

приговариваться къ Маркову узнать, угоденъ ли ему такой зять, какъ я, и что онъ намѣренъ дать дочери, причемъ просилъ его не говорить ничего своей дочери, ибо я еще не сватаюсь. Онъ просилъ меня заѣхать къ нему когда-нибудь переговорить о томъ, что принадлежитъ дочери; я поѣхалъ 23 апрѣля, въ день св. Александры. Стали толковать; онъ на какую-то мою фразу сказалъ мнѣ что-то грубое; на это я отвѣчалъ ему колкостью; онъ взбѣсился,—и я заключилъ, что при такомъ предисловіи я не могу надѣяться на домашнее счастье, отступаюсь отъ своего намѣренія, и прошу все бывшее между нами считать non avenue¹⁾. Марковъ замѣтилъ: «*Tout est pour le mieux, mais savez vous qu' aujourd'hui est la fête de Sacha; est ce que vous n'entrerez pas au salon pour la féliciter*»²⁾. Я пошелъ въ гостиную; черезъ пять минутъ входитъ m-me Markoff, ведя за руку свою Сашеньку; сзади—гувернантка и нянька старая въ слезахъ; эти ревутъ: «какую вы у насъ берете!» Мать провозглашаетъ, что дочь согласна, и она насъ благословляетъ; дочка, потупя взоръ, отлично сыграла роль подстрѣленной голубки. Первая моя мысль была утѣшить семейство объявленіемъ, что я не думалъ брать ихъ сокровище,—но, совѣстясь поступка, который поставилъ бы дѣвушку въ унижающее положеніе,—я не рѣшился сказать ни слова, и черезъ нѣсколько минутъ уѣхалъ, а Марковъ посиѣшилъ повѣстить, что дочь его сговорена. Такъ я женился! Рассказывая это пріятелю своему Норову, я сконфузился, увидя въ сосѣдней комнатѣ сенатора Корнилова, умнаго и забавнаго человѣка.

— Не женируйтесь, Константинъ Ивановичъ,—сказалъ онъ:—меня женили точно такъ же!—и, едва договоривъ, спохватился:—а гдѣ жена?

— Наверху,—отвѣчалъ Норовъ.

— Ну, слава Богу! а я ужъ испугался!

Къ моему великому счастью, бѣшеный Мефистофель-отецъ самъ увезъ своего дьяволенка черезъ 8 мѣсяцевъ. Домъ мой пересталъ быть адомъ, но Марковъ выставилъ свою «добродѣтельную» дочь мученицею моей злости и моего разврата и трогалъ мою репутацію. Ее исправила моя бывшая жена: она выманила у отца 60 тысячъ руб. и бѣжала съ помощью фальшиваго паспорта съ конторщикомъ, который обокралъ своего принципала; гордый отецъ ея не пережилъ скандала: онъ захворалъ и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ померъ, цѣловавъ руки мнѣ, когда я навѣщалъ больного богача, и обнималъ своего крѣпостного слугу за то, что онъ его не бросилъ. Онъ умеръ какъ нищій, увеличивъ правдою и неправдою свое богатство. У меня сохранилось письмо одного изъ

¹⁾ Недѣйствительнымъ.

²⁾ Все къ лучшему; но знаете ли, сегодня именины Саши; развѣ вы не зайдете въ гостиную ее поздравить?

его сыновей, выражающее семейную картину проклятаго Богомъ семейства.

Пробывъ годъ членомъ совѣта главнаго управленія путей сообщенія, я получилъ приглашеніе занять мѣсто товарища министра статсъ-секретаря финляндскаго (графа Армфельта). Такъ какъ мѣсто это по конституціи долженъ занимать финляндецъ, то, за нѣсколько дней до моего назначенія, повелѣно было внести меня въ число родовъ финляндскаго рыцарскаго дома; а чтобы это не могло служить какъ *antécédent*¹⁾, въ рескриптѣ сказано было, что это достоинство дается мнѣ въ возмездіе пользы, принесенной 17-лѣтними трудами по завѣдыванію финляндскими дѣлами. Графъ Армфельтъ хлопоталъ, чтобы при этомъ случаѣ я былъ возведенъ въ баронское достоинство, но я отклонилъ это, не желая быть незваннымъ пришельцемъ въ среду лицъ, гордящихся своимъ замкнутымъ положеніемъ. Такое вступленіе въ среду ихъ имѣло бы для меня скорѣе обидныя, чѣмъ почетныя послѣдствія, и за нихъ пришлось бы мнѣ еще заплатить 2000 руб. Впрочемъ, кузина моя до сихъ поръ не можетъ мнѣ простить этого отказа. Такъ я отдѣлился отъ морского вѣдомства (кромя кодификаціи), отъ русской службы и, къ сожалѣнію, отъ цесаревича. Должность правителя дѣлъ комитета желѣзныхъ дорогъ была совмѣстна съ должностію директора департамента, почему, подавъ прошеніе объ увольненіи меня отъ сей послѣдней, я счелъ обязанностію доложить объ этомъ его высочеству. Являсь въ 6 часовъ послѣ обѣда, я доложилъ, что 8 лѣтъ предъ симъ его высочество дозволилъ мнѣ представляться, когда я сочту это нужнымъ; что я не смѣлъ пользоваться тѣмъ безъ крайней надобности, и что эта надобность теперь настала: я пришелъ изъяснить мою скорбь, что, вынужденный оставить департаментъ желѣзныхъ дорогъ, я съ тѣмъ вмѣстѣ лишаюсь счастья работать подъ его глазами. Наслѣдникъ спросилъ меня, отчего я оставляю департаментъ,—говоря откровенно. Я объяснилъ фальшивость моего положенія между закономъ и произволомъ. Наслѣдникъ очень милостиво сказалъ, что онъ очень жалѣлъ бы «разстаться со мной» и будетъ просить государя оставить меня правителемъ дѣлъ. Получивъ на это высочайшее соизволеніе, онъ самъ поѣхалъ передать его Клейнмихелю, однакоже прошло нѣсколько недѣль, а я не получалъ никакого о томъ увѣдомленія. Я написалъ къ оберъ-гофмаршалу Олсуфьеву, который доложилъ мое письмо цесаревичу и, именемъ его, объявлено мнѣ, что я остаюсь правителемъ дѣлъ, что я и внесъ въ свой формуляръ,—но Клейнмихель съ тѣхъ поръ ничего не вносилъ въ комитетъ. Только тогда, когда меня сдѣлали товарищемъ министра статсъ-секретаря, онъ внесъ кучу дѣлъ въ комитетъ и привезъ съ

¹⁾ Примѣръ въ прошедшемъ.

собою директора департамента, доложивъ комитету, что прежній правитель дѣлъ выбылъ изъ русской службы.

Обозрѣвая пройденное мною земное поприще, мои воспоминанія останавливаются передъ эпохою моего вступленія въ финляндскую службу въ званіи товарища министра статсъ-секретаря, какъ передъ эпохою, въ которую началось хотя кратковременное отдохновеніе моей усталой, разочарованной жизни. Послѣ младенчества грустнаго и отрочества безотраднaго, я провелъ около 7 лѣтъ въ моей духовной работѣ—періодъ тяжкій. Озабоченность и нерѣшимость въ дѣлахъ служебныхъ; неопредѣленность и неувѣренность въ отношеніяхъ общественныхъ; сердечныя муки, порожденныя неудовлетворенною страстью. Съ 27-лѣтняго возраста жизнь моя свѣтлѣетъ; самостоятельность труда, твердость надеждъ на будущее; пріятная семейная жизнь въ кругу княгини Гагариной; благосклонный пріемъ въ домахъ, съ которыми свела меня общественная дѣятельность; денежные средства выше потребности; запасъ силъ, не истощаемый никакою работою, и молодость,—словомъ все, что могло бы сдѣлать меня счастливымъ, если бы меланхолическое настроеніе духа, проникнувшее всю мою натуру, не прерывало свѣтлаго теченія моей жизни. Попавъ въ директоры департамента 36-ти лѣтъ, я удовлетворилъ самолюбіе матери; она писала мнѣ изъ Николаева: «Ich danke dir für die Freuden, die ich durch dich genieße; sie vergelten mir die Sorgen und die Anruhe, die mich in deiner Kindheit um dein schwaches Leben gequält haben» ¹⁾, но я самъ чувствовалъ, что попалъ въ чиновники; даже на свѣтскихъ моихъ отношеніяхъ отражался этотъ новый фазисъ моего бытія; до этого назначенія никто не зналъ, что изъ меня будетъ; ожидали чего-то особеннаго и при каждой высокой вакансіи произносили мое имя; по назначеніи открылось для всѣхъ, что я иду по колеѣ, избитой и заплетанной, что эта колея имѣетъ два исхода: безвѣстная дорога въ безвѣстную отставку, или чиновническая поступь въ инвалидный сенатъ. Я никогда не былъ честолюбивъ; для меня скромное мѣсто было пріятнѣе, чѣмъ высокое, при обязанности дѣлать безпрестанные визиты. Поэтому я не жалѣю собственно о томъ, что меня не считаютъ уже восходящею звѣздою, но служебныя дразги, убѣжденіе, что при первомъ невольномъ столкновеніи я долженъ буду преклонить голову передъ невеликодушнымъ министромъ,—опасеніе, что онъ можетъ обогатить меня передъ государемъ такъ, что я о томъ и знать не буду,—все это давило

¹⁾ Благодарю тебя за радости, которыми я чрезъ тебя наслаждаюсь; онѣ вознаграждаютъ меня за заботы и безпокойство, которыя меня мучили во время твоего дѣтства за твою слабую жизнь.

мой духъ, а несчастный бракъ довершилъ нораженіе. Съ выѣздомъ изъ дома князя Меншикова, гдѣ я жилъ 15 лѣтъ безмятежно и 5 лѣтъ благополучно,—звѣзда моя закатилась! Замѣчательно, что и его звѣзда тоже. Съ 1848 г. и онъ, и я стали предчувствовать неотрадную будущность. За мной оставалось только утѣшеніе, что по моей иниціативѣ многіе достойные люди Финляндіи всплыли наверхъ, многія злоупотребленія прекращены, много принято мѣръ, полезныхъ для края; что департаментъ желѣзныхъ дорогъ, мною сформированный, слылъ первымъ явленіемъ въ исторіи російской хозяйственной администраціи и что я спасъ многихъ отъ губительнаго произвола моимъ упорнымъ сопротивленіемъ, несмотря ни на грозу свыше, ни на укушенія пресмыкающихся, которымъ не нравилась моя офиціальная откровенность. Но утѣшеніе не есть счастье; утѣшеніе не нужно счастливому; оно только умѣряетъ душевныя боли. Такъ, вступая въ новый фазисъ службы для края, который я зналъ и любилъ, съ лицомъ, которое я чтилъ и любилъ не менѣе, я чувствовалъ радость, но изъ-за этой радости выглядывало другое чувство, и я мысленно восклицалъ голосомъ скорби и разочарованія: *Et oleum et opera perdidit!*

Вырвавшись изъ грязной каши министерства путей сообщенія, въ которую увлеченъ былъ теченіемъ обстоятельствъ, я обратилъ свои взоры на прошедшія 8 лѣтъ, и изумился предъ картиною, рисуемою моими воспоминаніями. Клейнмихель и государь, двѣ личности противоположныхъ свойствъ, жили и работали вмѣстѣ, какъ должны бы жить и работать люди, единодушно мыслящіе и дѣйствующіе. Клейнмихель не былъ ни корыстолюбцемъ, ни злобнымъ по натурѣ, но подлость этой натуры вела его всегда къ подлымъ и нахальнымъ дѣйствіямъ. Наслышась объ его продѣлкахъ, но замѣтивъ лично, что онъ, вѣроятно, родился лучшимъ, что испортилъ его Аракчеевъ, что онъ еще не сдѣлался равнодушнымъ къ чести и желалъ слыть за человѣка честнаго, что онъ даже чтилъ людей честныхъ,—я притворился, что считаю его за благороднѣйшаго человѣка. Посредствомъ этой политики, я нѣсколько лѣтъ держалъ его въ кругѣ дѣйствій честнаго человѣка, но не менѣе того проглядывали его привычки. Онъ считалъ себя въ обязанности ставить себя настолько же выше своихъ подчиненныхъ, насколько онъ самъ стоялъ ниже своего государя, и для вѣрнѣйшаго расчета дистанцій подражалъ государю въ мелочахъ и въ проявленіяхъ дурныхъ его побужденій. Такъ, случилось разъ, что Адлербергъ, товарищъ военнаго министра, отнесся къ нему какъ-то начальственно. Онъ этимъ обидѣлся и написалъ Адлербергу, что самъ испросить по этому высочайшее повелѣніе. Адлербергъ понесъ этотъ отвѣтъ къ государю; государь написалъ на немъ:

«Какъ смѣлъ господинъ Клейнмихель ослушиваться моего повелѣнія, объявленнаго ему товарищемъ министра», и послалъ къ нему отвѣтъ его назадъ. Черезъ нѣсколько дней кто-то объявилъ полковнику Кролю приказаніе графа Клейнмихеля. Кроль отвѣчалъ, что онъ самъ доложить о томъ дѣлѣ графу. Получивъ о томъ донесеніе, графъ написалъ: «Какъ смѣлъ господинъ Кроль ослушиваться», и т. д., повторяя слово въ слово тотъ выговоръ, который самъ получилъ отъ государя. Когда Клейнмихеля назначили главноуправляющимъ путями сообщенія, онъ поѣхалъ на другой день съ Р. Л. Деятелинымъ, товарищемъ главноуправляющаго, осматривать учрежденія своего вѣдомства. Деятелинь, человѣкъ честолюбивый и вкрадчивый, на этотъ разъ опростоволохился; онъ старался блеснуть своимъ умомъ и своими познаніями, и въ этихъ видахъ, сидя въ коляскѣ съ графомъ, рассказывалъ ему многословно, какъ, что и для чего учреждено, съ намеками, что много хорошаго сдѣлано по его мыслямъ. Хуже онъ не могъ отрекомендовать себя. Онъ не рассчиталъ, что для невѣжды министра всевѣдущій товарищъ хуже чумы, что такой министръ будетъ совѣтоваться не съ товарищемъ, а съ людьми, не имѣющими никакого значенія, что, пользуясь ихъ совѣтами, онъ выдавать ихъ будетъ за собственныя мысли, увѣренный, что тѣ мелкіе совѣтники будутъ въ полномъ смыслѣ тайные совѣтники, не какъ я, у котораго никто ни тайныхъ, ни иныхъ совѣтовъ не спрашиваетъ. Не прошло недѣли, какъ Деятелинь переведенъ въ совѣтъ, а на его мѣсто назначенъ робкій, безгласный Рокасовскій, передъ которымъ Клейнмихель вовсе не церемонился. Когда время пришло подумать о подвижномъ составѣ, департаментъ представилъ ему расчетъ, по которому полагалось нужнымъ имѣть 180 локомотивовъ, 180 тендеровъ, 1800 пассажирскихъ вагоновъ и 5400 товарныхъ. Клейнмихель позвалъ моего вице-директора Кроля и спросилъ у него, что такое тендеръ; Кроль самъ этого не зналъ, но, струсивъ, отвѣчалъ наугадъ: это маленькій локомотивъ. «Врешь! — замѣтилъ ему Клейнмихель, — тендеръ морское судно; это выдумка этого канальи американца, на случай, что поѣздъ свалится въ воду; у меня такихъ безпорядковъ не будетъ; не нужно тендеровъ», — и вычеркнулъ. Ему очень хотѣлось заказать вагоны въ Бельгіи, потому что они дешевле; пріѣхалъ изъ Брюсселя какой-то аферистъ съ товарищемъ, Castillon и d'Haneton; они увивались около Деestreма, который хлопоталъ за нихъ у графа, но я настаивалъ на томъ, чтобы подвижной составъ приготовлялся на нашемъ заводѣ, во что бы то ни стало, для того чтобы образовать собственныя мастерскія, хотя бы только для ремонта. Этого же мнѣнія были Чевкинъ и Бобринскій. Когда Александровскій заводъ былъ отданъ *Harrisson et Co* по контракту, требовавшему, чтобы подвижной составъ былъ заготовленъ тамъ изъ привознаго сырого

материала, но посредствомъ нашихъ казенныхъ рабочихъ, которыхъ были человѣкъ 500, Рокасовскій объявилъ графу, что этимъ контрактомъ графъ стяжалъ себѣ безсмертіе. Клейнмихель, стоя спиною у камина, съ раздвинутыми полами, отвѣчалъ нагло: «я этого и хотѣлъ!» Подчиненныхъ трактовалъ онъ хуже, чѣмъ своихъ лакеевъ. Пріѣхавъ отъ государя, онъ спросилъ о своемъ директорѣ канцеляріи Заикѣ у своего камердинера: «А гдѣ вонючій пѣсъ?» Лакей отвѣчалъ: «Онъ въ канцеляріи!» Стало быть, это выраженіе слышалъ не въ первый разъ. Но тотъ же самый графъ Клейнмихель умѣлъ быть совершенно другимъ человѣкомъ; со мной онъ былъ не только вѣжливъ, но и уступчивъ, разумѣется, въ вопросахъ, гдѣ уступчивость исправляла только послѣдствія его безтолковаго деспотизма. У меня подъ начальствомъ служилъ почтенный старикъ-бухгалтеръ Мерцъ; ему предложили мѣсто въ опекунскомъ совѣтѣ, выгоднѣе того, которое онъ занималъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ. Онъ пришелъ просить меня убѣдительно не противиться его увольненію. Въ то же время секретарь Авдѣевъ просилъ отпуска на 4 мѣсяца для раздѣла имѣнія. Я представилъ графу ихъ просьбы при докладѣ, въ которомъ просилъ удовлетворить просьбамъ, такъ какъ Мерцъ мнѣ не нуженъ, а Авдѣева я не желалъ бы лишиться. Клейнмихель приказалъ въ просьбѣ Мерца отказать, а Авдѣева—вовсе уволить отъ службы. Прочитавъ эту резолюцію, я приказалъ написать другой экземпляръ доклада того же содержанія и поѣхалъ къ графу. Я объявилъ ему, что не могу показать его резолюцій моимъ подчиненнымъ, потому что въ нихъ выражается явно неудовольствіе противъ меня, что, не зная лично ни того, ни другого, графъ рѣшаетъ просьбы ихъ противоположно моему ходатайству, а потому если ему не угодно уничтожить докладъ съ резолюціею и написать на другомъ: «согласенъ», то я прошу уволить меня отъ званія директора. «Какой избалованный!» сказалъ графъ, разорвалъ первый докладъ и написалъ на второмъ: «согласенъ». Но едва ли не въ высшей степени нахальства дошелъ онъ въ отношеніи къ Брискорну. Когда Клейнмихель былъ дежурнымъ генераломъ, Брискорнъ, тайный совѣтникъ и статсъ-секретарь, былъ директоромъ канцеляріи военнаго министерства, — не только равный Клейнмихелю по іерархіи, но ему часто нужный. Тогда онъ въ Брискорнѣ заискивалъ. Управляя министерствомъ нѣсколько недѣль въ отсутствіе Чернышева, онъ сталъ на время начальникомъ Брискорна, но былъ съ нимъ по-прежнему вѣжливъ, называя его превосходительствомъ и Максимомъ Максимычемъ. Возвысаясь до главноуправляющаго путями сообщенія, Клейнмихель, встрѣтаясь гдѣ-то съ нимъ, просилъ его къ себѣ по субботамъ, но когда Брискорнъ пріѣхалъ и, идя по залѣ, полной народа, поклонился и произнесъ: «Здравствуйте, ваше сіятельство», графъ закричалъ ему: «Здравствуй, Брискорнъ!» Этотъ

переконфузился, — да и что тутъ дѣлать: не браниться же съ хозяиномъ дома за то, что онъ грубъ. Зачѣмъ ѣхалъ къ грубіяну!

Государь же наводилъ на него такой трепетъ, что графъ терялъ голову, и я увѣренъ, что онъ часто лгалъ не съ намѣреніемъ, а оттого, что со страху не помнилъ себя и не зналъ, что говорить. Государь зналъ его. Одинъ разъ, встрѣтивъ Лярскаго у Нелидовой, онъ сказалъ ему:

— Клейнмихель тебя бранить.

Лярскій отозвался, что ему это извѣстно, но онъ никакой вины за собой не знаетъ, и удивляется, что графъ бранитъ его вслѣдъ за наградой, которую самъ ему исходатайствовалъ.

— Однако, — замѣтилъ государь, — совѣтую тебѣ остерегаться; лучше уйди отъ него, а то онъ тебя упечетъ.

Это говорилъ государь.

Въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ служилъ Марциновскій, дворянинъ западныхъ губерній, скромный, тихій молодой человекъ. На немъ выразилось самымъ уродливымъ образомъ свойство тогдашней системы политическаго надзора. Когда арестовали Петрашевскаго, оказалось, что въ числѣ его знакомыхъ былъ и Марциновскій. Вдругъ онъ пропалъ; пересталъ являться въ департаментъ, не возвращался домой, и полиція не могла дознаться, куда онъ дѣвался. Мѣсяца черезъ четыре онъ является въ департаментъ, и отказывается сказать, куда пропалъ; спрашиваетъ его о томъ хозяинъ дома, квартальный надзиратель, — напрасно! Я потребовалъ его къ себѣ; онъ признался мнѣ, что былъ взятъ тайною полиціею, посаженъ въ крѣпость, допрашиваемъ и наконецъ выпущенъ съ подпискою, что никому не скажетъ, гдѣ онъ былъ, подъ страхомъ тяжкаго наказанія. Слѣдствіемъ того было, что домохозяинъ не соглашался держать его на квартирѣ, а департаментъ не могъ оставить его на службѣ; онъ подпалъ подъ остракизмъ, выгонявшій его не изъ отечества, но съ земного шара. Я написалъ Дубельту конфиденціальное письмо, въ которомъ спрашивалъ его, не можетъ ли онъ посредствомъ тайной полиціи узнать, гдѣ былъ Марциновскій, пропадавшій 4 мѣсяца и упорно отказывающійся отъ признанія. Дубельтъ понялъ нелѣпость подписки и увѣдомилъ меня обо всемъ, что было съ Марциновскимъ, прибавя, что это ни въ какой степени не должно быть предсудительно Марциновскому, оказавшемуся человекомъ скромнымъ и непричастнымъ ни къ какимъ польскимъ интригамъ. Не сказать объ этомъ происшествіи Клейнмихелю было невозможно; я сообщилъ ему при запискѣ копію съ моего письма къ Дубельту и его отвѣтъ. Клейнмихель возвратилъ ихъ мнѣ съ резолюціею: «увольте эту каналью отъ службы». Я поѣхалъ къ нему и снова объявилъ ему, что не могу исполнить это приказаніе. Оно было взято назадъ.

Постоянная оппозиція моя разстроила мало-по-малу отношенія мои къ графу. Онъ все болѣе и болѣе поддавался интригамъ Мельникова, который, не будучи взяточникомъ, поступалъ съ подрядчиками хуже, чѣмъ взяточникъ; губилъ добросовѣстныхъ, поддерживалъ плутовъ. Инженеры тратили на счетъ подрядчиковъ баснословныя суммы и набивали себѣ карманы. Департаментъ долженъ былъ посылать къ нимъ деньги по ихъ требованіямъ, но, исполняя это, постоянно протестовалъ, отклоняя отъ себя отвѣтственность за противозаконныя приказанія министра. Между тѣмъ и министру было нехорошо. Государь охладѣлъ къ нему, и — о горе! — проѣзжая мимо дачи Клейнмихеля, который постоянно сидѣлъ на балконѣ, не взглянулъ на балконъ и не поклонился прежнему любимцу. Съ любимцемъ сдѣлалась рвота—хроническая. Графиня перепугалась и неутѣшно плакала. Это дошло, вѣроятно, черезъ Нелидову, до государя; онъ сжалился надъ своимъ рабомъ, поѣхалъ къ нему и, увидѣвъ у него въ приемной Рокасовскаго, сказалъ ему, что онъ долженъ удалять отъ графа всякую непріятность и отвѣчаетъ ему за здоровье графа. Между тѣмъ графъ струсилъ, и когда департаментъ желѣзныхъ дорогъ представилъ ему о запутанностяхъ, возникшихъ изъ неправильныхъ дѣйствій инженеровъ на мѣстахъ работъ, графъ приказалъ департаменту, подъ собственною отвѣтственностью, дѣйствовать по закону и представить ему, кого онъ считаетъ виновнымъ въ его нарушеніи. Онъ воображалъ, что поставилъ его этою резолюціею въ безвыходное положеніе. Онъ ошибся. Департаментъ представилъ ему, что не можетъ непосредственно дѣйствовать по закону, потому что дѣла вышли изъ законной колеи и настолько отодвинулись отъ нея на путь произвола, что войти въ колею могутъ не иначе, какъ воротаясь къ ней тѣмъ же путемъ произвола; что департаментъ дѣйствовалъ по резолюціямъ его сіятельства, представлялъ каждый разъ, когда онъ казались ему несогласными съ договорами, но, за неуваженіемъ представленій, покорялся волѣ начальника, имѣя въ виду, что отвѣтственность за послѣдствія распоряженій, отъ него не зависящихъ, не можетъ ни въ какомъ случаѣ оставаться на департаментѣ. По прочтеніи этого доклада, на которомъ графъ наставилъ десятки колоссальныхъ восклицательныхъ знаковъ краснымъ карандашомъ, сдѣлалась съ нимъ жесточайшая рвота. Онъ разругалъ своего товарища Рокасовскаго за то, что онъ допустилъ представленіе доклада предъ его очи. «Такъ-то вы бережете меня! Такъ-то вы исполняете высочайшее повелѣніе!» кричалъ онъ ему. Рокасовскій перепугался; онъ просилъ позволенія взять докладъ и возвратить его мнѣ, — пріѣхалъ ко мнѣ, но я рѣшительно отказался взять обратно докладъ. Узнавъ объ этомъ, графъ еще болѣе взбѣсилъ, и рвота приняла размѣры ужасающіе. Графиня написала ко мнѣ по-французски слезное кисло-сладкое

письмо, говоря въ немъ, что ежели я не считаю себя въ обязанности быть почтительнымъ къ моему начальнику, и еще больному, то она проситъ меня принять по крайней мѣрѣ въ уваженіе озабоченность семейства моего начальника. Рокасовскій привезъ мнѣ это письмо съ моимъ докладомъ; я согласился перемѣнить въ немъ одинъ листъ, и то съ условіемъ оставить у себя замѣненный листъ съ графскими восклицаніями, доказывавшими, что листъ этотъ былъ у графа и что онъ его читалъ. Графинѣ отвѣчалъ я сладостно-кислою, и черезъ недѣлю поѣхалъ сперва къ графинѣ, а потомъ къ графу. Онъ, какъ я уже замѣтилъ, былъ по природѣ не злой человѣкъ, и даже не безчестный; онъ былъ испорченъ тиранствомъ Аракчеева, деспотизмомъ власти и ея прихотями. Окровавленность честнаго человѣка находила въ немъ отголосокъ сочувствія, да онъ и злопамятенъ не былъ. Я былъ очень ласково принятъ, и самъ началъ разговоръ о докладѣ. «Напрасно вы на меня сердитесь, графъ!—сказалъ я ему.—Мельниковъ дѣйствуетъ незаконно во всѣхъ направленіяхъ, разоряетъ подрядчиковъ, разоряетъ казну, и во всемъ прикрывается вашими резолюціями. Придетъ время, когда контроль потребуетъ отчета въ миллионныхъ передержкахъ; когда подрядчики потребуютъ вознагражденія миллионныхъ потерь. За нихъ будете отвѣчать вы одни». Графъ вострепнулся, сталъ ходить безпокойно по комнатѣ, приговаривая: «Экой мошенникъ! Экая каналья». Мы разстались совершенно друзьями.

XV.

Мои отношенія къ графу Клейнмихелю. — Образованіе министерства путей сообщенія. — Организція его по системѣ Клейнмихеля. — Инженеры-архитекторы. — Инженерный аудиторіатъ. — Дѣятельность Клейнмихеля. — Институтъ путей сообщенія. — Мои проекты. — Герсфельдтъ. — Архитекторъ Тонъ.

Въ продолженіе восьми лѣтъ я не имѣлъ ни минуты времени оглянуться на самого себя: особые порученія начальника морского штаба, управленіе канцеляріею свода морскихъ постановленій, дѣла по управленію финляндскаго генералъ-губернатора, департаментъ желѣзныхъ дорогъ, комитеты, гдѣ я былъ правителемъ дѣлъ, другіе, гдѣ я былъ членомъ, и въ особенности система и вся личность графа Клейнмихеля такъ завладѣли моимъ временемъ, моими мыслями и заботами, что я скорѣе похожъ былъ на бѣднаго рыбака, борющагося съ стихіей въ плохой лодочкѣ, чѣмъ на живущаго человѣка. Сдѣлавшись товарищемъ министра статсъ-секретаря финляндскаго, я вошелъ въ гавань, отдохнулъ, осмотрѣлся, взглянулъ впередъ: чисто и спокойно; обернулся назадъ: чепуха, такая чепуха, что и не измѣрить. Я уже изложилъ мои воспоминанія о крупныхъ, забавно-печальныхъ фактахъ, выражающихъ фізіономію тогдашняго времени; мало-по-малу всплы-

ваютъ въ памяти и внутреннія дѣйствія моего духа, и откровеніе этой дѣятельности. Я было рѣшился не записывать этихъ воспоминаній, чтобы не заклеить челоуѣка, который—повторяю—былъ все-таки ангеломъ въ сравненіи съ Чевкинымъ, съ Орловымъ, съ Гагаринымъ,—но вѣдь не для печати пишу я.

Когда я на новомъ поприщѣ встрѣтился, носъ къ носу, съ графомъ Клейнмихелемъ, я на минуту ужаснулся, но дѣлать было нечего, и я рѣшился употребить стратагему: принять видъ челоуѣка, воображающаго, что Клейнмихель самый благовоспитанный мужъ и рыцарь чести, и эта хитрость мнѣ удалась. Онъ такъ дорожилъ сохраненіемъ моихъ иллюзій, что не погнушался насиловать свою натуру, въ желаніи казаться мнѣ въ розовомъ свѣтѣ. Я старался пользоваться этимъ, чтобы дѣла наши шли благороднѣе, чѣмъ по постройкѣ Зимняго дворца, а иногда, долженъ сознаться, употреблялъ это искусственное настроеніе въ пользу, чтобы выйти изъ неловкаго положенія личнаго. Помню, какъ я просрочилъ въ Гельсингфорсѣ отпускъ; освѣдомясь, что графъ неоднократно изъявлялъ удивленіе, что я не ѣду, и желая предупредить какую-нибудь грубость, которая опять привела бы меня къ стычкѣ, я писалъ ему изъ Гельсингфорса о политическихъ новостяхъ... что-то о Монпансѣ—съ разсужденіями; зналъ почти навѣрное, что г. Монпансѣ былъ совершенно незнакомымъ лицомъ для моего государственнаго мужа, но писалъ въ убѣжденіи, что графъ не рѣшился бы на такія письма отвѣчать замѣчаніемъ за просрочку. Когда я пріѣхалъ, Клейнмихель принялъ меня очень любезно, благодарилъ за сообщеніе интересныхъ политическихъ извѣстій ему, ѣздившему въ глуши по шоссеинымъ работамъ, и прибавилъ, что Монпансѣ скотина—или что-то въ этомъ родѣ. Но искусственное состояніе не вѣчно: Мельниковъ такъ искусно развращалъ Клейнмихеля, что послѣдній наконецъ не выдержалъ,—какъ говорится, сорвался на скверный какой-то поступокъ въ отношеніи къ добросовѣстнымъ подрядчикамъ, и, сорвавшись разъ, уже потомъ не церемонился,—наподобіе тѣхъ слугъ, которые, нанимаясь, божатся, что не пьютъ,—и стараются, во имя божбы, скрывать порокъ; но если разъ господинъ поймаетъ ихъ *en flagrant délit* ¹⁾, то напиваются послѣ того уже каждый день.

Въ періодъ лучшихъ отношеній нашихъ Клейнмихель просилъ меня сообщить свое мнѣніе насчетъ устройства главнаго управленія путей сообщенія, «которое онъ въ настоящемъ положеніи оставить не можетъ». Главный форсъ Клейнмихеля былъ всегда въ симметріи... на бумагѣ: списки съ множествомъ столбцевъ, озаглавленныхъ буквами разныхъ шрифтовъ и очерченныхъ самыми лучшими карминными чернилами,—гармонія цвѣта поля съ

¹⁾ На мѣстѣ преступленія.

цвѣтомъ надписи на ярлыкахъ и т. п.—въ этомъ заключалась его заслуга, выдвинувшая его въ передніе ряды по службѣ. Разумѣется, задумавъ переустройство управленія, онъ прежде всего остановился на симметріи, но и симметріи могутъ быть достигаемы разными системами. Какую принять?—that was the question! ¹⁾ Я тогда не зналъ этого и сталъ ему предлагать такую систему, за которую онъ чуть не разсорился со мной.

— Нѣтъ, любезный Константинъ Ивановичъ, вы меня не поняли; пожалуй, по-вашему, можно ограничиться двумя департаментами! Что жъ это будетъ за министерство! Я хочу министерство полное, по крайней мѣрѣ 4 департамента, только не знаю еще, какіе лучше. Можно сдѣлать департаменты: 1) сухопутныхъ сообщеній, 2) водныхъ сообщеній, 3) желѣзныхъ дорогъ, 4) публичныхъ зданій,—или: 1) департаментъ проектовъ, 2) департаментъ искусственный, 3) хозяйственный, 4) счетный и, кромѣ того, департаментъ желѣзныхъ дорогъ.

Въ такомъ составѣ и образовалось министерство. Замѣчательно, съ какою послѣдовательностью портилось первоначальное учрежденіе этого управленія, которое, по моему мнѣнію, было совершенно рачіонально. О шоссе въ то время еще не думали,—да и дѣло не мудреное; включать въ министерство созиданіе публичныхъ зданій тѣмъ менѣе приходило въ голову, что, съ одной стороны, и тогда уже наши инженеры успѣли доказать свою несостоятельность въ архитектурномъ дѣлѣ, съ другой,—Россія была богата архитекторами перваго разряда. Зимній дворецъ, дома Строганова, Бѣлосельскаго, Шереметева, соборъ Смольнаго монастыря и Казанскій—о томъ свидѣлствуютъ; но, не говоря о Растрелли, эпоха Александра I представляетъ творенія нашихъ отечественныхъ художниковъ. Захаровъ построилъ адмиралтейство, Воронихинъ—Казанскій соборъ; при Николаѣ I Тонъ воздвигнулъ церкви, въ которыхъ одна кладка стѣнъ превосходитъ все, что сдѣлано офиціальными инженерами въ тяжелыхъ сырыхъ зданіяхъ, какъ казармы Конной гвардіи и проч.—Только гидротехника не имѣла въ государствѣ представителей, почему было благоразумно при устройствѣ управленія водныхъ сообщеній выписать инженеровъ и вмѣстѣ съ тѣмъ учредить институтъ инженеровъ-гидротехниковъ. Такъ и было сдѣлано,—и, если память не измѣняетъ мнѣ, управленіе и институтъ были: водяныхъ путей сообщенія, и дѣла управленія сосредоточивались въ двухъ учрежденіяхъ: въ департаментѣ дѣла исполнительныя, въ комиссіи проектовъ и смѣтъ дѣла техническія. Когда началось построеніе шоссе, устройство администраціи осталось то же; никому не приходило въ голову раздроблять дѣла въ центрѣ управленія на

¹⁾ Это былъ вопросъ!

сухопутныя и водяныя, когда въ натурѣ они всегда совмѣстны. Администраціи вообще бываютъ двоякаго свойства: 1) такія, которыхъ предметы не имѣютъ взаимнаго соприкосновенія, на примѣръ, подушная подать, таможенныя пошлины, внутренніе акцизы, кредитная система и пр., и 2) такія, которыя завѣдываютъ предметами, тѣсно связывающимися, на примѣръ: мосты, каналы, шоссе. Первые администраціи могутъ подраздѣляться по предметамъ, связываясь только въ головѣ министра финансовъ, который законодательнымъ путемъ обязанъ уравнивать отдѣльныя части по мѣрѣ преобладающаго вліянія тѣхъ или другихъ на внутреннее народное хозяйство. Администраціи второго рода должны непремѣнно подраздѣляться не иначе, какъ по мѣстностямъ. Ежели раздѣлять управленіе путей сообщенія такъ, какъ было сдѣлано при Клейнмихелѣ, то по соединеніи въ каждой, даже самой ничтожной постройкѣ, частей: проектной, искусственной, хозяйственной и счетной, приходилось каждому переходить по всѣмъ департаментамъ и во время каждаго антракта заходить къ начальнику округа, т. е. каждая бумага по меньшей мѣрѣ имѣетъ урожай самъ-восьмой, а между тѣмъ свойство и потребности каждой мѣстности, т. е. самое главное не усваивается ни одному департаменту; каждый видитъ только отдѣльный мостъ или дорогу, но всѣ они какъ будто плаваютъ въ воздухѣ: общей идеи нѣтъ. Ежели департаменты дѣлятся на водяныя и сухопутныя, то выходитъ та же несообразность съ натурой; въ натурѣ эти сооруженія срастаются. Положимъ, что насыпь на шоссе размылась и засорила проходящій подъ нимъ каналъ; въ натурѣ это событіе—*un et indivisible* ¹⁾, а въ бюрократіи размывъ насыпи шоссе подлежитъ одному департаменту, а засореніе канала—другому! Выходитъ, какъ нѣмцы говорятъ: «*Vor den Bäumen sieht man den Wald nicht*» ²⁾. Первоначальное устройство было рациональнѣе: пути сообщенія раздѣлялись на дистанціи, которыя непосредственно наблюдали за исправностью сооружений и за состояніемъ водъ. Дистанціи соединялись въ округахъ, которыхъ начальники, кромѣ надзора за всѣми, собирали свѣдѣнія о степени мѣстныхъ передвиженій, объ источникахъ приобрѣтенія матеріаловъ и рабочихъ и о цѣнѣ ихъ. Эти свѣдѣнія сосредоточивались въ департаментѣ. Не знаю, какъ департаментъ дѣлился на отдѣленія: по свойству ли путей, или по мѣстностямъ; если не по мѣстностямъ, то это очень дурно, ибо статистика возможна только при средоточіяхъ мѣстностей. Если Клейнмихелю хотѣлось имѣть 4 департамента, то лучше бы онъ раздѣлилъ ихъ на департаменты Балтійскаго, Сѣвернаго, Черноморскаго и Каспійскаго бассейновъ, вмѣсто отдѣленій одного де-

¹⁾ Одно и нераздѣлимое.

²⁾ Изъ-за деревьевъ не видно лѣсу.

партамента, такимъ образомъ разграниченныхъ,—чѣмъ дѣлать ихъ симметрически на бумагѣ, но нелогично на дѣлѣ. Комиссія, т. е. учрежденіе изъ подвижныхъ членовъ, для разсмотрѣнія проектовъ и смѣтъ была тоже полезнѣе, чѣмъ бюрократическій департаментъ. Въ комиссію сзывались люди опытные по той части или мѣстности, о которыхъ шло дѣло; они не ограничивались повѣркою расчета сопротивленій или прокладкою итоговъ, но умѣли судить, въ какой мѣрѣ проектируемое сооруженіе могло быть полезно въ томъ именно мѣстѣ, или въ какой мѣрѣ оно возможно тамъ изъ проектированныхъ матеріаловъ. Впослѣдствіи назначались въ комиссію члены постоянные изъ офицеровъ, утратившихъ здоровье на работахъ въ болотной мѣстности или одряхлѣвшихъ отъ возраста: такимъ образомъ, эти ветераны сохраняли способы существованія, не переставая быть полезными государству. Все это разрушено. Еще при герцогѣ Вюртембергскомъ начали инженеры его пытаться расширить кругъ своего дѣйствія: пустились въ архитектуру и въ рѣшеніе вопросовъ политической экономіи,—это то же, какъ если бы фортепьянный мастеръ сталъ считать себя Моцартомъ, потому что у его инструментовъ тонъ хорошъ. Архитектура, однако, рѣшительно не далась имъ. Бетанкуру поручено было устроить мѣсто для ярмарки въ Нижнемъ, а онъ поставилъ пакгаузы такъ, что они каждую весну заливаются Волгою. Карбоньеръ построилъ не помню какое-то зданіе: оно провалилось. Дестремъ, или кто-то другой, устроилъ каналъ, въ который вода не согласилась течь. Мельниковъ устроилъ куполь на Троицкомъ соборѣ, но первый вѣтеръ сорвалъ его какъ парикъ съ плѣшивой головы. Отучили они правительство поручать имъ дѣла, выходящія изъ ихъ гидротехнической спеціальности, и въ губернскихъ городахъ учреждены строительныя комиссіи, независимыя отъ управленія путей сообщенія. Клейнмихелю удалось, однако, поглотить эту часть въ главноуправленіе путей сообщенія и публичныхъ зданій; но государь приставлялъ къ инженерамъ дядекъ изъ архитекторовъ; инженеры сохранили за собой только часть подрядную, наиболѣе жирную. Такъ, мало-по-малу, инженеры путей сообщенія стали въ роль мужей государственныхъ по кругу дѣйствія, военныхъ—по мундиру, лаковыхъ—по вкусу и богатыхъ—по ремеслу. Но всего болѣе жалъ мнѣ комиссіи. Департаментъ проектовъ составленъ изъ начальниковъ отдѣленій—штабъ-офицеровъ, столоначальниковъ—капитановъ и помощниковъ столоначальниковъ—поручиковъ, не только не бывавшихъ на работахъ, но не умѣющихъ отличить сосновое бревно отъ еловаго, какъ Громовъ выражался. Отсюда вышло, что проекты разсматривались глупо; смѣты провѣрялись съ справочными цѣнами—плодомъ фантазіи писемоводителей магистратовъ; положеніе — съ урочнымъ положеніемъ, въ которомъ нѣтъ здраваго смысла (напри-

мѣръ, отвозка за 80 сажень на лошадяхъ дешевле, чѣмъ на тачкахъ, а за 110 сажень—первая дорожка, а за 130 опять дешевле). Работа серьезная переродилась въ канцелярскую, которая была бы столь же несносна для департамента, сколько бесполезна для правительства, если бы въ ней не попадались калифорнскія розсыпи. вмѣстѣ съ серьезною работою исчезло и убѣжище престарѣлыхъ инженеровъ, которыхъ я еще засталъ. Чтобы не выбросить ихъ на улицу, стали сажать ихъ въ совѣтъ и во вновь учрежденный аудиторіатъ, а какъ это оказалось очень удобнымъ, то потомъ стали туда сажать и всякую сволочь. Что за совѣтъ! Боже мой, и я сидѣлъ въ немъ, и слышалъ собственными бѣдными моими ушами, какъ П. А. Языковъ протяжнымъ благоговѣйнымъ тономъ возглашалъ, что онъ «вчера имѣлъ счастье играть у его сіятельства графа П. А. въ вистъ съ ея сіятельствомъ графиней К. П., что его сіятельство изволилъ подойти къ столу и сказать ему, что сегодня будетъ въ совѣтѣ дѣло такое-то, и что его сіятельство желаетъ, чтобы оно было разрѣшено такъ-то».

Аудиторіатъ! Отчего особое судилище для инженеровъ путей сообщенія? Отчего не особый тоже для министерства юстиціи, финансовъ и пр.?—Когда я объявилъ графу Клейнмихелю, что не желаю болѣе быть директоромъ департамента, то онъ шутя отвѣчалъ мнѣ, что меня не пуститъ; на замѣчаніе мое, что просьба моя написана на высочайшее имя (тоже шутя), что въ ней выражена и причина просьбы, и что государь, вѣроятно, признаетъ ее законною, онъ шутя же отозвался, что не понесетъ моей просьбы государю. На это я заявилъ шутя, что я напишу письмо государю, на что послѣдовала шутка, что онъ меня подъ судъ отдастъ; но я выразилъ ему убѣжденіе, все шутя, что судъ меня оправдаетъ. Тутъ Клейнмихель забылъ шутку. «Какъ? Мой аудиторіатъ васъ оправдаетъ? противъ меня? Этой наивности я отъ васъ не ожидалъ!» Сказалъ онъ очень серьезно, но я тоже серьезно отвѣчалъ, что я буду судимъ сенатомъ.—«Ну, Богъ съ вами! Какой упрямый!» заключилъ графъ и принялъ просьбу. Такъ вотъ польза особаго аудиторіата. Мудрено ли, что выходили положенія объ устройствѣ городовъ, въ которыхъ читаемъ, что въ Николаевѣ, Херсонской губерніи, деревянные дома дозволяется строить только въ заднихъ улицахъ, и что всѣ дома и улицы должны быть снабжены водосточными дождевыми трубами. Къ несчастію, это положеніе передалъ государь князю Меншикову, который и объяснилъ Клейнмихелю, что въ Херсонской губерніи деревянный домъ—необыкновенная роскошь, что въ Николаевѣ только одинъ деревянный домъ, и это домъ главнаго командира Черноморскаго флота, что на домахъ есть дождевые жолоба, но не для того, чтобы спускать воду въ водосточныя трубы, а для того, чтобы сберегать воду, что дождь тамъ рѣдкость, а вода—

сокровище. Вышло, что николаевское положеніе было списано съ кронштадтскаго, а какъ и Николаевъ и Кронштадтъ военные порты, то и казалось, что городовыя ихъ положенія должны быть симметричны.

Управленіе было принято Клейнмихелемъ въ довольно дурномъ составѣ: удивляюсь графу Толлю. Товарищемъ былъ Девятинъ, ловкій писака, говорунъ, но іезуитъ и такой эгоистъ, что польза службы была ему ни по чемъ; главное было—не попасться. Клейнмихель поѣхалъ съ нимъ въ коляскѣ осматривать учрежденія. Девятинъ, выигравшій у Толля бѣглымъ языкомъ и гладкими теоріями (въ родѣ Чевкина), думалъ блеснуть и передъ Клейнмихелемъ, но Клейнмихелю опасенъ былъ болтливый всезнай,—и на другой же день Девятинъ былъ замѣненъ кроткимъ и пугливымъ Рокасовскимъ. Затѣмъ Клейнмихель поѣхалъ осматривать водныя системы; тутъ онъ нашелъ смотрителей судоходства въ рубищахъ, иногда съ подозрительною краскою на носахъ, и, какъ ему рассказали, бравшихъ взятки. Онъ прогналъ всѣхъ этихъ смотрителей и замѣнилъ ихъ дистанціонными инженерами, по одному вмѣсто каждыхъ 5—10 смотрителей, и нанесъ тѣмъ смертельный ударъ рѣчной навигаціи. Смотрители дѣйствительно брали, брали подаянія, по 5—10 копеекъ съ барки, подаваемыхъ, какъ милостыня, этимъ бѣднякамъ, получавшимъ 80—100 рублей жалованья въ годъ; но эти смотрители были полезны. Живя въ будочкахъ, они неотлучно были на каналахъ, слѣдили ежеминутно за возвышеніемъ водъ; когда онѣ доходили до замѣтки, смотритель посылалъ къ начальнику системы рапортъ, на которомъ давалось разрѣшеніе пропустить столько-то судовъ, а чаще начальникъ пріѣзжалъ самъ и наблюдалъ, чтобъ по извѣстномъ пониженіи уровня шлюзы запирались въ ожиданіи главныхъ каравановъ. Этихъ стариковъ замѣнила молодежь въ эполетахъ, не имѣвшая понятія о важности сбереженія cadaго вершка воды; разтѣзая по помѣстьямъ танцовать или обѣдать, запираясь въ своихъ pokojaxъ въ ненастье, они мало знали, что дѣлается въ каналахъ. Кромѣ того, выходили неурядицы отъ общей болѣзни нашихъ отечественныхъ дѣятелей; у насъ, стоитъ только поставить должностное лицо для услуги публики, чтобы оно вообразило себя не слугою, а начальникомъ публики; такъ всегда было въ почтамтахъ, въ банкахъ, въ казначействахъ; такъ вышло и здѣсь. Ихъ благородіе било по зубамъ судовщиковъ, грубіянило съ купцами или ихъ протезировало,—и, кажется, въ томъ же году вышла катастрофа; по протекціи пропустили караванъ, не дождавшись главнаго, выпустили воду,—и большая часть грузовъ зазимовала въ шлюзахъ. Цѣны на хлѣба ужасно вздорожали; въ Петербургѣ, на биржѣ, нѣмцы сочинили каламбуръ по случаю замѣны графа Толля Клейнмихелемъ, неурядицы въ каналахъ и смерти генералъ

губернатора Эссена: «Kleinmichel ist toll geworden und Petersburg hat kein Essen» ¹⁾. Впослѣдствіи, конечно, не повторялись столь крупные промахи, но, въ общемъ характерѣ, рѣчная навигація пришла въ упадокъ, въ которомъ и доселѣ находится. Во время вояжа Клейнмихель ознакомился съ новыми личностями. Надменный, грубый и невѣжда, онъ взвѣшивалъ людей по низкимъ поклонамъ, по форменной вытяжкѣ и по болтовнѣ, — первые служили нризнакомъ усердія, вторая—представительницею порядка и дисциплины; болтовня свидѣтельствовала въ генералахъ—о людяхъ опасныхъ; въ поручикахъ—о талантѣ. Такъ выплыли Серебряковъ, Ераковъ и Адамовичъ. И у меня былъ такой баринъ—Клоковъ, офицеръ чрезвычайно способный, но мошенникъ,—и какая выдержка! зная, что я дѣлалъ расправу въ тотъ же день, расправу неумолимую, Клоковъ 8 лѣтъ былъ самаго неукоризненнаго поведенія, но когда я оставилъ департаментъ, онъ на той же недѣлѣ объявилъ подрядчикамъ, что квитанціи до тѣхъ поръ не будутъ повѣрены, пока не будетъ обѣщано чертежной—10 процентовъ.—Excusez du peu! ²⁾).

Другой вопросъ, о которомъ совѣщался со мной графъ Клейнмихель, имѣлъ предметомъ институтъ путей сообщенія. Направленіе совѣсти было, по моему мнѣнію, такъ дурно ведено, что я не ожидалъ отъ этого училища вѣрныхъ слугъ отечества. Въ видахъ радикальнаго улучшенія я считалъ нужнымъ уничтожить одноклассничество, то есть, другими словами, отмѣнить вовсе интерновъ и образовать открытую академію, въ которую принимать вольнослушающихъ съ гимназическими аттестатами, давать имъ даровое образованіе, но и безъ преимуществъ: безъ чиновъ и мундировъ. Нѣсколько лѣтъ спустя я предлагалъ то же въ отношеніи всѣхъ училищъ, дающихъ право на классный чинъ, а потомъ и въ отношеніи кадетскихъ корпусовъ, въ которыхъ, по моему проекту, были бы только открытые классы спеціальныхъ военныхъ наукъ, которыхъ успѣшное прохожденіе давало бы право на офицерскій чинъ. Ни одинъ изъ проектовъ не состоялся ³⁾, а графъ Клейнмихель ограничился тѣмъ въ отношеніи института путей сообщенія, что поставилъ надъ нимъ директора Энгельгардта, командовавшего Волынскимъ полкомъ, давъ ему въ помощники Гогеля, командовавшего ротой того же полка. Надо, впрочемъ, отдать спра-

¹⁾ Клейнмихель сдѣлался сумасшедшимъ, и Петербургъ не имѣетъ пищи (игра словъ на фамиліи Толля и Эссена).

²⁾ Извините, что такъ мало.

³⁾ За проектъ о привилегированныхъ школахъ принцъ Ольденбургскій разсердился, а о кадетскихъ корпусахъ князь Горчаковъ (Варшавскій) сказалъ мнѣ: «dans votre intérêt je voudrais que l'existence de votre projet reste à jamais ignorée. (Я бы желалъ въ вашихъ интересахъ, чтобы существованіе вашего проекта осталось навсегда неизвѣстнымъ).

ведливость Клейнмихелю, что онъ заботился объ истребленіи взятокъ, но только на свой манеръ. «Я затѣваю большое дѣло,—говорилъ онъ:—пишу самый подробный строительный уставъ; тамъ все будетъ. Какая бы ни была постройка, о каждой будетъ особая глава съ инструкціями и чертежами, и потомъ общее оглавленіе. Напримѣръ, нуженъ мостъ 5 сажень ширины, 15 сажень длины. Ищи въ оглавленіи: Мостъ, потомъ: такой-то длины и ширины, страница такая-то, а тутъ все и есть, какъ и что. Когда этотъ трудъ будетъ готовъ — прогону всѣхъ каналій-инженеровъ». Не выдержалъ, однако, и Клейнмихель, и къ нему втерлись. Былъ какой-то полковникъ Романовъ, гренадерскаго роста, нахальной наружности, инспекторъ движенія Царскосельской желѣзной дороги. Графъ не любилъ его и обошелъ при производствѣ. Вдругъ онъ появляется въ гостиныхъ графа, по субботамъ, послѣ всенощной въ домашней церкви (Клейнмихель заявилъ уже передъ тѣмъ, что «Лютеръ—скотина»),—черезъ храмъ Божій къ мірскому преуспѣянію. На одномъ большомъ вечерѣ у графа въ то время, какъ графиня проходила мимо меня, Романовъ наклонился къ ней и вполголоса сказалъ ей на ухо: «Ваше сіятельство, честь имѣю доложить, что даетъ 1000 рублей».—«Merci!»¹⁾ былъ отвѣтъ съ благосклонной улыбкой. Вслѣдъ затѣмъ Романовъ произведенъ въ генералъ-майоры съ назначеніемъ начальникомъ 1-го округа. Мнѣ сказывали, что Романовъ выпросилъ у Громова 1000 рублей въ пользу натріотическихъ школъ. Мельниковъ тоже овладѣлъ графомъ. Но когда я объяснилъ графу, какой имущественной отвѣтственности онъ подвергнуться можетъ, отпуская Мельникову, противъ закона, деньги для расхода на счетъ подрядчиковъ, то онъ-таки сердился, приговаривая, что Мельниковъ—каналья. Крафта онъ цѣнилъ выше: Крафтъ былъ у него только скотина, въ особенности за уклончивые отвѣты, или, какъ Клейнмихель выражался,—за аллегоріи.

Затѣмъ, *proprio motu*²⁾, подавалъ я графу записку о смѣтныхъ цѣнахъ. Управляя департаментомъ, я замѣтилъ, какъ несообразна система составленія смѣтъ. Пусть проектъ утвержденъ въ февралѣ. Въ мартѣ собираются справочныя цѣны на овесъ, песокъ, камень, лѣсъ, перевозки etc., цѣны колоссальныя, оттого что время близится къ посѣву, амбары истощены, дороги непроходимы. Это цѣны весеннія, самыя дорогія; смѣта составляется лѣтомъ; въ октябрѣ идутъ торги, и въ ноябрѣ заключаются подряды. Подрядчикъ, спустивъ съ весеннихъ цѣнъ 5—10%, закупаетъ хлѣбъ тотчасъ по обмолотѣ, рубитъ лѣсъ зимой, перевозитъ зимой,—все за полцѣны, и благодаритъ Господа и инженеровъ, а эти послѣдніе

¹⁾ «Благодарю».

²⁾ По собственному побужденію.

получаютъ награду за сбереженіе противъ смѣты. Или дѣлается напротивъ: зимой расчитываютъ цѣнность сбора булыжника съ полей (изъ-подъ снѣгу)—обходится рублей 6, мужики собираютъ его охотно за безцѣнокъ, и опять подрядчикъ благодарить. Или пишется въ контрактѣ: «въ случаѣ сверхсмѣтныхъ работъ, подрядчикъ расчитывается по справочнымъ цѣнамъ съ контрактною скидкою процентовъ». Тутъ, обогатить ли подрядчика, или зарѣзать (техническій терминъ),—справочныя цѣны на все готовы. Имѣя это въ виду, но не высказывая, я представлялъ, что для работъ по желѣзной дорогѣ лучше было бы: 1) обязать округи вести реестры цѣнамъ каждой мѣстности и особо за каждое время года, дѣйствительно состоявшимся на торгахъ; 2) предоставить департаменту собирать такія же свѣдѣнія и изъ другихъ источниковъ; 3) изъ обоюдныхъ свѣдѣній составлять каждый годъ, особо за каждый сезонъ, выводы среднихъ мѣстныхъ цѣнъ за минувшее трехлѣтіе, за исключеніемъ цѣнъ весьма спѣшныхъ работъ, и эти выводы брать въ основаніе смѣтъ, съ опредѣленіемъ въ контрактѣ, что цѣны каждаго времени года будутъ принимаемы, смотря по тому, въ какое время года производится работа. Клейнмихель отдалъ мою записку на разсмотрѣніе совѣта. Какая же буря поднялась въ совѣтѣ: *au voleur!*¹⁾ слышалось въ каждомъ переливѣ голосовъ. Написали протоколъ, въ которомъ совершенно извратили смыслъ моего мнѣнія и стали возражать на то, чего я не говорилъ. Правитель дѣлъ принесть мнѣ журналъ къ подписанію,—весьма нужный, но я не подписалъ его, а приложилъ отзывъ, въ которомъ объяснялъ, что я говорилъ вовсе не то, что написано въ журналѣ. Рокасовскій поднесъ этотъ журналъ графу при рапортѣ, который остался для меня секретомъ,—и я получилъ только увѣдомленіе, что его сіятельство приказалъ считать дѣло конченнымъ.

Въ то же почти время стали внушать Клейнмихелю, какъ полезно было бы давать проценты съ смѣтныхъ сбереженій въ награду строителямъ. «Такъ, дескать, въ Англіи, а въ Англіи все хорошо». Все ли тамъ хорошо,—я не знаю, но только въ Англіи строители люди частные, не служащіе; они не получаютъ жалованья, наградъ, чиновъ, пенсій; они не присягаютъ на службу; это профессионалы, и контролируются они не однокашниками, не соучастниками, а соревнователями. У насъ не то; у насъ сегодняшній контролеръ самъ можетъ завтра быть строителемъ, и наоборотъ, слѣдовательно—«не плюй въ колодезь». Но не таковъ былъ Клейнмихель, чтобы поддаться на эту щедрость. Я всегда былъ того мнѣнія, что золотомъ не купить честности, что если вору дать 500 рублей жалованья, то онъ постарается украсть еще

¹⁾ Караулъ! грабятъ.

1500 рублей, а дай ему 5000 рублей жалованья, то онъ побрезгуетъ 1500 и возьметъ 15000 рублей. Клейнмихель шелъ далѣе меня: онъ говорилъ: «я прикажу быть честнымъ». Такъ онъ и приказывалъ, однако у всѣхъ инженеровъ являлись дома, и даже Шериваль, честный финнъ, скромныхъ претензій, бывшій бѣднымъ поручикомъ на желѣзной дорогѣ, удивилъ Финляндію своею милоювиллою за Выборгомъ; у Серебрякова домъ, у Липина домъ; что у Еракова—не знаю, но это бандитъ. Одинъ былъ честный человекъ во всемъ смыслѣ слова: Бутацъ, перестраивавшій мостъ Аничковъ и бывшій у меня начальникомъ чертежной. Графъ не любилъ его; англичанинъ-каналья—было единственнымъ его титуломъ; Бенардаки переманилъ его въ Сибирь, и мнѣ пришлось удовольствоваться Клоковымъ. Былъ у меня еще честный человекъ: Зуевъ, начальникъ искусственнаго отдѣленія,—хорошій чиновникъ, вѣроятно, хорошій профессоръ, но не думаю, чтобы былъ инженеръ.

По смерти Рокасовскаго назначенъ товарищемъ Герстфельтъ, построившій Варшавскую желѣзную дорогу въ царствѣ Польскомъ необыкновенно дешево, кажется, въ 18 или 20 тысячъ верста. Насчетъ Герстфельта я призадумался. Разумъ человѣческій граненый, бываютъ въ немъ всѣ грани темныя и одна свѣтлая; бываетъ и наоборотъ—вотъ разница *in extremis*¹⁾ между идіотомъ и гениемъ; у одного все темно, у другого—все свѣтло, но и то и другое исключеніе. Я знавалъ Леопольда Мейера—оселъ во всемъ блескѣ,—а что за музыкантъ, какой вкусъ, какая теплота! Профессоръ Велланскій говорилъ про нѣкоторыхъ своихъ студентовъ: «Странная вещь! въ миллионъ разъ глупѣе меня, и играетъ въ бостонъ въ сто разъ лучше, а вѣдь тутъ нужна и тонкость и комбинація». Герстфельтъ вообще человекъ ограниченный, малограмотный, не наблюдателенъ, спокоенъ, безъ доктрины, и потому въ своемъ дѣлѣ практиченъ. Когда возникла мысль о С.-Петербурго-Варшавской желѣзной дорогѣ, государь хотѣлъ поручить Герстфельту ея постройку, Клейнмихель предложилъ это ему какъ идею, отъ него самого исходящую, но Герстфельтъ поставилъ условіемъ *sine qua non*²⁾, чтобы дистанціонныхъ начальниковъ позволили ему брать съ найма, а не офицеровъ. «Учености мнѣ не нужно,—говорилъ онъ,—въ мелкихъ исполнителяхъ; мнѣ нужны мастера, десятники. Офицеръ не умѣетъ различить, хорошо или дурно выкована шайба. Онъ не захочетъ и не сможетъ стоять въ ненастье съ утра до вечера на дорогѣ и смотрѣть, какъ вбивается костыль въ подушку,—а съ найма я найду людей, которые не сумѣютъ сдѣлать чертежъ, но которые

---

¹⁾ Въ предѣльной степенн.

²⁾ Необходимымъ.

отвѣчаютъ за точность работы». «Какъ можно,—закричалъ Клейнмихель,—при цѣломъ корпусѣ инженеровъ, который стоитъ миллионъ, брать наемныхъ!» Герстфельтъ не спорилъ, но отъ постройки отказался. Былъ у меня архитекторъ Желязевичъ, очень способный человѣкъ и *charmant artiste*¹⁾. Полякъ-каналъ, въ глазахъ Клейнмихеля. Однако государь не согласился ввѣрить постройку столичныхъ станцій инженерамъ. Онъ назначилъ для этого Тона, который выпросилъ себѣ въ помощники Желязевича. Уморительны были сношенія Тона съ нашими техниками. Тонъ начертитъ планы и детали и сдѣлаетъ коротенькую смѣту безъ ссылокъ на урочное положеніе; онъ не пишетъ въ смѣту: на устройство копровъ столько-то лѣсу, гвоздей; на вырытіе ямъ etc. По его смѣтамъ расцѣнивалась кубическая сажень фундамента, стѣнъ и пр. Входило дѣло въ техническую комиссію. Дестремъ объявлялъ, что нельзя повѣрить смѣтѣ, потому что не по урочному положенію.

— А другихъ я составлять не умѣю,—говорилъ Тонъ:—зато у меня никогда не бываетъ передержекъ, а у васъ, господа, сверхсмѣтныхъ работъ болѣе, чѣмъ смѣтныхъ.

— По какому расчету сопротивленій вы положили зданіе въ 3 и 2 кирпича?

— А по такому,—отвѣчалъ Тонъ:—что моя Благовѣщенская церковь вѣка простоятъ съ тонкими стѣнами, а ваши шестикирпичныя конногвардейскія казармы и теперь уже прѣютъ.

Генералы представляли гнѣвные лики, которыхъ Тонъ не замѣчалъ, потому что все время ходилъ по залѣ, понуря голову и руки въ карманахъ. Whistler и я хохотали. *C'était un enfant terrible*²⁾. «Я знаю, господа, вы говорите: Тонъ каменщикъ, а не художникъ. Ну-ка, вы, художники, сложите-ка мнѣ сводъ, какъ каменщикъ сложилъ въ Москвѣ... да-съ!»

Иногда Дестремъ обращался къ моей защитѣ: «*M-r le directeur, vous êtes notre procureur, de grâce...*»³⁾, но когда я замѣчалъ Тону дружескимъ тономъ, что члены комиссіи обижаются, онъ громкимъ голосомъ отвѣчалъ:

— Такъ пусть сами строятъ, я скажу государю—я и то даромъ работаю только для государя.

Тутъ *les vieux bonnets* притихали и одобряли проекты. По окончаніи главныхъ работъ по Московской желѣзной дорогѣ, я хотѣлъ преобразовать департаментъ, сократить хозяйственное и счетное отдѣленія и образовать новое контрольное, повѣряющее ежедневные сборы. Все было устроено, но какъ только я оста-

¹⁾ Предестный артистъ.

²⁾ Это былъ бѣдовый ребенокъ.

³⁾ Господинъ директоръ, вы нашъ уполномоченный, пожалуйста...

вилъ департаментъ, контрольное отдѣленіе закрылось по совѣту Романова, напугавшаго графа Клейнмихеля угрозою, что государственный контроль будетъ къ нему привязываться, что гораздо лучше оставить сборъ на вѣру лица, котораго графъ самъ выберетъ и самъ будетъ контролировать. Согласно съ этимъ и назначенъ былъ инспекторомъ Московской желѣзной дороги самъ Романовъ, а начальникомъ станціи бандитъ Ераковъ.

Послѣ этого я былъ еще съ годъ членомъ совѣта,—какой-то сходки, въ которую посылались отъ Клейнмихеля и Ельчаниновъ, и Серебряковъ, и чортъ знаетъ кто. Сквернѣйшій годъ моей жизни!

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XVI.

Таможенный вопросъ въ Финляндіи. — Моя аудіенція у государя. — Разговоръ по этому поводу съ княземъ Меншиковымъ. — Изученіе шведскаго языка. — Проектъ Ростовцева. — Отъѣздъ князя Меншикова. — Интриги его бывшихъ подчиненныхъ. — Моя аудіенція у великаго князя Константина Николаевича. — Неудовольствіе его на меня и неприятное объясненіе. — Наговоры государю на князя Меншикова. — Краббе. — Мѣры къ оборонѣ Финляндіи. — Клевета на меня. — Мнѣ удастся не допустить объявленія Финляндіи на осадномъ положеніи. — Предложеніе мнѣ мѣста финляндскаго генералъ-губернатора и мой отказъ. — Вопросъ объ устройствѣ училищъ въ Финляндіи. — Холодный приемъ у цесаревича. — Кончина императора Николая. — Характеристика приближенныхъ къ нему лицъ. — Наслѣдіе, оставленное новому царствованію. — Дѣло Войцеховича. — Графъ Орловъ. — Мое назначеніе сенаторомъ.

ВЪ МИНУТУ вступленія моего въ должность товарища министра статсъ-секретаря наткнулся я на критическое обстоятельство.

За годъ до этого времени государь приказалъ снять таможенный кордонъ между Финляндіею и С.-Петербургскою губерніею и, вмѣсто того, охранять берегъ Финляндіи русскою таможенною стражею отъ вторженія контрабанды. Эта мысль привела въ ужасъ министра финансовъ, финляндскаго генералъ-губернатора, министра статсъ-секретаря и барона Гартмана, — всѣхъ по разнымъ воззрѣніямъ и опасеніямъ. Сначала всѣ они высказывали слегка неудобства такой мѣры, или старались проволочить дѣло, надѣясь, что государь самъ отстанетъ отъ своей мысли, но когда замѣчанія ихъ остались безъ успѣха, и государь сталъ твердо настаивать на скорѣйшемъ исполненіи, они стали протестовать сильнѣе.

¹⁾ Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 426.

На это былъ, конечно, самый способный Гартманъ. Вронченко, котораго интересы наиболѣе страдали, самъ парализовалъ свой вѣсъ, называя государя министромъ финансовъ, а себя—секретаремъ. Государь, очевидно, не уважалъ его. Вронченко самъ рассказывалъ своимъ подчиненнымъ, какъ государь закричалъ ему при докладѣ: утри носъ!—выводя изъ этого заключеніе, что нюхать табакъ опасно. Куда же ему послѣ этого оспаривать виды царскіе? Графъ Армфельтъ не имѣлъ прямого повода начинать споръ. Онъ, по своему званію, прежде всего докладчикъ представленій сената, не имѣющій собственной инициативы. Князь Меншиковъ боялся рѣзкихъ выраженій, и потому никогда не выражалъ съ должною яркостью своихъ мыслей. Я съ нимъ часто спорилъ объ этомъ, но онъ увѣрялъ меня, что я не знаю государя. Гартманъ имѣлъ искусство говорить весьма сильно и серьезно, не выражая страсти своимъ голосомъ, и съ почтительнымъ тономъ и осанкою,—но съ нѣкоторыхъ поръ его убѣжденія не производили прежняго дѣйствія, и онъ потерялъ самоувѣренность; въ дѣлахъ, разрѣшаемыхъ чувствомъ вкуса или дипломатической тонкости, этого довольно, чтобы сдѣлать промахъ,—такъ точно, какъ мы всего болѣе краснѣемъ, когда боимся покраснѣть. Гартманъ говорилъ государю что-то про права Финляндіи; цесаревичу онъ сказалъ между прочимъ «que le sang coulerait» ¹⁾. Вышло, что онъ указывалъ на конституцію, какъ на право, а на послѣдствія, какъ на угрозу. Слова Армфельта были только внушенія. Князь Меншиковъ часто возвращался къ опроверженіямъ, но всегда такъ, какъ будто подъ нимъ двигался грунтъ. Вронченко вздумалъ говорить о финансахъ; государь отвѣчалъ ему: «что ты смыслишь», или что-то въ родѣ этого.

При такомъ положеніи таможеннаго вопроса приказано мнѣ было, въ воскресенье послѣ обѣдни, представиться государю; но не черезъ оберъ-камергера, а прямо черезъ князя Меншикова. Отсюда произошло, что и самое представленіе мое не пошло обыкновеннымъ путемъ. Въ ротондѣ я нашелъ рядъ лицъ представлявшихся, а я сталъ у входа. Государь прошелъ мимо меня въ коридоръ къ цесаревнѣ, бывшей тогда нездоровою. Только что государь вышелъ, графъ Шуваловъ объявилъ мнѣ, что представленіе кончено; я отвѣчалъ ему, что я еще не представлялся и явился по высочайшему повелѣнію, почему и могу уйти не иначе, какъ по такому же повелѣнію. Онъ отошелъ отъ меня, завидя государя, который, идя по коридору съ княземъ Меншиковымъ, рассказывалъ ему что-то объ австрійскомъ императорѣ. Проходя мимо меня, онъ спросилъ князя: Qui est ça? ²⁾ Я былъ названъ,—

¹⁾ Что кровь прольется.

²⁾ Кто это?

слѣдовательно, первый актъ пріема совершился. Но потомъ Шуваловъ опять сказалъ мнѣ, что тутъ я не могу стоять, и указалъ мнѣ на ширму, стоявшую за дверьми, ведущими изъ ротонды въ залу, которая предшествовала кабинету государеву. Въ залѣ былъ Орловъ. Я было и сталъ за ширмы, но, услышавъ, что государь въ той же комнатѣ остановился говорить съ Орловымъ, я вышелъ оттуда на прежнее мѣсто, замѣтивъ Шувалову, что за ширмой дѣлаюсь я подслушивающимъ разговоръ его величества. Онъ опять ко мнѣ привязался, но тутъ вышелъ Орловъ отъ государя и сказалъ мнѣ, что государь меня ожидаетъ у себя въ кабинетѣ. Я былъ принятъ очаровательно ласково. Затѣмъ государь принялся рассказывать мнѣ дѣло о таможенномъ кордонѣ. Это былъ просто великолѣпный докладъ дѣла, всей его исторіи и настоящаго положенія. Государь говорилъ превосходно! При рассказѣ дѣла онъ коснулся положенія Финляндіи.

— Финляндія благоденствуетъ, — сказалъ онъ, прибавя съ горькою улыбкою:—если меня не обманываютъ.

Я прервалъ государя, сказавъ, что его не обманываютъ.

— Слава Богу!—продолжалъ государь и опять воротился къ вопросу. Кончивъ тономъ послѣдняго слова, т. е. твердой воли, онъ сдѣлалъ было шагъ ко мнѣ, когда я началъ говорить:

— Государь! пѣль ваша не можетъ быть не понята, но едва ли она можетъ быть исполнена.

Государь вдругъ покрылся сильнымъ румянцемъ, приподнялъ голову, расширилъ глаза и выпустилъ изъ нихъ пукъ молній такъ, какъ онъ одинъ умѣлъ высыпать ихъ изъ своего взора; еще одна секунда, и послѣдовалъ бы страшный взрывъ, но я продолжалъ говорить спокойно, смотря смѣло ему въ глаза, и видѣлъ, какъ улегалась буря, какъ выступало солнце на его выразительномъ лицѣ. Въ первый разъ я имѣлъ случай провѣрить слова Гартмана: «La figure de l'Empereur est une harpe éolienne, qui vibre au moindre souffle,—et c'est pourquoi je lui parle sans me déconcerter. Si je profère un son, qui lui donne une vibration forte,—je la vois à l'instant; je change de diapason, et je vois l'effet de chaque parole. Je contemple sa belle figure comme on écoute une belle musique» ¹⁾. Что касается меня, je n'ai pas changé de diapason ²⁾; я докладывалъ государю, что географическое положеніе препятствуетъ устройству таможеннаго надзора въ другомъ мѣстѣ, что протяженіе финляндскаго берега составляетъ 1500 верстъ, и побережье

¹⁾ Лицо императора это Золова арфа, которая дрожитъ при малѣйшемъ дуновеніи, и вотъ почему я съ нимъ говорю не смущаясь. Если я издаю звукъ, который даетъ ему сильное дрожаніе, и это сейчасъ вижу; я мнѣню объемъ голоса и вижу дѣйствіе каждаго слова. Я разсматриваю его прекрасное лицо, какъ слушаютъ прекрасную музыку.

²⁾ Я не измѣнилъ объема голоса.

устьяно безчисленными шхерами; что если на каждый островок поставить по одному стражу, то потребуются цѣлая дивизія, а стражъ ничего не сдѣлаетъ, потому что въ проходахъ между шхерами таможенные катера будутъ становиться на мель тамъ, гдѣ челнокъ контрабандиста плыветъ свободно; что Финляндія представляетъ воронку, обращенную широкимъ отверстіемъ къ морю, а узкимъ—къ Систербеку.

— Да,—сказалъ государь,—географическое положеніе! вотъ первая основательная причина, которую я слышу, а то всѣ говорятъ мнѣ вздоръ. Гартманъ сидитъ верхомъ на конституціи; Меншиковъ «финтитъ». Но,—прибавилъ онъ нерѣшительно,—я буду имѣть это въ виду; я переведу туда дивизію...

Подошелъ ко мнѣ, пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Прощайте, г. Фишеръ, благодарю васъ за будущую вашу службу; я ее знаю по вашей прошедшей.

Когда я поцѣловалъ ему плечо, онъ спросилъ меня: говорю ли я по-шведски; на отвѣтъ мой, что понимаю только шведскія бумаги,—государь прибавилъ:

— Прошу васъ говорить по-шведски; мнѣ это нужно! — и съ улыбкой:—Скоро ли вы надѣетесь выучиться?

— Государь! утверждать не смѣю, но, говоря по-нѣмецки и по-англійски, думаю, что могу говорить черезъ годъ или черезъ два и по-шведски.

— Стало быть, черезъ годъ! Смотрите же я васъ спрошу черезъ годъ,—сказалъ государь съ улыбкой, и опять пожалъ мнѣ руку.

Когда я вышелъ отъ государя, Шуваловъ смотрѣлъ на меня какъ на заморскаго звѣря. Князь Меншиковъ ждалъ меня въ коридорѣ. Увидя меня, онъ вполголоса, но съ жаромъ, спросилъ:

— Qu'avez vous donc fait là-bas pendant trois quarts d'heure? cela a fait sensation! Qu'avez vous pu dire?

— Mon prince, c'est l'empereur qui a parlé,—je ne l'ai fait que pendant cinq minutes; l'empereur m'a rapporté l'affaire des douanes, et parfaitement rapporté!

— Chut! ne parlez pas ici; mettez-vous dans ma voiture, et racontez moi le tout ¹⁾.

Въ каретѣ я все пересказалъ. Князь слушалъ меня съ беспокойствомъ, и когда я кончилъ, сказалъ:

— Mon cher, vous avez joué gros jeu!

¹⁾ — Что же вы тамъ дѣлали цѣлыя три четверти часа? Это произвело впечатлѣніе! Что вы могли говорить?

— Князь, говорилъ императоръ, а я не болѣе пяти минутъ; императоръ разсказалъ мнѣ о таможенномъ дѣлѣ, и разсказалъ превосходно!

— Тише! не говорите здѣсь; садитесь въ мою карету и расскажите мнѣ все.

— Peut être que je l'ai joué,—отвѣчалъ я,—mais il paraît que je ne l'ai pas perdu ¹⁾).

Князь съ этимъ не соглашался, увѣрялъ меня, что государь мнѣ не проститъ этого, и общалъ въ среду, при докладѣ, завести обо мнѣ рѣчь, чтобы узнать, какое впечатлѣніе осталось въ государѣ. Въ среду князь сказалъ мнѣ, что заводить обо мнѣ рѣчь не было надобности, что первыя слова государя были:

— Я видѣлъ Фишера; онъ мнѣ очень понравился; благородный, откровенный характеръ.

Меншиковъ оставался все-таки при томъ убѣжденіи, что такъ нельзя противорѣчить государю, что то, что мнѣ сошло благополучно, не сошло бы ему; а я допускалъ, что послѣ 25-тилѣтняго царствованія, князь Меншиковъ не могъ вдругъ перемѣнить свой образъ объясненій съ государемъ, но доказывалъ, что если бы съ самаго начала своихъ сношеній онъ говорилъ откровенно, безъ обиняковъ, то вреда не было бы.

— Вы не знаете государя,—заклучилъ онъ.

— А я полагаю, что знаю его лучше, чѣмъ ваша свѣтлость.

Давъ государю слово выучиться по-шведски, я тотчасъ принялся за исполненіе. Это казалось мнѣ легче, чѣмъ научиться чистописанію, чтобы съѣздить за границу; запасся газетами и книгами и всю зиму прилежно читалъ, сперва сочиненія, которыхъ содержаніе было мнѣ извѣстно, а потомъ, когда усвоилъ себѣ аналогію словъ шведскихъ съ нѣмецкими и англійскими, перешелъ и къ другимъ. Такъ я составилъ себѣ значительный запасъ словъ, и понималъ уже безъ затрудненія, что читалъ своими глазами. Гораздо труднѣе было научить ухо. Самыя простыя фразы въ устахъ шведа были непонятны для моего уха; я слышалъ звуки, замолкавіе прежде, чѣмъ слухъ мой умѣлъ разграничивать ихъ. Весной сѣлъ я въ коляску, взялъ съ собой чиновника, умѣвшаго говорить по-нѣмецки, пригласилъ его отвѣчать мнѣ всегда по-шведски, и отправился въ Финляндію. При вѣздѣ въ каждый приходъ являлись ко мнѣ ленсманы; я дѣлалъ имъ вопросы. Ихъ шведскіе отвѣты скороговоркой отзывались въ моихъ ушахъ, какъ шумъ катящихся съ горы камней,—какъ «въ стѣну горохъ». Черезъ недѣлю я началъ уже слышать, гдѣ оканчивается одно слово и гдѣ начинается другое; на обратномъ пути я понималъ уже порядочно, что мнѣ говорили, но самъ говорить не могъ, потому что слова, мнѣ нужныя, прятались такъ глубоко въ моемъ складѣ, что долго надо было рыться въ памяти, чтобы отыскать то, что нужно. Г. Мелартинъ оказался чрезвычайно глупымъ; онъ вообразилъ, что моя соображательная способность стояла на уровнѣ

---

¹⁾ — Любезный, вы играли большую игру!

— Можетъ быть, что я и игралъ, но кажется, что я не проигралъ.

моей шведской діалектики, и принялъ на себя роль дядьки. Финляндца понимать гораздо труднѣе, чѣмъ шведа; первый глотаетъ всѣ согласныя; второй, какъ бы наслаждаясь гармоніей своего языка, съ кокетствомъ произноситъ каждую букву. Шведъ произноситъ *Hvad är det (Qu'est-ce?)* ¹⁾ точно такъ, какъ пишетъ; финляндецъ говоритъ: *Waëde?* Черезъ два мѣсяца поѣхалъ я опять въ Финляндію на мѣсяцъ, въ сопровожденіи г. Хеллѣна, — и къ сроку понималъ и говорилъ по-шведски. Это ни мнѣ, ни государю не понадобилось.

Служба моя въ статсъ-секретаріатѣ была необыкновенно пріятна. Графъ Армфельтъ, просвѣщенный, умный, добрый, рѣдкой симпатичности; въ вѣжливости онъ не уступалъ кн. Меншикову, но въ его вѣжливости была теплота, которой не имѣлъ Меншиковъ. Въ немъ нѣтъ столько ума, какъ въ князѣ Меншиковѣ, но гораздо болѣе сердца. Отношенія наши были наилучшія. Каждое лѣто 4 мѣсяца я былъ свободенъ, и ѣздилъ или въ деревню, или за границу. У князя Меншикова я сохранялъ прежнія занятія, по дружбѣ. Различіе нашего возраста сглаживалось временемъ. Когда я познакомился съ Меншиковымъ, мнѣ было 22 года, и я начиналъ службу, а ему за 40 лѣтъ, и онъ былъ генераль-адъютантъ; теперъ мнѣ было 45 лѣтъ, а ему 63; онъ былъ министр, — я товарищъ министра: дружба была между нами возможна. Въ такомъ положеніи засталъ меня Восточный вопросъ, разлучившій меня съ княземъ Меншиковымъ.

Передъ его отъѣздомъ представился непріятный случай, гдѣ Меншиковъ въ первый разъ забылъ свою обыкновенную преувеличенную осторожность и поступилъ непростительно. Въ Фридрихсгамѣ есть финляндскій кадетскій корпусъ, содержащійся на финляндскія суммы, но, какъ военно-учебное заведеніе, зависѣвшій отъ штаба военно-учебныхъ заведеній подъ главнымъ начальствомъ цесаревича, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ канцлеромъ гельсингфорскаго университета. Ростовцевъ сочинилъ бумагу, совершенно достойную его купеческаго происхожденія. Онъ писалъ, что учителя и офицеры корпуса, получающіе 300 р. содержанія за преподаваніе въ классахъ, даютъ по 200 и 300 часовыхъ уроковъ въ годъ, слѣдовательно имѣютъ отъ 1 р. до 1½ р. за урокъ; коллеги въ финляндскихъ гимназіяхъ получаютъ столько же, но преподаютъ по 150 или 200 часовъ, а профессора Александровскаго университета получаютъ 1000 р. и даютъ не болѣе 100 уроковъ, т. е. имѣютъ по 10 р. за урокъ. Развѣсивъ труды на вѣсахъ, какъ взвѣшиваютъ пеньку, сало или сахарный песокъ, Ростовцевъ, съ полнымъ знаніемъ первоначальной ариѳметики, вывелъ, сколько должны получать учителя въ корпусѣ и сколько

---

¹⁾ Что это?

для сего нужно прибавить къ штатной суммѣ. Эту бумагу подсунулъ онъ къ подписанію цесаревича, давъ ей форму роскрипта финляндскому генераль-губернатору. Князь переслалъ ко мнѣ это письмо при запискѣ: «Admirez l'éloquence du moderne Demosthène et donnez du relief à toutes ces absurdités» ¹⁾).

Я написалъ соображеніе, въ которомъ, разобравъ подробно ошибки и нелѣпости, сказалъ между прочимъ, что трудъ умственный нельзя мѣрить часами, что если бы это было правильно, то ротный командиръ долженъ бы былъ получать болѣе содержанія, чѣмъ главнокомандующій,—что низводитъ профессоровъ на степень поденщиковъ менѣе всего удобно канцлеру, защитнику и покровителю университета, что посему генераль-губернаторъ проситъ написать ему другое отношеніе, которое онъ могъ бы передать въ канцелярію, и проситъ только о прибавкѣ суммы, съ умолчаніемъ доводовъ, представленныхъ его высочеству штабомъ военно-учебныхъ заведеній. Цѣль этой записки была объяснить партикулярно цесаревичу, въ какіе промахи вводитъ его Ростовцевъ, и предостеречь отъ впечатлѣнія, какое произведено было бы рескриптомъ на Финляндію, и повредило бы его популярности. Я доложилъ князю, что моя бумага не можетъ имѣть ни подписи, ни номера, что это не иное что, какъ словесное объясненіе, что не угодно ли ему повидаться съ цесаревичемъ и объяснить ему изустно все, что я написалъ,—оставя у него записку лишь въ томъ случаѣ, если цесаревичъ, выслушавъ замѣчанія князя, пожелаетъ имѣть письменное ихъ изложеніе. Условились. Меншиковъ положилъ записку въ бѣлый не запечатанный конвертъ и поѣхалъ къ наслѣднику. Не заставъ его высочества, Меншиковъ оставилъ этотъ пакетъ адъютанту, прося передать его цесаревичу. Можно себѣ представить, какое дѣйствіе произвело чтеніе этой неожиданной бумаги, безъ всякой предварительно разъясненной цѣли ея. Ростовцевъ, на котораго бумага эта была исключительно направлена, постарался, разумѣется, усилить ея колоритъ и объяснить ея цѣль по-своему. Цесаревичъ, по свойственной ему кротости, не разсердился, но огорчился. Онъ говорилъ Армфельту, что, душевно уважая Меншикова и всегда показывая ему свое уваженіе, онъ тѣмъ болѣе огорчается злобною, ироническою бумагою, которую князь такъ безцеремонно ему передалъ, даже не лично. Армфельтъ отвѣчалъ, что намѣренія со стороны князя допустить невозможно, что Фишеръ долженъ знать близко заднюю мысль и что если его высочество допустить Фишера къ аудіенціи, то онъ увѣренъ, что недоразумѣніе объяснится. Цесаревичъ отвѣчалъ: «je ne demanderais pas mieux» ²⁾). Къ несчастію, я былъ въ это время въ отсутствіи,

¹⁾ Подивитесь краснорѣчію новаго Демосоена и отгнните всѣ эти нелѣпости.

²⁾ Я не желалъ бы лучшаго.

а по моемъ прїѣздѣ Армфельтъ напомнилъ обо мнѣ цесаревичу, однако я не былъ призываемъ. Вѣроятно, Ростовцевъ, въ интересахъ котораго не было мое объясненіе, принялъ противъ этого какія-либо свойственныя его характеру мѣры.

Не успѣлъ князь Меншиковъ выѣхать изъ столицы, и великій князь Константинъ принять морское министерство, какъ всѣ, имъ выведенные, имъ облагодѣтельствованные, стали испытывать, какое положеніе принять въ отношеніе къ прежнему начальнику. Мелиховъ, служившій обоюднымъ шпиономъ въ Николаевѣ, въ 1828 году, теперь уже вице-адмиралъ, болѣе всѣхъ сталъ чернить князя и, какъ его спутника, и меня, остававшагося при морской кодификаціи по просьбѣ князя, который, надѣясь воротиться черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, упросилъ меня не сдавать канцеляріи до его прїѣзда. Воры, которыхъ князь обходилъ чинами, вмѣсто того, чтобы выгонять изъ службы, платили ему за это, какъ подобаетъ ворами. Про меня Мелиховъ сказалъ, что я получаю 20 лѣтъ 10 т. р. за канцелярію свода морскихъ постановленій и ничего не сдѣлалъ, а великій князь повторялъ это, на вѣру Мелихова. Всѣ управлявшіе отдѣльными частями приглашены подать «откровенные» отчеты о состояніи ихъ частей, и если онѣ въ дурномъ положеніи, «откровенно» сказать, что тому причиною. Какъ поняли эту откровенность управлявшіе, утверждать не могу; я же подалъ отчетъ, въ которомъ изобразилъ громадность труда и скудость средствъ, выразивъ при этомъ, что сводъ постановленій, работа, въ умственномъ смыслѣ ничтожная, требуетъ гораздо болѣе времени, чѣмъ начертаніе новаго положенія, ибо послѣднее диктуется умомъ, а первое требуетъ цитатъ, которыхъ иногда нельзя пріискать ни въ одномъ архивѣ. Великому князю растолковали, что это стрѣла, пущенная въ него, ибо онъ издалъ одинъ отдѣлъ новаго морского устава. Когда я принесъ свой отчетъ, великій князь принялъ меня изрядно и, услышавъ, что я старался въ особенности исполнить его волю въ отношеніи къ откровенности,—даже очень хорошо; благодарилъ меня, объявилъ мнѣ, что онъ «juge compétent»¹⁾, и что прочитаетъ мой отчетъ со вниманіемъ.

— Въ такомъ случаѣ, долгъ благодарности на моей сторонѣ,—сказалъ я.—Ваше высочество изволите увидѣть, что я ничего не получалъ за эту канцелярію, работалъ 12 лѣтъ безвозмездно, и сдѣлалъ довольно много.

Слова мои были приняты неблагоклонно. По прочтеніи же отчета я получилъ приказаніе явиться къ его высочеству.

— Какъ вы смѣли написать, что сочиненіе новаго устава не стоитъ труда, когда вы знаете, что я написалъ уставъ?

¹⁾ Полноправный судья.

— Я излагалъ откровенно свои убѣжденія!—отвѣчалъ я.

— Такъ вы не видѣли, что я перечиталъ французскіе и англійскіе уставы?

— Ваше высочество! я далеку былъ отъ мысли критиковать новый уставъ; я привелъ свое разсужденіе только для оправданія собственной моей медленности; мнѣ приходилось перечитывать десятки томовъ только для того, чтобы убѣдиться, что закона не было, что правило введено произвольно и укрѣплено практикою.

— Такъ я вамъ покажу, что я кончу дѣло въ годъ.

— Ваше высочество! я никогда не равнялъ себя съ вами, ни въ способностяхъ, ни въ средствахъ, и смѣю думать, что лучший успѣхъ дѣла подъ вашимъ руководствомъ не можетъ послужить мнѣ укоромъ: вы въ совершенно другомъ положеніи.

Черезъ нѣсколько дней я получилъ повѣстку не являться къ его высочеству безъ приказанія, и если имѣю надобность въ личномъ докладѣ, то чтобы испрашивалъ разрѣшенія. Эта повѣстка была предметомъ роскоши, потому что я никогда не являлся къ его высочеству.

Въ маѣ я получилъ по докладу гр. Армфельта отпускъ за границу, о чемъ донесъ его высочеству и просилъ его соизволенія отправиться такого-то числа; на докладѣ написано: «согласенъ», и я уѣхалъ. Прибывъ въ Петербургъ, я получаю приказаніе явиться къ его высочеству.

— Какое право имѣете вы уѣзжать не сказавшись? — этимъ встрѣтилъ меня великій князь.

— Я уѣхалъ съ вашего согласія,—отвѣчалъ я.

— Вы обязаны были ко мнѣ явиться!

— Я не могъ этого сдѣлать, потому что получилъ запрещеніе являться безъ приказанія.

— Вы считаете себя равнымъ мнѣ, пожалуй, по вашему званію! Вообще странно, что вы сохраняете за собой мѣсто въ морскомъ вѣдомствѣ.

— Ваше высочество! я не такъ безразсуденъ, чтобы равняться съ вами, а въ морскомъ вѣдомствѣ я остаюсь по просьбѣ князя Меншикова. Это для меня не милость, а жертва.

— Мое почтеніе!—сказалъ великій князь, и я вышелъ.

Вслѣдъ за этимъ я получилъ извѣщеніе великаго князя, что онъ поручилъ кодификацію, не помню, 4-мъ или 5-ти комиссіямъ изъ контръ-адмираловъ, капитановъ и гражданскихъ чиновниковъ каждая, всего человекъ 25 (у меня было 3 чиновника), которые однако и до сихъ поръ не сдѣлали свода. Я написалъ о томъ князю, и получилъ въ отвѣтъ отъ 17 октября 1853 г.:

«Le Grand Duc ne m'a transmis aucune information sur le morcellement de la chancellerie de codification en divers comités, dont le personnel, tel que vous me l'avez désigné, n'est pas des plus

heureux. Un des membres serait une spécialité pour l'administration des ports; il y a fait ses preuves en volant à Cronstadt 2500 poudes de goudron. Par prévision, j'avais écrit une lettre particulière au Grand Duc, où je lui disais, que s'il comptait proposer des changements dans l'administration de la marine, dont il sera probablement bientôt le chef immédiat, je le priai d'attendre mon retour pour que je puisse lui transmettre personnellement différentes améliorations que j'avais déjà en vue. Il m'a répondu que c'est ainsi qu'il l'entendait». ¹⁾

Послѣ перехода непріятельскихъ войскъ на южную сторону Севастополя государь сказалъ одному офицеру, отправлявшемуся туда, что фельдмаршальскій жезлъ князя Меншикова у него на столѣ, пусть князь кончитъ дѣло и пріѣдетъ взять его. Это нанесло послѣдній ударъ. Многие, окружившіе престолъ, которыхъ я имѣлъ случай видѣть, и впереди ихъ Орловъ, не могли скрыть, что они гораздо болѣе страшились явки Меншикова на приглашеніе государя, чѣмъ разбитія нашей арміи; дисциплину разрушали всѣми средствами. Инкерманское дѣло князь не могъ возобновить оттого, что у него не было пороку. Меншиковъ, котораго умъ цѣнилъ императоръ Александръ и доселѣ Николай, прослылъ глупымъ; герой 1828 и 1829 года оказался въ 1854 г. совершенно неспособнымъ въ глазахъ придворныхъ; человѣкъ, который надѣдалъ своею вѣжливостью, и звалъ къ себѣ моего писаря на чай за то, что онъ имѣлъ обязательность принять изъ казначейства его арендныя деньги, прославленъ грубіяномъ, являющимся въ пальто къ султану. Наконецъ, женская интрига изобрѣла оружіе еще болѣе мѣткое: говорили государю *sans nier ses mérites, que Menchikoff était sa mauvaise étoile* ²⁾).

Въ 1855 г. 12 февраля, за недѣлю до кончины государя, Меншиковъ писалъ мнѣ изъ Севастополя: «Je vous remercie pour vos bonnes lettres du 25 décembre, 2 et 9 janvier; les lettres qu'on reçoit de ses amis sont un véritable baume de consolation, quand l'on se trouve, comme moi, calomnié et presque honni, tant par la cour que par la capitale. Je ne vous entretiendrai pas de tout ce que

¹⁾ «Великій князь не передавалъ мнѣ никакого извѣщенія о преобразованіи канцеляріи кодификаціи во многіе комитеты, составъ которыхъ, такой, какъ вы мнѣ его изобразили, не изъ удачныхъ. Одинъ изъ членовъ годился бы особенно для завѣдыванія портами; онъ доказалъ въ этомъ свои способности, укравъ въ Кронштадтѣ 2500 пудовъ смолы. Предусматривая это, я написалъ великому князю частное письмо, въ которомъ ему сказалъ, что если онъ разсчитываетъ предложить перемены въ управленіи флота, котораго онъ будетъ, вѣроятно, скоро непосредственнымъ начальникомъ, я прошу его подождать моего возвращенія, чтобы я могъ лично передать ему различныя улучшенія, которыя я имѣлъ уже въ виду. Онъ мнѣ отвѣтилъ, что онъ такъ и предполагаетъ.

²⁾ Не отрицая его достоинствъ, что Меншиковъ былъ его несчастливой звѣздой.

j'éprouve, et de la difficulté de ma position. Le porteur de cette lettre vous en fera le récit» ¹⁾).

Le porteur ²⁾ былъ Краббе, адъютантъ князя Меншикова. Князь сблизилъ его съ своимъ домомъ еще въ мичманскомъ чинѣ, потому что отецъ его служилъ на Кавказѣ, въ который князь былъ рѣшительно влюбленъ. Краббе былъ тогда, какъ и теперь, величайшій невѣжда, едва умѣвшій писать, но остроумный, расторопный и фигляръ. Потомъ князь сдѣлалъ его своимъ адъютантомъ, но на службу сталъ употреблять его дѣятельно только по выбытіи изъ адъютантовъ смышленнаго и неутомимаго Васильева, — на службу, поколику она не требовала ни познаній, ни грамоты. Князь Меншиковъ давно уже тяготился директоромъ своей канцеляріи А. А. Жандромъ; говорилъ всѣмъ, что желалъ бы какъ-нибудь отъ него избавиться, адъютантамъ, секретарямъ, знакомымъ, но только не ему самому. Во всемъ домѣ повторяли отзывъ князя на вопросъ, сдѣланный ему: «Comment va votre gendre?» ³⁾ (Вадовскій, лежавшій въ лихорадкѣ).

— Lequel? j'en ai deux, mais aucun ne m'a réussi ⁴⁾.

Но Жандръ имѣлъ свою философію и продолжалъ наслаждаться преимуществами своего мѣста. Наконецъ, около 1850 года, онъ сталъ ему не въ мочь. Князь предложилъ мнѣ его мѣсто, но я отвѣчалъ, что это уже слишкомъ поздно. Въ 1852 году, или нѣсколько ранѣе, я совѣтовалъ князю назначить Краббе директоромъ канцеляріи, находя, что для переписки, которая въ канцеляріи не мудреная, онъ можетъ имѣть грамотныхъ начальниковъ отдѣленія, но что онъ пользуется репутаціею обязательнаго человѣка и не будетъ становиться ширмою между княземъ и флотомъ. Князь одобрилъ эту мысль, однакоже посовѣстился, и просилъ меня «поучить» Краббе, дабы онъ могъ, по крайней мѣрѣ, написать записочку лучше П. А. Колзакова. Его прикомандировали ко мнѣ въ канцелярію, а между тѣмъ услали князя въ Константинополь. Краббе былъ нѣсколько разъ присылаемъ сюда изъ Севастополя съ донесеніями и держалъ себя въ отношеніи къ князю Меншикову очень хорошо. Не вдаваясь въ полемику о достоинствахъ нашей крымской арміи, которая была прескверная, онъ очень ловко аттестовалъ ее; такъ, рассказавъ Орлову подро-

---

¹⁾ Благодарю васъ за ваши добрыя письма отъ 25 декабря, 2 и 9 января; письма, которыя получаешь отъ своихъ друзей, настоящій бальзамъ утѣшенія, когда бываешь, какъ я, оклеветанъ и почти опозоренъ, какъ дворомъ, такъ и столицей. Я не пишу вамъ обо всемъ, что я испытываю, и о затруднительности моего положенія. Податель этого письма вамъ все расскажетъ.

²⁾ Податель.

³⁾ Какъ поживаетъ вашъ зять?

⁴⁾ Который? У меня ихъ два, и ни одинъ не удался.

ности Инкерманскаго дѣла и выслушавъ злорадныя сожалѣнія Орлова, Краббе прибавилъ:

— Но это дѣло имѣло и хорошія послѣдствія!

— Какія?—спросилъ Орловъ.

— Всѣ полковые командиры перебиты!—отвѣчалъ пресерьезно Краббе.

Это рассказывалъ мнѣ самъ А. О. Орловъ.

Въ другой разъ, когда великій князь Константинъ сталъ чернить князя Меншикова, Краббе всталъ и просилъ его высочество не говорить такъ о князѣ: «онъ мнѣ благодѣтель; я не могу слушать слова, ему оскорбительныя!» Это говорилъ мнѣ Краббе, и я ему вѣрю,—но когда онъ, за эту доблесть, сталъ ближе къ великому князю, политика его измѣнилась; онъ сталъ порицать Меншикова съ тою же смѣлостью, съ какою прежде заступался за него,—и замѣчательно! быстрота его повышений совпадала съ яростью его нападокъ на репутацію Меншикова! Теперь онъ управляющій морскимъ министерствомъ, со всѣми почестями и преимуществами званія, но онъ можетъ откровеннѣе и вѣрнѣе сказать великому князю, чѣмъ Вронченко говорилъ государю: «Какой же я министр? я секретарь вашего высочества!» прибавя къ слову секретарь: не умѣющій писать.—Да Богъ съ нимъ!

Кн. Меншиковъ оставилъ въ Финляндіи экономію, почти равняющуюся двухлѣтней бюджетной суммѣ статнаго дохода. Съ наступленіемъ весны 1854 г. генералъ-адмиралъ взялъ на себя устроить морскую оборону; придумалъ какихъ-то вольныхъ матросовъ; наняли купеческія суда, набрали по найму тысячи бродягъ въ должность матросовъ на эти суда. Не знаю, чего стоила эта флотилія Петра Пустынника государственному казначейству, но знаю, что эти защитники почти всю слѣдующую зиму грабили проѣзжихъ по петергофскому шоссе и что вся финляндская экономія истрачена. Исправлявшій должность генералъ-губернатора генералъ-лейтенантъ Рокасовскій доносилъ государю, что денегъ въ финляндской казнѣ остается на нѣсколько недѣль и что необходимо сдѣлать «секретный заемъ». Баронъ Гартманъ, соглашаясь въ томъ, что денегъ неостанетъ, оспаривалъ форму займа, предложенную Рокасовскимъ, и предлагалъ публичный внутренній заемъ. Государь приказалъ послать меня въ Финляндію съ тѣмъ, чтобы я, по взаимномъ совѣщаніи, привезъ ему свое заключеніе, какой заемъ лучше. Хитрый, самолюбивый Гартманъ уѣхалъ изъ Гельсингфорса; Рокасовскій просилъ меня торопиться, потому что въ кассѣ только 150 т. руб. (мѣсячная бюджетная сумма). Я позвалъ помощника начальника финансовой экспедиціи Борна, составилъ самъ форму вѣдомости и поручилъ Борну дать мнѣ свѣдѣніе о ресурсахъ, составленное по этой формѣ. Оказалось, что касса имѣетъ еще миллионъ рублей. Воротясь въ Петербургъ, я

донесъ государю, что займа никакого не нужно; деньги еще есть; что если опять понадобятся экстраординарные расходы, то правительство можетъ употребить фонды, назначенные на ссуды фабрикамъ, во-1-хъ, потому, что правительство не обязано давать ссуды, когда само не имѣетъ денегъ, и, во-2-хъ, потому, что въ военное время неумѣстно распространеніе новыхъ фабрикъ на занятые деньги, и что подобныя спекуляціи кончились бы банкротствомъ; въ этомъ же докладѣ я намекалъ о неосторожности одобрять проекты прежде расчета, во что они обойдутся и можетъ ли край вынести такой расходъ. Государь утвердилъ мое мнѣніе, но финляндскій сенатъ вошелъ съ новымъ представленіемъ, въ которомъ опровергалъ мои основанія. Тогда я вошелъ съ вторичнымъ докладомъ, и побѣда осталась за мною.

На меня были давно сердиты: судебныя высшія власти — за законъ о викаріяхъ; расточители — за законъ о прекращеніи взаимныхъ личныхъ поручительствъ; литераторы — за законъ о финскихъ брошюрахъ; винокуры — за проектъ о наказаніяхъ за кражеводство. Теперь разсердился и весь сенатъ, за *fiasco* ¹⁾ его финансовыхъ плановъ. Нашли средство повредить мнѣ; увѣрили Ростовцева, что пасквиль на его предположеніе о финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ — моя штука, что князь Меншиковъ не зналъ содержанія бумаги, понесенной имъ къ цесаревичу, и что онъ вообще подписываетъ все, что я подаю ему, не читая (таковскій!). Ростовцевъ пересказалъ это наслѣднику. Я не знаю, какъ принялъ это наслѣдникъ, но могу себѣ представить: онъ оказывалъ мнѣ благоволеніе выше заслугъ моихъ, а я — заплатилъ за это подлымъ, ядовитымъ дѣйствіемъ! Таковъ былъ бы смыслъ его впечатлѣній, если бы то, что ему сказали, не было клеветою. Я могъ скорбѣть, могъ сердиться за то, что цесаревичъ повѣрилъ такому обо мнѣ разсказу, ибо мои правила обозначились уже всею моею службою, но, допустивъ возможность вѣры клеветѣ, — я не могъ имѣть сомнѣнія и о томъ свѣтѣ, въ какомъ я ему представляться долженъ. Это все было въ октябрѣ 1854 г.

Въ ноябрѣ возникли затрудненія насчетъ управленія Финляндіей. Государь нашелъ, что Рокасовскій неспособенъ къ оборонѣ Финляндіи, и предложилъ Н. Н. Муравьеву командованіе войсками въ Финляндіи. Рокасовскій не хотѣлъ оставаться при половинѣ прежнихъ правъ, а Муравьевъ затруднялся принять на себя гражданское управленіе. Этотъ вопросъ не интересовалъ меня, но въ то же время государь приказалъ объявить Финляндію въ осадномъ положеніи. Повелѣніе это, еще не объявленное, но уже извѣстное, произвело тревожное дѣйствіе на финляндскія власти;

---

¹⁾ Неудачу.

всѣ были убѣждены, что это можетъ имѣть весьма печальныя слѣдствія, но знали и то, что вмѣшиваться въ эту сферу царскихъ распоряженій было чрезвычайно опасно. Я рѣшился высказать государю правду; написалъ записку, въ которой доказывалъ, что въ Финляндіи осадное положеніе и опасно и ненужно; что тамъ администрація такъ устроена, что главнокомандующій не потеряетъ нисколько времени, обращаясь съ своими требованіями къ ординарнымъ властямъ, а не прямо къ обывателямъ,—и, для большаго убѣжденія, приложилъ и программу отношеній военнаго начальства къ гражданскому. Армфельтъ, какъ финляндецъ, желалъ, чтобы мое мнѣніе было извѣстно, но, какъ добрый человѣкъ, опасался за меня и уговаривалъ меня взять докладъ назадъ. Я на это не согласился: *Faisce que dois, aggrave que pourra*¹⁾. Армфельтъ передалъ мой докладъ цесаревичу, а его высочество, довольно нерѣшительно, подалъ его государю. Узнавъ, въ чемъ дѣло, государь взялъ бумагу съ нѣкоторымъ гнѣвомъ, сталъ читать ее, успокоился, просвѣтлѣлъ и, написавъ на докладѣ: совершенно справедливо, пожаловалъ мнѣ орденъ Владимира 2-й степени. Ни военнаго, ни осаднаго положенія въ Финляндіи не было.

Между тѣмъ Муравьевъ рѣшительно отказался отъ командованія войсками въ Финляндіи, и оно ввѣрено генераль-адъютанту Бергу. Государь, слѣдуя моей программѣ, приказалъ Армфельту представить ему списокъ лицъ, изъ которыхъ онъ могъ бы выбрать финляндскаго генераль-губернатора, не командующаго войсками. Армфельтъ сталъ читать ему съ разстановкою имена. По третьему имени, государь сказалъ:

— *Vous n'avez qu'à lire, mais j'ai mon candidat: c'est Fischer; allez immédiatement chez lui et priez le de ma part d'accepter cette place: dites lui, que je l'en prie!*²⁾

Армфельтъ пріѣхалъ ко мнѣ и пересказалъ мнѣ все. Я тутъ же написалъ письмо къ нему, въ которомъ, изъясняя глубочайшую признательность государю, приводилъ слабость моего здоровья въ видѣ препятствія принять мѣсто, и какъ здоровье мое всего плоше лѣтомъ, то я находилъ, что *interregnum*³⁾, могущее произойти отъ моей болѣзни лѣтомъ, въ разгаръ военныхъ дѣйствій, можетъ имѣть весьма неблагоприятное вліяніе на ходъ внутренняго управленія.

— *Voilà, m-r le comte,*—сказалъ я, отдавая ему письмо,—*ma réponse officielle! Si Monseigneur l'Héritier vous demande les raisons réelles, qui m'empêchèrent d'accepter une place aussi honorable,*

¹⁾ Исполняй свой долгъ, несмотря ни на какія послѣдствія.

²⁾ Вы можете прочитать, но у меня есть свой кандидатъ: это Фишеръ; отправьтесь непосредственно къ нему и попросите его отъ меня принять это мѣсто: скажите ему, что я прошу его объ этомъ.

³⁾ Междуцарствіе.

veuillez lui dire, qu'elles reposent dans la personne du général Berg. Je sais qu'il est d'un caractère inquiet, et qu'il brigue la place de gouverneur général. Je crains qu'il ne m'adresse des demandes, dont l'exécution ruinerait le pays. Si j'y acquiesce,—le pays me maudira; si je m'y oppose—le general portera plainte, et en cas d'échec militaire jettera toutes ses fautes sur moi,—et j'aurai le malheur de perdre la bonne opinion que l'Empereur a de moi jusqu'à ce moment ¹⁾).

Совершенно забылъ, было ли это въ 1854 г. и совпадало ли съ назначеніемъ Берга главнокомандующимъ. Припоминаю, что онъ командовалъ уже, когда англичане бомбардировали берега. Впрочемъ, такъ какъ я пишу не для исторіи, и факты остаются фактами, то и оставляю числа безъ дальнѣйшей повѣрки.

Въ январѣ опять вышелъ расколъ въ вопросѣ объ устройствѣ училищъ. Сенатъ былъ одного мнѣнія, епископы другого, князь Меншиковъ третьяго.

Для рѣшенія этого вопроса государь опять приказалъ послать меня въ Гельсингфорсъ. Между тѣмъ цесаревичу напѣли, будто проектъ Меншикова мой (что такъ и было), будто я такой самонадѣянный, что не допускаю никакой чужой мысли; согрѣли опять исторію объ окладахъ финляндскаго кадетскаго корпуса, словомъ, сдѣлали все, что можно, чтобы уронить меня во мнѣніи наслѣдника, не смѣя говорить противъ меня государю, ибо государь велѣлъ бы все на чистую воду.

Сѣздивъ въ Гельсингфорсъ, переговоривъ съ педагогами и съ епископомъ въ Борго, я изложилъ въ моей запискѣ свое мнѣніе насчетъ училищъ; я опровергалъ мнѣніе сената, предлагавшаго реальныя гимназіи, тѣмъ, что онѣ уничтожили бы серьезное и религіозное направленіе преподаванія; я находилъ противъ мнѣнія епископовъ, что исключительное подчиненіе имъ всѣхъ училищъ не оправдалось опытомъ, ибо епископы потворствовали своимъ коллегамъ-богословамъ и вовсе не заботились о дисциплинарномъ положеніи училищъ; я предпочиталъ оставить гимназіи классическія, съ нѣсколькими высшими техническими классами, и присоединить къ епископскому надзору совмѣстный надзоръ губернато-

---

¹⁾ Вотъ, графъ, мой официальный отвѣтъ! Если государь наслѣдникъ спроситъ васъ о дѣйствительныхъ причинахъ, которыя помѣшали мнѣ принять столь почетное мѣсто, то благоволите ему сказать, что онѣ основываются на личности генерала Берга. Я знаю, что у него безпокойный характеръ, и что онъ домогается мѣста генераль-губернатора. Я боюсь, что онъ будетъ обращаться ко мнѣ съ просьбами, исполненіе которыхъ разоритъ край. Если я соглашусь на нихъ — страна меня будетъ проклинать; если я имъ буду сопротивляться — генералъ будетъ жаловаться, и въ случаѣ военной неудачи свалитъ всѣ свои ошибки на меня, — и я буду имѣть несчастье потерять хорошее мнѣніе, которое до сихъ поръ имѣлъ обо мнѣ императоръ.

ровъ. Въ особой запискѣ я говорилъ, что, какъ ни сильно мое убѣжденіе, полезно было бы составить изъ извѣстнѣйшихъ педагоговъ комитетъ, которому сообщить всѣ три проекта, не называя ихъ авторовъ, съ тѣмъ, чтобы комитетъ сказалъ, который изъ нихъ лучше, не стѣсняясь іерархическими уваженіями.

Я воротился въ Петербургъ за три дня до кончины государя. Не зная въ то время о наговорахъ, противъ меня сдѣланныхъ, я былъ смущенъ холодною пріема цесаревича. Зная, что его высочеству поручено уже было управление дѣлами имперіи, я не смѣлъ обременять его вовсе неспѣшнымъ дѣломъ, и потому оставилъ портфель у двери въ кабинетъ на стулѣ. Цесаревичъ спросилъ меня сухо, отчего у меня нѣтъ доклада объ исполненномъ порученіи, — и на мой отзывъ, что я не представляю его по несвоевременности, цесаревичъ такъ же сухо объявилъ мнѣ, что онъ не видитъ препятствій. Доложивъ, что докладъ у меня за дверью, я изложилъ свои мысли объ училищахъ и, какъ видно было, получилъ одобреніе, ибо наслѣдникъ сказалъ мнѣ, что вполне раздѣляетъ мои мысли и сейчасъ доложить мою записку государю.

— Государю сегодня гораздо лучше! — прибавилъ онъ.

Я осмѣлился отозваться.

— Ваше высочество! дозвольте мнѣ говорить съ полною откровенностью!

Получивъ дозволеніе, я продолжалъ:

— Ваше высочество! юношество есть самое драгоцѣнное достояніе родителей, на которое правительство имѣетъ гораздо меньше права, чѣмъ на всякое другое частное достояніе. Поэтому неосторожно бы было распорядиться участію дѣтей на основаніи какого-нибудь личнаго соображенія. Я говорилъ объ училищахъ по убѣжденію, но мое убѣжденіе можетъ быть ошибочно. Спросите лучше у родителей или ихъ повѣренныхъ, чего они желаютъ для назиданія дѣтей своихъ! Повѣренными я называю духовенство и лучшихъ педагоговъ, такихъ, къ которымъ родители отдають своихъ дѣтей преимущественно. Ихъ нетрудно узнать; въ Гельсингфорсѣ, напримѣръ, рядомъ съ гимназіей, гдѣ преподаваніе безвозмездно, стоитъ пансіонъ Бакмана, въ которомъ за слушаніе лекцій платятъ 100 рублей. Гимназія даровая пуста, а дорогой пансіонъ Бакмана переполненъ. Слѣдовательно, Бакманъ есть повѣренный всѣхъ родителей, которыхъ дѣти у него учатся. Прикажите, ваше высочество, составить изъ такихъ людей комитетъ и поручить ему пересмотрѣть всѣ проекты.

Цесаревичъ, казалось, былъ удивленъ моею рѣчью, но пожалъ мнѣ руку и сказалъ:

— Это дѣлаетъ вамъ честь! Отдайте мнѣ записки!

Думалъ ли я, что черезъ два дня великій князь, съ которымъ я говорилъ, будетъ моимъ государемъ! Черезъ два дня скончался Николай Павловичъ!

Николай Павловичъ служилъ Россіи такъ усердно, какъ не служилъ ей ни одинъ изъ его подданныхъ; онъ трудился добросовѣстно, но ошибался въ системѣ, и былъ обманываемъ съ отвратительнѣйшимъ цинизмомъ. Онъ былъ несчастливъ въ выборѣ людей. Шефомъ жандармовъ назначилъ Бенкендорфа. Не говоря о ложности этой системы полиціи, нельзя было упрекнуть государя за выборъ Бенкендорфа. Образованный человѣкъ, добраго сердца, благороднаго характера, неустрашимый, — чего же болѣе? — а что дѣлалось при Бенкендорфѣ! Родной братъ генералъ-лейтенанта Эттера, командовавшаго дивизіею въ Финляндіи, высокій, черно-волосый, очень красивой наружности, знакомый съ Бибиковыми и графинею Клейнмихель, чуть не сосланъ на каторгу по распоряженію Третьяго Отдѣленія, какъ бѣглый съ каторги грабитель церкви, который былъ малаго роста, худоцавъ и рыжъ. Князь Меншиковъ не могъ разувѣрить Бенкендорфа, что его обманываютъ, и Бенкендорфъ только тогда оставилъ Эттера въ покоѣ, когда Меншиковъ погрозилъ, что доложить обо всемъ государю. Говорили тогда, что это затѣялъ начальникъ Третьяго Отдѣленія Мордвиновъ изъ ревности! Когда я былъ директоромъ канцеляріи комиссіи постройки желѣзной дороги, я близко узналъ Бенкендорфа. Зная, что не поймаю председателя на долгое время въ Петергофѣ, я сдѣлалъ краткій реестръ бумагамъ, поступившимъ въ комиссію, и противъ номера каждой написалъ проекты резолюцій. Когда графъ Бенкендорфъ увидѣлъ въ моихъ рукахъ кипу бумагъ, онъ сказалъ мнѣ: *«Mon cher! je ne puis vous donner qu'une petite demi-heure»*. *«Je ne vous demanderai, m-r le comte, qu'un quart d'heure»*¹⁾. Прочиталъ ему содержаніе каждой бумаги и проектированную резолюцію и сказалъ: «Если ваше сіятельство согласны, не угодно ли подписать этотъ реестръ». Когда онъ подписалъ его и увидѣлъ, что я укладываю бумаги, онъ спросилъ:

— Какъ? все?

— Все, графъ.

— Молодецъ! и скоро, и хорошо!

Когда я приносилъ ему бумаги къ подписанію и собирался читать ихъ, онъ говорилъ: «не нужно», бралъ всю кипу, выдвигалъ изъ стола съ лѣвой руки длинный ящикъ съ поперечными перегородками, подписывалъ бумаги, не читая, клалъ каждую подписанную бумагу въ ящикъ, въ 1-е, 2-е, 3-е отдѣленіе его по порядку, такъ что на первую бумагу ложилась шестая или пятая,

¹⁾ — Мой дорогой! я вамъ могу дать только полчаса.

— Я у васъ попрошу, графъ, только четверть часа.

а между тѣмъ на первой подсыхалъ его замысловатый парафъ. Какія страшныя бумаги могли проходить такъ черезъ его подпись изъ Третьяго Отдѣленія или корпуса жандармовъ! Но могли ли знать государь, что Бенкендорфъ такъ безпеченъ! Передъ нимъ и всѣ другіе и онъ принимали видъ неистощимой попечительности,—а за глазами государь не видѣлъ. Если бы Меншиковъ, Бибиковы и Клейнмихель сказали государю, что Третье Отдѣленіе хотѣло сдѣлать съ Эттеромъ, онъ распорядился бы,— чему былъ и опытъ. Государь, приказалъ графу Бенкендорфу написать Уварову, что его величество крайне недоволенъ направлениемъ журналистики и не можетъ не приписать этого невнимательности министерства. Мордвиновъ же написалъ Уварову выговоръ отъ себя. Уваровъ пожаловался государю, приложивъ письмо Мордвинова, и сей послѣдній былъ немедленно смѣненъ. Мои личные опыты доказываютъ, что государю можно было говорить правду и что онъ переносилъ противорѣчіе, если оно было сказано откровенно, безъ боязни и безъ обходовъ. Виновны тѣ, кто, имѣя къ нему доступъ, занимали его пустяками и умалчивали о важныхъ дѣлахъ, изъ мелочныхъ опасеній или расчетовъ. За исключеніемъ Клейнмихеля, нельзя упрекнуть государя и въ томъ, чтобы онъ замѣщалъ должности по прихоти. Лица, имъ избранныя, соединяли большею частію блестящія наружныя качества: Бенкендорфъ, Орловъ, Воронцовъ. Государь имъ ввѣрился, но какъ оплатили они ему за его довѣріе? Бенкендорфъ все забылъ въ пользу своей безпечности; Орловъ вмѣшивался въ грязныя спекуляціи; Воронцовъ оклеветалъ Муравьева, лучшаго русскаго генерала; Панинъ сдѣлалъ все, что могъ, къ униженію сената; Меншиковъ не обманывалъ государя, но ни одной правды не умѣлъ сказать, не обинуясь. Если я рисковалъ говорить ему прямо, что думаю, то не могу простить имъ, что они были трусливѣе меня. Душевно сожалѣю Меншикова, но не могу не винить его самого, что онъ палъ. Сознаю ошибки государя, но не могу не уважать его и не жалѣть о немъ. Что должна была выстрадать его могучая натура, когда онъ увидѣлъ, что во всемъ ошибся и во всемъ его обманывали; когда севастопольскіе бастіоны, которые величались въ отчетахъ военнаго министра «несокрушимыми твердынями», разсыпались въ порошокъ подъ непріятельскими ядрами; когда войска его бѣжали цѣлыми бригадами, бросая въ полѣ раненыхъ командировъ! Патріотизма не было ни въ комъ изъ его окружающихъ; главнокомандующаго лишали средствъ обороны изъ страха, чтобы онъ не сдѣлался фельдмаршаломъ; слово, сказанное имъ по секрету своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, разглашалось и черезъ два дня доходило до французскаго главнокомандующаго Канробера. Десять лѣтъ прошло со времени его кончины, но я скорблю еще о немъ. Онъ тяжело искупилъ свои невольныя ошибки,

но безупреченъ былъ въ помышленіяхъ, патріотъ, труженикъ и честный человѣкъ! Лстецы его и обманщики сошли со сцены: Клейнмихель, впавшій въ дѣтство отъ своего ничтожества; Орловъ, считавшій себя въ безуміи свиньею; Воронцовъ въ процессѣ съ публицистомъ, закидавшимъ грязью его предковъ; Панинъ, осмѣянный всею Россіею; только Долгоруковъ благоденствуетъ.

Со вступленіемъ на престолъ Александра Николаевича являются другіе дѣятели. Князь Меншиковъ уволенъ не только отъ званія главнокомандующаго, но и отъ всѣхъ прочихъ должностей; Клейнмихель тоже, а впослѣдствіи Бибиковъ. Князь Паскевичъ и Нессельродъ недолго пережили покойнаго государя. Хрущовъ, Милютинъ, Оболенскій, Головинъ стали вождями партій; откуда ни взялись, выступили изъ подполья разныя партіи: славянофилы, социалисты, сепаратисты. Національности и секты подняли головы; поляки надѣялись на возвращеніе правъ; балтійскія губерніи ждали особаго сената; финноманы мечтали о какой-то самостоятельности. Всѣ газы, порожденные разложеніемъ силъ государственныхъ въ послѣднее десятилѣтіе царствованія Николая, газы, сдерживавшіеся его энергическою личностью, выступили наружу, какъ только онъ закрылъ свои грозные глаза. Задача правительства усложнилась. Въ государствѣ, какъ въ тѣлѣ органическомъ, одинъ недугъ поддерживаетъ другой, и оба усиливаются взаимно; чѣмъ грубѣе ошибки политическія, тѣмъ сильнѣе внутреннее разстройство, и чѣмъ сильнѣе это разстройство, тѣмъ легче впасть въ ошибки политическія. Подготовка новаго царствованія не обѣщала Россіи спокойнаго развитія; въ ней успѣли уже окрѣпнуть дурные элементы, съ которыми трудно справиться и опытному правителю,—элементы, изъ которыхъ самый вредный—элементъ канцелярскій.

Канцелярская наглость составляла изстари хроническую язву Россіи,—гангрену, портившую ея соки и поглощавшую ея силы. Давно уже, со временъ татарщины, земскіе и уѣздные суды, полиція въ городахъ, хозяйственныя и казенныя управленія грабили съ неимовѣрною дерзостью; еще въ младенчествѣ я слышалъ отъ своего крестнаго отца сарказмы на орденъ; онъ объяснялъ буквы С. В. на владимирскомъ орденѣ, какъ надпись: смѣлѣе воруй. Эта наглость не касалась только двухъ частей: политики и училищъ, гдѣ лица, окружающія престолъ, берегли еще свою честь, хотя и не всегда были чисты. Потомъ эта грязь, облѣпившая нижнія ступени іерархической лѣстницы, стала подниматься вверхъ, просасываясь сквозь связи административнаго механизма. При Николаѣ эта наглость стала принимать правильныя формы, несмотря на строгость императора. Прежде эта наглость дѣйствовала посредствомъ нарушенія законовъ; теперь она стала чертить законы, способствующіе воровству. Прежде произволъ

исходилъ отъ людей сильныхъ, теперь онъ вооружилъ людей канцелярскихъ. Первыми образцами такой наглости были Позенъ и Мордвиновъ. Позенъ, съ изумительнымъ нахальствомъ, писалъ указы и правила, въ видѣ опытовъ, приводившіе въ систему колоссальное воровство. Мордвиновъ совершалъ оружіемъ Третьяго Отдѣленія злодѣйства инквизиціи. Исторія Эттера поражаетъ своею неслыханностью. Сколько лицъ, менѣе извѣстныхъ, погибло, можетъ быть, отъ подобнаго злодѣйскаго произвола! Но Позенъ и Мордвиновъ дѣйствовали за ширмами; Чернышевъ, вѣроятно, самъ не зналъ въ точности, какія вредныя сѣмена сѣялъ онъ,нося къ государю позенскіе проекты, Бенкендорфъ навѣрное не зналъ, какія бумаги подписывалъ. Затѣмъ, деморализація оставалась еще въ подпольѣ; канцелярскія крысы, во тьмѣ ночной, грызли государственную машину. Наконецъ выступаетъ наглость высшаго рода, гдѣ высокіе сановники принимаютъ инициативу и берутъ канцелярскую сволочь въ свои сообщники. Родоначальникомъ этой высшей наглости былъ Киселевъ. Онъ сочинилъ цѣлые томы положеній, гдѣ каждый параграфъ — шарлатанство; онъ окружилъ себя людьми низкими, чтобы слышать отъ нихъ только то, что ему было нужно; его чиновникамъ, рассылаемымъ по всей Россіи, давались напередъ внушенія, что они должны писать, и изъ этихъ донесеній на заказъ составлялись отчеты государю, опутывавшіе его, какъ паутина. Съ какою цѣлью дѣйствовалъ онъ съ такимъ иезуитизмомъ? Не какъ патріотъ ли предъ заблуждающимся, строптивымъ государемъ? Не какъ либералъ ли, увлеченный своею доктриною? По моему убѣжденію, — ни то, ни другое! По моему убѣжденію, Киселевъ былъ золь и деспотъ — больше ничего! Послѣ польскаго мятежа пріѣзжала въ Петербургъ жена его хлопотать за Потоцкаго, мятежника. Государь разсердился и сказалъ Киселеву, что если жена его не выѣдетъ изъ Петербурга въ три дня, то онъ вышлетъ ее съ фельдъегеремъ. Киселевъ, бывший тогда другомъ князя Меншикова, изливалъ ему свою ярость на государя, сказавъ: «*Tôt ou tard, il me le payera!*» ¹⁾ И вотъ онъ началъ подкапывать престолъ разрушеніемъ дворянства, зная, что оно одно можетъ и желаетъ отстаивать самодержавіе. Что онъ былъ грубый деспотъ — это знаютъ всѣ его чиновники. Когда Карнѣевъ, начальникъ 4-го отдѣленія Собственной Его Величества канцеляріи, пришелъ благодарить Киселева за пожалованіе его въ статсъ-секретари, министръ отвѣчалъ ему:

— Ахъ ты дуракъ! Неужели ты думаешь, что я для твоей рожи исходатайствовалъ это званіе? Мнѣ нужно было, чтобы мой подчиненный былъ статсъ-секретарь, — а ты ли, или другая скотина, это мнѣ все равно!

¹⁾ Рано или поздно, я отомщу ему за это.

Другой великій обманщикъ государя — Орловъ. За нимъ не прятались канцелярскія крысы: онъ за нихъ прятался. Онъ опирался на нахаловъ, какъ Бутковъ, Суковкинъ и Гвоздевъ. Буткова ставлю я въ этотъ рядъ только по сверстничеству; въ нравственномъ отношеніи онъ выше ихъ. Вступивъ на сцену канцелярскаго владычества, онъ дѣйствовалъ отъ себя и на свой страхъ; разрабатывалъ съ безпредѣльнымъ нахальствомъ бездарность своихъ начальниковъ; лѣзъ впередъ съ необыкновенною дерзостью, не раболѣпствуя передъ тѣми, которые давали ему дорогу; выпрашивалъ съ отвратительною наглостью оклады и награды, но не обкрадывалъ казны и не бралъ взятокъ, какъ Орловъ (шефъ жандармовъ), Суковкинъ (статсъ-секретарь) и Гвоздевъ (директоръ департамента въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ). Словомъ, Бутковъ обыгрывалъ, — но безъ шуллерства. Орловъ началъ съ того, что со всѣхъ почти акціонерныхъ обществъ бралъ деньги за покровительство; онъ входилъ и въ другія спекуляціи, напримѣръ, въ дѣло Войцеховича. По смерти матери Войцеховича осталось, или, вѣрнѣе, предъявлено завѣщаніе очень подозрительнаго вида, которымъ мать, имѣя родныхъ сыновей, оставляла своей сестрѣ большія имѣнія, дома въ Кіевѣ и богатую движимость. Войцеховичъ, не смѣя начинать процессъ о подлинности завѣщанія, оспаривалъ лишь то, что въ числѣ завѣщанныхъ имѣній было родовое; его мать была урожденная Сулима, а имѣніе сотни лѣтъ называлось Сулимовка; стало быть, самое имя обличало, что имѣніе родовое. Оно ему отдано, однакоже черезъ нѣсколько лѣтъ начался процессъ, о которомъ Орловъ хлопоталъ всѣми средствами, засылалъ жандармовъ во всѣ судебныя мѣста, гдѣ дѣло разсматривалось, рассказывалъ въ городѣ и у двора разныя небылицы, помрачавшія имя Войцеховича, — такъ что прежде, чѣмъ дошло до высшихъ инстанцій, Войцеховичъ былъ уже замазанъ въ общемъ мнѣніи. Департаментъ сената рѣшилъ въ его пользу, но Панинъ далъ предложеніе, и дѣло перешло въ общее собраніе; тамъ большинство было въ его же пользу, а Панинъ перенесъ дѣло въ государственный совѣтъ, гдѣ только трое, Меншиковъ, Киселевъ и князь Васильчиковъ, остались на сторонѣ Войцеховича. При докладѣ мнѣнія государственнаго совѣта государь спросилъ:

- Отчего такое простое дѣло дошло до государственнаго совѣта?
- Оттого, что въ общемъ собраніи сената было разногласіе, — отвѣчалъ Васильчиковъ.
- Отчего оно дошло до общаго собранія?
- Оттого, что министръ юстиціи далъ предложеніе.
- Отчего онъ далъ предложеніе?
- Этого, государь, я не знаю!
- А я знаю! — сказалъ государь, и рѣшилъ дѣло въ пользу Войцеховича.

Черезъ нѣсколько лѣтъ Орловъ выпросилъ у государя золотые пріиски Мясникова, «въ случаѣ, если они окажутся принадлежащими казнѣ». Заручившись высочайшимъ согласіемъ на такой небывалый даръ, Орловъ возбудилъ искъ отъ казны и самъ сдѣлался казеннымъ адвокатомъ, какъ будущій владѣлецъ. Дѣло это сопровождалось возмутительными эпизодами, пока дошло до государя. Орловъ увѣрилъ его, что онъ вовсе не знаетъ подробностей и только номинально участвуетъ въ кампаніи. Государь замѣтилъ ему, что и имя его не должно быть въ такомъ грязномъ дѣлѣ. Несмотря на подобные намеки, Орловъ сталъ эксплуатировать раскольниковъ; съ одной стороны, мѣстные начальства прижимали ихъ, съ другой—сообщники Орлова, Суковкинъ и Гвоздевъ, предлагали имъ покровительство шефа жандармовъ. Войцеховичъ узналъ объ этомъ, сказалъ какому-то главѣ раскольниковъ, что они понапрасну платятъ деньги, переговорилъ съ Бибиковымъ (министромъ внутреннихъ дѣлъ), убѣдилъ его просить у государя особое отдѣленіе канцеляріи его величества по дѣламъ раскольниковъ. Онъ самъ предполагалъ быть товарищемъ министра внутреннихъ дѣлъ и управлять тѣмъ отдѣленіемъ. Орловъ, узнавъ объ этомъ, доложилъ государю, что Войцеховичъ причиною жестокаго преслѣдованія раскольниковъ, что если дать волю ему, то нельзя отвѣчать за внутреннее спокойствіе, и что посему онъ проситъ или удалить Войцеховича, или уволить его отъ должности шефа жандармовъ. Разумѣется, удаленъ Войцеховичъ! (это послѣднее Орловъ самъ мнѣ рассказывалъ). Вотъ въ какихъ обстоятельствахъ была Россія при кончинѣ Николая I.

Какъ обо мнѣ хлопотали мои финляндскіе друзья, видно было изъ выраженія новаго государя: «On a beau dire, on ne saurait lui refuser de la capacité»¹⁾. Черезъ мѣсяца два государь сказалъ про меня при Армфельтѣ: «Je persiste à dire que c'est l'homme pour nos finances»²⁾. Армфельтъ пріѣхалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, но я прошелъ уже черезъ школу жизни; я тотчасъ написалъ просьбу объ увольненіи меня въ отпускъ за границу «afin de prévenir un nouveau déchainement de la calomnie»³⁾, говорилъ я доброму графу. Какъ ни поторопился я, клевета уже стала дѣйствовать. Воротясь изъ-за границы, я нашелъ и Армфельта въ иномъ настроеніи. Онъ жаловался мнѣ на свое затруднительное положеніе и сталъ думать объ отставкѣ. Я сталъ думать, что со мною будетъ, когда онъ уйдетъ. Министромъ статсъ-секретаремъ хорошимъ я не могу быть: это мѣсто политическое, требующее,

¹⁾ Что бы ни говорили, ему нельзя отказать въ способности.

²⁾ Я упорствую въ своемъ мнѣніи, что вотъ человѣкъ для нашихъ финансовъ.

³⁾ Чтобы отвратить новое искушество клеветы.

или тогда требовавшее, близкихъ связей съ Швеціею, а товарищемъ другого мнѣ быть не хотѣлось, тѣмъ болѣе, что почти всѣ кандидаты были мои креатуры. Я написалъ письмо къ государю, въ которомъ излагалъ, что финляндцы не могутъ забыть, что я не финляндецъ, что я не желалъ бы быть *une incompatibilité politique*¹⁾, и потому просилъ назначить меня въ правительствующій сенатъ. Эта просьба (1856 г.) исполнена; я назначенъ въ сенатъ.

Боссюзетъ говорилъ о смерти: «la beauté n'est qu'un songe, la gloire n'est qu'un nom, car tout ce que nous appellons bonheur, gloire, beauté,—tout va se confondre dans ce vaste océan, où il n'y a plus ni gloire, ni beauté»²⁾. Мнѣ сдается, что про нашъ сенатъ можно было бы сказать почти то же, — но я усталъ, и этотъ океанъ мнѣ нравился. Я мечталъ, что отдохну тамъ! Я не зналъ, что внѣшнія вліянія будутъ меня тревожить и въ этомъ полуживомъ тѣлѣ.

XVII.

Придворная атмосфера, окружающая государей. — Императрица Екатерина II. — Императоръ Александръ I. — Карьера благодаря умѣнью чинить перья. — Наказаніе камердинера за нюханіе табака. — Императоръ Николай I. — Характеристика его. — Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. — Генералъ Левашовъ.

Властителей нельзя судить такъ, какъ частныхъ людей. *Dis-moi qui tu hantes, je te dirai qui tu est*³⁾, говорятъ французы. Частный человѣкъ живетъ съ людьми, и потому изъ него образуется человѣкъ; онъ видитъ свѣтъ собственными глазами, видитъ его вѣрно или криво, смотря по глазамъ, но все же видитъ самъ. Коронованныя особы не имѣютъ естественнаго роста: это тепличныя растенія, для которыхъ другіе приготавливаютъ почву, другіе даютъ ему обстановку и окружаютъ призматическими стеклами, сквозь которые міръ представляется въ ложномъ и, что еще хуже, въ радужномъ свѣтѣ. На престолѣ продолжается та же фантазмагорія; вокругъ него маскарадъ; всѣ являются или замаскированные въ условленномъ характерѣ, или стереотипные съ вѣчною подобострастною улыбкою на устахъ; если между ними попадаютъ лица искреннія, они, въ пестрой маскарадной средѣ, кажутся чудачками или непокорными. Такъ все нравственное развитіе продолжаетъ итти путемъ ненормальнымъ. Когда вступилъ

¹⁾ Политическая несовмѣстность.

²⁾ Красота—это только сонъ, слава—это одно названіе, потому что все, что мы называемъ счастьемъ, слава, красота,— все смѣшается въ этомъ обширномъ океанѣ, гдѣ болѣе нѣтъ ни славы, ни красоты.

³⁾ Съ кѣмъ хлѣбъ-соль водишь, на того иходишь.

на престолъ Александръ II, всѣ стали судить его будущее царствованіе по свойствамъ его личности. Подождите: наслѣдникъ не то, что царь; царь въ первый годъ правленія не то, что въ десятый, и не то черезъ двадцать лѣтъ.

Екатерина II, одаренная великимъ умомъ отъ природы, родилась въ Штеттинѣ, въ маленькомъ казенномъ домѣ, который въ 1835 г. былъ слишкомъ тѣсенъ для аптекаря; она пріѣхала въ Россію съ полудужиною бѣлья; мужъ билъ и унижалъ ее; словомъ, она жила и страдала: сильный урокъ для царствованія. Она какъ великая княгиня не была окружена китайскою стѣною, не сидѣла въ славянскомъ теремѣ, потому что была не наслѣдницею престола, а женою наслѣдника, ее не любившаго. Не опасная царица, она свободно сообщалась съ людьми государственными, а такихъ людей было много. Такимъ образомъ, она начала царствовать человѣчески, и, думаю, царствовала бы еще лучше, если бы тронъ не стоилъ ей преступленія.

Императоръ Александръ I, воспитанный мудрою бабкою, вынесъ много уроковъ изъ своей четырехлѣтней жизни въ качествѣ наслѣдника престола, рядомъ съ братомъ своимъ цесаревичемъ, котораго отецъ, видимо, предпочиталъ старшему сыну. Катастрофа, возведшая его на престолъ, была тоже довольно поучительна, и притомъ люди Екатерининской школы были всѣ налицо. Если бы Павелъ процарствовалъ не 4, а 24 года, Александру было бы труднѣе управиться съ государствомъ. Но надолго ли онъ остался тѣмъ, чѣмъ былъ? Воспитанникъ Лагарпа, либераль XVIII вѣка съ примѣсю славянскаго двуличія, онъ велъ дѣла государственныя умно въ общемъ смыслѣ до своей апогеи, до 1815 года; съ 1815 года онъ былъ уже не тѣмъ человѣкомъ, какимъ вступилъ на престолъ: подозрителенъ, мелоченъ до ребячества, мистификаторъ и мистикъ. Князь Меншиковъ до сихъ поръ не забылъ тѣхъ мелочей, съ которыми надобно было бороться людямъ, имѣющимъ съ нимъ дѣла. Ежели листъ бумаги, на которомъ написанъ былъ докладъ, казался государю на $\frac{1}{8}$ дюйма больше или меньше обыкновеннаго, онъ сердился какъ на важное злоупотребленіе. Если первый взмахъ пера не выдѣлывалъ во всей точности начала буквы А, въ вершинѣ тонкое, какъ волосокъ, внизу широкое, какъ слѣдъ кисти, онъ бросалъ перо и не подписывалъ указа. Ермоловъ говорилъ, что Александръ I страдалъ наслѣдственною хроническою болѣзнью, и эту болѣзнь называлъ симметриею. Очинка пера составляла государственное дѣло. Былъ въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ нѣкто Миллеръ, человѣкъ неважнаго званія и ограниченнаго ума. Государь, подписавъ какой-то указъ, сказалъ: «Voilà une plume admirablement taillée» ¹⁾. Министръ подхватилъ

¹⁾ Вотъ перо, дивно очиненное.

это драгоценное перо, сдѣлавъ тщательный розыскъ, кто чинилъ его: оказалось, что это былъ Миллеръ; съ этихъ поръ Миллеръ сдѣлался самымъ необходимымъ человѣкомъ въ дипломатіи; онъ сопровождалъ министра во всѣ конгрессы и былъ осыпаямъ наградами. Иностранные властители думали, вѣроятно, что это былъ русскій Генцъ, и награждали его, какъ Генца. Онъ умеръ тайнымъ совѣтникомъ, украшенный звѣздами. Я былъ знакомъ съ его семействомъ. Старшая дочь изъясняла мнѣ пренаивно: «какіе странные и сокровенные вкусы бываютъ иногда у умныхъ людей: по смерти папѣ нашли у него въ бюро около сотни перочинныхъ ножей! На что были ему нужны эти ножи? Странно!» Въ двадцатыхъ годахъ открылся въ государѣ мистицизмъ; къ дѣтелямъ какъ Миллеръ, присоединилась m-me Krüdener; но мистицизмъ не мѣшалъ капризамъ истерическаго свойства; въ государѣ нельзя было узнать великаго умиротворителя Европы. М. М. Брискорнъ, ѣздившій на конгрессы съ военно-походною канцеляріею, рассказывалъ мнѣ, что, не помню во время какого конгресса, получено было извѣстіе о бунтѣ Семеновскаго полка, разстроившее государя очень сильно. Въ этотъ день государю показалось, что отъ его камердинера пахло нюхательнымъ табакомъ, предметомъ сильнаго отвращенія государя.

— Ты нюхалъ табакъ!

— Никакъ нѣтъ, ваше величество!

— Нюхалъ!

— Воля ваша, не нюхалъ!

Государь подошелъ къ нему носъ къ носу и опять закричалъ:

— Нюхалъ, признайся.

— Не нюхалъ, ваше величество!

Государь вынулъ изъ кармана носовой платокъ, всунулъ палецъ, обернутый платкомъ, въ носъ своего камердинера, повертѣлъ въ носу и, вытащивъ платокъ, придвинулъ его къ глазамъ испуганнаго слуги.

— А это что?

— Виноватъ, ваше величество! никогда не нюхаю; сегодня церковный сторожъ попотчевалъ.

— Подъ арестъ! — и посадили, не знаю куда, подъ арестъ камердинера и инвалида, бывшаго при походной церкви.

Въ сумерки пришелъ къ государю докторъ Виллье.

— Какъ чувствуете себя, государь?

— Нехорошо!

— Что у васъ?

— Весь разстроенъ!

Въ это же время Виллье вынимаетъ изъ кармана табакерку, медленно беретъ изъ нея табакъ, еще медленнѣе укладываетъ его въ носъ и пошариваетъ пальцами въ табакерку.

— Ты смѣешься надо мной?—закричалъ взбѣшенный государь.

— Нѣтъ, государь, я не смѣюсь, я плачу; посмотрите въ окно!

Государь подошелъ къ окну и видитъ вокругъ своего жилища толпу народа.

— Что это значитъ?—спросилъ съ ужасомъ государь.

— Они хотятъ посмотрѣть,—отвѣчалъ Виллье:—какъ поведутъ сѣчь кнутомъ камердинера и церковнаго прислужника за то, что нюхали табакъ.

Государь охранялъ съ величайшею ревностью личную свою репутацію и былъ мастеръ этого дѣла; мелочныя вспышки его оставались величайшимъ секретомъ; люди, его окружавшіе, были слишкомъ умны и хорошо воспитаны, чтобы выносить изъ избы соръ, да и знали тяжкія послѣдствія нескромности. Немудрено, что тактика Виллье произвела колоссальное дѣйствіе. Недаромъ говорятъ: *il n' y a pas de grand homme pour son valet de chambre*¹⁾. Съ двадцатыхъ же годовъ государь пересталъ заниматься внутреннимъ управленіемъ имперіи и ввѣрилъ его Аракчееву; въ 1823 году онъ удалилъ отъ себя князя Меншикова, какъ зачинщика мысли объ освобожденіи помѣщичьихъ крестьянъ,—тотъ самый государь, который только и думалъ объ освобожденіи ихъ при вступленіи на престолъ. Что значитъ царствовать 25 лѣтъ!

Николай Павловичъ, вступивъ на престолъ, началъ съ того, что въ десять разъ уменьшилъ сумму, назначенную на императорскую трапезу. Онъ говорилъ, что ему ничего болѣе не нужно, какъ тарелка щей и котлета съ картофелемъ. Говоря о финансахъ, онъ выразился: «Я не финансистъ, но здравый разсудокъ говоритъ мнѣ, что лучшая финансовая система есть бережливость. Этой системѣ я и буду слѣдовать»,—а умеръ, оставя неоплатные долги на государствѣ: опять слѣдствіе 30-лѣтняго царствованія. Николай Павловичъ не обладалъ мудростью своей бабки и не получилъ воспитанія, какъ старшій братъ его, однако обстановка его была невыгодна. 14-е декабря послужило ему, съ перваго дня, великимъ урокомъ. Правленіе Аркачеева вдвинуло въ правительственныя сферы нѣсколько человѣкъ, болѣе вредныхъ, чѣмъ полезныхъ, однако много оставалось и дѣльныхъ и опытныхъ помощниковъ государю, людей, видѣвшихъ собственными глазами великія событія начала XIX вѣка и участвовавшихъ лично въ этихъ событіяхъ: Воронцовъ, Дибичъ, Толль, Ермоловъ, Паскевичъ—испытанные въ бояхъ; Новосильцовъ, Кочубей, Нессельродъ—опытные въ дѣлахъ государственныхъ; Канкринъ—умный министръ финансовъ; Васильчиковъ—честный и прямой совѣтникъ, и пр. Съ такими людьми можно было многое сдѣлать. И они и другіе, менѣе способные, были прежде всего озабочены тѣмъ, чтобы точнѣе испол-

¹⁾ Для лакея его баринъ не бываетъ великимъ человѣкомъ.

нить волю государя; никому не приходило въ голову проводить, вопреки этой волѣ, собственныя доктрины. Николай Павловичъ и не потерпѣлъ бы этого, но все же большое преимущество дѣйствовать съ помощью людей, которые желаютъ исполнять царскую волю и не помышляютъ о водвореніи мимо царя своей личной политики. У государя была нѣжная мать; безъ замѣчательнаго ума, она многое видѣла, многое пережила и жизнью пріобрѣла то, что называютъ тактомъ и что несравненно лучше, чѣмъ кривой умъ или умъ вверхъ ногами. У Николая Павловича былъ братъ, человѣкъ ограниченный, но душою преданный брату и государю своему, вѣрнѣйшій подданный изъ всѣхъ вѣрноподданныхъ. Екатерина приказала коменданту Рылѣву сдѣлать чучело изъ Сутерланда (околѣвшей ея любимой собаки), и онъ чуть не содралъ кожу съ банкира Сутерланда. Если бы Николай Павловичъ приказалъ Михаилу сдѣлать что-нибудь несогласное съ мыслями послѣдняго, онъ исполнилъ бы волю государя добросовѣстно. Къ такой выгодной обстановкѣ присоединялся и личный характеръ государя, честный, твердый, отчетливый, однако и онъ измѣнялся на императорскомъ тронѣ. Посвятивъ 10 лѣтъ на приведеніе въ порядокъ Россіи, онъ во второе десятилѣтіе сталъ уже запутываться, и третье десятилѣтіе представляло уже періодъ разложенія.

Въ періодѣ разложенія нашелъ Россію нынѣшній государь, не одаренный ни силою воли, ни проницательностью, но въ то же время кроткій, спокойный и ничѣмъ не обнаруживавшій ни стремленій, ни свойствъ, изъ которыхъ выходятъ великія реформаци. Обстановка его была далеко не такова, какъ отца его.

Покойный императоръ, какъ всѣ коронованные отцы взрослыхъ сыновей, держалъ своего сына вдали отъ дѣлъ государственныхъ. Министры не только не ѣзжали къ нему для бесѣды о дѣлахъ государства, но даже не смѣли входить въ подобные разговоры. Я не министръ, но мнѣ досталось за то, что я употребилъ въ бумагѣ имя цесаревича. Дѣло шло о снисхожденіи къ залогодателю, котораго залогъ былъ арестованъ за долги виннаго откупщика; комитетъ, котораго я былъ правителемъ дѣлъ, имѣлъ въ своей программѣ именно снисхожденіе къ залогодателямъ, если они того заслуживали. Этотъ залогодатель, имени не помню, заслуживалъ снисхожденія, потому что былъ въ походахъ и о службѣ его свидѣтельствовалъ съ отличной стороны цесаревичъ по званію бригаднаго командира; въ этомъ смыслѣ я сослался на свидѣтельство его высочества въ журналъ комитета, однако государь разсердился и сказалъ Орлову: «Прошу его императорское высочество не мѣшаться въ дѣла мои». Орловъ, опасаясь непріятностей, доложилъ государю, что цесаревичъ писалъ ему партикулярно о службѣ этого офицера, не ходатайствуя прямо объ оказаніи ему милости, и что, можетъ быть, не слѣдовало бы помѣщать это въ журналѣ. «Такъ скажи Фишеру, что онъ упомянулъ о цесаревичѣ совершен-

но неумѣстно». Все участіе наслѣдника въ дѣлахъ государственныхъ заключалось въ томъ, что онъ присутствовалъ при докладахъ министровъ и въ государственномъ совѣтѣ. Присутствуя при докладахъ, онъ могъ видѣть только осанку государя передъ своими министрами,—болѣе ничего. Онъ не имѣлъ права ни дѣлать вопросовъ докладчику, ни выражать своего мнѣнія государю. Министры не смѣли возражать государю при цесаревичѣ, даже и тѣ, которые позволяли себѣ возраженія съ государемъ глазъ-на-глазъ. Я не разъ слышалъ отъ Меншикова: «это я передоложу, когда государь будетъ одинъ; при наслѣдникѣ я не могъ противорѣчить». Чему же и могъ бы онъ научиться. Покойный государь думалъ, что наслѣдникъ, вслушиваясь въ его резолюціи, научится государственной мудрости механическимъ путемъ, какъ губка напивается водою посредствомъ одного прикосновенія; онъ полагалъ, что, видя осанку государя, наслѣдникъ научится быть самостоятельнымъ. Какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ покойный государь усиливался, посредствомъ внѣшнихъ обрядовъ, достигнуть того, что пріобрѣтается только духовною работою. Государь не подумалъ, что у него были тоже критики; что, не смѣя высказывать ему самому свои убѣжденія, они шептали ихъ наслѣднику, который и самъ не смѣлъ высказывать отцу свои мнѣнія. Такъ, слыша пересуды, видя событія ненормальныя, онъ вбиралъ въ себя впечатлѣнія, не имѣя ни въ самомъ себѣ, ни вокругъ себя пробнаго камня, указывающаго достоинство тѣхъ или другихъ воззрѣній; онъ, что называется, становился втупикъ; вѣрилъ то въ одинъ принципъ, то въ другой, то одному совѣтнику, то другому, то есть не вѣрилъ окончательно никому и ничему, потому что ни одно довѣріе его не имѣло твердаго основанія. Онъ не могъ не сознавать, что дѣла идутъ плохо, но не научился распознавать средства ихъ исправленія: самое опасное состояніе для начинающаго царствовать; приметъ онъ мѣру, рекомендованную совѣтникомъ коварнымъ или безразсуднымъ, и, увидя, что послѣдствія не тѣ, какихъ ожидалъ, приметъ другую, часто худшую, и т. д. Такъ человѣкъ, на котораго напалъ рой пчелъ, сначала старается поражать тростью тѣхъ, которыя ближе къ лицу его, но, не попадая ни въ одну и чувствуя жало каждой, начинаетъ размахиваться безотчетно, ударяя по головамъ своихъ друзей и минуя своихъ враговъ. Это *à peu près* ¹⁾ исторія новѣйшихъ реформъ и новѣйшаго перемѣщенія личностей. Наслѣдникъ засѣдалъ въ государственномъ совѣтѣ, но что за составъ совѣта. Засѣданія могли быть полезны молодому человѣку, когда председателемъ былъ честный Васильчиковъ, членами Нессельродъ, Канкринъ, Дашковъ. Но ихъ уже не было. За Васильчиковымъ послѣдовалъ Левашовъ, котораго князь Меншиковъ очень мѣтко назвалъ

¹⁾ Почти.

государственнымъ жеребцомъ, напыщенный фразеръ безъ мысли. Административная сила его обрисована очень художественно въ разсказѣ пріятеля моего Войцеховича, ѣхавшаго съ нимъ изъ Кіева. Полицеймейстеръ ѣхалъ на дрожкахъ за коляской генералъ-губернатора. Замѣтивъ покривившійся фонарный столбъ, Левашовъ закричалъ: «Господинъ полицеймейстеръ, это что значитъ?» Полицеймейстеръ соскочилъ съ дрожекъ, приложилъ руку къ шляпѣ, побѣждалъ рысью подлѣ коляски и доложилъ, что столбъ покривился ночью и будетъ исправленъ. Левашовъ проговорилъ на это съ неподражаемою скороговоркою и энергическимъ *crescendo*: «Господинъ полицеймейстеръ! честь имѣю доложить, что я васъ подъ судъ отдамъ, ошельмую, уничтожу; затѣмъ, съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга», — доведя до нельзя хриплую энергію голоса на послѣднемъ слогѣ рѣчи. У заставы бросилась на колѣни бѣдная жидовка. Левашовъ кричитъ: «Стой, что вамъ угодно, г-жа еврейка?» Она просила о пособіи. «Г-жа еврейка! честь имѣю доложить, что я васъ посажу въ острогъ, привяжу, закую. Затѣмъ съ совершеннымъ почтеніемъ честь имѣю быть вашъ покорнѣйшій слуга. Пошелъ!» Выѣхавъ изъ города, говоритъ разсказчикъ, мы поскакали адскимъ карьеромъ; лошади валились направо и налево и тотчасъ замѣнялись на подставахъ; на станціяхъ ямщики работали съ лихорадочною живостью въ совершенномъ безмолвіи. Въ Могилевской губерніи скачка въ карьеръ прежняя; въ Витебской—тоже, но безъ ужаса на станціонной прислугѣ; въ Псковской Левашовъ сказалъ уже одинъ разъ: «тише!» Въ Петербургской онъ сталъ такой смиреннѣйшій, добренѣйшій, ласковѣйшій; отъ Луги сталъ вздыхать; далѣе сказалъ со вздохомъ: «Какъ приметъ меня государь?» а въ Царскомъ Селѣ сталъ жаловаться на тягость положенія генералъ-губернатора.

За нимъ сѣлъ на предсѣдательское мѣсто Чернышевъ, который подарилъ Россіи государственнаго секретаря Буткова. Въ лексиконѣ Воисте Чернышевъ опредѣленъ двумя словами: *aventurier russe*!¹⁾ Бутковъ имѣетъ такое же право на этотъ титулъ. Съ этихъ поръ воцарилось въ государственномъ совѣтѣ канцелярство; хлопотали уже не о томъ, какъ разрѣшить вопросъ получше, а о томъ, какъ бы спустить дѣло поскорѣе, какъ бы угодить пріятелю или фавориту, какъ бы насолить врагу или опальному,—а въ присутствіи вмѣсто рѣчей Канкринъ и Дашкова слышались болтовня Блудова, софизмы Панина или то бѣ или не бѣ Вронченки. Хороша школа наслѣднику престола! Полезнѣе было бы ему присутствовать въ сенатѣ. Въ сенатѣ такіе же люди, какъ и въ совѣтѣ, да положеніе другое. Иной очень охотно покривилъ бы душою, если бы надобно было удержаться на хорошемъ мѣстѣ, или была бы въ виду кандидатура на улыбающееся мѣсто, но какъ на дверяхъ сената чи-

¹⁾ Русскій искатель приключеній

тается *Lasciate ogni speranza*¹⁾, то хлопотать не о чемъ, и люди, *faute de mieux*²⁾, становятся самостоятельными. Около наслѣдника были два начальника его штабовъ, Ростовцевъ и Витовтовъ, оба невѣжды, но первый былъ хитрый и ловкій невѣжда, а послѣдній — добрякъ-невѣжда. У Александра II и въ семействѣ нѣтъ той опоры, какую находилъ себѣ отецъ его. Великій князь Константинъ Николаевичъ ученый, но неопытенъ, впечатлителенъ и самонадѣянъ слишкомъ. Великая княгиня Елена Павловна, безспорно, умная и просвѣщенная, но не знаетъ Россію; ея просвѣщеніе книжное, одностороннее; но если бы служили государю, какъ великій князь Михаилъ Павловичъ, они могли бы быть ему полезны. Къ несчастію, они болѣе заботились о проведеніи своихъ личныхъ теорій, чѣмъ о сохраненіи историческаго государственнаго строя; они не помогали государю, но противодѣйствовали ему; имъ Россія обязана тѣми новѣйшими дѣятелями, которые сдѣлали изъ Россіи, какъ князь Меншиковъ выразился, *une macédoine*³⁾. Я не вѣрю, будто они дѣйствовали съ намѣреніемъ повредить самодержавію; они очень хорошо знаютъ, что съ переменною формы правленія утратятся широкія права всѣхъ членовъ императорскаго дома. Я убѣжденъ, что оба были жертвою дурныхъ совѣтчиковъ, но все-таки не оправдываю ихъ дѣйствій. Дѣйствіе по убѣжденію тогда только законно, когда оно предпринимается на свой страхъ, но проводить именемъ другого свои воззрѣнія, съ честью для себя, если дѣло удастся, и съ отвѣтственностью другого за послѣдствія вредныя, значитъ чужими руками жаръ загребать, и ни въ какомъ случаѣ не подобаешь честному человѣку и вѣрноподданному. Въ такой обстановкѣ и съ другими силами нелегко управиться съ государствомъ, котораго корни уже издавна подгнивали.

Мнѣ тотчасъ показалась будущность какъ-то невѣрною; я предвидѣлъ движеніе умовъ, притязанія національностей, усложненіе государственныхъ вопросовъ, перетасовку личностей и, вспомнивъ Цицероново: «*Beatus ille qui procul negoties...*»⁴⁾—попросилъ въ 1855 г. отпуска за границу, а въ 1856 г.—назначенія меня въ сенаторы, считая, что занятіе втораго мѣста финляндскаго управленія русскимъ уроженцемъ есть политическая несовмѣстность. Такъ оставилъ я Финляндію, къ великой радости генерала Берга.

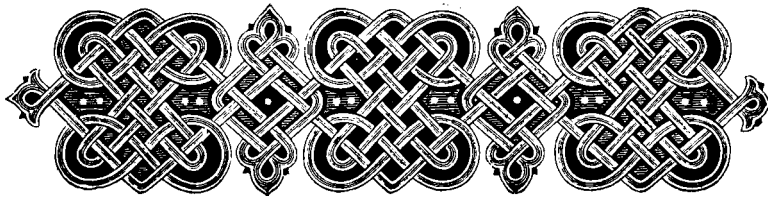
(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

¹⁾ Оставьте всякія надежды.

²⁾ За неимѣніемъ лучшаго.

³⁾ Смѣсь.

⁴⁾ Блаженъ тотъ, кто, удалившись отъ дѣлъ, воздѣлываетъ... (свои отеческія нивы).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XVIII.

Передъ освобожденіемъ крестьянъ. — Противорѣчія въ этомъ вопросѣ. — Взглядъ на крѣпостное право въ Россіи. — Проектъ сенатора Веймарна. — Чевкинъ и Ростовцевъ. — Комитетъ объ улучшеніи быта крестьянъ. — Варонъ Корфъ и неудавшееся министерство цензуры. — Высочайшій рескриптъ и циркулярное его искаженіе. — Дворянскіе комитеты. — Чулковъ. — Комитетъ Петербургской губерніи. — Мое объясненіе съ княземъ Орловымъ. — Моя рѣчь въ комитетѣ. — Забаллотированіе моего проекта. — Засѣданія комитета. — Редакціонныя комиссіи. — Смерть Ростовцева и назначеніе на его мѣсто графа Панина. — Разговоръ князя Меншикова съ императрицею и великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. — Перемѣны въ администраціи. — Хрущовъ. — Дѣйствія демагогической партіи. — Новые дѣятели. — Студенческіе безпорядки. — Польскій мятежъ. — Земскія учрежденія. — Раствѣніе нравовъ. — Покушеніе Каракозова.

ОДЫ 1856 и 1857 представляютъ замѣчательную смѣсь консерватизма и демагогіи въ дѣйствіяхъ правительства, борьбу государя съ усилившеюся партіею либераловъ, которая выходитъ изъ этой борьбы побѣдителемъ. Я не посвященъ ни въ тайны государева сердца, ни въ интриги лицъ, окружающихъ тронъ. Мои впечатлѣнія — отголоски слышаннаго. Въ кругу людей высокопоставленныхъ очень многіе утверждали, будто государь самъ шелъ противъ дворянства изъ личнаго къ нему недовѣрія. Князь Меншиковъ говорилъ мнѣ, что, стоя въ пріемной въ Ильинскомъ дворцѣ и встрѣтивъ тамъ Рейтерна, онъ сталъ доказывать ему, въ какую неурядицу ввели Россію проекты великаго князя Константина Николаевича, и что Рейтернъ прервалъ его наконецъ тономъ досады: «Я не знаю, съ чего взяли винить великаго князя. Идея принадлежитъ

¹⁾ Продолженіе, см. «Историч. Вѣстн.», т. CXIII, стр. 792.

самому государю». Въ другое время пересказывали мнѣ разсказъ графа Орлова-Давыдова. Онъ представлялся государю; государь принялъ его сначала холодно, но по окончаніи общаго приѣма позвалъ его въ кабинетъ и, между прочимъ, будто бы сказалъ: «La noblesse me garde rancune pour l'émancipation des paysans, mais elle ne sait pas combien j'ai plaidé sa cause» ¹⁾. Въ бытность Перовскаго министромъ внутреннихъ дѣлъ, и когда Бибииковъ, тогдашній генераль-губернаторъ юго-западныхъ губерній, сталъ вводить инвентари, государь — въ то время наслѣдникъ престола — говорилъ съ большимъ жаромъ въ государственномъ совѣтѣ противъ дѣйствій Бибиикова. «Онъ хочетъ поссорить государя съ дворянствомъ», сказалъ онъ. По вступленіи Александра Николаевича на престолъ, Бибииковъ, уже министръ внутреннихъ дѣлъ, оставался въ царской опалѣ, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уволенъ. На мѣсто его посаженъ Сергѣй Степановичъ Ланской, человекъ дряхлый, глухой, ума ограниченнаго, неопытный въ дѣлахъ администраціи, но родомъ, жизнью и репутаціею — дворянинъ. На представленіе Ланского о назначеніи ему въ товарищи Николая Милютина не послѣдовало соизволенія: товарищемъ назначенъ Левшинъ, крупный землевладѣлецъ. Министерствомъ государственныхъ имуществъ управлялъ Хрущовъ, камергеръ, танцоръ, крымское яблочко, безтолковый, ограниченный и надменный, но принадлежавшій къ партіи демократовъ, собиравшихся у великой княгини Елены Павловны. Онъ считалъ уже министерство за собою, когда назначили министромъ В. С. Шереметева, богатаго помѣщика, извѣстнаго даже строгостью къ крестьянамъ дурного поведения. Словомъ, самыя назначенія указывали на то, что государь слѣдовалъ политикѣ Александра I-го: «point de noblesse—point de monarchie, point de monarchie—point de noblesse» ²⁾. Это предположеніе подтвердилось фактически циркуляромъ министра внутреннихъ дѣлъ Ланского, въ которомъ онъ объявлялъ дворянству о нелѣпости слуховъ, ходившихъ уже по государству, будто правительство намѣрено посягнуть на дворянскую собственность, убѣждалъ его не вѣрить этимъ слухамъ, и Высочайшимъ именемъ удостоверялъ, что государь никогда не рѣшится на ограниченіе дворянскихъ правъ, дарованныхъ бабкою его Екатериною II.

Послѣ этихъ манифестацій рѣчь, произнесенная государемъ во время празднествъ коронаціи, рѣчь, въ которой государь сказалъ, что крѣпостное состояніе оставаться не можетъ, и что лучше повести переворотъ сверху, чѣмъ ожидать его снизу, — произвела невыразимое дѣйствіе. Какъ согласить эти противорѣчія? Я не

¹⁾ Дворянство злобствуетъ на меня за освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, но оно не знаетъ, насколько я защищалъ его.

²⁾ Безъ дворянства—безъ монарха, безъ монарха—безъ дворянства.

вѣрю, чтобы государь имѣлъ свою мысль, чтобы онъ прикрывалъ эту мысль словами по системѣ Талейрана. Эта система можетъ быть умѣстна для искательнаго придворнаго, но не у государя, который знаетъ, что каждое слово его раздается по вѣсѣмъ угламъ государства и записывается въ исторію. Гораздо вѣроятнѣе, что государь былъ и въ томъ и въ другомъ случаѣ искрененъ, но что его убѣжденія колебались подъ вліяніемъ совѣтниковъ разныхъ партій. «Революція сверху и снизу», очевидно, есть фраза повторенная, — сказанная непросвѣщеннымъ или коварнымъ совѣтникомъ. Людовикъ XVI тоже затѣялъ революцію сверху, однакоже, дойдя донизу, она сама пошла вверхъ и обратилась въ кровавую революцію снизу. Это костеръ, построенный на порохѣ: зажгите верхушку; она будетъ тлѣть и сообщать пламя ближайшимъ нижнимъ слоямъ; будетъ тлѣніе медленное, спокойное, но когда дойдетъ до основанія, произведетъ взрывъ, который истребитъ все зданіе. Такъ говоритъ исторія, эта «книга народовъ, памятникъ прошедшаго и зеркало будущаго». У насъ все дѣлается сверху, и оттого все дѣлается по доктринамъ; оттого наши учрежденія, списанныя съ иностранныхъ, остаются по большей части только на бумагѣ и не вырастаютъ въ народную почву.

Я не противникъ освобожденія крестьянъ, даже не въ убыткѣ отъ совершившагося освобожденія, но не одобряю способа исполненія. Вопросъ объ освобожденіи крестьянъ поднятъ былъ Киселевымъ въ 1840 году; князь Меншиковъ поручалъ мнѣ тогда разныя соображенія по этому вопросу; для уразумѣнія его я прочиталъ цѣлые томы богемскихъ законовъ и видѣлъ, что тамъ дѣло освобожденія совершилось рядомъ послѣдовательныхъ постановлений, тянувшихся болѣе 100 лѣтъ. У насъ и этого не было нужно, потому что у насъ права помѣщиковъ были очень ограничены по закону, а казались широкими только по злоупотребленію закона. Этого различія между закономъ и практикою наши реформаторы сами не знали. На что указывали они, какъ на уродливость отношеній? На то, что продавались души, но такова была форма купчихъ крѣпостей, предписанныхъ Петромъ Великимъ. Если эта форма оскорбляла гуманное ухо, стоило только измѣнить эту форму. На ссылку въ Сибирь по волѣ помѣщика? Никогда помѣщики не имѣли права ссылки: она была слѣдствіемъ злоупотребленій губернскихъ правленій. Законъ предоставлялъ помѣщикамъ отказываться добровольно отъ людей крѣпостного состоянія, давая о томъ знать губернскому правленію, а это обязано было поселять такихъ людей на казенныхъ земляхъ съ согласія крестьянскихъ обществъ, и только если ни одно общество не пожелаетъ принять отпущенника въ свою среду — поселять его въ Сибири. Въмѣсто того губернскія правленія никогда не спрашивали согласія ни обществъ, ни отпущенниковъ, нисколько не старались отвести от-

пущенникамъ землю въ ближайшихъ мѣстахъ, а просто сажали ихъ въ тюрьму и по первому этапу отправляли въ Сибирь. Такъ отпущеніе на волю сдѣлалось равносильнымъ ссылкѣ въ Сибирь; такъ вышло два способа отпущенія на волю: одинъ посредствомъ врученія отпущеннику отпускного акта, предоставляя ему самому искать себѣ другую осѣдлость; другой—посредствомъ объявленія губернскому правленію объ отпускаемомъ на волю. Первый способъ употреблялся, когда помѣщикъ хотѣлъ оказать милость, второй,—когда цѣлью было наказаніе. Отъ правительства зависѣло постановить, чтобы отпущеніе на волю происходило только первымъ способомъ. Указывали на то, что помѣщикъ имѣлъ право сѣчь крестьянъ, но вѣдь и полиція сѣкла не только крестьянъ, но и мѣщанъ, и сѣкла нещадно, тогда какъ помѣщикъ не имѣлъ права давать болѣе 15 ударовъ. На то, что помѣщики брали поборы и сгоны? Но законъ устанавливалъ только три дня съ тягла. Затѣмъ оставалось только учредить крестьянскихъ адвокатовъ, которые за нихъ вступались бы. Это было бы первымъ шагомъ; потомъ можно бы было постепенно расширять права крестьянъ до полной свободы, чтобы они сперва узнали бы права свободного человѣка на дѣлѣ, а потомъ, что эти права и означаютъ свободу. Въ этомъ духѣ была моя записка, поданная государю въ январѣ 1857 года.

Къ сожалѣнію, наши дворяне не такъ дѣйствовали. Наступило царство лжи въ нашемъ обществѣ; все лгало государю—и министры, и чиновники, и дворяне, все лгало другъ другу.

Начали нѣкоторые помѣщики Ямбургскаго уѣзда, во главѣ которыхъ сенаторъ Веймарнъ. Всполохнувшись отъ тронной рѣчи, они вздумали отвести ударъ сверху проектомъ снизу, и сочинили проектъ, въ которомъ очень нетрудно было видѣть, что подъ прикрытіемъ филантропическихъ изреченій они хотѣли еще болѣе затянуть узелъ крѣпостного труда. Веймарнъ написалъ урочное положеніе едва ли не вдвое противъ практическаго тяглового урока и замаскировалъ это постановленіемъ «строжайшаго надзора, чтобы помѣщики не требовали отъ крестьянъ работы свѣше урочнаго положенія». Проектъ поданъ генералъ-губернатору для представленія на высочайшее утвержденіе. Ловкость эта сманила Половцова, лужскаго помѣщика. Онъ взялъ проектъ Веймарна, исправилъ его по мѣстнымъ обстоятельствамъ, и просилъ предводителя дворянства пригласить помѣщиковъ Лужскаго уѣзда подписать проектъ для единства съ Ямбургскимъ.

Когда я, критикуя статью за статью проекта Половцова, сталъ доказывать несообразность требованія, чтобы помѣщикъ отпускалъ лѣсъ не только своимъ, но и сосѣднимъ крестьянамъ, то г. Бизюкинъ прервалъ меня гуманнѣйшими изліяніями, напоминая мнѣ «меньшую братію». Проектъ провалился.

Вотъ какъ принялись столичные дворяне за государственный вопросъ. Продѣлки ихъ шли прямо въ руку демократической партіи. Партія эта поймала ихъ *en flagrant délit* ¹⁾ и безъ труда дошла до учрежденія комитета для обсужденія вопроса объ улучшеніи быта помѣщичьихъ крестьянъ. Людей, думающихъ по заказу рядчика, найти у насъ не трудно, но опасались государя, зная, что онъ еще недавно стоялъ за права дворянства. Надобно было найти людей, пользующихся его довѣріемъ, которые искренно или неискренно доказывали бы ему необходимость коренного переворота отношеній владѣльцевъ къ сельскому населенію. И такіе люди были налицо: генералъ-адъютанты Чевкинъ и Ростовцевъ. Чевкинъ вкрался въ довѣренность государя съ тѣхъ поръ, когда наслѣдникъ былъ предсѣдателемъ комитета Московской желѣзной дороги, а Чевкинъ управлялъ дѣлами этого комитета до назначенія меня правителемъ дѣлъ; это человѣкъ съ гибкимъ языкомъ, стяжавшій себѣ репутацію всезная,—безъ правилъ, безъ убѣжденій, интриганъ и ловкій честолюбецъ. На какой сторонѣ партіи сильнѣе, на той и Чевкинъ. Ростовцевъ любилъ государя искренно; его нельзя было уговорить къ обманыванію государя изъ расчетовъ честолюбія; за него принялись иначе, отуманили его лестью, увѣрили его, что онъ великій мужъ государственный, наговорили ему фразъ, системъ и доктринъ, которыхъ онъ по невѣжеству своему вовсе не понималъ, но по тщеславію, свойственному купеческой крови, притворялся понимающимъ, или самъ себя въ томъ увѣрилъ. У обоихъ было, однако, настолько здраваго смысла, чтобы подумать о собственныхъ интересахъ. У Чевкина было душъ 50, нажитыхъ имъ понемногу; онъ ихъ продалъ. У Ростовцева было родовое имѣніе душъ во 100, поселенныхъ на бесплодной землѣ, оброчныхъ. Онъ отпустилъ ихъ на волю, съ переводомъ на нихъ долга опекунскому совѣту, т. е. рублей по 60 на душу. Рассказывали, что крестьяне прислали къ нему депутацію съ объясненіемъ, что нечѣмъ заплатить долгъ, что они не могутъ окупить такою платою свою свободу, и что если баринъ не намѣренъ отдать имъ землю на условіяхъ менѣе обременительныхъ, то они не желаютъ свободы. Ростовцевъ проследился, рассказывая, что любовь крестьянъ его тронула, что онъ отпускаетъ ихъ на волю и даритъ имъ землю, а они просятъ позволенія остаться крѣпостными! Набравъ такихъ патріотовъ, собрали комитетъ, все это подъ главнымъ руководствомъ великаго князя Константина Николаевича, который самъ былъ послушнымъ орудіемъ въ рукахъ партіи Головнина, Милютина, Хрущева, Соловьева и еще нѣсколькихъ имъ подобныхъ.

¹⁾ На мѣстѣ преступленія.

Въ комитетѣ засѣдали: Князь П. П. Гагаринъ, равно готовый на всѣ партіи, смотря по личнымъ расчетамъ; Н. Н. Бахтинъ, честный и умный, но софистъ, не выдавшій никогда Россіи, не възбавшій никогда изъ Петербурга иначе, какъ въ путь за границу, во Францію или Швейцарію; Чевкинъ, горбатый тѣломъ и умомъ, по выраженію Канкринъ; Ростовцевъ и баронъ М. А. Корфъ, тщетно въ теченіе 10 лѣтъ гонявшійся за министерскимъ мѣстомъ. Когда заговорили, что Панинъ, министръ юстиціи, и Норовъ, министръ народнаго просвѣщенія, смѣняются, Корфъ, говорили, написалъ государю письмо, въ которомъ сознавался, что, не будучи помѣщикомъ и не выдавъ никогда уѣздной жизни, онъ слишкомъ мало знакомъ съ крестьянскимъ вопросомъ, что онъ, напротивъ, посвятилъ свою жизнь на изученіе права и педагогіи, и потому просилъ, уволивъ его изъ крестьянскаго комитета, употребить его, если угодно, по одной изъ тѣхъ частей, которыя ему ближе знакомы. Однако его не употребили, какъ онъ желалъ. Года три позже онъ было сдѣлался quasi¹⁾ министръ; по его проекту составилось главное управленіе цензуры, и Корфъ былъ назначенъ главноуправляющимъ: недоставало только указа сенату. Между тѣмъ Корфъ прискалъ для главнаго управленія домъ Шишмарева, кажется, за 120 т. рублей. Баронъ съ супругою ѣздили уже смотрѣть домъ; приказали кой-какія двери заложить, другія пробить, и устроились было какъ слѣдуетъ. Явился вопросъ о мебели. Шишмаревъ объявилъ, что домъ продается безъ мебели, а просить дополнительнаго ассигнованія неловко. Корфъ употребилъ чиновническую уловку. Мебель стоила 20 т. руб.; золото стоило 115⁰%, какъ разъ та сумма, которая нужна для покупки дома съ мебелью, если 120 т. р. разумѣть не кредитные, а золотые. На этомъ основаніи Корфъ поднесъ государю докладъ объ отпускѣ 120 т. р. полуимперіалами, а государь, не подозрѣвая канцелярской штуки, утвердилъ докладъ; но когда Корфъ объявилъ высочайшее о томъ повелѣніе министру финансовъ (Княжевичу),—этотъ вошелъ съ представленіемъ, что золота нѣтъ, и что вообще Корфъ нарушилъ законъ, представя государю денежный вопросъ безъ предварительнаго сношенія съ министромъ финансовъ. Государь разсердился и похерилъ главное цензурное управленіе.

Комитетъ сочинилъ знаменитый рескриптъ, первое официальное откровеніе правительства, что оно намѣрено измѣнить взаимныя отношенія помѣстнаго и рабочаго сельскихъ сословій; однако рескриптъ написанъ былъ очень осторожно: о свободѣ не упоминалось вовсе, объ усадьбахъ и о надѣлѣ—упоминалось очень условно, но зато очень положительно говорилось, что вотчинная полицейская власть остается неприкосновенною. Стало быть, въ

---

¹⁾ Почти.

то время не смѣли еще подносить государю бумаги радикальнаго содержанія. Въ то же время были созваны депутатскіе дворянскіе комитеты въ Петербургѣ, а черезъ нѣсколько дней въ Москвѣ и Нижнемъ-Новгородѣ. Тутъ настала пора дѣйствовать на министерство внутреннихъ дѣлъ. Ланской, выжившій изъ ума, который никогда не пользовался отличнымъ здоровьемъ, подписывалъ все; товарищъ его Левшинъ, большой помѣщикъ Екатеринославской губерніи, честолюбецъ, безъ всякихъ правилъ. Служа у Киселева, онъ гораздо ранѣе ожидалъ радикальной развязки, и въ этомъ предвидѣніи перенесъ крестьянскія усадьбы такъ, что отчужденіе ихъ не было бы нисколько вліятельно на его хозяйство, а между тѣмъ въ настоящую минуту было весьма важно для его честолюбія угодить великому князю Константину Николаевичу. У Константина Николаевича сочинили циркуляръ министру внутреннихъ дѣлъ, объясняющій рескриптъ, но объясняющій такъ, что смыслъ его совершенно искажался. Левшинъ поднесъ этотъ циркуляръ Ланскому, который и разсылалъ ихъ вмѣстѣ съ рескриптомъ во всѣ дворянскіе комитеты по мѣрѣ ихъ открытія. Левшинъ ждалъ со дня на день въ награду министерство, на которомъ чуть-чуть держался Ланской, но увы! Левшина посадили въ сенатъ, и онъ долженъ раздѣлять участь барона Корфа. Обакричатъ: *je suis volé!*¹⁾ Хороши! Какой столбнякъ нашелъ на меня, когда лужскіе дворяне выбрали меня своимъ депутатомъ. Я забылъ въ ту минуту, что значитъ наше дворянство, и не догадался, что всѣ эти комитеты—комедія. Я всегда понималъ важность землевладѣнія; понималъ и смыслъ дворянства замкнутаго. Каковъ этотъ смыслъ—другой вопросъ, но все же смыслъ; но въ государствѣ, гдѣ сынъ гайдука Михеля дѣлается графомъ Клейн-михелемъ; гдѣ камердинеръ императора дѣлается графомъ Кутайсовымъ; гдѣ внукъ крѣпостного человѣка становится между вельможами не по праву доблести, гдѣ дворянинъ, покупающій населенную землю, долженъ давать подписку въ томъ, что ни дѣдъ, ни отецъ его не состояли крѣпостными людьми въ томъ же имѣніи,—въ такомъ государствѣ говорить о дворянствѣ сумасбродство, и сумасбродство вредное, потому что переноситъ вопросъ о правѣ собственности въ вопросъ сословный въ такомъ вѣкѣ, когда не только мѣщане вооружаются противъ дворянства, но и сами дворяне кокетничаютъ либерализмомъ и даже позорятъ своихъ предковъ, какъ Филиппъ Орлеанскій, не наученные исходомъ его расчетовъ.

Дворянство съ самаго начала сдѣлало ошибку, отстаивая свои права не ссылкой на законъ гражданскій или на требованія экономическаго быта государства, а на основаніи какихъ-то великихъ

---

¹⁾ Меня обокрали!

заслугъ сословія и какихъ-то жертвъ, принесенныхъ на алтарь патриотизма. Не въ натурѣ человѣческой преклоняться предъ заслугами того, кто самъ кричитъ о нихъ, хотя бы онѣ дѣйствительно достойны были уваженія, а заслуги нашего дворянства—довольно двусмысленныя. Древнѣйшіе роды наши—потомки Рюрика, опустошившіе Россію междоусобными войнами и не останавливавшіеся на призывѣ на Русь злѣйшихъ враговъ ея, подличавшіе при первыхъ царяхъ нашихъ и при императорахъ, люди, нерѣдко жертвовавшіе благомъ государства, чтобы уронить личнаго соперника, а доблестныхъ Рюриковыхъ потомковъ немного; другіе роды или изъ купцовъ, какъ Строгановы, или изъ простонародья, какъ Демидовы, или чиновники, обогатившіеся на счетъ казны или на счетъ своего барина. Поводомъ къ отбиранію подписокъ при покупкѣ имѣній былъ нѣкто Чулковъ. Чулковъ былъ крѣпостной управитель безпутнаго барина; онъ вѣявъ обкрадывалъ его, былъ неоднократно сѣченъ имъ розгами при сборѣ крестьянъ, но оставался въ милости за то, что мастеръ былъ доставать барину деньги взаймы. Этотъ баринъ отпустилъ Чулкова на волю, а Чулковъ съ помощью денегъ дошелъ безъ труда до креста или чина, присвоившаго ему потомственное дворянство. Когда имѣніе разорившагося помѣщика продаваемо было съ публичнаго торга, новый дворянинъ Чулковъ купилъ его, но крестьяне рѣшительно отказались отъ признанія его своимъ господиномъ. «Мы,—говорили они,—видѣли его изнанку подъ розгами, видѣли, какъ онъ губилъ нашего родного барина,—мы пойдемъ всѣ въ Сибирь, а слушаться мошенника не будемъ...» Многихъ пересѣкли, однако приказали Чулкову продать имѣніе. Въ то же время постановлено было не совершать купчихъ крѣпостей на имя людей, которые сами или которыхъ отцы или дѣды были крѣпостными въ покупаемомъ имѣніи, а такъ какъ наши канцеляріи строго держатся формъ, то подписки требовались и отъ дворянъ, носящихъ имя историческое, и отъ Чулковыхъ, и отъ Шереметевыхъ.

С.-петербургскій дворянскій комитетъ состоялъ изъ депутатовъ, по два отъ cadaго уѣзда, съ присутствіемъ кандидатовъ по одному отъ уѣзда, подъ предсѣдательствомъ петербургскаго предводителя дворянства графа Павла Павловича Шувалова.

Члены отъ С.-Петербургскаго уѣзда были: баронъ Корфъ, разорившійся подрядчикъ департамента желѣзныхъ дорогъ, и не помню еще кто.

Петергофскаго—Зиновьевъ, отставной поручикъ Конной гвардіи, и сенаторъ Донауровъ,

Царскосельскаго—Платоновъ, отставной гусарь, и Пейкеръ.

Ямбургскаго—А. Ф. Веймарнъ и служившій подъ моимъ начальствомъ въ департаментѣ желѣзныхъ дорогъ баронъ Николай Веліо.

Гдовскаго—баронъ Врангель, провіантскій комиссіонеръ, и баронъ Фитингофъ, откупщикъ.

Шлиссельбургскаго—Чоглоковъ, разорившійся гуляка, и Лихонинъ, чиновникъ по образованію, но хорошій человекъ.

Лужскаго—я и Христовскій.

Были еще два депутата отъ правительства—флигель-адъютантъ Шеншинъ и Лоде, чиновникъ министерства государственныхъ имуществъ.

Какъ только графъ Орловъ, тогда уже князь и предсѣдатель государственнаго совѣта, узналъ о моемъ назначеніи, онъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ мнѣ свое убѣжденіе, что я «поддержу правительство». Я отвѣчалъ, что высочайшій рескриптъ есть въ моихъ глазахъ неприкосновенное начало, и что онъ останется основаніемъ всѣхъ моихъ сужденій, но что циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ толкуетъ рескриптъ произвольно, и я, съ своей стороны, считаю себя въ правѣ не стѣсняться личными взглядами министра, который ставитъ точки на і рескрипта, но ставитъ ихъ не на мѣстѣ; напримѣръ, онъ говоритъ объ обязательной для помѣщиковъ отдачѣ усадебъ крестьянамъ, а этого вовсе нѣтъ въ рескриптѣ.

— Стоить ли изъ-за этого спорить,—сказалъ мнѣ Орловъ:—вотъ я подарилъ усадьбы крестьянамъ; они согласились платить мнѣ 40 лѣтъ то же, что теперь платятъ за пользованіе моими землями.

— Есть ли у васъ, князь, собственныя запашки, собственный домъ въ этомъ имѣніи?—спросилъ я.

— Нѣтъ ничего—крестьяне на оброкѣ.

— Въ такомъ случаѣ ваше сіятельство въ другомъ положеніи, чѣмъ лужскіе помѣщики. Они хозяева, а вы капиталистъ, имѣющій капиталъ въ землѣ. Вы очень хорошо помѣстили этотъ капиталъ, упрочивъ доходы на 40 лѣтъ, а хозяева, отдавъ крестьянскія усадьбы освобожденнымъ крестьянамъ, не только будутъ имѣть противъ оконъ своихъ домовъ толпу людей отъ нихъ независимыхъ, но лишатся возможности помѣстить около себя вольныхъ наемныхъ работниковъ.

Орловъ, видимо, разсердился, но, не показавъ мнѣ своей досады, сказалъ:

— Напрасно будете спорить,—вамъ прикажутъ: дадутъ указъ.

— Ваше сіятельство,—сказалъ я,—697 помѣщиковъ поручили мнѣ защищать ихъ право собственности; принявъ званіе депутата, я взялъ на свою совѣсть исполнить это порученіе по моимъ силамъ, но я не общалъ имъ противиться указамъ. Я буду защищать право, и тѣмъ исполню долгъ свой, а за то, что будетъ повелѣно указомъ, я не отвѣчаю. Слѣдовательно, я не могу жертвовать вѣренными мнѣ интересами потому только, что все-таки прикажутъ иначе.

Это было послѣднее мое свиданіе съ княземъ Орловымъ; вскорѣ, впрочемъ, онъ впалъ въ безпамятство, а потомъ въ особенный родъ помѣшательства ума, вообразивъ себя свиньею. Онъ и померъ въ полномъ убѣжденіи, что онъ не человѣкъ, а свинья.

Затѣмъ пріѣзжали ко мнѣ Зиновьевъ и Веліо. Я объяснилъ имъ свою программу; они были отъ нея въ восторгѣ и умоляли меня не отступать отъ нея.

Когда въ засѣданіи комитета прочтенъ былъ высочайшій рескриптъ, все молчало; никто не рѣшался говорить первый. Передъ Лихонинымъ лежалъ свертокъ бумаги. Черезъ нѣсколько минутъ молчанія Лихонинъ объявилъ, что имъ составленъ проектъ положенія о крестьянахъ, который онъ просилъ позволенія прочитать. Все возстало: какъ можно начинать съ положенія, когда комитетъ не остановился еще на главныхъ началахъ, имѣющихъ служить основаніемъ положенія, не выяснилъ себѣ даже смысла высочайшаго рескрипта и циркуляра. Опять молчаніе. Видя, что никто не начинаетъ, я всталъ первый. Начавъ съ того, что, по моему мнѣнію, подъ выраженіемъ: «улучшеніе быта помѣщичьихъ крестьянъ» надобно разумѣть освобожденіе ихъ изъ крѣпостного состоянія, я объявилъ, что очень счастливъ, не находя ни одного слова въ рескриптѣ, угрожающаго лишеніемъ законной собственности тѣхъ 697 помѣщиковъ, которыхъ я являлся представителемъ, и которые пошли бы по міру, за немногими изъятіями, если бы у нихъ отнята была эта собственность. Уступка собственности для блага общественнаго не въ первый разъ требуется; она предвидѣна закономъ, но тотъ же законъ постановляетъ, что уступающій свою собственность долженъ быть вознагражденъ. Въ рескриптѣ нѣтъ ни слова о томъ, чтобы въ настоящемъ случаѣ этотъ общій законъ терялъ свою силу. Затѣмъ я объяснилъ, какого рода вознагражденіе казалось мнѣ правильнымъ, какими способами оно должно быть сдѣлано и какіе ресурсы останутся въ рукахъ правительства отъ той операціи, которой планъ я составилъ предварительно. Я говорилъ часъ. Когда я кончилъ, Веймарнъ всталъ, взмахнулъ по обыкновенію костью и предложилъ комитету выразить мнѣ общую благодарность за удачное разрѣшеніе вопроса, столь важнаго въ интересахъ личныхъ и государственныхъ. Всѣ или почти всѣ встали, но помню, что депутаты отъ правительства не вставали. Шеншинъ замѣтилъ, что въ рескриптѣ не говорится о платѣ за освобожденіе. Лоде сказалъ, что рѣчь моя есть импровизація, обнимающая столько вопросовъ, что трудно было бы обсудить ихъ на память, и потому онъ полагалъ нужнымъ просить меня, чтобы я далъ комитету письменное изложеніе того, что мною говорено. Лихонинъ опять сталъ просить позволенія прочитать свое положеніе. Корфъ пробормоталъ что-то о банкахъ. Комитетъ заключилъ просить у меня письменнаго

мнѣнія, которое я и подалъ. На слѣдующее засѣданіе я не могъ пріѣхать по болѣзни, и къ удивленію моему узналъ, что баронъ Корфъ и Лихонинъ настаивали на томъ, чтобы пустить мое мнѣніе на баллотировку, что предсѣдатель допустилъ ее, и что по баллотировкѣ оказалось три или четыре шара бѣлыхъ, а прочіе черные,—если назвать шарами мнѣніе, заявленное гласно каждымъ членомъ. Еще удивительнѣе было, что въ числѣ лицъ, отвергшихъ мое мнѣніе, были Веймарнъ и Зиновьевъ. Я очень хорошо понималъ, что было причиною такого исхода, за исключеніемъ Зиновьева, благороднаго молодого человѣка. Веймарнъ давно уже былъ въ какихъ-то неопредѣленныхъ сношеніяхъ съ Орловымъ; не подлежитъ сомнѣнію, что Орловъ его настроилъ не соглашаться со мною, а этого было довольно, чтобы мой сослуживецъ не поцеремонился отказаться отъ своего, публично высказаннаго, мнѣнія; Лихонину прежде всего хотѣлось устранить обстоятельства, препятствовавшія прочтенію его проекта положенія; барону Корфу хотѣлось непременно банка; разорившійся въ пухъ, въ долгахъ по уши, онъ не имѣлъ другихъ надеждъ избавиться отъ долговой тюрьмы, какъ залучиться въ директоры общественнаго банка и тамъ устроить свои дѣлишки. Не знаю, на чьей сторонѣ былъ нашъ просвѣщенный и благородный предсѣдатель, но если не на моей, то, вѣроятно, потому, что я разсматривалъ землю какъ неотъемлемую полную собственность помѣщиковъ, а крестьянамъ предоставлялъ право перехода на другія земли. Графъ Шуваловъ чисто-либеральнаго направленія, и, какъ я замѣчалъ и лично, не былъ сторонникомъ отдѣленія крестьянъ отъ земли. Депутаты отъ правительства должны были рѣшить противъ меня по званію своему. Врангель, коммиссіонеръ, обсчитывавшій загородные кавалерійскіе полки на овсѣ, дорожилъ, разумѣется, болѣе своимъ положеніемъ въ официальныхъ сферахъ, чѣмъ своимъ небольшимъ имѣніемъ, и еще болѣе, чѣмъ мнѣніемъ своихъ довѣрителей. Баронъ Фитингофъ сознался мнѣ, что онъ не могъ принять мой проектъ оттого, что онъ лишалъ помѣщиковъ рабочей силы, предоставляя имъ только 105 р. вознагражденія за работника; что онъ намѣренъ предложить ввести въ Россіи крестьянскія отношенія прибалтійскихъ губерній. Когда я замѣтилъ ему на это, что въ вопросѣ объ улучшеніи быта крестьянъ, отбывающихъ три рабочіе дни въ недѣлю, странно предлагать мѣры, усиливающія барщинную повинность, Фитингофъ отозвался, что это можно сдѣлать «съ извѣстною ловкостью редакціи». Какая наивность! Она напоминаетъ мнѣ поговорку черноморскихъ грековъ: «нѣмцу только разъ удалось провести грека, да и тутъ онъ остался въ убыткѣ». Зиновьевъ явился ко мнѣ съ повинною: «извините меня; мнѣ сказали, чтобы я остерегался вашихъ мнѣній потому что вы будто общались Орлову повести дѣло такъ тонко

что мы на все согласимся». Велю не хотѣлъ испортить себѣ положенія, успѣвъ выпросить себѣ изъ дворянскихъ суммъ пособія по 100 р. въ мѣсяцъ на поѣздки въ комитетъ!

Съ перваго разу не понравилась мнѣ фізіономія этого дворянскаго комитета. Полагавъ тогда съ замѣчательною наивностью, что правительство дѣйствительно желало знать мнѣніе дворянства, я соболѣзновалъ, что первый комитетъ выпалъ на долю столицы. Въ столицѣ нѣтъ помѣстныхъ дворянъ; здѣсь они превращаются въ *gentiers* ¹⁾, или въ слугъ, или въ искателей фортуны. Мнѣ было жаль благовоспитаннаго предсѣдателя, который, очевидно, чувствовалъ себя не въ своей тарелкѣ между Корфомъ и компаніей. Шумъ, гамъ такой, что пришлось завести колокольчикъ валдайскаго діапазона, для 18 членовъ, но скромная рука предсѣдателя робѣла шевелить языкъ этого незасгѣнчиваго оратора. Графъ Шуваловъ прибѣгалъ къ разнымъ палліативамъ, чтобы усмирять нестройные голоса своихъ сочленовъ. Но послѣ того, что, заставляя меня написать мнѣніе, комитетъ не удостоилъ его даже обсуждения по статьямъ, а просто закидалъ шарами, послѣ того, что Веймарнъ, неумѣстно вызывавшій комитетъ на изъявленіе мнѣ благодарности, первый отвергъ то мнѣніе, которому онъ первый же апплодировалъ,—мнѣ стало отвратительно,—и я написалъ графу Шувалову, что по болѣзни не могу присутствовать въ комитетѣ. Второе мнѣніе, мною написанное, отдалъ я Христовскому. Комитетъ нашъ, какъ, впрочемъ, и другіе, кончился ничѣмъ.

Затѣмъ наступилъ второй актъ комедіи: учредили редакціонныя комиссіи. Посадивъ въ нихъ нѣсколько лицъ, достойныхъ уваженія, примѣшали къ нимъ или разорившихся дворянъ, какъ князь Черкасскій, или чиновныхъ пролетаріевъ, какъ Н. Милютинъ, или просто чиновниковъ, какъ Семеновъ, или чернильных *bravi* ²⁾, какъ Любоцинскій. Они заглушили голоса лучшихъ людей подъ приманкою денегъ, земель, звѣздъ и чиновъ. Для разрѣшенія важнѣйшаго государственнаго соціальнаго вопроса натянуты пружины подлѣйшихъ человѣческихъ страстей. Безстыдство, лжи, клевета, наглость софизма дошли до послѣднихъ размѣровъ. Юридическое отдѣленіе комиссіи должно было оправдать закономъ то, что комиссія сочиняла, по большинству или по меньшинству голосовъ экспертовъ, смотря по тому, что болѣе приходилось къ рамкѣ. Вотъ какъ Любоцинскій оправдалъ захватъ вѣковой дворянской поземельной собственности. Полною собственностью называется такая собственность, которою владѣлецъ имѣетъ право распоряжаться по личному своему усмотрѣнію, а какъ высочайшимъ рескриптомъ повелѣвается оставить землю въ пользованіи

¹⁾ Капиталисты.

²⁾ Разбойниковъ.

крестьянъ, то изъ сего слѣдуетъ, что помѣщики не имѣютъ на свою землю права полной собственности. На этомъ основаніи они и не могутъ противиться обязательному надѣлу крестьянъ своею землею. Это все равно, что разсуждать о смертоубійцѣ такъ: смертоубійство есть лишеніе жизни, а какъ убитый человѣкъ не имѣетъ жизни, то и лишить его жизни нельзя. На этомъ основаніи убившій человѣка не есть смертоубійца. Въ журналахъ, поддерживаемыхъ министрами, посыпались ругательства на дворянство; деньги казенныя сыпались безъ счета; на редакціонную комиссію отпущено огуломъ 240 т. р. Предсѣдатель Ростовцевъ подписывалъ, что ему подавали, не понимая истиннаго смысла. Ростовцевъ былъ лукавъ до крайности и пронирыливъ въ такой же мѣрѣ, но при всемъ томъ очень добрый и на свой манеръ честный человѣкъ. Такая аномалія встрѣчается въ нашемъ купечествѣ безпрестанно и есть, такъ сказать, отличительная черта нашего купечества. Люди добрѣйшіе въ семействѣ, гостепріимные и благотворительные до расточительности, тверды въ своемъ словѣ на биржѣ, на ярмаркѣ, но придите къ купцу покупать товаръ въ лавкѣ, онъ дастъ вамъ мѣдъ за золото, и будетъ всѣми святыми божиться, что онъ васъ не обманываетъ. Видно, что матеріалъ духовный недуренъ, но не выработаны понятія о чести. Упрекните его, скажите купцу: «Какъ же вы, человѣкъ добрый, богобоязненный, рѣшаетесь на такой безсовѣстный обманъ?» Онъ вамъ отвѣтитъ жалобнымъ голосомъ: «Что дѣлать, батюшка! Наше такое дѣло! Безъ этого нельзя!» Ростовцевъ, чистый типъ русскаго купчины, спохватился, что подъ его фирмою дѣлается что-то недоброе; онъ просилъ увольненія его отъ дѣла, мало ему знакомаго, и поѣхалъ лечиться въ Вильдбадъ, съ своимъ редакторомъ Семеновымъ, котораго здѣсь снабдили полными инструкціями. Семеновъ подсунулъ ему программу, объяснилъ ему благія ея послѣдствія и опять вскружилъ голову, столь чувствительную къ угару отъ тщеславія. Ростовцевъ прислалъ свою программу сюда при письмѣ весьма замѣчательномъ. Онъ говорилъ, что просилъ устраненія отъ крестьянскаго дѣла по сознанію совершеннаго незнанія его особенностей, что теперь онъ изучилъ это дѣло вполнѣ и представляетъ плодъ своихъ размышленій. Родился въ Россіи, жилъ 60 лѣтъ въ Россіи, сидѣлъ въ совѣтахъ правительства и не зналъ дѣла; поѣхалъ въ Вильдбадъ, и тамъ въ три недѣли изучилъ Россію! Замѣчательное дѣйствіе Вильдбадскихъ водъ.

Когда баровъ Корфъ выразилъ свое удивленіе, что Ростовцева, никогда не интересовавшагося народною жизнію Россіи, приобщили къ крестьянскому дѣлу, князь Меншиковъ замѣтилъ, что «въ томъ-то и бѣда, что приобщили прежде, чѣмъ, исповѣдать». Эту забытую исповѣдь отдалъ Ростовцевъ мнѣ. Я послалъ къ нему записку, въ которой доказывалъ бесполезность при-

крѣпленія крестьянъ къ ихъ нынѣшнимъ усадьбамъ, и объяснялъ, что гораздо лучше обязать тѣхъ владѣльцевъ, которые будутъ переманивать къ себѣ работниковъ въ Новороссійскій край,—давать каждому до 3-хъ десятинъ за службу не менѣе 10 лѣтъ. Ростовцевъ отвѣчалъ мнѣ очень вѣжливымъ письмомъ, и я къ нему пріѣхалъ. Первое слово его было:

— Вы хотите обязать новороссійскихъ помѣщиковъ къ условіямъ найма, обезпечивающимъ работниковъ въ приобрѣтеніи земли. Къ чему это? Мы не въ Германіи; въ Россіи земли хватитъ еще на тысячу лѣтъ! Пусть каждый идетъ куда хочетъ и нанимается какъ хочетъ!

Я слушалъ это какъ остоленѣлый.

— Въ первый разъ,—сказалъ я,—слышу, что вы такого мнѣнія; оно успокаиваетъ все русское землевладѣніе; простите меня, если я буду всѣмъ и каждому пересказывать то, что сегодня слышалъ.

— Ахъ, Боже мой! да развѣ вы не читали моихъ писемъ изъ Вильдбада?—спросилъ меня Ростовцевъ.

Моя записка была именно направлена противъ вильдбадскихъ писемъ, требовавшихъ, чтобы усадьбы отданы были крестьянамъ. Мнѣ ничего не оставалось болѣе, какъ отвѣтить: не читалъ!

— Пожалуйста, извините меня; я пришлю вамъ экземпляръ этихъ писемъ,—кончилъ Ростовцевъ.

Словомъ, я убѣдился, что Ростовцевъ не зналъ содержанія своихъ писемъ! Между тѣмъ Милютинъ и К^о, заручась вильдбадскою программю, стали уже безцеремонно развивать свою систему; Ростовцевъ догадался, куда идутъ они, спорилъ съ ними, но они давали ему отпоръ собственною его программю; Ростовцевъ досадовалъ, выносилъ ежедневныя стычки, тревожился, захворалъ и померъ. На его мѣсто назначили графа Панина, стяжавшаго уже репутацію капрала въ званіи министра юстиціи. Панинъ занялся прежде всего тѣмъ, чтобы члены ходили въ комиссіи въ мундирныхъ фракахъ, чтобы не курили табаку, и прочими подобными полицейскими мѣрами. Въ общихъ выраженіяхъ онъ склонялся къ консервативнымъ началамъ, вслѣдствіе чего Любошинскій вдругъ перескочилъ въ другой лагерь и доказывалъ, что земля есть неотъемлемая полная собственность дворянъ. Однако Панинъ не пошелъ далѣе общихъ выраженій; увидя съ одной стороны нахмуренныя брови великаго князя, а съ другой—синѣющую на горизонтѣ его андреевскую ленту, онъ сталъ предлагать что-то среднее; его не послушали, но ленту дали. Со всѣхъ сторонъ Россіи слышались между тѣмъ вопли и крики землевладѣльцевъ; въ Петербургъ наѣхало множество помѣщиковъ; они подавали объясненія, протесты, просьбы; все оставалось безъ отвѣта и даже безъ доведенія до государя содержанія жалобъ. Губернаторовъ, сколько-

нибудь умѣренныхъ или консервативныхъ, смѣняли офицерами генеральнаго штаба, извѣстными радикализмомъ; дворянство ругали публично; настало нѣчто въ родѣ официального терроризма; и подѣ его вліяніемъ издано «Положеніе о крестьянахъ 19-го февраля 1861 года». Читающій его иностранецъ никакъ не догадался бы, что здѣсь дѣло шло о побужденіи дворянъ къ уступкѣ части своей законной собственности въ пользу крестьянъ, со всѣми предосторожностями, чтобы крестьяне не захватили лучшихъ земель или больше того, что имъ необходимо, чтобы крестьянскій надѣлъ не разстроилъ помѣщичьяго хозяйства, чтобы помѣщикъ отдавалъ только излишки, а крестьянинъ получилъ бы только необходимое. Напротивъ, этотъ незнакомый съ нашими обстоятельствами читатель подумалъ бы, что «Положеніе» возстановляетъ права крестьянъ на ихъ землю, похищенную у нихъ дворянами, и принимаетъ всѣ мѣры противъ дворянъ-грабителей, чтобы защитить крестьянъ отъ повторенія подобныхъ грабежей. У помѣщиковъ отбиралось не то, что нужно крестьянину, а то, что наиболѣе нужно помѣщику. Общая система выражалась тѣмъ, что чѣмъ болѣе разорится помѣщикъ, тѣмъ болѣе обогатится крестьянинъ, а изъ этого вышло, что теперь уже, черезъ 5 лѣтъ, разорились и крестьяне и помѣщики. Такая система совершенно сродна нашимъ невѣждамъ. Въ Петербургѣ можно видѣть сотни примѣровъ между мелкими чиновниками, что они, нанимая квартиру съ отопленіемъ, стараются истребить какъ можно больше дровъ, находя въ этомъ расхищеніи хозяйской собственности личный барышъ. За квартиру плачу я,—говоритъ такой чиновникъ,—за 3 комнаты 300 р., но я сжигаю у хозяина дровъ на 200 р., слѣдовательно мнѣ обходятся комнаты только въ 100 рублей.

Демагогическая партія торжествовала. Великій князь Константинъ Николаевичъ считалъ себя самымъ популярнымъ человекомъ въ Россіи, да и при высочайшемъ дворѣ были едва ли не того же мнѣнія о своей популярности. На балѣ императрица, идя въ польскомъ съ княземъ Меншиковымъ, заговорила съ нимъ объ эмансипаціи. Записываю разговоръ въ томъ видѣ, какъ мнѣ передавалъ его князь Меншиковъ.

— Je m'étonne, prince, qu'avec votre esprit vous ne voulez pas reconnaître la nécessité d'émanciper les serfs.

— Madame, je n'ai jamais parlé contre l'émancipation, mais je désapprouvais la manière, dont on va procéder pour y arriver.

— Ah, vous convenez donc que le servage est incompatible avec les idées du XIX siècle.

— Oui, Madame, c'est une incompatibilité, mais a-t-on pensé à ce que l'autocratie en est aussi une. Elle ne se soutient qu'en Russie, parce qu'en Russie il y a encore une classe privilégiée, qui dans ses propres intérêts soutient l'autocratie, mais aussitôt que

l'antagonisme des deux conditions aura été écarté, il n'y aura en Russie qu'une seule opinion sur la forme du gouvernement. Monseigneur l'Héritier se prononce aussi contre la noblesse: se prépare-t-il aux suites de la fusion des classes?

— Ah, mon Dieu! si on pouvait expliquer cela à l'Empereur.

— Ainsi qu'à Monseigneur le Grand Duc Héritier, Madame.

— Mon fils est entre les mains de son oncle ¹⁾.

Около того же времени князь Меншиковъ разсказывалъ мнѣ разговоръ свой съ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ. Великій князь сказалъ:

— Il est temps de faire une petite saignée à la noblesse ²⁾.

Князь Меншиковъ замѣтилъ на это:

— Votre Altesse est le premier noble de l'Empire; peut Elle préciser la limite où la saignée, une fois commencée, s'arrêterait? ³⁾

Великій князь взялъ со стола какой-то тесакъ, сказавъ:

— Посмотрите, какой удобный тесакъ я намѣренъ ввести во флотъ.

Не увлекаясь своимъ торжествомъ, демагогическая партія понимала, что «Положеніе» о крестьянахъ можетъ имѣть, въ строгомъ ея исполненіи, только половину того дѣйствія, какого она добивалась. Ей хотѣлось истребить всѣ помѣщичьи хозяйства, и на мѣсто ихъ водворить крестьянскія, и то не личныя, а общинныя. Великій князь Константинъ Николаевичъ только и говорилъ объ общинѣ, этомъ идеалѣ социальнаго устройства, о которомъ такъ хлопочутъ на Западѣ, но который присущъ русскому народу и сложился у него исторически,—какъ будто исторія варварскаго состоянія народа можетъ служить образцомъ его цивилизаціи. Обращать Россію въ дикое славянство то же самое, что водворять

¹⁾ — Я удивляюсь, князь, что вы, съ вашимъ умомъ, не хотите привнать необходимости освободить крѣпостныхъ людей.

— Я никогда не говорилъ противъ освобожденія отъ крѣпостной зависимости, но я не одобрялъ образа дѣйствія, которымъ хотятъ прійти къ этому.

— А, значитъ, вы сознаетесь, что крѣпостное состояніе несовмѣстно съ идеями XIX вѣка?

— Да, это несовмѣстно; но подумали ли о томъ, что и самодержавіе несовмѣстно. Оно держится только въ Россіи, потому что въ Россіи еще есть привилегированный классъ, который въ своихъ собственныхъ интересахъ поддерживаетъ самодержавіе,—но какъ только соперничество двухъ состояній будетъ устранено,—въ Россіи будетъ только одно мнѣніе о формѣ правленія. Государь наслѣдникъ высказывается тоже противъ дворянства: приготовился ли онъ къ послѣдствіямъ сліянія состояній?

— А, Боже мой! если бы это можно было объяснить императору.

— А также государю наслѣднику великому князю.

— Мой сынъ въ рукахъ своего дяди.

²⁾ — Пора сдѣлать дворянству маленькое кровопусканіе.

³⁾ — Ваше высочество первый дворянинъ имперіи; можетъ ли онъ точно опредѣлить границу, гдѣ остановится разъ начатое кровопусканіе?

въ Сѣверо-Американскіе Штаты нравы эскимосовъ. То, чего не смѣли печатать въ «Положеніи», надобно было сдѣлать посредствомъ недобросовѣстнаго исполненія «Положенія», а для этого необходимо было еще до изданія «Положенія» измѣнить весь составъ главныхъ дѣятелей. Въ кружкѣ, покровительствуемомъ великимъ княземъ Константиномъ Николаевичемъ, положено было, какъ говорили: дать министерство государственныхъ имуществъ Хрущову; внутреннихъ дѣлъ—Милютину; юстиціи—князю Оболенскому (Рейтерна въ кресла министра финансовъ), министерство народнаго просвѣщенія Головнину, но тутъ вышелъ скандалъ: открылось, что Кавелинъ, учившій цесаревича исторіи, былъ въ перепискѣ съ Герценомъ, съ вѣдома главнаго воспитателя, Титова. Государь огорчился; въ городѣ рассказывали, будто онъ съ разстроеннымъ видомъ сказалъ: «Вотъ въ какомъ я положеніи! Не могу даже положиться на выборъ людей, рекомендуемыхъ въ воспитатели сына моего! Все это интриги Хрущовыхъ и другихъ изъ этого же круга». Такъ ли выразился государь или иначе,—трудно повѣрить, но достовѣрно то, что партія повѣсила носъ и что комбинаціи ея покуда не состоялись. Государь потребовалъ, чтобы Головнина удалили отъ великаго князя; его посадили въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія. На мѣсто Шереметева, разбитаго параличомъ, назначенъ Муравьевъ, консерваторъ. Муравьевъ тотчасъ же удалилъ Хрущова. На мѣсто Ланского посадили Валуева, тоже консерватора, но дѣйствующая партія воспользовалась безхарактерностью Валуева и навязала ему въ дѣятели по устройству крестьянскаго быта Соловьева, якобинца, того Соловьева, который спуталъ идеи великаго князя. Рейтерна и Оболенскаго тоже не смѣли уже предлагать государю, но ихъ очень ловко подготавливали. Вдвинувъ Головнина въ совѣтъ министра народнаго просвѣщенія, назначили министромъ неспособнаго вице-адмирала Путятина; Рейтерна посадили въ совѣтъ министра финансовъ, а министру Княжевичу дали ехиднаго Грота въ директоры департамента; глупый военный министръ Сухозанетъ замѣненъ Милютинимъ, братомъ Николая Милютина.

Хрущовъ не перенесъ этого переворота. Алчный эгоистъ, бывшій въ процессѣ съ своимъ отцомъ за какое-то дрянное имѣніе и женившійся на богатой помѣщицѣ, онъ выступилъ на общественную сцену подъ маскою друга народа, для котораго не щадить ни достоянія, ни жизни. Онъ проповѣдывалъ неправосудность неравнаго раздѣленія богатствъ (получая 10 т. р. содержанія), устраивалъ на акціяхъ квартиры рабочихъ, что-то въ родѣ фаланстеръ, и приходилъ въ благородное негодованіе, когда помѣщикъ отстаивалъ свою собственность,—затаивъ въ душѣ главный двигатель своихъ дѣйствій: надежду на видное мѣсто съ огромнымъ содержаніемъ. Когда отзывъ государя поколебалъ эти

надежды, силы Хрущова сокрушились, и маска упала съ лица его. Хрущовъ сошелъ съ ума и, какъ влюбленная одалиска, высказалъ въ бреду затаенныя чувства. Онъ поѣхалъ въ полномъ гофмейстерскомъ мундирѣ къ княгинѣ Одоевской и рассказывалъ ей, что онъ строитъ желѣзную дорогу изъ золотыхъ рельсовъ; что онъ устраиваетъ пруды для разведенія устрицъ, которые будутъ давать ему 5 милліоновъ годового дохода. Такъ выразилась алчность почестей и денегъ: о народѣ, о фаланстерахъ—ни слова.

Я оставался все еще при надеждахъ, что новые дѣятели дѣйствуютъ искренно, что они портятъ государственное дѣло не по намѣренію, а по программѣ. Не сдѣлавъ ничего съ Ростовцевымъ, я обратился къ великому князю Константину Николаевичу. Въ циркулярѣ министра внутреннихъ дѣлъ ставилось на видъ, что присвоеніе крестьянамъ ихъ усадебъ необходимо для предупрежденія вредной подвижности; я представилъ его высочеству записку, доказывающую вредъ неподвижности. Записка эта осталась безъ послѣдствій. Дѣйствія были, очевидно, преднамѣренныя, но по крайней мѣрѣ государю невозможно было приписывать преднамѣреній, потому что дѣла принимали направленіе, вредное ему самому. Jean Paul Richter замѣтилъ, что люди, носящіе на себѣ благовонія, распространяютъ благоуханіе на всѣхъ, кромѣ самихъ себя. Такъ это бываетъ и въ обратномъ смыслѣ: обманываемый супругъ становится предметомъ насмѣшекъ цѣлаго общества, и одинъ не замѣчаетъ своей прически; клевета ходитъ по цѣлому городу, — одинъ оклеветанный ничего про нее не знаетъ. Такъ и правители узнаютъ послѣдніе о козняхъ, противъ нихъ направленныхъ, и очень часто узнаютъ о томъ только въ минуту паденія, и до той минуты вручаютъ злѣйшимъ своимъ врагамъ оружіе противъ самихъ себя. Это исторія Людовика XVI съ его *assemblée des notables*¹⁾; Павла I съ Паленомъ; Карла X и Полиньяка съ герцогомъ Орлеанскимъ. Наши демагоги опутали великаго князя; они двигаютъ его передъ собой, какъ таранъ для пробитія стѣны государственнаго зданія. Онъ вождь партіи, но онъ и жертва ея, мостъ, охраняемый до совершенія перехода, но сожигаемый, когда переходъ совершился.

Демагогическая партія продолжала дѣйствовать всѣми способами. По всей Россіи шныряли Якушкины и другіе подобные выгнанные изъ службы чиновники, вооружавшіе чернь противъ владѣльцевъ; на сценѣ представлялись небылицы или карикатуры на тему помѣщичьяго быта, рассчитанныя для вліянія на дворовыхъ людей, наполнявшихъ раекъ. На дворянскихъ и другихъ собраніяхъ люди дворянскаго происхожденія распространялись о гнилости дворянскаго сословія или о несправедливости изыятія

¹⁾ Собраніе знатнѣйшихъ особъ дворянства и духовенства.

его изъ рекрутской повинности; вся эта сволочь дѣйствовала по расчету, потому что ругательство на дворянство служило аттестатомъ кандидатуры на хорошія мѣста въ службѣ, гдѣ поруганіе сословія считалось признакомъ высшаго ума. Въ служебную іерархію введена ужасная путаница. Началъ ее великій князь Константинъ Николаевичъ въ морскомъ министерствѣ; тысячи прѣжнихъ чиновниковъ и офицеровъ отставлены отъ службы за штатомъ, а оклады ихъ раздѣлены между остальными, привилегированными. Князь Оболенскій изъ помощника предсѣдателя гражданской палаты сдѣланъ директоромъ комиссаріатскаго департамента и статсъ-секретаремъ, съ полномочіями въ хозяйственныхъ заготовленіяхъ, противными закону. Комовскій, начальникъ отдѣленія канцеляріи, посланный къ князю Меншикову, противъ его воли, въ Севастополь, воротился оттуда тайнымъ совѣтникомъ и статсъ-секретаремъ. Рейтернъ, мелкій чиновникъ, посланный въ Парижъ для изученія бухгалтеріи, облачается тоже въ званіе статсъ-секретаря. Набоковъ, надворный совѣтникъ, назначается вице-директоромъ департамента, съ оклада въ 1000 рублей на окладъ въ 6000 рублей,—исчезаетъ на минуту, потомъ является опять на сцену въ костюмѣ гофмейстера и съ окладомъ въ 11.000 рублей. Даже нравственныя начала прежней службы ниспровергаются; уваженіе къ людямъ пожилымъ уступаетъ мѣсто наглости передъ «людьми отжившими». Это новое ученіе осуществлено въ офиціальномъ распоряженіи: въ исключеніи по военному вѣдомству изъ службы врачей, достигшихъ 60-лѣтняго возраста, но вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не было такихъ торжествъ и такихъ наградъ за 50-лѣтнюю службу, какъ въ это время. Словомъ, всѣ понятія перепутались; нигилизмъ проникъ во всѣ сферы общественныя и правительственныя, недоставало ему еще только имени.

Карьера свѣше ожиданія, небывалыя награды, раздача богатыхъ земель людямъ, участвовавшимъ въ редакціи и неправильномъ исполненіи «Положенія» о крестьянахъ, научили и другихъ чиновниковъ, что самая вѣрная спекуляція—писать коммунистическіе проекты; самый вѣрный способъ быть хорошо отрекомендованнымъ государю,—нивеллировать сословія, преслѣдовать дворянство, подготавливать революцію,—и вотъ зачатки проектовъ земскихъ учрежденій, судебной части, отмѣны тѣлеснаго наказанія, сокращенія срока военной службы, новой цензуры и прочіе. Чиновничество стало первымъ сословіемъ, надменное, рѣшительное, самодержавное,—не то уже, что Суковнинъ и Гвоздевъ, мелкіе воришки, а реформаторы или спекуляторы *en grand* ¹⁾. Чиновники эти забылись до такой степени, что публично заявляли свое самодержавіе. «Я хочу уничтожить первый департаментъ сената!» говорилъ Бут-

¹⁾ Въ большемъ видѣ.

ковъ у себя на вечернемъ собраніи. «Я не могу допустить земство къ управленію дѣлами общественными: русская интеллигенція вся на службѣ, слѣдовательно служащіе одни должны управлять земскими дѣлами»,—объявлялъ Н. Милютинъ у себя за обѣдомъ. «Я вамъ долженъ сознаться,—сказалъ Д. Милютинъ старику генералу Корфу:—что я иду къ русскому единству и къ равенству сословій». Статсъ-секретарь Заблоцкій, нажившій на службѣ большое состояніе, говорилъ публично рѣчь, что онъ родился въ избѣ и остается въ душѣ крестьяниномъ; что, несмотря на свои чины и ордена, онъ думаетъ, какъ крестьянинъ, и что вся его политика крестьянская. Князь Меншиковъ очень мѣтко опредѣлялъ содержаніе рѣчи Заблоцкаго: «Я родился въ навозѣ, и съ тѣхъ поръ не умывался».

Покуда въ Россіи совершалось это столпотвореніе вавилонское, готовилась и въ Польшѣ катастрофа, предшествуемая студенческими смутами въ разныхъ русскихъ университетахъ.

Послѣ мятежа 1830 и 1831 гг. покойный государь запретилъ полякамъ выѣзжать изъ царства Польскаго. Путь въ Россію былъ обставленъ для нихъ разными затрудненіями; путь за границу закрытъ совершенно. Польша сдѣлалась для поляковъ замкнутою казармою, а надзоръ за этими 5 милліонами узниковъ ввѣренъ былъ твердой и умной рукѣ князя Паскевича. Мѣра совершенно рациональная, но государь ошибся въ томъ, что не распространилъ того же на юношество. Онъ былъ, къ несчастію, слишкомъ высокаго мнѣнія объ образовательной силѣ нашихъ русскихъ училищъ, и въ этомъ убѣжденіи приказалъ всѣхъ польскихъ юношей воспитывать въ Россіи, закрывъ польскіе университеты. Государь не зналъ ни того, что наши училища прескверны, ни того, что русскій элементъ вовсе не имѣетъ поглощающаго свойства, что онъ, напротивъ, очень легко самъ распускается во всякомъ чужомъ элементѣ. Русскіе, въ особенности же русскіе того времени, переставали быть русскими при первомъ прикосновеніи къ нимъ чуждаго элемента; съ нѣмцами—они дѣлались нѣмцами; съ французами—французами,—и до такой степени, что почти стыдились быть русскими за границею, или ругали тамъ русскихъ, чтобы не казаться съ ними солидарными. Отъ такого-то растворнаго элемента государь ожидалъ силы переработать образъ мыслей юноши, силою оторваннаго отъ своего семейства, удаленнаго изъ родины, гораздо болѣе просвѣщенной, чѣмъ Россія, отлученнаго отъ своей религіи, гораздо усерднѣе исповѣдуемой, чѣмъ въ Россіи православіе. Послѣдствія были таковы, какихъ ожидать слѣдовало: нѣсколько сотъ польскихъ юношей ополячили все юное поколѣніе Россіи, научили его пѣть польскія патріотическія пѣсни; вложили въ него чувство негодованія на правительство и развили въ немъ духъ оппозиціи. Во всѣхъ русскихъ университетахъ молодежь за-

шевелилась, зашумѣла, и отъ криковъ стала переходить къ дѣйствіямъ. Эти смуты указали, какъ неудаченъ былъ выборъ попечителей учебныхъ округовъ. Въ Кіевѣ студенты отправились in corpore съ протестомъ къ попечителю; Катакази спрятался въ платяномъ шкапѣ. Катакази смѣненъ, а на его мѣсто назначенъ Пироговъ, операторъ, извѣстный революціонными тенденціями. Въ Казани Молоствовъ, человѣкъ образованный, вступилъ со студентами въ переговоры; онъ смѣненъ, и на мѣсто его посланъ ничтожный князь Вяземскій. Въ Петербургѣ студенты заставили попечителя Филипсона итти съ ними въ конференцію университета: онъ шелъ передъ ними, плѣнный, по Невскому проспекту. Столица сѣвернаго царства увидѣла въ стѣнахъ своихъ торжество, подобное торжествамъ древняго Рима, когда водили побѣжденныхъ царей мимо Капитолія. На Васильевскомъ островѣ генералъ-губернаторъ Игнатьевъ вывелъ солдатъ съ штыками противъ безоружныхъ безбородыхъ юношей. Распустили слухъ, будто нѣсколько студентовъ ранено; всѣ семейства взволновались; повсюду изъ-являлось сочувствіе студентамъ; дамы пріѣзжали въ театръ, украшенныя синими лентами по цвѣту студенческаго мундира. Министръ народнаго просвѣщенія Путятинъ, умѣвшій укрощать людей только розгами, не нашелъ въ своей программѣ указанія, откуда взять розги и экзекуторовъ, когда придется высѣчь въ данную минуту вдругъ 400 человѣкъ. Онъ замѣненъ Головнинымъ. Такимъ образомъ, смуты университетскія вызвали на сцену двухъ попечителей крайне-революціоннаго направленія: Пирогова и Головнина. Чисто гомеопатическая система леченія: *similia similibus*. Изъ университетовъ, изъ артиллерійскаго училища поляки поступали въ армію и въ министерства; въ арміи они развращали офицеровъ— незрѣлыхъ умомъ, какъ студенты были незрѣлы тѣломъ; и уже въ Крымскую войну армія наша потерпѣла много неудачъ вслѣдствіе тайной передачи непріятелю свѣдѣній изъ штаба нашей арміи. Изъ министерствъ поляки проникли въ западныя губерніи на мѣста важныя въ полицейскомъ отношеніи, въ почтмейстеры, въ исправники, предсѣдатели палатъ. Въ царствѣ Польскомъ князь Паскевичъ держалъ твердо бразды правленія, но никого не доводилъ до отчаянія, никого не лишалъ честнаго куска хлѣба. Революціонеры боялись его рѣшительности; люди смирные были въ должностяхъ и не опасались ни потери мѣста по интригѣ патріотовъ, ни ихъ личной мести.

Со смертію князя Паскевича вдругъ все измѣняется. «Tueri pe est mort» ¹⁾! Князь Горчаковъ, безстрашный въ бою, но трусъ въ политикѣ, поддается угрозамъ кружка, ненавидѣвшаго Россію; смѣняетъ преданныхъ нашему правительству чиновниковъ и за-

¹⁾ Тюренъ умеръ!

²⁾ истор. вѣстн., октябрь, 1908 г., т. cxiv.

мѣщаютъ ихъ кандидатами изъ враждебной партіи; тѣ—тысячами пущены по міру; эти—забрали въ свои руки мѣстную администрацію. Членъ правительственнаго совѣта А. И. Крузенштернъ, изучившій Польшу, состоя около 20 лѣтъ при прежнемъ намѣстникѣ, написалъ весьма сильно и ясно записку, въ которой изображалъ неудобства новой политики и предсказывалъ новую революцію: его не послушали, назвали визионеромъ. Такъ со всѣхъ сторонъ приготовлена была мина. Когда послѣдовалъ взрывъ,— вмѣсто того, чтобы разгромить первыхъ покусителей на государственное спокойствіе,—Горчаковъ телеграфировалъ въ Петербургъ вопросъ: что дѣлать? Вмѣсто того, чтобы отвѣчать ему изъ Петербурга: «Вы намѣстникъ! дѣйствуйте!» ему телеграфировали: «избѣгайте кровопролитія». Такъ по челоуѣколюбію къ 300 бунтовщикамъ погублены сотни тысячъ людей, падшихъ отъ пуль, кинжала, яда и висѣлицы. Горчаковъ померъ. Надобно было избрать новаго намѣстника. По принципу, что люди шестидесяти лѣтъ выжили изъ ума, назначенъ молодой графъ Ламбергъ, извѣстный барышничествомъ во время командованія Конною гвардіею,—и Герштенцвейгъ, челоуѣкъ благородный и умный, но желчный и надменный. Они поссорились; Герштенцвейгъ застрѣлился, а Ламбергъ выѣхалъ изъ Варшавы. Россія въ первый разъ услышала о дезертирѣ не изъ рядовыхъ, а изъ намѣстниковъ. Затѣмъ вызвали въ Петербургъ Велепольскаго. Крузенштернъ зналъ тенденціи Велепольскаго; предвидя общественное бѣдствіе, онъ превозмогъ свою обычную скромность и снова изложилъ свои виды, которые сообщилъ и вице-канцлеру Горчакову. Его опять не послушали, но предсказанія его сбылись слишкомъ точно. Оставя службу въ Варшавѣ, Крузенштернъ нашелъ здѣсь холодный пріемъ. За что же? Конечно, за то, что онъ оказался правымъ. Недальновидность никогда не прощаетъ проницательности. Велепольскій принятъ былъ въ Петербургѣ какъ нельзя лучше, и вслѣдъ за тѣмъ великій князь Константинъ Николаевичъ былъ назначенъ намѣстникомъ. Въ Варшавѣ Велепольскій былъ на первомъ планѣ; онъ гордо проходилъ къ намѣстнику чрезъ пріемную залу, гдѣ ожидали пріема высшія русскія воинскія власти, Рамзай, Шварцъ и другіе. Несмотря, однако, на это предпочтеніе поляка, выстрѣлили и въ великаго князя, какъ прежде того выстрѣлили въ Людерса и послѣ того въ графа Берга.

Я удивлялся, что Ростовцевъ изучилъ крестьянскій вопросъ въ Вильдбадѣ. Теперь вспоминаю, что я самъ изучилъ польскій вопросъ въ Крейцнахѣ. Араужо, бразильскій посланникъ при берлинскомъ дворѣ, рассказывалъ мнѣ въ Крейцнахѣ, что лѣтъ пятнадцать предъ тѣмъ обѣдалъ у него Велепольскій и излагалъ ему свои мысли о возстановленіи Польши. Онъ выражалъ свое убѣжденіе, что возстановить независимое царство Польское можно

только однимъ способомъ: заинтересовать русскаго великаго князя и съ содѣйствіемъ Россіи оторвать у Пруссіи Познань и у Австріи Галицію.

— Et c'est un grand duc russe,—сказалъ ему Араужо,—que vous voulez reconnaître roi de Pologne?

— Ah, je ne sais, c'est comme le bon Dieu le voudra!

— Croyez vous que le bon Dieu en voudra?

— Ce serait un cas exceptionnel, car ordinairement l'architecte n'habite pas la maison qu'il a construite¹⁾.

Польскій мятежъ начинаетъ новую эру въ нашихъ государственныхъ порядкахъ. Демагогическая партія переноситъ сцену своихъ дѣйствій въ польскія губерніи, чтобы оттуда дѣйствовать и на Россію. Разложеніе идетъ такъ быстро, что становится труднымъ записывать событія. Крестьяне русскіе, послѣ нѣсколькихъ вѣковъ зависимости отъ помѣщиковъ, остались внезапно безъ всякаго начальства, перестали работать, перестали платить оброки и повиноваться земскимъ властямъ; въ это самое время, когда особенная надобность настояла въ удержаніи крестьянъ отъ безпорядковъ, отмѣнено тѣлесное наказаніе и удешевлена водка: съ одной стороны—соблазнъ, съ другой—безнаказанность. Помѣщики, лишившіеся вдругъ и обязательнаго труда и части своихъ земель, стали повсемѣстно разоряться, за немногими изъятіями. Небольшая часть помѣщиковъ, обладавшихъ большими средствами или большею энергіею, боролись съ новыми затрудненіями, надѣялись было преодолѣть ихъ, но новые губернаторы стали распространять между мировыми посредниками ученіе, по которому въ дѣлахъ спорныхъ помѣщики должны быть всегда виноватыми, а крестьяне—всегда правыми. Самый тонъ, принятый относительно помѣщиковъ, былъ въ высшей степени грубъ; всѣми властями принято не называть никого ни по чину, ни дворяниномъ. «Землевладѣльцу NN.». Это былъ общій адресъ для всѣхъ помѣстныхъ дворянъ, пока одинъ какой-то полковникъ не адресовалъ своего отзыва посреднику: «Сюртуковладѣльцу NN.». Этотъ сюртуковладѣлецъ очень обидѣлся; потребовалъ объясненія, отчего онъ не называетъ его ни чиномъ, ни званіемъ посредника. Дворянинъ отвѣчалъ ему, что и у него есть чинъ полковника и званіе дворянина, однако посредникъ не счелъ нужнымъ называть его иначе, какъ по предмету владѣнія; что онъ, слѣдуя примѣру посредника, хотѣлъ было назвать его шубовладѣльцемъ, но, не

¹⁾ — И вы хотите признать королемъ Польши русскаго великаго князя?

— Ахъ, я не знаю, это какъ Богу будетъ угодно.

— А какъ вы думаете, это будетъ угодно Богу?

— Это былъ бы исключительный случай, потому что обыкновенно архитекторъ не живетъ въ домѣ, который онъ строилъ.

бывъ увѣренъ, есть ли у него шуба, назвалъ его сюртуковладѣльцемъ. Этотъ примѣръ унялъ многихъ. Хороши посредники!

Милютинская партія, задумавъ проводить социалистическіе принципы чрезъ западныя губерніи подъ маскою обрусѣнія края, добилась учрежденія въ нихъ повѣрочныхъ комиссій, для состава которыхъ наслана отсюда толпа отъявленныхъ плутовъ-чиновниковъ. Эти «дѣятели» (новое модное слово) стали повѣрять уставныя грамоты, давно приведенныя къ обоюдному удовлетворенію въ исполненіе; подучали крестьянъ жаловаться, и каждую жалобу удовлетворяли безъ разбора. Они же опредѣляли размѣръ оброка, подлежащаго платѣ помѣщику, и размѣръ контрибуціи помѣщика по доходу. Лучшія фольварковыя земли отданы крестьянамъ и оцѣнены по годовой доходности въ 75 копеекъ. Худшія оставлены за помѣщиками съ опредѣленіемъ доходности ихъ въ 3 рубля съ десятины. При отводѣ надѣловъ эти дѣятели разсудили, что «неудобныя» земли, лежащія среди надѣловъ, должны были отдаваться крестьянамъ даромъ, и подъ именемъ неудобныхъ отводили огромныя площади крестьянамъ.

Пощады не было никому. Даже въ Борисовскомъ имѣніи великаго князя Николая Николаевича мировые посредники и самъ военный начальникъ, кажется, полковникъ Скворцовъ, бунтовали крестьянъ его высочества. Великій князь самъ поѣхалъ въ имѣніе, лично удостовѣрился въ преступныхъ дѣйствіяхъ Скворцова, но не могъ ничего сдѣлать. Годомъ позже онъ добился смѣны Скворцова, но смѣны не карательной. Скворцовъ переведенъ въ другое мѣсто съ награжденіемъ чиномъ генералъ-майора. Между тѣмъ шли слѣдственные комиссіи, открывавшія преступниковъ около лицъ высоко стоящихъ. Сераковский, адъютантъ военнаго министра, тяжкій государственный преступникъ, нашелъ покровительство открытое въ самомъ Милютинѣ. Огрызко, учредитель мятежныхъ комитетовъ, былъ вице-директоромъ департамента податей и сборовъ, и когда Муравьевъ потребовалъ, чтобы бумаги Огрызко были немедленно опечатаны и самъ Огрызко доставленъ въ Вильну, то директоръ департамента Гротъ, какъ утверждали въ городѣ, предупредилъ его о томъ и далъ ему возможность сжечь бумаги. На Муравьева, котораго жестокость я, впрочемъ, не оправдываю, напали съ такою яростью, какъ будто онъ самъ былъ предводителемъ мятежа. У Муравьева былъ помощникомъ Потаповъ, человѣкъ умный и умѣренный. Потаповъ имѣлъ случай говорить съ государемъ; взгляды его понравились. Чтобы предупредить назначеніе Потапова начальникомъ западныхъ губерній, Милютинъ представилъ государю разстройство земли донскихъ казаковъ, требующей умнаго правителя, и лучшимъ признавалъ Потапова. Такъ спровадилъ онъ Потапова на Донъ, а въ западныя губерніи посадилъ своего директора канцеляріи Кауфмана.

Затѣмъ принялись за земскія учрежденія, въ томъ же демагогическомъ духѣ, какъ и «Положеніе» о крестьянахъ.

То, чего не могли разорить мировые посредники, должно было разориться земскими учрежденіями. Люди партіи дѣйствовали съ тѣмъ лицемѣріемъ, съ какимъ всегда дѣйствуютъ партіи, имѣющія заднюю мысль. Общія разсужденія, объяснительная записка, говорили одно, а положеніе—другое. По общимъ разсужденіямъ, основаніе земства есть земля; земскимъ благоустройствомъ заинтересованы наиболѣе землевладѣльцы; на этомъ основаніи, избиратели и гласные должны быть землевладѣльцы, имѣющіе не менѣе 350 десятинъ земли. Такъ говоритъ журналъ государственнаго совѣта,—а по положенію: нѣсколько землевладѣльцевъ, вмѣстѣ владѣющихъ 350-ю десятинами, имѣютъ 1 голосъ, и дворянинъ, у котораго 50.000 десятинъ,—одинъ же голосъ. Кромѣ того, дворянинъ безземельный не имѣетъ голоса, а крестьяне безземельные же—имѣютъ: каждое селеніе—по одному. Какое же селеніе, въ 200 ли душъ, или и въ 20 душъ,—не сказано. Такимъ образомъ, князь Меншиковъ, имѣющій въ Клинскомъ уѣздѣ, за выдѣломъ крестьянъ, 30 тыс. десятинъ, представляетъ одинъ голосъ, а его бывшіе 3.000 душъ крестьянъ имѣютъ 30 голосовъ. Въ довершеніе неурядицы правительство уступило земству принадлежавшее ему одному право—право налоговъ. Разумѣется, эти 30 голосовъ стали очень щедры. На земскія управы, на школы, на лекарей и пр. и пр. берутъ съ земства деньги по рѣшенію двухъ десятковъ гласныхъ, изъ которыхъ $\frac{1}{2}$ крестьянъ и $\frac{1}{2}$ разорившихся мелкопомѣстныхъ дворянъ. Наложать 5 копеекъ съ десятины. Изъ этого налога падаетъ на cadaго крестьянина Меншикова 15 копеекъ, а на него самого 1.500 руб. И эти 1.500 руб. идутъ на жалованье одному изъ тѣхъ же гласныхъ! Не останавливаюсь на томъ, что это несправедливо. Правосудіе сдѣлалось для насъ такою странною прихотью, что пожелавшій ея вызываетъ не удовольствіе, а насмѣшку, но какого ожидать благоустройства въ финансахъ, когда все землевладѣніе въ рукахъ пролетарія или невѣжды. Какъ изъ этого выйти? Данныя земству права нельзя брать назадъ! Это всеобщій голосъ. Съ этимъ и я согласенъ, но можно дополнить положеніе. Можно принять въ основаніе власти—землевладѣніе, и на этомъ основаніи присвоить званіе гласнаго каждому, у кого 3 тыс. десятинъ, съ однимъ голосомъ: за 7 тыс. десятинъ—два; за 12 тыс.—три; за 20 тыс. десятинъ—четыре и за 30 тыс. или болѣе десятинъ пять голосовъ. Можно постановить, чтобы земскіе налоги не превосходили 2%, чистой прибыли съ земли, и 3% съ прибыли отъ городскихъ промысловъ. Въ такомъ случаѣ правительство могло бы взять еще постольку же для государственнаго казначейства.

За земскими учрежденіями пошла реформа судебная, и какъ логична! Когда писали земское положеніе, то руководствовались

мыслию, что, какъ цѣль ихъ чисто хозяйственная, гласные не обязаны быть учеными; часто, молъ, мужикъ лучше смыслить это, чѣмъ ученый. Пусть такъ, но могутъ ли эти смышленные мужики выбирать основательно мировыхъ судей? Такое постановленіе напоминаетъ мнѣ изъ моего отрочества случай, навлекшій на меня выговоръ. Мнѣ были нужны басни Федра. Я просилъ эконома купить ихъ, но онъ не нашелъ въ книжныхъ лавкахъ ни одного экземпляра. Когда я привелъ это въ оправданіе неимѣнія книги, грубый Бѣлюстинъ закричалъ: «Умно! Эконому поручаетъ купить книгу! Любезный, говоритъ, когда пойдешь покупать капусту, такъ ужъ кстати купи мнѣ и Горація!» Такъ и выказывается мировой судъ, какъ слѣдовало ожидать; однако сознаюсь, въ Петербургѣ, гдѣ судьи изъ юристовъ, этотъ судъ хуже, чѣмъ въ уѣздахъ. Замѣчательно! Останутся ли, для исторіи, эпизоды, характеризующіе этихъ дѣятелей; узнаетъ ли она, что мальчишки, только что выпущенные изъ школы, засѣдаютъ съ важностью бояръ, что они съ неслыханнымъ нахальствомъ вызываютъ въ судъ почтенныхъ дамъ и заслуженныхъ 70-лѣтнихъ стариковъ по жалобѣ лакеевъ, не подкрѣпляемой никакимъ доказательствомъ, что эти дамы и старцы должны были въ маленькой прихожей вмѣстѣ съ пьяными въ нагольныхъ вонючихъ тулупахъ и непристойными дѣвками ждать, стоя, по 2 и по 3 часа; что во время судового ренія эти мальчишки вѣжливы только съ тулупами,—не по чувству приличія, а потому, что такая мода.

Между тѣмъ не дремали ни министръ народнаго просвѣщенія, ни журналистика. Головинъ насадилъ радикаловъ и коммунистовъ въ профессорскія кресла и давалъ субсидіи журналамъ, проповѣдывавшимъ неуваженіе права собственности и узъ семейственныхъ и позорившимъ правительство. Библіотеки университетовъ наполнились сочиненіями Ренановъ и Фейербаховъ. Нигилизмъ сдѣлался модою, всѣми овладѣвшею до изступленія; дѣвицы изъ почтенныхъ семействъ собирались въ какія-то захолустья, въ клубы гражданскаго брака или безбрачія; на улицахъ появились барышни въ грязныхъ юбкахъ, съ коротко остриженными волосами и съ синими очками на носу; на сценѣ императорскихъ театровъ давались пьесы, возбуждавшія ненависть къ помѣщикамъ или неуваженіе къ властямъ; журналы ругали министровъ, губернаторовъ и все дворянство безъ всякой церемоніи. Раствленіе нравовъ сдѣлалось повсемѣстнымъ, охватившимъ всѣ сословія, и не замедлило выказаться фактически. Въ Петербургѣ, среди дня, мимо Зимняго дворца разѣзжали тройки съ полудюжиною сѣдоковъ, ревушихъ дикія пѣсни; въ кабакахъ гулъ, крики женскіе, дикій хохотъ или ревъ пѣсней, или стукъ трепака длились всю ночь; въ лакейскихъ клубахъ, которыхъ развелось болѣе 50-ти, плясали до пяти часовъ утра, играли въ карты и т. д. Въ

Сибири не только частныя лица, но и правительственныя власти дѣлали оваціи государственнымъ преступникамъ, приходившимъ туда по этапу; финансы государственныя достигли высшаго разстройства; въ уѣздахъ запыхали села; дома помѣщиковъ и другихъ зажиточныхъ людей грабились конными наѣздами цѣлыхъ шаекъ, и наконецъ вся эта зараза выразилась въ покушеніи молодого человѣка на жизнь государя. Публика ожидала съ нетерпѣніемъ разгадки: какъ зовутъ преступника? Полякъ ли онъ, или нѣмецъ? Дворянинъ ли, или крестьянинъ?

Какой вздоръ! Надобно было спрашивать: старикъ ли, или юноша? Если юноша,—то заговорщиковъ нѣтъ! Есть только жертва того направленія, на которое вступили воспитаніе, журналы, театры и правительственныя дѣятели. Такъ и оказалось по слѣдствію. Каракозовъ, молодой человѣкъ, прокутившійся студентъ московскаго университета, былъ моднымъ экземпляромъ извѣстнаго кружка въ самомъ крайнемъ его выраженіи. 4-е апрѣля 1866 года раскрыло правительству много сокровенныхъ язвъ общества. Онѣ раскрыты: лечить ли ихъ?

4-го апрѣля 1865 г. сошелся я у сенатора Войцеховича съ сенаторомъ Смирновымъ. Мы были втроемъ. Запла рѣчь о внутреннемъ положеніи Россіи. Смирновъ приходилъ въ отчаяніе; онъ доказывалъ съ жаромъ, что Россія не простоятъ пяти лѣтъ, что правительство рухнетъ, помѣстная собственность будетъ расхищена, и Россія расщепится или обратится въ кровавую массу. Войцеховичъ утверждалъ противное: «Пусть только откроютъ кассационный департаментъ; онъ захватитъ всю власть въ свои руки, приведетъ въ порядокъ всѣ части, дастъ всѣмъ отношеніямъ равновѣсіе». Я говорилъ, что Смирновъ пессимистъ, а Войцеховичъ оптимистъ; что кассационный департаментъ рѣшительно ничего не уладитъ и не достигнетъ никакой политической власти; что Россія не Франція и не Италія; что простой народъ слишкомъ невѣжественъ для политическихъ демонстрацій, а образованные русскіе слишкомъ индифферентны; что при нашихъ условіяхъ взрывы невозможны,—все будетъ гнить и только гнить; будетъ много воровства, много пожаровъ, много грабежа,—но все это въ видѣ отдѣльныхъ фактовъ, пока не явится какая-нибудь неожиданная спасительная комбинація, которая въ рукахъ Провидѣнія, и напередъ опредѣлена быть не можетъ; что, во всякомъ случаѣ, въ пять лѣтъ не можетъ быть никакого коренного переворота. Войцеховичъ рѣшилъ, что если въ 5 лѣтъ должно ожидать развязки, то уже черезъ годъ должны быть видимы признаки будущаго разложенія, что кассационный департаментъ успѣетъ тоже черезъ годъ показать, къ чему онъ способенъ, что на основаніи этой мысли онъ приглашаетъ Смирнова и меня отобѣдать у него

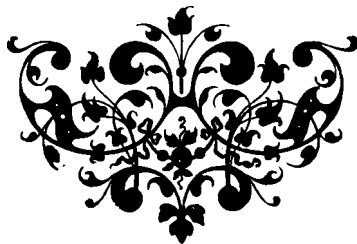
втроемъ же ровно черезъ годъ, 4-го апрѣля 1866 г., въ чемъ и беретъ съ насъ подписку. Мы расписались и разъѣхались.

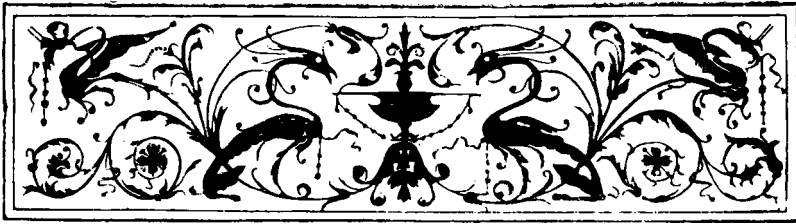
4-го апрѣля 1866 г., проѣзжая въ 4^{1/2} часа, на пути къ Войцеховичу мимо Лѣтнаго сада, я замѣтилъ у рѣшетки группы народа, но, зная, какъ легко собрать у насъ зѣвакъ около самаго ничтожнаго предмета, около пьянаго, заснувшаго на тротуарѣ, или собачонки, черезъ которую переѣхали дрожки, я не обратилъ на эти группы никакого вниманія. Войцеховича нашелъ я въ сильнѣйшей тревогѣ. Отправясь около 4-хъ часовъ прогуляться по Лѣтнему саду и замѣтивъ, что маленькій входъ запертъ,—признакъ, что въ саду государь, Войцеховичъ пошелъ по другому берегу Фонтанки, не желая встрѣтиться съ толпою, которую обыкновенно привлекаетъ присутствіе государя. У воротъ другого конца сада Войцеховичъ встрѣтилъ кружокъ людей въ живомъ разговорѣ, сквозь который слышались слова: «Государь... мѣщанинъ... схватили». Далѣе замѣтилъ онъ еще нѣсколько такихъ же кружковъ. Онъ спросилъ у сторожа, что случилось. Сторожъ самымъ равнодушнымъ, лѣнивымъ тономъ отвѣчалъ: «Въ государя выстрѣлили»,—такимъ тономъ, какимъ онъ отвѣчалъ бы на вопросъ: который часъ? Войцеховичъ побѣжалъ домой встревоженный столько же событіемъ, сколько равнодушіемъ, съ какимъ оно принято сторожемъ изъ гвардейцевъ. Черезъ четверть часа пріѣхалъ и Смирновъ. Съ пылкостью своей сангвинической натуры онъ разсказалъ слышанныя уже имъ подробности, между прочимъ одну: спасителя, оказавшагося мастеровымъ Комисаровымъ, взяли въ полицію, и онъ, струсивъ, увѣрялъ, какъ говорится, руками и ногами, что онъ никого не спасалъ, что онъ знать не знаетъ и вѣдать не вѣдаетъ. Разумѣется, за обѣдомъ разговоръ нашъ вертѣлся исключительно около этого происшествія: программа наша была забыта. Мы разсуждали о томъ, что совершилось бы въ столицѣ, если бы злодѣяніе удалось, или даже если бы распустили только слухъ, что оно совершилось съ успѣхомъ; мы разсуждали о нашемъ полицейскомъ начальствѣ, объ его способности дѣйствія въ критическія минуты. Проѣзжая домой, я видѣлъ солдатъ Павловскаго полка, расхаживающихъ массаами по Милліонной въ шинеляхъ, безъ офицеровъ. Вечеромъ я былъ приглашенъ къ графинѣ Виттъ. Захарьевскую улицу, вдоль которой тянутся Кавалергардскія казармы, нашелъ запруженною сплошною массою солдатъ въ шинеляхъ, и ни одного офицера. Потомъ оказалось, что вся гвардія была въ томъ же положеніи; всѣ офицеры были потребованы въ Зимній дворецъ для принесенія государю поздравленія съ Божиимъ покровительствомъ. 40 тысячъ войска безъ офицера! Что было бы, если бы въ числѣ офицеровъ были заговорщики, если бы нѣсколько заговорщиковъ надѣли флигель-адъютантскіе мундиры и поѣхали бы въ полки отдавать свои приказанія! Въ это же время ходили по

городу подозрительныя лица; въ кабакахъ разсказывали, будто дворяне подослали убить царя; по желѣзной дорогѣ отправились человѣкъ 15 подозрительныхъ. Что же дѣлало полицейское начальство? Оно сосредоточилось на Дворцовой площади; въ его глазахъ шли во дворецъ люди, не имѣющіе входа ко двору; въ сѣняхъ толпился простой народъ. Кто-то спросилъ: «Зачѣмъ вы толкаетесь во дворецъ?»—«Полиція погнала!» былъ отвѣтъ. Итакъ, все зависѣло отъ случая! Вѣрно, Богъ хранилъ не одного царя, но и столицу.

Обозрѣвая этотъ рядъ преобразованій и распоряженій, эту распущенность и неурядицы, останавливаясь невольно на вопросѣ: чему приписать такое громадное стеченіе ошибокъ; кто же совѣтники царя, кто доводитъ до его свѣдѣнія, въ какомъ положеніи имперія?

(Продолженіе въ слѣдующей книжкѣ).

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА ¹⁾.

XIX.

Приближенные князя Меншикова.—Вилламовъ.—Доклады Ратманова.—Профессоръ Навроцкій.—Вагнеръ и его карьера.—Причины гибели нашихъ судовъ.—Взметневъ.—Бесѣды съ княземъ Меншиковымъ о Богдановичѣ, Тотлебенѣ и военноморскомъ судѣ.—Бахтинъ.—Его служебная дѣятельность.

О СЛУЧАЮ крушенія корвета «Александръ Невскій», причемъ едва не утонулъ великій князь Алексѣй Александровичъ, адмиралъ Матюшкинъ выразился въ сенатѣ: «Вотъ послѣдствія управленія сухопутнаго генерала»... Князь Меншиковъ сдѣлалъ министерство въ началѣ 1853 г., а послѣдствія его управленія обличаются въ концѣ 1868 г. Какая медленная операція! Не таковъ былъ процессъ управленія адмирала Моллера, до 1828 г. Когда князю Меншикову поручено было преобразование морского министерства, при немъ были: полковникъ генеральнаго штаба Вилламовъ, чиновникъ V класса Андреевъ и писарь Просинъ. Вилламовъ, добрый, но крайне неспособный человѣкъ, сдѣлалъ карьеру довольно страннымъ образомъ. Государь Александръ Павловичъ имѣлъ обыкновеніе спрашивать военныхъ начальниковъ о членахъ ихъ семейства. На разводѣ, когда онъ желалъ быть милостивымъ къ полковому командиру, онъ спрашивалъ: «что дѣлаетъ братъ твой, который служилъ тамъ-то?» или:

¹⁾ Продолженіе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIV, стр. 45.

«здоровъ ли старикъ твой отецъ такой-то?»—и тому подобное. Вопросаемый растрогивался до слезъ при этихъ вопросахъ, свидѣтельствовавшихъ, какъ государь интересовался его семействомъ,—но эти вопросы дѣлались на основаніи приготовляемыхъ княземъ Меншиковымъ табличекъ, которыя государь вкладывалъ въ перчатку и при случаѣ справлялся съ ними. Таблички эти требовали по цѣли своей почерка очень мелкаго и вмѣстѣ съ тѣмъ очень четкаго: таковъ былъ почеркъ у Вилламова—у него одного. По этой причинѣ возили Вилламова повсюду, куда ѣздилъ государь, вмѣстѣ съ Миллеромъ, чинившимъ перья. Кромѣ того, Вилламовъ былъ нуженъ князю Меншикову оттого, что онъ ему вѣрилъ, а князь, въ общемъ смыслѣ, никому не вѣрилъ, частію по своей недовѣрчивой натурѣ, частію вслѣдствіе горькихъ опытовъ жизни. Онъ рассказывалъ мнѣ, что разъ только рѣшился, тронутый жалкою участію сироты Навроцкаго, взять къ себѣ его, жилъ вмѣстѣ съ нимъ, несмотря на его безобразіе и неопрятность, и опредѣлилъ его въ службу,—и этотъ Навроцкій кралъ у него бумаги и шпионилъ его въ самый разгаръ вражды его съ Дибичемъ. Андреевъ—чистый типъ чиновника старыхъ временъ, взяточникъ и невѣжда. Просинъ—писарь изъ кантонистовъ. Съ этими-то людьми князь долженъ былъ образовать новое управленіе. Князь работалъ одинъ, и работалъ до упаду; передъ нимъ стояла большая деревянная табакерка въ половину кв. фута величиной, открытая, изъ которой онъ бралъ щепотками табакъ, или подносилъ къ носу табакерку, чтобъ возбуждать нервы, а оклодо полуночи, полуживой, садился въ сани и большою рысью ѣздилъ по городу съ полчаса, чтобы освѣжиться; потомъ опять принимался за работу. Какая сила была въ тогдашнемъ поколѣніи: не то, что нынѣшняя вялая молодежь. Она, кажется, и на свѣтъ выходитъ уже съ жидкимъ мозгомъ.

Когда я познакомился съ княземъ Меншиковымъ, въ 1827 г., онъ жаловался мнѣ на неспособность своихъ сотрудниковъ. Тутъ я видѣлъ изъ новыхъ дѣятелей морской администраціи и Ратманова, дежурнаго генерала. Онъ привозилъ къ князю кипы бумагъ для прочтенія или для подписи. Князь, чтобы избавиться отъ доклада Ратманова, давалъ ему тетрадку съ непристойными картинками. Ратмановъ надѣвалъ очки, разсматривалъ картинки и по временамъ хохоталъ гомерическимъ смѣхомъ, а князь между тѣмъ читалъ бумаги. По окончаніи смотра картинокъ, Ратмановъ говорилъ обыкновенно: «Ваша свѣтлость! не пора ли заняться дѣломъ!» Князь отвѣчалъ, что бумаги имъ уже просмотрѣны; затѣмъ слѣдовалъ гомерическій смѣхъ,—и докладъ кончался.

Одинъ разъ, когда доложили о пріѣздѣ Навроцкаго, князь сказалъ мнѣ:

— Я дамъ вамъ случай видѣть профессорскую практичность.

Навроцкій—профессоръ математики, докторъ и почетный членъ многихъ университетовъ. Вошелъ Навроцкій, полковникъ генераль-

наго штаба, такой несимпатичной фizioномiи, какой я не встрѣчалъ ни прежде, ни послѣ, и при томъ такъ изуродованный оспою, что на лицѣ его, казалось, была изорванная сѣть, наклеенная на кожу. Только что онъ вошелъ, князь Меншиковъ сказалъ ему:

— Очень кстати! Не могу справиться со счетами! Помоги мнѣ, ты вѣдь профессоръ!

— Къ вашимъ услугамъ!

— Вотъ, братецъ, въ чемъ дѣло: я долженъ лондонской миссиі столько-то фунтовъ, и парижской столько-то франковъ за выписку книгъ, а деньги мои у берлинскаго банкира: ихъ осталось столько-то талеровъ. Достаточно ли этого для уплаты, и если нѣтъ, то сколько надо выслать отсюда. Вотъ тебѣ и табель нынѣшнихъ вексельныхъ курсовъ.

Навроцкій сѣлъ у особаго стола, сопѣлъ, разстегивался и считалъ, а князь поглядывалъ на меня украдкой и улыбался. Наконецъ спросилъ Навроцкаго:

— Ну что, любезный, скоро ли?

Навроцкій, вставъ, отвѣчалъ:

— Странно, ваша свѣтлость, что вы занимаете профессора такими пустяками.

— Ну, извини, любезный, да сдѣлалъ ли ты счеты?

— Нѣтъ, не сдѣлалъ! Я отвыкъ отъ этихъ мелочей!

— То-то, братецъ,—заключилъ князь.

Въ числѣ лицъ, видѣнныхъ мною въ то время у князя, вспоминаю Вагнера. Вагнеръ, кондукторъ рабочаго экипажа, молодой человѣкъ, явился къ князю съ маленькою моделью изобрѣтеннаго имъ снаряда, которымъ можно было толочь посредствомъ обращенія рукоятки.

— Вотъ, ваша свѣтлость,—сказалъ онъ наивно,—машинка моего изобрѣтенія, чтобы кофѣ толочь.

— Любезный,—замѣтилъ князь:—кофе не толкутъ, а мелютъ; но, впрочемъ, очень похвально, что вы занимаетесь механикой.

Отпустивъ его, князь сказалъ мнѣ:

— Глуповатъ, однако предприимчивъ! Надо дать ему ходъ; изъ него, можетъ быть, выйдетъ что-нибудь!

Князь доложилъ о немъ государю и выпросилъ разрѣшеніе отправить его за границу учиться механикѣ. Въ то время во Франціи было уже волненіе въ умахъ. Государь не вдругъ согласился на отправленіе Вагнера, говорилъ, что онъ тамъ набалуется, но на увѣренія князя, что Вагнеръ человѣкъ скромный,—согласился послать его въ Парижъ и Лондонъ, прибавя: «подъ твоею личною отвѣтственностью». Въ 1830 г. Вагнеръ воротился, завитой, щеголь и слишкомъ развязный. Всякій другой начальникъ оскорбился бы фамильярностью и дерзостью приемовъ Вагнера, но князь Меншиковъ обладалъ въ отношеніи къ молодымъ людямъ

необыкновенною терпимостью. Онъ смѣялся надъ выходками этого парижанина, называлъ его Jocrisse, и, убѣдясь, что онъ смыслить дѣло, поручилъ ему устройство въ Николаевѣ механической мастерской; дали ему прогоны, подъемныя, наградныя, жалованье впередъ и отправили; но Вагнеръ вмѣсто того, чтобъ ѣхать въ Николаевъ, бѣжалъ за границу, а между тѣмъ получены здѣсь свѣдѣнія, что Вагнеръ геройствовалъ на баррикадахъ іюльской революціи. Государь разбранилъ Меншикова, а Вагнеръ пропалъ безъ вѣсти, и даже родной братъ его, докторъ Вагнеръ, служившій потомъ у меня, не имѣлъ о немъ никакихъ извѣстій. Лѣтъ черезъ пять онъ получилъ отъ него первое извѣстіе: бѣглець просилъ пособія и увѣдомлялъ, что онъ перемѣнилъ родовое имя Вагнеръ на Laudon; такъ посылалъ ему отсюда братъ пособіе, сколько могъ, въ теченіе слѣдующихъ пяти лѣтъ, но потомъ письма прекратились, и на письма здѣшняго Вагнера отвѣтовъ не было. Въ 50-хъ годахъ Вагнеръ, будучи въ Парижѣ, сталъ справляться, не знаетъ ли кто Laudon. «M-r Laudon?—отвѣчали ему:—il est connu de toute la France; c'est notre premier ingénieur-mécanicien, homme fort riche et très honoré!»¹⁾ Вагнеръ отыскалъ Laudon въ его villa, но былъ принятъ сухо, съ объявленіемъ брату, что онъ прекратилъ всѣ сношенія и воспоминанія первой половины своей жизни и теперь живетъ новымъ вѣкомъ безъ связи съ прежнимъ. Въ прошедшемъ году этотъ Laudon померъ въ сумасшествіи. У него былъ домъ въ Парижѣ, château въ какомъ-то предмѣстьи, огромная фабрика и болѣе 6 милліоновъ франковъ капитала. Онъ предпринялъ нѣсколько спекуляцій, на которыхъ потерялъ до 2 милліоновъ франковъ; впалъ въ меланхолію и оставилъ по себѣ все показанное выше недвижимое имущество и 4 милліона франковъ.

Князь Меншиковъ вывелъ многихъ людей, но въ результатѣ ему не посчастливилось. Бахтинъ, бѣдный, мелкій чиновникъ, проведенъ имъ въ государственный совѣтъ, но оказался демагогомъ, не признающимъ ни сословій (кромѣ своего чина), ни собственности (кромѣ своего дома). Онъ много помогъ испортить дѣло эмансипаціи. Головинъ одинъ изъ вреднѣйшихъ въ Россіи министровъ. Не говорю о другихъ, которые не имѣютъ вліянія на дѣла государственный. Князь Меншиковъ, этотъ сухопутный генералъ, управлялъ флотомъ 26 лѣтъ; въ этотъ періодъ были три катастрофы: исчезла въ Ботническомъ заливѣ шхуна «Стрѣла»; сгорѣлъ у Кронштадта корабль «Фершампенуазъ» и погибъ у норвежскихъ береговъ корабль «Ингерманландъ». Шхуна «Стрѣла» построена была на Охтѣ при морскомъ министрѣ Моллерѣ; вслѣдствіе ея гибели разобрана была одна изъ четырехъ шхунъ, по-

¹⁾ Г-нъ Лодонъ? его знаетъ вся Франція; это нашъ первый инженеръ-механикъ, человекъ весьма богатый и очень уважаемый...

строенныхъ на Охтѣ въ одно время, въ томъ числѣ и «Стрѣла», и оказалось, что въ ней не было сквозныхъ болтовъ; вмѣсто нихъ были снаружи и внутри вставлены коротенькіе концы съ гайками. «Фершампенуазъ» сгорѣлъ вслѣдствіе педантической строгости командира. Корабль вводился въ гавань; порохъ былъ уже выгруженъ; крѣйтъ-камера вымыта. Командиръ, осматривая эту камеру, нашелъ ее не довольно чистою и, сдѣлавъ выговоръ артиллерійскому офицеру, велѣлъ ее перемыть щетками. Офицеръ, сочтя это за педанство, сталъ перебивать съ открытымъ фонаремъ, и послѣдовалъ взрывъ, при которомъ виновный офицеръ погибъ, а командиръ, несмотря на усилія князя Меншикова, былъ, по приговору аудиторіата, разжалованъ въ матросы. «Ингерманландъ» шелъ изъ Архангельска, полувооруженный, безъ полного балласта. Князь еще прежде находилъ неудобнымъ такое плаваніе и представлялъ, чтобы въ Архангельскѣ строились только фрегаты, но его не послушали. Слѣдовательно, въ 26 лѣтъ не было ни одного крушенія судна паруснаго, а тѣмъ менѣе парового, вслѣдствіе дурного выбора командировъ. Послѣ князя всѣ команды смѣнены. Разныхъ судовъ погибло столько, что я потерялъ и счетъ; государь чуть не утопился въ переходѣ изъ Кронштадта въ Петербургъ; онъ два раза пересаживался въ пути на другіе пароходы; императрицу чуть не утопили въ Черномъ морѣ. Корабль трехдечный среди дня перевернулся вверхъ дномъ у ревельскаго рейда, и въ прошедшую осень разбились въ Каттегатѣ паровой фрегатъ, причемъ утонуло множество матросовъ, два офицера, и едва спасся великій князь. Въ морскомъ вѣдомствѣ учрежденъ новый судъ, гласный и правдивый; онъ нашелъ виновными въ явной небрежности адмирала, командира и вахтеннаго лейтенанта, и именно въ томъ, что, испытывая дрейфъ и перемѣнивъ направленіе, полѣнились даже бросить лотъ, чтобы опредѣлить глубину. При такой изумительной небрежности судъ нашелъ смягчающія обстоятельства и присудилъ адмирала, приказавшаго перемѣнить курсъ безъ промѣра, къ выговору, а командира и вахтеннаго лейтенанта къ кратковременному аресту. Судъ, хотя и не правый, но милостивый: стоило дѣлать реформу! И говорить послѣ этого, что у насъ гласность будетъ имѣть нравственную силу! Такого цинизма не бывало и при закрытыхъ дверяхъ.

Какой хаосъ! Гуманность при судѣ надъ убійцами и безчеловѣчіе въ управленіи областями, гдѣ, вслѣдствіе мятежа, терзаютъ не по дѣламъ, а по національности; свобода печати и лживые доклады и цифры, публикуемые во всеобщее свѣдѣніе; ропотъ противъ Оттоманской Порты за неравноправность христіанъ и истязаніе католиковъ у себя; возрастающіе дефициты и надежды на благосостояніе финансовъ; гласность суда и безстыдство суда; капральство и революціонныя стремленія; ревнивость власти и добровольная

уступка власти; дворцы въ столицѣ и кабаки да тройки по всѣмъ улицамъ; усиленіе полиціи и дневные грабежи безнаказанные. По истинѣ, un ministère mixte¹⁾!

Я упоминалъ о силѣ отживающаго поколѣнія. Мнѣ пришелъ на память еще одинъ примѣръ. Взметневъ, сынъ деревенскаго священника или мелкопомѣстнаго дворянина, 17-лѣтній писарь въ Муромѣ, взятъ былъ въ канцелярію министра финансовъ за хорошій почеркъ. Онъ ничего не зналъ, кромѣ грамоты русской. Въ 30 лѣтъ отъ роду онъ былъ уже редакторомъ финансовыхъ программъ, въ которыхъ опирался на школы политической экономіи и на статистику европейскихъ государствъ; онъ былъ вполне просвѣщенный человѣкъ, богатый познаніями глубокими. Съ этихъ поръ онъ несъ на своихъ плечахъ почти все министерство финансовъ, онъ и Дружининъ, и 38 лѣтъ вышелъ въ отставку, изнуренный работою, усталый, геморoidalный, и, какъ думали, чахоточный. Когда я съ нимъ познакомился, мнѣ было 18 лѣтъ, ему 36; теперь мнѣ 63, стало быть ему 81 годъ.

Вотъ начало его посланія, сочиненнаго недавно по случаю обращенія къ нему съ вопросами о современныхъ дѣлахъ:

Молчу и думаю: какъ дважды два четыре,
Такъ точно вѣрно то, что нудъ я въ этомъ мірѣ,
Гдѣ духомъ Запада все дышать и живетъ!
Другія времена—другіе нравы! Нѣтъ,
Я не могу итти за поколѣньемъ новымъ,
На старческихъ ногахъ и съ посохомъ дубовымъ.
Куда мнѣ! Посмотри, какъ пишутъ, говорятъ.
И кашу, безъ крупы, изъ словъ однихъ варятъ;
Вѣдь любо посмотрѣть и дорого послушать!
А каково—когда заставятъ кашу кушать?..
Мое занятіе: деревья насаждать;
Другихъ—о тысячахъ вопросовъ разсуждать... и проч.

Въ 81 годъ! и мысль, и стихъ! Хотѣлось бы посмотрѣть на нынѣшнюю молодежь черезъ 50 лѣтъ... но нѣтъ! не дай Богъ видѣть: я не люблю развалинъ.

Князь Меншиковъ боленъ; я нашелъ его въ такомъ изнуреніи силъ, что невольно видѣлъ въ немъ умирающаго. На диванѣ лежали 4 тома въ нарядномъ переплетѣ: «Исторія царствованія Александра I», Богдановича. На вопросъ мой, что это за книга, князь отвѣчалъ мнѣ, что онъ только что получилъ ее отъ автора. Взглядъ старца загорѣлся; видъ слабости исчезъ, откуда-то явилась чудная сила въ этомъ старческомъ организмѣ. Записываю рѣчь его, пока не изгладилась въ памяти.

— Это одинъ изъ сочинителей по высочайшему повелѣнію!.. Собирался приняться за чтеніе; открылъ наудачу книгу, и прямо

¹⁾ Смѣшанное министерство.

наткнулся на вздоръ! Не буду читать!.. Послушайте: «одна англійская ракетная батарея остановила на сутки дѣйствія непріятеля». Совершенный вздоръ! Я, можетъ быть, одинъ остался еще изъ очевидцевъ. Это было подъ Лейпцигомъ; я состоялъ по особенному случаю при Бернадотѣ; батарея была у него же. Когда она тронулась, я былъ пораженъ ея красотою. Лошади англійскія чистой крови; орудія, упряжки, мундиры щегольскіе; духъ людей прекрасный. Я выпросилъ позволенія слѣдовать за нею. Батарея ловко остановилась на высотѣ противъ развернутаго строя непріятельской кавалеріи, кажется, саксонцевъ. Когда ракеты стали шарить по рядамъ, произошла ужасная катавасія; все смѣшалось; лошади топтали другъ друга, но не прошло пяти минутъ, какъ изъ-за непріятельскихъ рядовъ появились два орудія французской конной артиллеріи; они понеслись въ карьеръ на англійскую батарею, остановились на ружейный выстрѣлъ, снялись съ передковъ и пустили ядра: одно перерѣзало на двое туловище батарейнаго командира, другое подбило ракетный станокъ, потомъ перебили лошадей и людей; батареи какъ будто не бывало, и все это продолжалось какихъ-нибудь 20 минутъ. Какія же тутъ сутки!

Сказавъ это живымъ голосомъ, князь сдѣлалъ гримасу и бросилъ съ досадою на диванъ томъ исторіи, который онъ въ продолженіе разсказа держалъ развернутымъ въ рукахъ.

— Вы бы разсказали это Богдановичу!—сказалъ я.

— Не стоитъ,—отвѣтилъ Меншиковъ.—Это... и, не договоривъ, махнулъ рукой.

Я засмѣялся.

— Вѣрно, въ родѣ Тотлебена?—замѣтилъ я.

— Какое!

При этомъ князь взялъ одинъ листокъ изъ кипки, которая обыкновенно лежитъ у него на столѣ, и, чертя карандашомъ, говорилъ:

..... вотъ непріятель
 ————— это Альма
 ————— здѣсь я

— + ——— здѣсь мои резервы, а здѣсь (указывая на крестикъ) находился Кинглекъ, по его исторіи... то есть, между моею арміею и резервами. Но все-таки Кинглекъ написалъ гораздо меньше вздору, чѣмъ Тотлебенъ... Тотлебенъ отличный піонеръ и храбрый офицеръ,—но недалекій! Онъ не зналъ, что писалъ, потому что не писалъ. Милютинъ выбралъ самъ въ исторіографы офицеровъ генеральнаго штаба и роздалъ имъ работу по частямъ; тенденція была имъ дана; документы, не подходящіе подъ программу, обойдены. Такъ каждый мальчикъ написалъ свою тетрадку; Тотлебенъ сшилъ тетрадки и сочинилъ заглавный листъ. Вотъ вамъ и исторія.

Послѣ этого зашелъ разговоръ о военно-морскомъ судѣ надъ офицерами корабля «Александръ Невскій». Я сообщилъ князю Меншикову впечатлѣнія пубрики. Общество наше черезчуръ разсчитывало на силу гласности; я всегда утверждалъ, что гласность есть узда только тамъ, гдѣ развита народная совѣсть, а у насъ, гдѣ люди, открыто накравашіе милліоны, собираютъ у себя на обѣдахъ высшихъ сановниковъ, гдѣ взяточникъ идетъ въ театръ смотрѣть пьесу, изображающую взяточника, и горячо аплодируетъ самымъ мѣткимъ ударами, гдѣ въ мѣщанскомъ и крестьянскомъ сословіи часто хвастаютъ плутнями несодѣянными, чтобы заслужить названіе молодца, гласность не будетъ уздою. Что со мною не соглашались, въ этомъ нѣтъ худа, но замѣчательно, что первымъ защитникомъ идеи о силѣ гласности былъ великій князь Константинъ, и какъ же доказалъ онъ самъ эту идею. За нѣсколько дней передъ судомъ онъ испросилъ повелѣніе объ измѣненіи законовъ насчетъ состава суда и насчетъ наказанія за крушеніе. На этомъ основаніи весь судъ сдѣлался безстыдной комедіей при всей гласности. Я сказалъ князю, что гораздо приличнѣе было бы, если не хотѣли наказывать виновныхъ, объявить отъ высочайшаго имени, что государь, проникнутый великою милостію Провидѣнія, не допустившаго погибели любезнѣйшаго сына его, повелѣваетъ прекратить слѣдствіе и предать дѣло волѣ Божіей. Князь отозвался на это, что точно эту мысль онъ выразилъ на дняхъ заѣзжавшему къ нему великому князю Николаю Николаевичу. Великій князь замѣтилъ на это, что онъ не считаетъ удобнымъ вмѣшиваться въ это дѣло.

Былъ у умирающаго Николая Ивановича Бахтина, съ которымъ я знакомъ съ 1827 года. Онъ призывалъ меня для засвидѣтельствованія духовнаго завѣщанія; едва говорящій отъ слабости, онъ съ отчетливостію выразилъ мнѣ цѣль моего призыва:

— На столѣ найдете вы двѣ манны, одна на другой; подъ обѣими лежитъ бѣлый листъ съ надписью: «духовное завѣщаніе»; въ этомъ листѣ завѣщаніе мое и на особомъ листѣ формы подписи перваго свидѣтеля и слѣдующихъ. Потрудитесь подписать по формѣ слѣдующихъ свидѣтелей.

Такъ это и было. На открытой передо мною страницѣ видѣлъ я подпись Волкова, только въ ея окончаніи. Потомъ всю подпись барона Корфа. Прочитавъ форму, я замѣтилъ, что завѣщатель названъ только по имени, а законъ требуетъ означенія званія. Я сказалъ это больному; онъ не хотѣлъ мнѣ вѣрить, но когда я подкрѣпилъ свои слова примѣромъ отказа въ нотаріальномъ засвидѣтельствованіи духовной, онъ встревожился и просилъ подписаться, какъ я думалъ. Странно, что ни племянникъ его, помощникъ управляющаго дѣлами комитета министровъ, ни главноуправляющій II Отдѣленіемъ, этотъ представитель законодатель-

ства, не знали такого всѣмъ извѣстнаго постановленія. Бахтинъ, предъ моимъ уходомъ, сказалъ мнѣ изнеможеннымъ голосомъ:

— Я радъ, что князю Мепшикову лучше. Давно желалъ съ нимъ видѣться, но съ октября мѣсяца боленъ; теперешняя болѣзнь моя, вѣроятно, послѣдняя, не позволяетъ мнѣ надѣяться на свиданье, но я часто о немъ думаю.

Я сообщилъ это князю. Онъ отвѣчалъ мнѣ въ записочкѣ: «Je suis d'autant plus sensible aux bons sentiments que Bakhtine vous a exprimés à mon égard, que je ne suis pas gâté sous ce rapport» ¹⁾.

Бахтинъ былъ рекомендованъ князю съ 1827 г., какъ честный и способный человѣкъ. Таковъ онъ и есть въ полномъ смыслѣ, но умъ у него своеобразнаго склада, —я бы сказалъ: умъ чиновника въ самомъ благородномъ значеніи этого слова. Честности непоколебимой, логики безупречной, но взгляда узкаго; оттого и умъ его, и перо, и обращеніе—не имѣютъ никакой эластичности. Онъ превосходно примѣняетъ существующіе законы, но далеко неудовлетворительно разрѣшаетъ вопросы государственные, особенно, если они входятъ въ сферу политическую или экономическую. Бахтинъ писалъ первые отчеты начальника морского штаба; они были составлены добросовѣстно, аккуратно, но апатично. Въ началѣ 1831 или 1832 г. Бахтинъ просилъ меня помочь ему, и я составилъ весь отчетъ за предшествовавшій годъ. Князю онъ такъ понравился, что онъ сказалъ Бахтину:

— Вотъ этотъ отчетъ очень удаченъ!

— Князь, это плохой комплиментъ мнѣ,—замѣтилъ Бахтинъ, смѣясь.

— Отчего?

— Отчетъ этотъ писанъ не мною, а Фишеромъ, — отвѣчалъ Бахтинъ.

Князь уважалъ Бахтина, но не любилъ его; узнавъ, что я могу замѣнить Бахтина въ этой, въ то время самой важной работѣ,—онъ сталъ думать о томъ, какъ бы освободиться отъ непріятнаго ему сотрудника, и это было причиною блестящей карьеры Николая Ивановича. Въ концѣ 1833 г. открылась вакансія статсъ-секретаря управляющаго дѣлами комитета министровъ: эту вакансію выхлопоталъ князь Бахтину. Здѣсь онъ былъ совершенно на своемъ мѣстѣ. Въ комитетъ министровъ входятъ дѣла министерствъ, дѣла о наградахъ и искательства частныхъ лицъ въ министерствахъ. Бахтинъ не склонялся ни на частныя просьбы, ни на внушенія министровъ; лучшему другу онъ не дѣлалъ предпочтенія передъ злѣйшимъ врагомъ. Между министрами было много людей

---

¹⁾ Я тѣмъ болѣе чувствителенъ къ добрымъ чувствамъ, которыя вамъ выразилъ Бахтинъ въ отношеніи меня, что я не избалованъ въ этомъ отношеніи.

достойныхъ: они оцѣнили безпристрастіе статсъ-секретаря и уважали его умъ и правила. Лѣтъ черезъ десять Васильчиковъ, назначенный предсѣдателемъ государственнаго совѣта, человѣкъ ограниченнаго ума, но честный и благородный въ высшей степени, пригласилъ Бахтина въ государственные секретари. Въ этомъ званіи видны уже были недостатки Бахтина, но Васильчиковъ ихъ не видѣлъ и ввѣрилъ совершенно государственному секретарю, который такимъ образомъ получилъ весьма значительное вліяніе. Имѣя врожденные зачатки высокоумія, Николай Ивановичъ въ этомъ положеніи поддался этой слабости настолько, что становился уже непріятнымъ, тѣмъ болѣе, что, бывъ очень мало въ высшемъ кругѣ общества, онъ не научился искусству скрывать эту слабость или выражать ее въ мягкихъ формахъ. «Я» повторялось почти во всякой фразѣ съ тономъ важности, а отзывы о мнѣніи другихъ были полны пренебреженія или насмѣшки. Несмотря на это, люди благомыслящіе его чтили за рѣдкія въ русскомъ человѣкѣ качества. Но Васильчикова замѣнилъ Левашовъ, человѣкъ надменный, грубый и невѣжда, принявшій нѣсколько заученныхъ фразъ за собственный умъ и считавшій себя за великаго политико-эконома и законодателя. Левашовъ сталъ обращаться съ Бахтинымъ, какъ съ секретаремъ. Этотъ былъ однако не изъ такого гѣста, чтобы вставить себя въ роль простого писмоводителя, начались взаимныя тренія; у Бахтина сдѣлались завалы печени, которые придали ему новую раздражительность; ссоры между секретаремъ и предсѣдателемъ усиливались, и разрѣшились наконецъ назначеніемъ Бахтина членомъ государственнаго совѣта. Здѣсь онъ опять выросъ, но скоро нажилъ себѣ враговъ рѣзкостью выраженій. Въ нынѣшнее царствованіе великій князь Константинъ Николаевичъ, замѣтивъ демагогическое направленіе Бахтина,—плодъ подавленнаго самолюбія,—возвысилъ его личность, но когда Бахтинъ пересталъ быть ему нуженъ, великій князь, по свойственной ему безцеремонности въ дѣлахъ приличія, бросилъ его и едва ли не преслѣдовалъ. Николай Ивановичъ дожилъ даже до незаслуженныхъ униженій и сталъ такъ рѣзокъ, что его прозвали *marquis de Boissy*. При всемъ томъ Бахтинъ работалъ честно, умно и больше, чѣмъ всѣ прочіе члены вмѣстѣ. Онъ почти ослѣпъ въ работѣ, но у насъ это не имѣетъ никакой цѣны. Напротивъ, честность есть добродѣтель, только пока она обладаетъ тягучестью; какъ только она достигнетъ твердости состава, она дѣлается порокомъ, котораго никто никогда не прощаетъ. Такъ, проживъ холостякомъ, за рабочимъ столомъ, ослѣпшій, изнуренный, Николай Ивановичъ дожилъ до нынѣшняго болѣзненнаго одра, съ котораго онъ не встанетъ и котораго не согрѣваетъ теплое чувство. Князь Меншиковъ шелъ другою дорогою, онъ всю жизнь стоялъ у подножія трона; умъ

его противоположенъ уму Бахтина: быстрый, практичный, тонкій, прозрѣвающийъ сквозь всякую завѣсь, ускользящій отъ всякаго посторонняго прикосновенія, но безпристрастный, хотя и честный,—не всегда логичный, хотя широкій и свѣтлый; однако оба были схожи въ одномъ: оба отталкивали — Бахтинъ надменностью, Меншиковъ ледяной вѣжливостью, и оба пришли къ тому же концу: оставленные и забытые. Эти обѣ личности замѣчательны въ русской средѣ. Бахтинъ не былъ никогда государственнымъ человѣкомъ, но, необыкновенно дѣятельный среди лѣнтыевъ, необыкновенно логичный среди плоскихъ мыслителей, настойчивый и остойчивый среди равнодушія и личнаго расчета, онъ долженъ бы былъ многое сдѣлать или исправить. Князь Меншиковъ выше Бахтина на сотню ступеней. Патриотъ, врагъ корыстолюбія и поклонничества, трудолюбивый, любознательный, пользовавшійся при двухъ императорахъ въ теченіе долгаго времени необыкновеннымъ кредитомъ, долженъ бы былъ сдѣлать для Россіи еще гораздо болѣе. Но ни тотъ, ни другой ничего не сдѣлали. Когда ихъ похоронятъ, Россія не только не замѣтитъ, что ихъ уже нѣтъ, но и не вспомнитъ, что они когда-то были. Кого винить? Конечно, Бахтинъ, вращавшійся въ сферѣ администраціи, виновенъ въ томъ, что не умѣлъ составить около себя партіи, кружка людей столько же честныхъ. И князь Меншиковъ виноватъ тѣмъ, что неблагосклонной царской мины на парадѣ боялся больше, чѣмъ упрямаго спора съ государемъ наединѣ, и предъ этою боязнію отступалъ отъ проведенія своихъ плановъ, но въ другомъ государствѣ эти слабости обоихъ не имѣли бы тѣхъ же послѣдствій. Не говорю о чиновнической Франціи, но въ Англіи и Германіи Бахтину не пришлось бы въ голову чванство, потому что тамъ оно не встрѣтило бы ни въ комъ сочувствія. Тамъ Черноглазовы и Праведниковы не были бы на первомъ канцелярскомъ планѣ; Зеленый и Рейтернъ не были бы министрами, а лучшіе люди или отучили бы отъ чванства, или простили бы его человѣку, полному желанія добра. Князь Меншиковъ, споря слишкомъ часто съ государемъ въ его кабинетѣ и опасаясь холодной мины его на выходѣ, очевидно, выражалъ тѣмъ страхъ не передъ царемъ, а передъ царедворцами. Онъ не дорожилъ своимъ мѣстомъ въ администраціи, но опасался ослиныхъ копытъ, которыя не замедлили бы лягнуть въ него при первой замѣченной ими царской немилости. Такихъ копытъ не видалъ бы онъ ни въ Англіи, ни въ Германіи. Слѣдовательно, эти люди, люди со слабостями, были вслѣдствіе этихъ слабостей бесполезны государству только потому, что жили въ неблагородной средѣ. Они не правы, но еще больше виновата ихъ обстановка. А. И. Чернышевъ, А. Ф. Орловъ, П. П. Гагаринъ—многого ли они стоятъ по оцѣнкѣ ихъ дѣятельности, ихъ чести, ихъ благородства? Найдется ли десятокъ

людей, ихъ уважавшихъ? Однако они достигли высшихъ степеней и ознаменовали свое бытіе замѣчательными дѣяніями, замѣчательными по своей мерзости. Не доказываетъ ли это, что у насъ пороки Орловыхъ и Гагариныхъ простибельнѣе, чѣмъ слабости Бахтиныхъ и Меншиковыхъ.

XX.

Клевета Закревскаго на князя Меншикова. — Разсказъ князя о письмѣ изъ Троппау. — Разговоръ съ нимъ по поводу его бумагъ. — Взглядъ на мою службу. — Богаевскій. — Его жестокость. — Письма Котена. — Его карьера. — Графъ Армфельтъ. — Письма его.

Сила воли угасаетъ въ старости, какъ всѣ жизненныя силы. Закревскій, негодуя на князя Меншикова, какъ на преемника своего въ званіи финляндскаго генералъ-губернатора, искалъ средствъ чернить его, но найти ихъ было нелегко. Назвать его воромъ, или безчестнымъ, или дуракомъ — значило бы выдать себя за сумасшедшаго. Закревскому не оставалось ничего болѣе дѣлать, какъ распустить слухъ, что князь Меншиковъ былъ сынъ графа Армфельта, искавшаго въ Россіи спасенія отъ смертной казни по смерти Густава III. Князь Меншиковъ зналъ объ этомъ и смѣялся съ равнодушіемъ надъ этой выдумкой. Однако равнодушіе было поддѣльно. 36 лѣтъ носилъ онъ въ сердцѣ досаду и оскорбленіе, не смѣя ввѣрить ихъ никому. Теперь, на дняхъ онъ не вытерпѣлъ. Онъ повторилъ мнѣ эту клевету Закревскаго.

— Можетъ быть, — сказалъ онъ мнѣ съ волненіемъ, — кто-нибудь повторить при васъ эту басню; сдѣлайте мнѣ дружбу, докажете въ этомъ случаѣ нелѣпость ея. Вотъ вамъ для этого тема.

При этихъ словахъ передалъ онъ мнѣ своеручную записочку слѣдующаго содержанія:

«Gustave III a expiré le 21 Mars 1791. — Le c-te Armfelt est venu en Russie en exilé après la mort du roi, par conséquent pas avant 1791, et le prince Menchikoff est né le 11 Septembre 1787, — donc, 4 ou 5 ans avant l'arrivée en Russie du comte Armfelt» ¹⁾.

Въ разговорѣ съ княземъ Меншиковымъ я сообщилъ ему, что меня со всѣхъ сторонъ спрашиваютъ, ведетъ ли онъ записки, и на отрицательный отвѣтъ укоряютъ его въ томъ, что онъ лишаетъ исторію драгоцѣнныхъ матеріаловъ. На этотъ укоръ я говорилъ, что князь началъ общественную жизнь во время кровавыхъ войнъ съ Франціею, что потомъ онъ восемь лѣтъ не выходилъ изъ ко-

¹⁾ Густавъ III скончался 21 марта 1791. Графъ Армфельтъ прибылъ въ Россію, какъ изгнанникъ, послѣ смерти короля, слѣдовательно не ранѣе 1791, а князь Меншиковъ родился 11 сентября 1787, — слѣдовательно, за 4 или 5 лѣтъ до прибытія въ Россію графа Армфельта.

ляски государя Александра I, который ѣздилъ съ нимъ за границу и по всѣмъ концамъ Россіи и цѣлый день отдавалъ ему словесныя приказанія, такъ что князь просиживалъ ночи для исполненія ихъ. При Николаѣ I онъ могъ бы писать записки, но въ то время нельзя было ручаться, чтобы вслѣдствіе какой-нибудь катастрофы не явилась въ домъ князя комиссія для опечатанія бумагъ. Князь отозвался:

— Зачѣмъ братъ государя Николая; это могло случиться и при Александрѣ Павловичѣ, и чуть не случилось со мной. Какой-то господинъ донесъ, что онъ, сидя въ ложѣ подлѣ жены моей, слышалъ ея разсказъ, будто она получила отъ меня изъ Троппау письмо, въ которомъ я описывалъ ей разстройство духа государя по полученіи извѣстія о бунтѣ Семеновскаго полка. Писать такія письма было вовсе не въ моихъ правилахъ, а тѣмъ менѣе къ женѣ моей, которая вовсе не занималась политикой; однако государь писалъ Милорадовичу, нельзя ли выкрасть это письмо у жены моей и прислать его къ нему. Это слышалъ я отъ самого Милорадовича.

Замѣчательный фактъ, если принять въ соображеніе, что Меншиковъ былъ въ то время самое довѣренное лицо, о которомъ государь отозвался, что онъ изъ него сдѣлаетъ *après lui le premier homme de l'empire*¹⁾. При этомъ случаѣ я обратилъ вниманіе князя на то, что по смерти его приплюютъ комиссію для отобранія находящихся у него бумагъ по государственнымъ дѣламъ; что прежде эти бумаги отправлялись прямо въ государственный архивъ и были тѣмъ надежнѣе сохраняемы, что начальники архива, считая свою должность синекурою, никогда не любопытствовали знать, что находится въ присылаемыхъ тюкахъ: эти тюки - *vièrges* хранились столѣтія неприкосновенными, если и крысамъ вздумалось уважить ихъ неприкосновенность. Государь Николай I приказалъ разбирать посмертныя бумаги и передавать въ министерства по принадлежности. Этимъ распоряженіемъ разрушена историческая сокровищница; министры разглядывали бумаги не изъ любознательности, а для убѣжденія, нѣтъ ли въ нихъ чего-нибудь противъ ихъ личности, и такія бумаги истребляли.

— Но что же дѣлать?—спросилъ князь.

— Отберите тѣ бумаги,—отвѣчалъ я:—которые вы считаете наиболѣе важными, запечатайте ихъ и отдайте на сохраненіе надежному лицу такого свойства, которое избавитъ ихъ отъ комиссій, посылаемыхъ къ умершимъ членамъ государственнаго совѣта.

— Это удачная мысль—замѣтилъ князь.

Приведетъ ли онъ ее въ исполненіе?

¹⁾ Послѣ себя перваго человѣка въ имперіи.

Нечаянно нашелъ я въ своихъ бумагахъ остатки писемъ барона Котена и графа Армфельта. Сколько воспоминаній! Воспоминанія, наводящія на грустныя мысли. Пробѣгая эти письма, я былъ изумленъ и разнообразностью моей работы и высокостью моего тогда значенія. Сравнивая это прошлое съ моимъ настоящимъ, я кажусь себѣ глупымъ и униженнымъ. Честолюбіе не было никогда моею слабостью или моею добродѣтелью, однако, когда я сравниваю свое прежнее положеніе, уже мною забытое и только вчера воскресшее въ памяти, съ моею нынѣшнею обстановкою, съ нынѣшними моими коллегами, съ постановкою лицомъ къ лицу съ дерзкими мальчиками-правовѣдами и съ мелочностью моихъ диспутовъ,—не могу не видѣть, съ нѣкоторымъ стыдомъ, куда я заброшенъ.

Первое изъ сохранившихся у меня писемъ Котена, попавшееся мнѣ на глаза, отъ 1851 г. о Богаевскомъ, бригадномъ генералѣ въ Финляндіи; второе—приглашаетъ меня на вакансію товарища министра статсъ-секретаря Финляндіи; объ этомъ же нѣсколько другихъ писемъ. Потомъ о винокурении, объ эпизоотіи, объ Армфельтѣ, Маннергеймѣ и Гартманѣ — этихъ трехъ мѣстныхъ властителей Финляндіи. Далѣе объ агрономическомъ институтѣ, о лѣсной части, о водяныхъ сообщеніяхъ, о бродягахъ и однодомцахъ, о надзорѣ за пріѣзжающими въ Валаамскій монастырь, о запасныхъ хлѣбныхъ магазинахъ, о Саймскомъ каналѣ, о гимназіяхъ, о разныхъ личностяхъ и, наконецъ, о назначеніи Котена членомъ сената. Это назначеніе сдѣлало изъ Котена моего врага, дѣйствовавшего не съ особеннымъ благородствомъ въ послѣдствіи. Изъ содержанія писемъ видно, что относительно разныхъ административныхъ и государственныхъ вопросовъ я или училъ Котена, или требовалъ отъ него мѣстныхъ свѣдѣній для своего назиданія.

Богаевскій—типъ генерала. Онъ выстроилъ себѣ и меблировалъ домъ въ Выборгѣ руками войскъ, бывшихъ подъ его начальствомъ. За эту работу онъ давалъ каждому, проработавшему всю недѣлю, 5 копеекъ, а музыкантамъ позволялъ въ праздники наниматься. Работы и притѣсненія тянулись годы, и князь Меншиковъ ничего о томъ не зналъ. Богаевскій былъ женатъ на сестрѣ Львова, а Львовъ состоялъ при шефѣ жандармовъ графѣ Орловѣ, слѣдовательно, Богаевскій былъ человѣкъ страшный,—и все передъ нимъ и объ немъ молчало. Музыка была первымъ поводомъ къ возстанію. Котенъ, управляя Выборгскою губерніею, устроилъ въ Выборгѣ публичный садъ, т. е. насадилъ штукъ 50 молодыхъ березокъ и сдѣлалъ дорожки. Городъ нанялъ военныхъ музыкантовъ играть въ саду по воскресеньямъ послѣ обѣда, т. е. отъ 5 до 8 часовъ: финляндцы обѣдали въ 12 или въ часъ.

Богаевскому, праздновавшему какой-то фамильный день въ воскресенье, вздумалось приказать играть у него въ саду во время

обѣда и во весь вечеръ, т. е. отъ 4-хъ до 12 часовъ. Музыканты, несмотря на то, что городъ платилъ имъ погодно, должны были покориться волѣ своего начальника—и городъ остался въ дуракахъ. Магистратъ жаловался губернатору, а Котенъ очень деликатно объяснился съ генераломъ, который однако принялъ объясненіе неблагосклонно и вслѣдствіе того сталъ тѣснить брата Котена, командовавшаго въ его бригадѣ линейнымъ батальономъ. Это взорвало моего пріятеля, и онъ ждалъ случая отомстить Богаевскому. Случай представился. Одинъ изъ лучшихъ унтеръ-офицеровъ, съ нашивками, имѣлъ несчастіе быть хорошимъ столяромъ, и Богаевскій приказалъ ему дѣлать мебель, далъ на это дерево, но объ инструментѣ, лакѣ и политурѣ, вѣроятно, позабылъ; когда мебель на одну залу была готова, унтеръ-офицеръ попросилъ у генерала денегъ на уплату за лакъ и политуру. Генералъ взбѣсился и подвергъ его звѣрскимъ истязаніямъ. Я жилъ на дачѣ въ Хортонѣ, близъ Выборга. Котенъ пріѣзжалъ ко мнѣ каждый день и между прочимъ рассказывалъ мнѣ подвиги бригадира. Я возмущился рассказомъ, отвѣтственный за репутацію князя Меншикова, который настолько полагался на мои правила и мои свѣдѣнія обо всемъ, что въ Финляндіи дѣлалось, что все предоставилъ мнѣ; когда я молчалъ—значило: все благополучно. Однако я не рѣшился дѣйствовать по словесному заявленію губернатора и просилъ его написать мнѣ то, что онъ мнѣ рассказывалъ. Вотъ что вижу въ письмѣ его отъ 7 іюня 1851 года: «Le вагенмейстеръ *maltraité* se nomme Кубашевъ; il compte 15 ans de service pendant lesquels il n'a jamais subi la moindre punition, et a toujours été considéré comme le meilleur soldat de toute la troupe; il est marié à la fille d'un officier et les trois quarts de ceux—là sont assurément moins gentlemen que lui. Le monstre, en sa qualité de chef, le fait rosser pour une affaire privée par quatre bas-officiers d'une autre troupe; il le rosse au point qu'il a fallu le saigner et que le dos jusqu'aux os devint un *beefstaks*. Imaginez-vous que lorsque, au milieu des douleurs, cet homme dit: «Помилюйте, Христа ради!» le chef se mit sur lui à cheval et lui administrait des coups d'éperons. Cette lâche vengeance paraît être combinée d'avance entre le général et un bas-officier des invalides, son âme damnée, son entremetteur et son confident. Si l'Empereur savait ce qui se passe,—mais il ne le saura jamais», etc ¹⁾). Котенъ оканчиваетъ письмо

---

¹⁾ Обиженный вагенмейстеръ называется Кубашевъ; онъ прослужилъ 15 лѣтъ, въ продолженіе которыхъ не подвергался ни малѣйшему наказанію и всегда считался лучшимъ солдатомъ во всемъ полку; онъ женатъ на дочери офицера, и три четверти изъ нихъ, конечно, менѣе джентльмены, чѣмъ онъ. Чудовище, въ качествѣ начальника, приказалъ его бить за частное дѣло четырьмя унтеръ-офицерами другого полка; онъ его билъ до того, что пришлось пустить ему кровь и что спина превратилась въ биштексъ. Представьте себѣ, что когда

совѣтомъ перевести Богаевского на Аландъ. Но я поступилъ иначе. Князь Меншиковъ былъ въ черноморскихъ портахъ; я ничего не писалъ ему предварительно, поѣхалъ недѣли черезъ три къ Богаевскому, но не засталъ его. На другой день является онъ ко мнѣ гауонпант¹⁾, благодарить меня за честь, ему оказанную, и надѣется заслужить мою дружбу.

— А я, генералъ,—сказалъ я ему,—считаю величайшимъ несчастіемъ случай, побудившій меня къ вамъ ѣхать. До князя дошли свѣдѣнія, что вы употребляли на свои работы войска, что вы не платили солдатамъ не только за работы, но и за покупки, сдѣланныя ими для васъ, и что вы жестоко истязали отличнаго унтеръ-офицера за то, что онъ попросилъ у васъ денегъ на уплату за купленный имъ для полировки вашей мебели матеріалъ. Князь поручилъ мнѣ предупредить васъ, что по приѣздѣ въ Петербургъ онъ велитъ произвести слѣдствіе, если къ тому времени застанетъ еще васъ на службѣ. Князь будетъ къ октябрю. Честь имѣю кланяться.

Какую онъ сдѣлалъ рожу! Помню однако, что уходилъ отъ меня шатаясь. Тутъ я написалъ и князю о дѣйствіяхъ и Богаевского и моихъ. Въ сентябрѣ онъ подалъ въ отставку и уволенъ.

О винокурениі въ Финляндіи я записалъ, кажется, прежде; здѣсь говорится только о свидѣтельствахъ на провозимое вино. Самыя мощныя въ Финляндіи лица, Гартманъ и сенаторъ Рамзай, выкуривая свыше законнаго количества, разсылали незаконно же свое вино по всѣмъ станціямъ и шинкамъ на пути отъ Або до Гельсингфорса, и споили все мѣстное населеніе, но какъ свѣдѣнія, полученныя мною объ этихъ продѣлкахъ, были совершенно частныя, то официально и непосредственно дѣйствовать на нихъ было неудобно. Между тѣмъ баронъ Котенъ жаловался на корчемство эстляндскимъ виномъ.

Я внушалъ ему просить о введеніи провозныхъ свидѣтельствъ, имѣя заднюю мысль обобщить эту мѣру. Она, разумѣется, осталась бы недействительною для Гартмана и Рамзая, пока въ Або оставаться будетъ губернаторомъ ихъ покорнѣйшій слуга А. Кронштедтъ. Я полагалъ спустить его и съ тѣмъ вмѣстѣ учредить сильную премію поимщикамъ, зная, что наши честные, но бѣдные ленсмана не побоятся губернаторскаго гнѣва, когда за честное исполненіе закона приобрѣтутъ премію, равняющуюся 10-лѣтнему окладу ихъ жалованья. Дѣло это протянулось до Крымской кампа-

---

во время страданій этотъ человѣкъ сказалъ: «помиуйте, Христа ради!» начальникъ сѣлъ на него верхомъ и шпорилъ его. Это подлое мщеніе, кажется, было рассчитано заранее между генераломъ и унтеръ-офицеромъ изъ инвалидовъ, преданнымъ ему тѣломъ и душой, его посредникомъ и наперсникомъ. Если бы императоръ зналъ, что дѣлается, но онъ этого никогда не узнаетъ, и т. д.

¹⁾ Сіаюцій.

ни, потомъ до кончины государя и наконецъ до моего перемѣщенія къ великой радости лицъ, видѣвшихъ что я подрываю ихъ золотые промыслы.

Письма Котена насчетъ назначенія моего товарищемъ министра статсъ-секретаря особенно щекотятъ мое самолюбіе. Котень, давая себѣ значеніе моего ходатая, можетъ быть, слишкомъ хвастливо, сохраняетъ однако настолько искренности, что передаетъ мнѣ слова графа Армфельта: «Je touchai la question et je vis qu'il pensait comme moi, que votre nomination serait tout ce qu'il y a de plus avantageux et pour lui et pour le pays, que sa confiance dans votre caractère était complète», etc ¹⁾. Въ этомъ же письмѣ отъ 31 августа 1851 г. пишетъ мнѣ баронъ: «Le scrupule ne tient pour rien en votre personne mais à un principe. C'est que vous n'êtes pas finlandais et que la place du ministre que son père et le c-te Rehbindер avaient toujours ménagée pour des finlandais, passerait par suite de l'antécédent à un Бутковъ ou Комовскій, en faveur desquels toute la coterie des femmes se mettrait en émoi... Il faut vous dire,—nota bene que Комовскій, pas le nôtre, mais un autre, s'est présenté pour la place d'adjoint, et, par Adlerberg! J'aime à croire qu'à quelques semaines d'ici vous serez encore libre de tout autre engagement. Armfeldt a absolument besoin d'un aide; dans le pays il n'y a que Nordenstamm, Ch. Kronstedt et moi, qu'on désigne comme candidats, mais aucun n'en serait de grande utilité pour le pays; il n'y a donc que vous, n'en déplaît à M-rs Komofski et consorts qui ont le front d'airain de croire que l'adjoint du ministre n'a pas même besoin de connaître les institutions, l'état et le caractère d'un pays qui diffère en tout des autres parties de l'Empire. C'est ma foi bien singulier qu'Adlerberg ne le conçoive pas. Cette question m'agite beaucoup, car sans vous flatter, vous nous êtes indispensable» ²⁾. Въ письмѣ 26 сентября 1851: «Arm. m'écrit: «Tout ce que j'ai vu, tout ce que j'ai été à même d'apprendre, m'a plus

¹⁾ Я коснулся вопроса и увидѣлъ, что онъ думаетъ такъ же, какъ и я, что ваше назначеніе будетъ самое полезное и для него и для страны, что его довѣріе къ вашему характеру полное и т. д.

²⁾ Сомнѣніе въ принципѣ и не касается вовсе вашей личности. Это то, что вы не финляндецъ, и что мѣсто министра, которое его отецъ и графъ Ребиндеръ всегда берегли для финляндцевъ, можетъ перейти вслѣдствіе примѣра въ прошедшемъ какому-то Буткову или Комовскому, въ пользу которыхъ стала бы хлопотать вся женская партія. Надо вамъ сказать, замѣтьте, что Комовскій, не нашъ, а другой, искалъ мѣста товарища, и чрезъ Адлерберга! Я надѣюсь, что еще нѣсколько недѣль вы будете свободны отъ всякаго другого обязательства. Армфельту необходимъ помощникъ; въ странѣ указываютъ только на трехъ кандидатовъ: Норденштамма, Кронштедта и меня, но ни одинъ не принесетъ большой пользы краю; слѣдовательно, кромѣ васъ, нѣтъ никого, пусть не прогнѣваются г. Комовскій съ братіей, которые безстыдно думаютъ, что товарищъ министра не имѣетъ нужды знать учрежденія, положеніе и характеръ страны,

que jamais fortifié dans la résolution que j'ai prise. Si M-r de F. veut accepter la place en question, je regarde cela comme le seul moyen de conduire la barque à bon port. Son caractère honnête et désintéressé, le désir qu'il a d'obliger son monde dès que la chose est possible, sa connaissance des affaires et du terrain, son extrême capacité et ses bonnes relations avec le prince,—présentent au pays des garanties plus que suffisantes» ¹⁾. Въ письмѣ отъ 16 сентября Котенъ выписываетъ еще нѣсколько словъ изъ письма Армфельта и прибавляетъ свои разсужденія, которыхъ поводъ совершенно забытъ и оцѣнить не могу. «A. m'écrit de sa terre, du 11/23: «plus je pense à notre conversation de Wilmanstrand et plus je sens, que c'est le seul moyen qui est à prendre pour sauver la patrie et faire marcher les choses avec ensemble et unité».—«Vous croyez peut-être, прибавляетъ Котенъ, que nous sommes très pathétiques en mêlant la patrie à cette affaire, mais pour A. et moi qui connaissons les secrets de cette patrie,—il n'y a rien de pathétique» ²⁾. За этимъ письмомъ слѣдуетъ большой пробѣлъ. Котенъ писалъ ко мнѣ каждую почту, частію объ улаженіи его ошибокъ, частію съ рекомендаціями разныхъ лицъ. Пока дѣло шло о мѣстахъ его губерніи, я старался удовлетворять его просьбы, зная, что благосостояніе губерніи зависитъ отъ совмѣстнаго согласнаго дѣйствія властей по всѣмъ отраслямъ, но пріятель мой очень легко увлекался; онъ началъ проводить своихъ кандидатовъ по всей Финляндіи, отъ епископа до ленсмана, и такъ какъ я, разумѣется, не намѣренъ былъ сдѣлаться его стряпчимъ, то теплота нашей взаимной дружбы скоро утратилась. Впрочемъ, онъ не знаетъ и до сихъ поръ, что графъ Армфельтъ первый боялся его властолюбія и опрометчивости, и хотя находился съ нимъ въ самой короткой перепискѣ, очень опасался, чтобы я не слишкомъ много слѣдовалъ его рекомендаціямъ. Въ это же время я вошелъ съ нимъ въ сношеніе объ училищахъ.

которая отличается во всемъ отъ другихъ частей имперіи. Право, это очень странно, что Адлербергъ этого не понимаетъ. Этотъ вопросъ меня очень волнуетъ потому что, не скрывая правды, вы намъ необходимы.

¹⁾ Армфельтъ мнѣ пишетъ: «Все, что я видѣлъ, все, что я былъ въ состояніи узнать, укрѣпило болѣе, чѣмъ когда-либо, принятое мною рѣшеніе. Если г. Ф. согласится принять мѣсто, о которомъ идетъ рѣчь, то я смотрю на это какъ на единственное средство провести дѣло благополучно. Его честный и безкорыстный характеръ, его желаніе оказать всѣмъ услугу, лишь только это возможно, его знаніе дѣла и среды, его чрезвычайныя способности и его хорошія отношенія съ княземъ—представляютъ ручательства болѣе чѣмъ достаточныя

²⁾ А. пишетъ мнѣ изъ своего имѣнія, отъ 11/23: «чѣмъ болѣе я думаю о нашемъ разговорѣ въ Вильманstrandѣ, тѣмъ болѣе чувствую, что это единственное средство, чтобы спасти отечество и чтобы дѣла шли въ согласіи и единствѣ». Вы, можете быть, думаете, что мы очень патетичны, что соединяемъ отечество съ этимъ дѣломъ, но для А. и меня, которые знаемъ тайны этого отечества,—нѣтъ ничего патетическаго.

Училища (гимназіи и вмѣстѣ съ тѣмъ семинаріи) были въ плохомъ состояніи. Епископы, ихъ прямые и исключительные начальники, болѣе занимались своими аннексами, чѣмъ училищами, но всего болѣе возбудился вопросъ объ училищахъ безтактностью епископа боргоскаго Оттелина. Какой-то юноша нагрубилъ своему наставнику. По жалобѣ послѣдняго Оттелинъ призвалъ обоихъ и приказалъ наставнику объяснить свое неудовольствіе. Послѣ нѣсколькихъ произнесенныхъ имъ словъ, ученикъ прервалъ его, сказавъ: «Это неправда!» Когда наставникъ замѣтилъ ему на это, что онъ не имѣетъ права прерывать рѣчь старшаго, особенно такъ грубо, епископъ съ важностью первосвященника замѣтилъ: «Передо мной всѣ люди равны». Котенъ бросился, съ свойственною запальчивостію, проектировать новый уставъ училищъ, съ подчиненіемъ ихъ исключительно губернаторамъ. Когда онъ сообщилъ мнѣ свою мысль, — я отвѣчалъ ему, что въ такомъ религіозномъ краѣ, какъ Финляндія, нельзя разъединять назиданіе юношества общечеловѣческое и направленіе духовное, что лучшіе наставники финляндскіе принадлежатъ всѣ къ духовному званію, что самое значительное число юношей, кончившихъ курсъ ученія, домогаются званія доктора богословія, что это вѣрнѣйшій признакъ религіознаго настроенія нравовъ, и что разрушать его съ замѣною Богъ знаетъ какимъ направленіемъ было бы опасно. На этомъ основаніи я находилъ, что часть назидательная (классы) должна оставаться неприкосновенною, но часть полицейскую правильно передать въ свѣтскія руки. Начальникомъ этой части я полагалъ назначать офицеровъ, служившихъ въ русскихъ войскахъ и вышедшихъ въ отставку по болѣзни или по неимѣнію средствъ содержать себя въ Россіи. У меня было въ виду этою мѣрою достигнуть трехъ результатовъ: 1) возбудить усердіе духовенства въ виду антагонизма, 2) пристроить служившихъ офицеровъ и 3) усилить число лицъ учебнаго вѣдомства, знающихъ по-русски. Въ письмѣ отъ 7 ноября 1852 Котенъ пишетъ мнѣ: «Après avoir pris une copie de votre mémoire sur l'enseignement public, je m'empresse de vous le restituer en vous exprimant toute ma reconnaissance de l'attention que vous avez prêtée à ce sujet et du service que vous m'avez rendu» ¹⁾. Однако онъ совѣтъ не на томъ настаивалъ, когда сдѣлался начальникомъ духовной экспедиціи. Онъ сочинилъ проектъ, которымъ оставлялъ въ Финляндіи 2 классическія гимназіи во всемъ на прежнемъ основаніи и 3 реальныя на кадетскій ладъ, и такъ разсердился, что проектъ его не одобренъ, что, при нынѣшнемъ уже государѣ, сталъ клеветать на меня. Не понимаю, отчего

---

¹⁾ Снявъ копію съ вашей записки объ учебной части, а спѣшу вамъ ее возвратить съ выраженіемъ моей благодарности за вниманіе, которое вы оказали тому дѣлу, и за услугу, которую вы мнѣ оказали.

я не сохранилъ моихъ записокъ, которыхъ написалъ сотни по разнымъ возникавшимъ вопросамъ. Не только не имѣю той записки, которую написалъ въ 1852 г. для Котена, но и той, которую въ 1855 представилъ государю. Съ 1852 года Котенъ пришелъ въ какое-то лихорадочное состояніе, въ письмахъ его вижу все затронутымъ: и школы, и епископы, и губернаторы не хороши, и лѣсной уставъ не хорошъ, и бобыли слишкомъ размножались,—и все это захотѣлъ онъ передѣлать самъ, всѣхъ смѣнить, всѣхъ учить, взявъ съ чего-то надежду, что я буду дѣлать все, что онъ пожелаетъ, и притомъ дѣлать это до слѣдующей почты. Вопросъ о бобыляхъ мнѣ самому показался важнымъ. По финляндскимъ законамъ, работники должны жить и ѣсть вмѣстѣ съ хозяиномъ, но вмѣсто того расплодился люди, батраки, имѣвшіе собственную кухню. Я списался съ Гартманомъ, и общими силами мы составили «положеніе», цѣлью котораго было постепенное противодѣйствіе размноженію *Enhysler*. Такъ какъ ихъ считалось въ Финляндіи до 20 тысячъ человѣкъ, изъ нихъ много женатыхъ, то генералъ-губернаторъ предписалъ губернаторамъ дѣйствовать по «положенію» какъ можно мягче и терпѣливѣе. Котенъ нашелъ въ этомъ *mauvaise volonté* ¹⁾ и увѣрялъ, что у него въ губерніи черезъ полгода не будетъ ни одного бобыля. Въ 1851 г. получаемъ мы вдругъ ужасающее извѣстіе, что одинъ бобыль убилъ топоромъ дѣтей своихъ и, являсь къ ленсману, сказалъ: «Губернаторъ запретилъ давать работникамъ харчевыя деньги и требовалъ, чтобы они ѣли за столомъ хозяина. Хозяинъ мой несогласенъ былъ кормить моихъ ребятишекъ, а я не могу ѣсть, когда дѣти голодны: я ихъ убилъ. Доложите это губернатору». Князь Меншиковъ былъ этимъ извѣстіемъ ужасно взволнованъ. «*Kothen devient impossible, mais comment s' en defaire*»? ²⁾ Я совѣтовалъ князю предложить ему мѣсто въ сенатѣ, поручивъ ему духовную экспедицію. Послѣдствія этого были гибельны нашимъ добрымъ отношеніямъ, хотя я не былъ ни въ чемъ здѣсь виноватъ. Радуюсь, что нахожу и теперь подтвержденіе этого въ письмахъ Котена. Въ письмѣ 4 февраля 1853 г. онъ пишетъ: «*Depuis que vous m' avez fait part du changement dont il est question, toutes mes pensées au lieu de se porter sur des objets à venir, sont toutes retrospectives; je voudrais laisser en règle ce qui peut l' être; jusqu' à l'automne j'aurai beaucoup à faire, mais le résultat sera satisfaisant*» ³⁾. 2-го марта спрашиваетъ онъ, что значитъ: съ прежнимъ содержаніемъ, съ тѣмъ ли

¹⁾ Нежеланіе.

²⁾ Котенъ становится невозможнымъ, но какъ отъ него избавиться?

³⁾ Съ тѣхъ поръ, какъ вы мнѣ сообщили о перемѣнѣ, о которой идетъ рѣчь, всѣ мои мысли оглядываются назадъ, вмѣсто того, чтобы обратиться на будущіе предметы; я бы хотѣлъ оставить что возможно въ порядкѣ; до осени у меня будетъ много дѣла, но результатъ будетъ удовлетворительный.

только, какое онъ получаетъ, какъ выборгскій губернаторъ, или и съ arfvode въ 1700 р., т. е. онъ не удовлетворялся тѣмъ, что вмѣсто пенсіи въ 1500 р. и arfvode 1700 р. ему предлагали 4200 р. Затѣмъ прибавляетъ: «dans tous les cas je serai content de quitter la place de gouverneur; j' y ai perdu ma santé. La réponse cathégorique, que vous me demandez, est donc que je désire de passer au sénat et je m' arrangerai déjà avec ce qu' on voudra me donner» ¹⁾. 4-го марта: «je répète, je me contente de ce qu' on décidera pour ce qui en est de mes émolumens: le principal est pour moi de quitter une charge, où je ne suffis plus» ²⁾. Отъ того же числа: «J' attends avec impatience que mon sort se décide pour trouver encore à Helsingfors quelques chambres à louer» ³⁾. Отъ 6-го марта: «Je suis on ne peut plus sensible à la chaleur que vous mettez à tout arranger dans mon intérêt. Avec mes émolumens actuels j' espère me tirer d' affaire. Toujours je vous serai sincèrement reconnaissant, si je puis avoir, comme vous le dites, une gratification équivalente au montant triennal de mon appointment temporaire» ⁴⁾. Насмѣшливый графъ Маннергеймъ, недовольный, какъ и Гартманъ, страстью Котена во все вмѣшиваться, узнавъ о назначеніи его въ сенатъ, пришелъ къ нему съ видомъ огорченія и вопросомъ: «Qu' avez vous donc fait, cher baron, pour avoir mécontenté le gouverneur-général, qui vous met entre deux chaises?» ⁵⁾ Декорация вдругъ перемѣняется. Между тѣмъ два факта новые усилили волненіе Котена: 1) письмо Гартмана, въ которомъ онъ изъясняетъ предположеніе, что Котенъ, вѣроятно, устраненъ по случаю убійства бобылемъ дѣтей своихъ, и 2) увѣдомленіе, что цесаревичъ будетъ проѣздомъ черезъ Выборгъ ночевать у губернатора: честь, которая недоступна сенатору. 16 и 28 апрѣля онъ пишетъ мнѣ, что въ Гельсингфорсѣ распустили слухъ, «qu' il avait trop de relations avec la capitale, qui demandaient son internement. Vous ne vous étonnez donc pas si le public envisage mon changement de

---

¹⁾ Во всякомъ случаѣ я буду доволенъ оставить мѣсто губернатора; я тутъ потерялъ здоровье. Категорическій отвѣтъ, который вы у меня спрашиваете, тотъ, что я желаю перейти въ сенатъ, и устроюсь съ тѣмъ, что мнѣ пожелаютъ дать.

²⁾ Повторяю, я удовольствуюсь тѣмъ, что рѣшатъ насчетъ моего оклада. Главное для меня—оставить должность, гдѣ меня уже не хватаетъ.

³⁾ Жду съ нетерпѣніемъ рѣшенія моей судьбы, чтобы имѣть еще возможность нанять въ Гельсингфорсѣ нѣсколько комнатъ.

⁴⁾ Я какъ нельзя болѣе чувствителенъ къ теплотѣ, съ которою вы стараетесь устроить все въ мою пользу. Съ моимъ настоящимъ окладомъ я надѣюсь выпутаться. Все-таки я вамъ буду искренно благодаренъ, если я могу получить, какъ вы говорите, награду, равносильную трехлѣтней суммѣ моего временнаго жалованья.

⁵⁾ Что вы сдѣлали, дорогой баронъ, чтобы досадить генераль-губернатору, который посадилъ васъ между двухъ стульевъ.

place comme une disgrâce» ¹⁾, и затѣмъ напоминаетъ всю свою прежнюю службу. Очевидно, что ему хотѣлось получить лестный рескриптъ и ленту; я могъ бы, конечно, выпросить это у князя, но, не желая компрометировать его, j' ai fait la sourde oreille ²⁾. Въ другомъ письмѣ онъ повторяетъ, что «son déplacement est une dégradation» ³⁾, и что «de la manière dont cela s' est fait, on ne peut pas s' abuser là-dessus» ⁴⁾. Въ августѣ онъ уже положительно выражаетъ «qu' il y a mille manières de détromper le public sur ses suppositions» ⁵⁾ и доказываетъ, какъ мало онъ получалъ награды, прибавляя: «Vous concevez, mon cher ami, que je ne désire pas une récompense pécuniaire» ⁶⁾. Выраженія хотя ясны, но нескромныя. 27 ноября виденъ уже взрывъ. Котенъ пишетъ: «Vos réflexions sur mon passage ici ne sauraient me satisfaire; elles me prouvent ou bien que vous ne savez pas ce que c' est qu' un membre du sénat, ou bien une tenacité que je ne comprends pas à défendre une cause perdue» ⁷⁾. Непринятіе его проекта объ училищахъ и назначеніе епископомъ его кандидата довершили его неудовольствіе на меня, — и при вступленіи на престолъ Александра II онъ черезъ Ростовцева внушилъ государю, что бумага о финляндскомъ кадетскомъ корпусѣ, которою цесаревичъ годъ предъ тѣмъ обидѣлся, была написана мною и что князь Меншиковъ подписалъ ее, не читавъ.

Имѣлъ ли Котенъ причины на меня жаловаться?

Котенъ былъ поручикомъ Московскаго полка, когда я о немъ услышалъ. Онъ любезничалъ съ прекрасною романтическою m-lle Naartman, которая въ него влюбилась. Когда императрица была въ Гельсингфорсѣ, она на балу поражена была прекраснымъ, блѣднымъ миниатюрнымъ личикомъ, поставленнымъ на гибкомъ тѣлѣ высокаго роста. «Отчего она, бѣдненькая, такъ блѣдна и грустна?» спросила императрица. Вѣрнымъ отвѣтомъ было бы: «оттого, что болѣзненна», но дамы предпочли отвѣтъ романтическій: «Она влюблена въ молодого барона Котена, который тоже страстно ее любитъ, но у нихъ нѣтъ состоянія, и потому они не рѣшаются вступить въ брачный союзъ». — «Скажите барону, — ска-

¹⁾ Что у него слишкомъ много связей съ столицею, которыя требовали его поселенія. Поэтому не удивляйтесь, если публика смотритъ на перемѣну моего мѣста какъ на опадъ.

²⁾ Притворился, что не слышу.

³⁾ Его перемѣщеніе это разжалованіе.

⁴⁾ Это сдѣлано такимъ образомъ, что обманываться въ этомъ нельзя.

⁵⁾ Есть тысяча способовъ вывести публику изъ заблужденія насчетъ ея предположеній.

⁶⁾ Вы понимаете, мой дорогой другъ, что я не желаю денежной награды.

⁷⁾ Ваши разсужденія о моемъ переходѣ сюда не могутъ меня удовлетворить; они показываютъ, что вы или не знаете, что такое членъ сената, или упорство зачищать проигранное дѣло, которое я не понимаю.

зала императрица:—что любовь не слѣдуетъ приносить въ жертву расчету; пусть женится: Богъ не оставитъ». Котенъ женился. Императрица, узнавъ объ этомъ, приказала объявить Котену, что она готова содѣйствовать исполненію его желаній, если у него есть желанія на сердцѣ. Честолюбивый офицеръ не выдумалъ ничего лучшаго, какъ проситься въ адъютанты къ князю Меншикову. Князь терпѣть не могъ происковъ подобнаго рода; уступивъ просьбѣ императрицы, онъ взялъ Котена въ адъютанты, былъ съ нимъ очень вѣжливъ, бесѣдовалъ съ нимъ, человѣкомъ умнымъ и образованнымъ, о Финляндіи, но не любилъ его и не отличалъ никакими наградами, которыми, впрочемъ, не пользовался ни одинъ изъ его адъютантовъ, кромѣ Глазенапа, за котораго просилъ дядя его, морской министръ Моллеръ.

Скоро Котенъ сталъ на это жаловаться и такъ неосторожно, что князь называлъ его: *сгіеур*¹⁾). Въ 1840 или 1841 году князь хотѣлъ рѣшительно отъ него избавиться. Онъ предложилъ ему ѣхать въ штабъ войскъ въ Финляндіи учиться военной администраціи.

Котенъ тотчасъ разсудилъ, что его готовятъ въ начальники штаба, и на этомъ основаніи съ радостью принялъ предложеніе, а между тѣмъ князь писалъ начальнику штаба, необразованному и деспотическому полковнику Чепурнову: «держите этого крикуна въ рукахъ!» Такъ исчезъ Котенъ съ петербургской сцены, гдѣ началъ было играть роль. Участъ его была незавидная, но когда открылась вакансія директора канцеляріи финляндскаго генералъ-губернатора, я сталъ рекомендовать Котена на это мѣсто. Такъ какъ князь не зналъ никого лучшаго, то онъ на это согласился, и такимъ образомъ штабсъ-капитанъ вдругъ оказался чиновникомъ 6-го класса.

Въ 1844 г. открылась вакансія Выборгскаго губернатора; по моему содѣйствію, мѣсто это дано Котену, что его повысило въ 4-й классъ, т. е. въ 3 или 4 года онъ изъ штабсъ-капитановъ сдѣлался превосходительствомъ.

Вслѣдъ затѣмъ дали ему камергерскій ключъ. Онъ усердно принялся за губернію; жена удерживала его отъ крутыхъ мѣръ, и губернія полюбила его. Тутъ опять заиграло честолюбіе. Несмотря на мой совѣтъ, онъ просилъ переименованія его въ военный чинъ. Его переименовали въ генералъ-майоры, но губернія не имѣла уже того довѣрія къ русскому военному мундиру, какое имѣла къ фраку,—и этотъ мундиръ не давалъ ему того входа ко двору, какимъ онъ пользовался въ камергерскомъ званіи. Жена между тѣмъ умерла; узда свалилась, и ярый баронъ предался всей силѣ своихъ увлеченій, зажаждалъ ленты и власти, и ждалъ

¹⁾ Крикунъ.

исполненія своихъ требованій съ каждою почтою. Quand on attend sa belle, l'attente est bien cruelle! ¹⁾ Подъ вліяніемъ этихъ терзаній, онъ, вообще человѣкъ благородный, рѣшился въ отношеніи ко мнѣ на мерзость, и, какъ кажется, скоро самъ устыдился ея, потому что мнѣ стоило показаться въ тотъ домъ, гдѣ онъ былъ, чтобы заставить его бѣжать въ ту же минуту. Я понималъ его моральное состояніе, мнѣ стало жаль его, да и надоѣли эти натянутыя отношенія. Увидѣвъ однажды, какъ дочь его, фрейлина великой княгини Елены Павловны, выходила съ парохода на Англійскую набережную, гдѣ ждалъ ее отецъ, я подошелъ къ нему и сказалъ ему: «Baron! comme je n'avais aucune histoire avec m-lle que j'ai portée sur mes bras autrefois, veuillez lui dire que c'est son commissionnaire pour les chaussures, qui a l'honneur de la saluer». ²⁾ Котенъ сконфуженно пробормоталъ: «C'est m-r Fischer» ³⁾. Послѣ небольшого дружескаго разговора съ нею, я обратился къ Котену: l'ami de la fille ne saurait être l'ennemi du père ⁴⁾, и протянулъ ему руку. Котенъ чуть не переломалъ мнѣ пальцы, и чуть не расплакался. Съ тѣхъ поръ мы опять друзья. Повторяю, онъ все-таки очень и очень хорошій человѣкъ.

Письма графа Армфельта другого рода. Мои къ нему отношенія установились гораздо ранѣе, чѣмъ его назначеніе министромъ статсъ-секретаремъ. Если не ошибаюсь, онъ поступилъ въ статсъ-секретаріатъ безъ штатнаго званія, въ чинѣ штабсъ-капитана; и званіе товарища было учреждено для него. Князь Меншиковъ его жаловалъ, какъ красиваго, ловкаго, просвѣщеннаго, честнаго, добраго и великосвѣтскаго человѣка и какъ сына того знаменитаго графа Армфельта, который былъ въ короткихъ сношеніяхъ съ домомъ князя Меншикова, и которому онъ, въ молодости своей, удивлялся, какъ сѣверному Алкивіадѣ. Графъ Ребиндеръ поручалъ ему обыкновенно переговоры со мною. Когда Ребиндеръ померъ, графъ Армфельтъ и еще болѣе графиня, первая жена его, опасались, что на мѣсто Ребиндера назначенъ будетъ Гартманъ, добивавшійся этого мѣста. Онъ, вѣроятно, скоро сломалъ бы себѣ шею, если бы добился. Графиня тайкомъ отъ мужа просила меня пріѣхать къ ней въ назначенный часъ и взяла съ меня слово, что я дамъ ей знать о намѣреніи назначить Гартмана, чтобы мужъ ея могъ подать въ отставку прежде, чѣмъ состоится обидное ему назначеніе. Дѣло принимало оборотъ сомнительный. Князь Меншиковъ жаловалъ Армфельта, но Гартманъ былъ настойчивъ и смѣлъ, Арм-

¹⁾ Когда ждешь свою красавицу, ожиданіе тяжело.

²⁾ Баронъ, такъ какъ у меня никакой исторіи съ барышней, которую я когда-то носилъ на рукахъ, не было, то прошу васъ сказать ей, что это ея коммисіонеръ по части обуви, который имѣетъ честь раскланяться съ нею.

³⁾ Это г-нъ Фишеръ.

⁴⁾ Другъ дочери не можетъ быть врагомъ отца.

фельтъ скромнѣ и совѣстливѣ. У людей, какъ князь Меншиковъ, первый прибрѣталъ 9 шансовъ изъ 10 передъ послѣднимъ. Князь Меншиковъ, какъ и всѣ вельможи наши тогдашняго времени, опасались болѣе всего *casser les vitres*¹⁾. Этимъ-то я и воспользовался. Былъ май мѣсяцъ. Государь уѣзжалъ куда-то. Я совѣтовалъ Армфельту переѣхать въ квартиру министра подъ предлогомъ, что у него передѣлывается квартира,—что, впрочемъ, такъ и было. Армфельтъ не посмѣлъ этого сдѣлать. Тогда я самъ предупредилъ о томъ князя и увѣдомилъ графа, что князь Меншиковъ не видитъ къ тому препятствія и доложить при случаѣ государю. Армфельтъ перебрался; это имѣло двойное дѣйствіе: во-1-хъ, Гартманъ видѣлъ въ этомъ признакъ, что выборъ уже сдѣланъ, и пересталъ работать за себя, во-2-хъ, назначеніе Армфельта становилось нужнымъ, чтобы не выгонять его изъ квартиры.

Очень жалѣю, что сохранившіяся у меня письма его, можетъ быть ¹/₁₀ часть, въ безпорядкѣ, т. е. безъ всякой хронологіи. Я не могу и возстановить ее, оттого что по большей части они обозначены только днями, а у меня не было привычки, какъ у князя Меншикова, выставять на каждой бумагѣ число, мѣсяцъ и годъ ея полученія.

Въ одномъ письмѣ онъ благодаритъ меня за участіе къ его брату (ген.-ад. графу Армфельту, нюландскому губернатору), который былъ очень долгое время не производимъ въ генералъ-лейтенанты; это должно относиться къ 1848 или 1849 году, потому что въ этомъ письмѣ проглядываетъ досада на то, что и самъ министръ долго не производился, вѣроятно, въ тайные совѣтники. Оно такъ рѣзко отличается отъ тона подобныхъ писемъ барона Котена, что я выписываю изъ него почти все изъ удовольствія выписать. «*Permettez moi de vous exprimer toute ma vive et sincère reconnaissance pour la nouvelle marque d'amitié que vous venez de nous témoigner en parlant au prince M. en faveur de mon pauvre frère. Tout ce que je pourrai vous dire ici à ce sujet vous paraîtrait peut être déplacé, mais croyez moi, jamais je n'oublierai les bontés que vous avez eues à tant d'occasions différentes pour moi et les miens, et lorsqu'un jour j'habiterai la cara patria retiré du service, éloigné du monde et des affaires, j'en conserverai éternellement le souvenir. Mon frère est le premier finlandais qui est entré au service de Russie lors de la conquête de la Finlande. Tous ses anciens camarades qui comme lui étaient aide de camp de l'Empereur Alexandre, lors de la mort de ce souverain sont déjà lieutenants généraux ou conseillers privés. Plus d'un général major moins ancien que mon frère, lui ont passé par le corps—de ce nombre le gén. Etter. Or, de tous les sentiments que nous fait éprouver notre*

¹⁾ Рубить съ плеча.

amour propre, le plus pénible, le plus douloureux, je pourrai même dire, le plus humiliant est celui de se voir dépassé. J'en parle par expérience, car cela m'est arrivé plus d'une fois dans ma vie, encore tout dernièrement, tant en Finlande, qu'ici. Mais j'ai toujours cherché à me consoler en me disant que les choses ne sauraient être autrement et que ces personnes avaient plus de mérite que moi. Vous m'avouerez cependant que c'est une triste consolation»¹⁾.

Въ другомъ письмѣ онъ препровождаетъ ко мнѣ проектъ положенія о пенсіонахъ духовенству, прося меня его передѣлать, увѣдомляетъ, когда государь его приметъ.

Потомъ письмо, гдѣ онъ описываетъ или объясняетъ содержаніе письма, присланнаго ему графомъ Закревскимъ. Замѣчательное. Должно быть, 1841 или 1842 г., потому что въ припискѣ увѣдомляетъ о намѣреніи графини Ребиндеръ прислать мнѣ портретъ ея мужа.

Затѣмъ нѣсколько писемъ о Лапландіи, о наградѣ разныхъ лицъ и одно съ препровожденіемъ портрета графа Ребиндера отъ имени графини. Затѣмъ опять письма съ просьбами о передѣлкѣ бумагъ сената и одно съ препровожденіемъ бумагъ съ замѣтками государя. «Veuillez,—пишетъ мнѣ графъ,—avoir la complaisance de me donner vos remarques et vos observations ainsi que l'avis du prince sur la manière dont il faudra répondre aux questions de l'Empereur»²⁾.

Потомъ онъ посылаетъ мнѣ проектъ положенія о гербовой бумагѣ и о рабочихъ и письма его къ барону Меллину, прося моихъ замѣчаній, заключая одно изъ писемъ: «Pardonnez moi de grâce

---

¹⁾ Позвольте мнѣ выразить вамъ мою горячую и искреннюю благодарность за новый знакъ дружбы, который вы намъ оказали, поговоривъ съ княземъ М. въ пользу моего бѣднаго брата. Все, что я могу здѣсь сказать по этому поводу, можетъ вамъ показаться неумѣстнымъ, но повѣрьте мнѣ, я никогда не забуду одолженій, которыя вы во многихъ случаяхъ оказывали мнѣ и моимъ, и когда я поселюсь въ *saga patria* (дорогое отечество), оставивъ службу, вдали отъ свѣта и дѣлъ, я вѣчно сохраню объ этомъ память. Мой братъ былъ первый финляндецъ, который поступилъ на службу Россіи во время покоренія Финляндіи. Всѣ его прежніе товарищи, которые такъ же, какъ и онъ, были флигель-адъютантами императора Александра, послѣ смерти этого государя уже генераль-лейтенанты или тайные совѣтники. Не одинъ генераль-майоръ, моложе моего брата, перешагнулъ черезъ него, въ томъ числѣ генераль-Эттеръ. А изъ всѣхъ чувствъ, которыя заставляютъ насъ испытывать наше самолюбіе, самое тяжелое, самое мучительное, я могу даже сказать, самое унизительное, это видѣть себя превзойденными. И говорю объ этомъ по опыту, потому что въ моей жизни это случилось не разъ, и даже недавно, какъ въ Финляндіи, такъ и здѣсь. Но я всегда старался себя утѣшить, говоря себѣ, что иначе не могло быть и что тѣ личности имѣютъ болѣе заслугъ, чѣмъ я. Вы согласитесь, однако, со мною, что это плохое утѣшеніе.

²⁾ Будьте любезны сообщить мнѣ ваши замѣчанія, а также мнѣніе князя о томъ, какъ надо отвѣтить на вопросы императора.

tout l'embarras que je vous donne et ne vous lassez pas, je vous en supplie, de mon importunité continuelle»¹⁾).

Въ одномъ изъ писемъ встрѣчаю: «Lorsque vous avez eu la complaisance de me faire part de vos idées concernant les statuts de l'université, je me suis empressé d'en parler au pr. Menchikoff»²⁾. — Что я говорилъ объ этомъ и какое принималъ участіе, не помню. — Это письмо, должно быть, 1853 или 1854 г., потому что въ post-scriptum графъ сообщаетъ мнѣ, что онъ доложить наслѣднику о желаніи моемъ ему представиться.

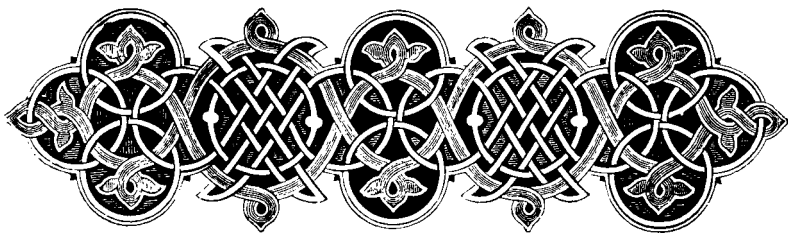
Всѣхъ писемъ не перебрать; останавливаюсь на двухъ: одномъ, гдѣ графъ является сильно оскорбленнымъ мною. Я помню этотъ случай. Лангельшельдъ перевралъ съ намѣреніемъ слова мои, интригуя противъ меня въ угоду своихъ соотечественниковъ. Тоже моя креатура: губернскаго переводчика, получавшаго 140 р., я перевелъ въ статсъ-секретариатъ 2-мъ секретаремъ на 1800 р.; черезъ годъ повысилъ въ 1-е секретари съ 3000 р., и тутъ онъ сталъ интриговать. Я не послѣдовалъ однако правиламъ Lagochefoucault; въ 1854 г. рекомендовалъ его въ губернаторы, а въ 1855 г. Бергу какъ способнѣйшаго. Бергъ сдѣлалъ его начальникомъ финансовой экспедиціи и барономъ, но этотъ баронъ умеръ отъ удара и тѣмъ кончились плоды его интригъ. Въ другомъ — отраженіе моихъ свѣдѣній объ интригѣ Котена. Армфельтъ пишетъ мнѣ: «Je viens de chez le général Berg qui a approuvé l'idée émise dans votre lettre (объ училищномъ комитетѣ), mais qui est au désespoir de ce que vous n'avez pas voulu être son mentor (вѣроятно, помощникомъ генералъ-губернаторъ). Il a dit ce matin au Grand Duc Héritier qu'il tenait à vous avoir. S. A. Impériale lui a longuement parlé de Kothen en le recommandant fortement, ce qui fait que le général m'a prié de ne pas trop tarder à demander la sanction de l'Empereur en faveur de la combinaison Nordenheim», etc.»³⁾ Впрочемъ, эта комбинація не состоялась: помощника у Берга не было.

(Окончаніе въ слѣдующей книгѣ).

¹⁾ Простите меня, пожалуйста, за всѣ хлопоты, которыя я вамъ причиняю, и не утомляйтесь, я васъ объ этомъ умоляю, моею непрерывною надоедливостью

²⁾ Когда вы были такъ любезны сообщить мнѣ ваши мысли касательно уставовъ университета, я поспѣшилъ поговорить объ этомъ съ княземъ Меншиковымъ.

³⁾ Я пріѣхалъ отъ генерала Берга, который одобрилъ мысль, выраженную въ вашемъ письмѣ, но который въ отчаяніи, что вы не захотѣли быть его наставникомъ. Онъ сказалъ сегодня утромъ великому князю наслѣднику, что онъ желаетъ васъ имѣть. Его императорское высочество долго говорилъ ему о Котенѣ, рекомендуя его настойчиво, вслѣдствіе чего генералъ просилъ меня не слишкомъ медлить испросить у императора согласіе въ пользу комбинаціи Норденгейма. и проч.

ЗАПИСКИ СЕНАТОРА К. И. ФИШЕРА¹⁾.

XXI.

Похороны Бахтина.—Характеристика князя Меншикова.—Его семейная жизнь.—
Воспитание сына и дочери князя Меншикова.—Внукъ князя Вадковскій.—Пред-
смертныя минуты князя Меншикова и его кончина.—Доктора Гемидіанъ и Эккъ.—
Разсказъ Герстфельда о приключеніяхъ одного проекта.

БЫЛЪ на похоронахъ нашего честнаго Н. И. Бахтина. Эта торжественная церемонія навела на меня чувства омерзѣнія и грусти. Въ домѣ покойнаго вокругъ его гроба я нашелъ ряды людей въ лентахъ, съ ничтожностью на лбахъ. Я разсматривалъ ихъ со вниманіемъ, начиная съ предсѣдателя съ защемленнымъ въ глазной орбитѣ лорнетомъ до хохлатаго статсъ-секретаря, на самодовольной фizioноміи котораго читалось, что онъ зять статсъ-секретаря Буткова. Желчный Корфъ со взоромъ фарисея, бессмысленное лицо Замятнина, дерзкая и надменная рожа Буткова — предъ честнымъ гробомъ Бахтина; не надо было спрашивать ни изслѣдовать, зачѣмъ они пріѣхали: это спутники предсѣдателя. На кладбище не поѣхалъ ни одинъ изъ этихъ государственныхъ мужей. Что сказала бы Европа о нашемъ государственномъ совѣтѣ, если бы узрѣла эти типы составныхъ частей его. По газетамъ они могутъ казаться столпами Россійскаго государства, какъ нѣкогда я читалъ въ газетахъ извѣ-

¹⁾ Окончаніе. См. «Историческій Вѣстникъ», т. CXIV, стр. 422.

стіе о слухѣ, будто въ Парижѣ соберется международная финансовая конференція, въ которой отъ Россіи будетъ присланъ М-г Chigaieff, financier Russe ¹⁾. У Большого проспекта остановился Бутковъ съ важностью боярской. Гавріиль Степановичъ Поповъ, проходя мимо его, поклонился ему въ поясъ; Бутковъ протянулъ ему палецъ и съ необыкновенною снисходительностью сказалъ ему громко и отрывисто: «здравствуйте». Жалко то государство, въ которомъ люди такого свойства и такими дѣяніями могутъ пролагать себѣ путь къ власти политической, но еще болѣе жалъ, когда эти люди смѣютъ увѣрить себя, что они дѣйствительно стоятъ на своемъ законномъ мѣстѣ. Я привыкъ видѣть ничтожество у подножія трона. Княжевичъ тоже ничтоженъ, но онъ не Бутковъ. Княжевичъ, достигнувъ кресла министра, видѣлъ въ этомъ послѣдствіе прихоти фортуны, онъ наслаждался откровенно своимъ счастьемъ, нисколько не приписывая себѣ заслугъ, которыя давали бы ему право на его высокое положеніе. Бутковъ же, Тройницкій и т. п. убѣждены сами, что они великіе люди, — и вотъ что омерзительно. — На пути къ кладбищу могло бы показаться, что покойный былъ мелкій или злой человѣкъ; балдахинъ и рядъ каретъ выражали деньги, а не дань современниковъ или хоть сотоварищей, а между тѣмъ Бахтинъ былъ честный, добросовѣстный труженикъ на службѣ государственной, на которой онъ сосредоточилъ всю жизнь свою. За что же выпало на долю его это пренебреженіе? За то, конечно, что онъ былъ честенъ и труженикъ, не подъ стать своимъ товарищамъ. Въ церкви мнѣ тоже все было не по нутру. Можетъ быть, способствовала тому продолжительность богослуженія, но мнѣ непріятно было видѣть, какъ эти архимандриты, окружавшіе гробъ, блуждали взорами по публикѣ, какъ даже діаконъ, держа своими бѣлыми ручками съ розовыми ногтями евангеліе предъ архіереемъ, прогуливался взорами по лицамъ, за архіереемъ стоявшимъ. Тутъ были сановники въ лентахъ. Какое настроеніе духа наполняло ихъ, — нельзя было угадать по ихъ фізіономіямъ. Они казались мнѣ куклами, одѣтыми въ шитые мундиры. Ал. Ив. Войцеховичъ былъ единственнымъ осмысленнымъ лицомъ, и этотъ смыслъ былъ грустнаго содержанія. Кромѣ него, только женщины являлись: одушевленными существами въ церкви, да на пути къ могилѣ я увидѣлъ дань благотворительности покойнаго. Я видѣлъ до десяти женщинъ простого званія, въ бѣдной одеждѣ, истинно предававшихся скорби; занятая исключительно своимъ горемъ, онѣ непреднамѣренно смѣшались съ шляпами, обшитыми широкими галунами, и безцеремонно рыдали подлѣ этихъ важныхъ сановниковъ. Какъ трудно жить и какъ неуѣдливо умереть въ такой отвратительной средѣ.

¹⁾ Г. Шигаевъ, русскій финансистъ.

«истор. вѣстн.», декабрь, 1908 г., т. сѣв.

Ал. Ив. Войцеховичъ сказывалъ мнѣ, что Корфъ удивлялся «капиталамъ», будто бы оставшимся послѣ Бахтина. Я бы отвѣчалъ ему на это, и именно ему, Корфу, что если это правда, то не только утѣшительно, но и назидательно небогатымъ молодымъ людямъ, начинающимъ службу: это доказываетъ, что долговременнымъ трудомъ и расчетливою жизнью можно на службѣ приобрести нѣкоторое состояніе, не сдѣлавъ ни одной мерзости и не позволивъ себѣ ни одной низости. И этого-то Корфа бѣдный Николай Ивановичъ выбралъ въ свидѣтели своего завѣщанія, — поставилъ его въ число вѣрнѣйшихъ друзей, помѣстилъ между Войцеховичемъ и мною!

Мой благодѣтель, прежшій начальникъ и старый другъ, князь А. С. Меншиковъ умираетъ! На немъ отражается рѣзко *vanitas vanitatum*! Отражаются и послѣдствія личныхъ его ложныхъ воззрѣній. Вольнодумство XVIII вѣка, честолюбіе царедворца и родовая скупость—три элемента, подавлявшіе движенія его благороднаго сердца и помрачавшіе свѣтъ его необъятнаго ума! Эти противники боролись въ немъ безъ устали, но въ конечномъ результатѣ добрые элементы подчинялись часто дурнымъ. Рожденный съ необыкновенною независимостью характера, онъ противился всякому понужденію, даже и тогда, когда понужденіе направляло его въ область собственныхъ его наклонностей. Въ Дрезденѣ отецъ его не могъ ничѣмъ заставить его учиться, усталъ, махнулъ рукой и бросилъ сына. Юноша поѣхалъ въ Петербургъ, нанялъ двѣ комнатки подъ чердакомъ дома Манычарова (теперь Якобсона, въ Малой Морской), завалилъ себя книгами и сталъ учиться, учиться и учиться. Черезъ годъ опредѣлили его, 17-лѣтняго мальчика, въ коллегію иностранныхъ дѣлъ съ званіемъ камеръ-юнкера 5-го класса, вмѣсто того, чтобы, по его желанію, опредѣлить въ армію. Послали его съ депешами въ Лондонъ, но онъ отдалъ депеши на почту, а самъ опредѣлился волонтеромъ на голландскую канонирскую флотилію, вооружившуюся противъ великобританскаго флота. Самозванца-воина схватили и отправили къ миссіи нашей въ Стокгольмъ. Здѣсь онъ такъ проказничалъ, что былъ высланъ въ Петербургъ. Фельдмаршалъ Прозоровскій опредѣлилъ его подпоручикомъ въ армейскую артиллерію и отправилъ въ Молдавію. Князь подчинился уму фельдмаршала Каменскаго, чтилъ его, какъ кумиръ, повиновался ему, какъ ребенокъ, но когда, по смерти Каменскаго, занялъ мѣсто главнокомандующаго Кутузовъ, Меншиковъ отказался отъ службы подъ командою человѣка, котораго не уважалъ, — и перешелъ, кажется, въ Преображенскій полкъ. И этотъ-то характеръ не устоялъ противъ растлѣвающей силы придворной атмосферы. Когда отецъ увѣдомилъ его, что нашелъ ему невѣсту, и просилъ пріѣхать посмотреть ее, философъ XVIII вѣка писалъ въ отвѣтъ: «je n'ai rien à voir; j'épouserai une chèvre si elle a des

cornes d' or et si elle est capable de mettre au monde un Menchikoff» ¹⁾. Эта невѣста, графиня Протасова, владѣлица 7000 душъ и массы брильянтовъ, была толстая, красная, безобразная женщина, ума ограниченнаго и безъ всякаго образованія. Ученость ея заключалась въ твердомъ знаніи святцевъ и житія святыхъ; бесѣды ея ограничивались разговорами съ монахами и богомолками; дѣятельность посѣщеніемъ церквей и монастырей и благотворительностью къ бѣднымъ, къ странникамъ и къ юродивымъ. Меншиковъ ужаснулся вида своей невѣсты, однако не отказался отъ нея; на увѣщеванія его друзей онъ отвѣчалъ, что будущая супруга его мѣшокъ, который онъ выброситъ, вынувъ изъ него наслѣдника. На свадебномъ балѣ, стоя съ молодою у буфета, онъ замѣтилъ одной дамѣ: «Ne trouvez vous pas que je ressemble à un pèlerin de Mecque avec son dromadaire» ²⁾. Всѣ эти выходки составляли по тогдашнему вѣрные признаки esprit fort ³⁾, который былъ въ большой модѣ; Меншикова отзывы переходили чрезъ всѣ уста. Онъ, прекрасной наружности, тончайшихъ аристократическихъ пріемовъ, сдѣлался предметомъ общаго удивленія, и въ немъ нашло первую пищу честолюбіе, таившееся въ душѣ его. Возмездіе не заставило ждать себя. Молодая княгиня, гордясь своимъ прекраснымъ, умнымъ и чтимымъ супругомъ, забыла монастыри и богомолкъ; она жаждала случая показаться въ свѣтѣ рядомъ съ изящнымъ кавалеромъ; наряжалась безъ вкуса, и чѣмъ болѣе наряжалась, тѣмъ была безобразнѣе. Самолюбіе князя страдало; онъ употреблялъ всѣ средства своего ума, чтобы заставить жену сидѣть дома; но умъ его оказался безсиленъ урезонить женщину, успѣвшую сдѣлаться суетною и начинавшую дѣлаться ревнивою. Безуспѣшность усилій князя возбудила въ немъ досаду, высказывавшуюся въ тонкихъ сарказмахъ, но простодушная княгиня не понимала тонкостей, и оттого князь становился еще болѣе смѣшнымъ въ глазахъ общества. Разъ вздумалось княгинѣ участвовать въ большомъ bal costumé ⁴⁾, на который ожидали весь дворъ; для князя было вопросомъ жизни, чтобы княгини не было на балѣ; но когда его краснорѣчіе не подѣйствовало на княгиню, онъ въ насмѣшку сказалъ ей, что если она непремѣнно хочетъ костюмироваться, то самый приличный для нея костюмъ с' est de paraître en Jeanne d' Arc ⁵⁾. Толстая сутуловатая княгиня послѣдовала совѣту à la lettre ⁶⁾ и явилась Орлеанскою дѣвою. Насмѣшки, по

¹⁾ Миѣ нечего смотрѣть; я женился бы и на козѣ, если у нея золотые рога и она можетъ родить Меншикова.

²⁾ Не находите ли вы, что я похожъ на пилигрима въ Мекку съ его дромадеромъ.

³⁾ Вольнодумецъ.

⁴⁾ Костюмированный балъ.

⁵⁾ Это явится Іоанною д' Аркъ.

⁶⁾ Въ буквальный смыслъ.

человѣческой нелогичности, посыпались не на виновницу, а на ея мужа. Ревность княгини возросла между тѣмъ до такой степени, что она прибѣгала къ ворожеямъ и къ талисманамъ; насовала тайкомъ въ карманы своего вѣтренаго супруга какихъ-то корешковъ и пр., которые посыпались изъ кармана князя за носовымъ платкомъ. Мало-по-малу распри супружескія дошли до того, что князь, жившій въ особомъ уже домѣ, но еще сообщавшемся съ домомъ жены коридоромъ, велѣлъ заложить кирпичомъ входъ въ коридоръ,—и съ тѣхъ поръ супруги, у которыхъ были уже сынъ и дочь, болѣе не видались. Между тѣмъ открылась князю высокая карьера. Онъ ѣздилъ постоянно съ государемъ, — не выходилъ, какъ говорили, изъ коляски государя десять лѣтъ; поглотившись интригами Аракчеева и Дибича и заботами о сохраненіи царскаго благоволенія, онъ, разумѣется, не имѣлъ времени думать о воспитаніи дѣтей своихъ. Воспитаніе русское и по сію пору есть не болѣе, какъ дрессура для салонныхъ аллюровъ, а въ то время, особенно въ Москвѣ, оно было еще хуже. Въ Петербургѣ родители-вельможи рѣдко видѣлись съ дѣтьми, нанимали имъ гувернеровъ, гувернантокъ, учителей и наставницъ. Учителя учили пѣнью и игрѣ на фортепіано и на арфѣ дѣтей родителей, не умѣвшихъ пѣть и не понимавшихъ музыки; учили ихъ наукамъ, которымъ отцы и матери не учились, но петербургскіе вельможи отлично говорили по-французски, понимали правильность англійскаго произношенія и прекрасно танцевали. За этими предметами они и наблюдали строго, и дѣти ихъ, обладая *summa summagum* познаній французскаго и англійскаго мужиковъ, вмѣстѣ взятыхъ,—были ловки и привѣтливы. Въ Москвѣ главное дѣло было въ томъ, чтобы были въ домѣ французы, французенки и англичанки; а что они дѣлали —это все равно. Чистѣйшимъ выраженіемъ такого педагогическаго типа былъ домъ княгини Меншиковой. У князька былъ гувернеромъ и наставникомъ m-г Voison, который ничего не дѣлалъ; учителя русскіе — подешевле — столько же дѣлали, не изъ лѣнности, а изъ страха не понравиться баричу, потому что одной жалобы барича было довольно, чтобы прогнать учителя.

Для прислуги и практическаго развитія мальчика даны ему, по обыкновенію, три или четыре мальчишки изъ крѣпостной дворовой челяди, лошади маленькія, кучеръ — мальчишка. Князекъ, разумѣется, предпочиталъ эту компанію, которую имѣлъ право бить по щекамъ рукою и по спинѣ плетью, — компанію старика Voison. Этотъ Voison, правда, проповѣдывалъ гуманность, но битые мальчишки были слишкомъ умны, чтобы жаловаться; они за каждый рубецъ на носу получали подарочки, да и отъ родителей досталось бы имъ за жалобу, потому что родители дѣтей, служащихъ при баричѣ, пользовались особеннымъ почетомъ и могли обкрадывать господъ болѣе безнаказанно. Около княжны ходили: гувер-

нантка французенка, компаньонки англичанка и русская и двѣ-три дѣвчонки. Странно, до какой степени рутина можетъ заступать мѣсто здраваго разсудка. Тонкій, прозорливый князь Меншиковъ только лѣтъ пять передъ симъ увидѣлъ нелѣпость годовковъ-лакеевъ, и то по моей иниціативѣ. Онъ собирався выписать изъ Москвы мальчиковъ для внука своего Коли. По этому случаю я выразилъ князю удивленіе, что глупый обычай до сихъ поръ не нашелъ себѣ здравой оцѣнки.—Дать ребенку ровесниковъ въ лакеи значить учить его всѣмъ мерзостямъ,—говорилъ я:—на вашемъ мѣстѣ я приставилъ бы къ Колѣ старика: онъ не станетъ ни забавляться съ нимъ, ни учить его шалостямъ, да и Коля научится смотрѣть на прислугу снисходительно, не пыряя ее изъ угла въ уголъ изъ всякаго каприза. Старые люди, напротивъ того, должны брать прислугу изъ мальчиковъ, чтобы не стѣсняться посылкой ихъ десять разъ въ день изъ одного конца дома въ другой. Князь, видимо, удивился, что такая простая истина не приходила ему въ голову. Княжна занималась сплетнями въ дѣвичьей, гаданьями и чтеніемъ вздорныхъ романовъ. По-англійски не говорила ни слова, потому что англичанка была изъ московокъ и никогда не говорила иначе, какъ по-русски. Княгиня не только не замѣчала, какъ воспитываютъ ея дочь, но и не находила нужнымъ смотрѣть за этимъ. Весь комплектъ учителей, наставниковъ, компаньоновъ—нанятъ; слѣдовательно, долгъ родительскій исполненъ; всѣ эти господа и госпожи берутъ большое желованье и безпрестанно капризничаютъ и грозятъ оставить мѣсто,—слѣдовательно, хороши. Въ этомъ убѣжденіи княгиня вновь отдалась богомолкамъ, юродивымъ; благотворила поданіями въ пользу монастырей и благотворила до того, что описали ея имѣніе и чуть не посадили ее въ тюрьму. Когда сыну минуло 16 лѣтъ, привезли его въ Петербургъ, чтобы отдать въ Пажескій корпусъ. Князь вообразилъ себѣ всю ученость и образованность юноши въ самомъ розовомъ свѣтѣ. Сдѣлалъ ему вопросъ изъ исторіи, нехитрый, въ родѣ того: кто былъ Юлій Кесарь? — Не знаетъ. Вопросъ изъ географіи: какой главный городъ Швеціи? — Не знаетъ. Написалъ двѣ дробы для сложенія—не умѣетъ! Сталъ диктовать сыну. Этотъ написалъ каракули совершенно безъ орфографіи. Заставилъ читать. Спотыкается какъ по вспаханному полю въ сумеркахъ. Любсвъ къ изящному изобразилась въ юношѣ коллекціею ямскихъ уздечекъ и кнутовъ. Доблести, которыми онъ хвастался, заключались въ вымыслахъ о страшныхъ побояхъ ямщиковъ, которыхъ онъ никогда не билъ. Опять возмездіе! Отчаяніе въ сердцѣ и забота о помощи. Отыскиали въ Пажескомъ корпусѣ Жирандота, отдали юношу къ нему для образованія за огромныя деньги,—и опять тѣмъ и кончилось попеченіе о сынѣ. Впрочемъ, онъ принятъ въ корпусъ, стало быть дѣло въ порядкѣ, но черезъ годъ—

не перевели его въ слѣдующій классъ. Пришлось выходить въ армію. Опять дорогіе учителя, они втерли его въ артиллерію, а отсюда артиллеристъ переведенъ въ лейбъ-гусары. Когда Бенкендорфъ взялъ гусара въ адъютанты, безграмотность выплыла снова наружу. Съ этихъ поръ до настоящей минуты жизнь моего старика, князя Меньшикова, представляетъ непрерывную цѣпь страданій и униженій въ виду невѣжественнаго сына.

— Mon Dieu, mon Dieu!—говорилъ мнѣ часто князь, судорожно потирая рукою грудь надъ сердечною полостью: — je ne saurais vous dire combien je souffre à voir que dans mon fils il n'y a pas une goutte de gentilhomme! ¹⁾

Дочь вышла еще лучше. Я получилъ отъ нея записочку въ слѣдующей формѣ, написанную самымъ невозможнымъ почеркомъ:

1-я страница.	2-я страница.	3-я страница.
J'ai le	ce que j' aurai	
coeur navrée	désirez s'est	
j'ai vuè de	de recevoir	
loing mon peau	sa bénédicti-	
vr père, tout	on Конста	
		нтинъ Иваночъ. Aidez moi dans cela je Vous suplie comme un encien ami d'Alexandrine Wadkowski ²⁾ .

Эта записка есть все-таки выраженіе ея наименьшихъ недостатковъ. Князь въ постоянной насильственной перепискѣ съ нею; она награждала его черезъ день ругательными письмами. На первое время эти отношенія не волновали его. Занятый своимъ расшатавшимся политическимъ положеніемъ, утѣшаемый приращеніемъ своего капитала, онъ со смѣхомъ, хотя и горькимъ, прочитывалъ посланія своей Лукреціи Борджіа, но вотъ рушится его политическій эшафодажъ, и въ это же время доходитъ до его свѣдѣнія, что Вадковская въ долгахъ и что ее сажаютъ въ тюрьму. Поневолѣ, изъ опасенія скандала, пришлось заплатить нѣсколько де-

¹⁾ Боже мой, Боже мой, я не сумѣю вамъ высказать, какъ я страдаю, видя, что у моего сына нѣтъ ни капли дворянства.

²⁾ Я съ сокрушеннымъ сердцемъ видѣла издали моего бѣднаго отца, все, чего бы я хотѣла, это получить его благословеніе. Помогите мнѣ въ этомъ, какъ старый другъ Александры Вадковской.

сятковъ тысячъ. Испытавъ брешь и въ честолюбіи и въ своихъ капиталахъ, князь теряетъ скептицизмъ. Онъ чувствуетъ себя одинокимъ и въ свѣтѣ и въ семействѣ; я одинъ остаюсь ему вѣренъ и еще нѣсколько человѣкъ; но я одинъ былъ такъ близокъ и такъ дѣятеленъ въ смутныя его минуты, что онъ ввѣряется мнѣ безгранично, послѣ того, что всю жизнь свою не ввѣрялся никому ни на волосъ. Во всемъ его родѣ былъ одинъ представитель его потомства, Вадковскій; онъ, такъ сказать, купилъ его у дочери своей, учредилъ въ его пользу майоратъ изъ 40 тысячъ десятинъ и полюбилъ его съ нѣжностью, доходившею до смѣшного. Коля Вадковскій умираетъ, унося съ собою и развлеченія старика, и его надежды на продолженіе своего рода. Онъ такъ любилъ этого мальчика, что возненавидѣлъ сына своего за то, что тотъ не любилъ Колю. Одинъ разъ, послѣ обѣда, сѣлъ онъ противъ меня, протянулъ ко мнѣ обѣ руки и сказалъ мнѣ умоляющимъ голосомъ.

— Константинъ Ивановичъ, будьте покровителемъ моего бѣднаго Коли!—и заплакалъ.

Князь хотѣлъ назначить меня опекуномъ своего внука, но я на это не согласился; я не хотѣлъ вступать въ дѣла съ его дочерью, которую самъ отецъ не называлъ уже иначе, какъ *cette femme infernale*¹⁾. Тогда онъ рѣшился въ завѣщаніи своемъ возложить на меня власть и обязанность опредѣлять наибольшій предѣлъ суммы, которую дворянская опека могла разрѣшать расходовать для Коли. Онъ оставлялъ ему все свое благопріобрѣтенное имущество. Я уговорилъ его на два исключенія: во-первыхъ, оставить Колѣ деньги, не называя суммы, кромѣ находящихся въ московской конторѣ, и, во-вторыхъ, завѣщать библіотеку не Колѣ, а московскому университету. Я уговаривалъ его не оставлять Колѣ денегъ свыше 50 тысячъ рублей, но князь прислалъ ко мнѣ фондовъ на 100 тысячъ талеровъ. Мы условились, что деньги я буду хранить у себя безъ всякой расписки въ ихъ полученіи. Послѣ каждаго неблагоклоннаго отзыва князя Владимира о Колѣ, князь приносилъ мнѣ новые фонды, которыхъ накопилось до 350 тысячъ рублей, а съ тѣми, которые я пріобрѣлъ на проценты съ нихъ, они представляли сумму до 400 тысячъ талеровъ. Я клалъ ихъ въ банкъ на имя князя, но до моего востребованія, кромѣ 18 тысячъ рублей, которые положилъ на свое имя. Со смертью Коли всѣ эти распоряженія лишились своего смысла; я возвратилъ князю деньги; недѣли двѣ князь находилъ развлеченіе въ изслѣдованіи моихъ счетовъ и расчетовъ, но потомъ наступила могильная тишина въ его сердцѣ, и онъ, видимо, страдалъ и скучалъ жизнью. Дорого платилъ онъ за насмѣшки надъ семейными узами!

¹⁾ Эта неносная женщина.

Теперь онъ искалъ и не находилъ ихъ. Сынъ его, вообще неспособный наполнить пустоту его жизни, былъ съ нимъ часто непочтителенъ. Жена сына, умная, но холодная женщина, не сходилась съ тестемъ въ образъ жизни, и потому гораздо менѣе доставляла старику развлеченій, чѣмъ разныхъ лишеній. Онъ кидался во всѣ стороны, останавливался то на племянницѣ, то на внучкѣ, но боялся новаго, неуяснявшагося ему, источника непріятностей и оставался одинъ, читалъ, читалъ, пока глаза не отказались отъ службы. Оклеветанный въ Крымскую войну, выброшенный изъ службы, въ опалѣ царской, онъ помнилъ однако свою популярность въ Москвѣ, видѣлъ, что и государь не рѣшался трактовать его иначе, какъ старѣйшаго генерала и государственнаго мужа; онъ зналъ, что его не любятъ, однако былъ увѣренъ, что никто не посмѣетъ приблизиться къ нему иначе, какъ съ глубокимъ уваженіемъ. Характеръ, который приданъ судебной реформѣ нашими юными нахалами, отнялъ у старика и это послѣднее утѣшеніе. Вслѣдствіе письма, писаннаго имъ лѣтъ за десять къ князю Трубецкому, гдѣ онъ сообщалъ ему слухи, будто любовница внука Трубецкого взяла съ собой за границу беременную бабу,—судебный слѣдователь очень безцеремонно вызвалъ князя къ допросу подъ присягою, полагая, что равенство передъ закономъ въ дѣлахъ судебныхъ значитъ равенство гражданское въ смыслѣ принциповъ 1789 гг. Напрасно объяснялъ я князю, что это обрядъ, который не можетъ кидать тѣни на честь его, и скорѣе бросаетъ тѣнь на судей, князь соглашался въ умѣ съ моими доводами, но не могъ усмирить волненій сердца. Несмотря на всѣ смягченныя формы, по выходѣ слѣдователя и священника изъ кабинета князя, люди нашли его лежащимъ на полу въ безчувственномъ состояніи. Съ этой минуты онъ постоянно былъ боленъ, ослабѣвалъ, слегъ, и вотъ уже вторая недѣля, какъ онъ мучается агоніею. Въ краткія свѣтлыя минуты онъ изъяслялъ удовольствіе только когда меня видѣлъ; только мнѣ ввѣрялъ свои душевные мысли, всего чаще повторяя: «j'ai peur de l'arrivée de m-me Wadkofski»¹⁾. Четвертаго дня въ послѣдній разъ показалъ онъ, что узналъ меня; бредилъ объ аксельбантахъ, смѣялся или лежалъ замертво, но когда я подошелъ къ нему близко, онъ проговорилъ слабымъ голосомъ: «une extrême faiblesse»²⁾. Это было его прощальное слово; съ тѣхъ поръ онъ не узнаетъ меня или не обращаетъ на меня, какъ и ни на что, вниманія. Думалъ ли такъ умирать князь Меншиковъ, любимый генералъ-адъютантъ двухъ императоровъ, счастливый во всемъ и гордый до такой степени, что былъ равно вѣжливъ съ первымъ вельможей и съ послѣднимъ изъ своихъ писарей. Бѣдное человѣчество!

---

¹⁾ Я боюсь приѣзда г-жи Вадковской.

²⁾ Крайняя слабость.

Наконецъ Богъ прекратилъ страшныя страданія двѣ недѣли умиравшаго старика. Эта агонія не есть ли доказательство, что въ больномъ старцѣ былъ еще большой запасъ силъ. Его залечили! Года за три нервный ударъ, первое *memento mori*, послѣдовалъ за шестидневнымъ запоромъ. Съ тѣхъ поръ князь постоянно хлопоталъ только о томъ, чтобы каждый день былъ у него обильный стулъ; принималъ ревень, алоэ, горькую воду, словомъ, все, что продавалось въ аптекахъ, и наконецъ разстроилъ совершенно желудокъ. Я посоветовалъ ему принимать мармеладъ изъ сливъ съ александрийскимъ листомъ, по рецепту извѣстнаго кѣтенскаго доктора Гауке. Мармеладъ дѣйствовалъ, какъ выражался князь, *l'exactitude d'une horloge*¹⁾, но дѣйствіе его оказывалось черезъ 12 часовъ послѣ приѣма. Въ послѣдніе мѣсяцы у князя не было уже терпѣнія ждать 12 часовъ; онъ бралъ мармеладъ два-три раза въ день, а черезъ 12 часовъ дѣйствіе наступало съ такою силою, что князь бралъ опиумъ. Въ этомъ-то положеніи, требовавшемъ во врачѣ противника лекарствъ, князь вздумалъ взять Гемиліана, содержателя гальваническихъ приборовъ. Гемиліанъ напихалъ въ него столько пилюль, микстуръ и бальзамовъ, что у князя сдѣлался поносъ съ лихорадкою, продолжавшійся болѣе мѣсяца; отъ разслабленія силъ приготовленіе крови сдѣлалось ненормальнымъ; кровь шла и пузыремъ и кишками, а лихорадка между тѣмъ дѣлала тоже свое дѣло. Замѣчательно было леченіе Гемиліана съ Эккомъ, которому платили 25 руб. за визитъ. Они давали князю хину отъ лихорадки, а такъ какъ хина губила желудокъ, то давали и соляную кислоту для подкрѣпленія желудка,—какъ будто тѣло человѣческое есть домъ съ отдѣльными комнатами, гдѣ одну комнату топятъ, чтобы нагрѣть, а въ другой, слишкомъ теплой, открываютъ форточку, чтобы освѣжить. Я настаивалъ на перемѣнѣ доктора. Князь и самъ убѣдился въ неспособности Гемиліана, однако отвѣчалъ мнѣ: «*je ne voudrais pas l'offenser!*»²⁾ и остался при немъ. Этотъ отзывъ выражаетъ всю личность князя. «*Toute la personne du prince est dans ces deux mots*»³⁾,—сказалъ графъ Армфельтъ.—Истративъ миллионъ на платежи долговъ Вадковской, истративъ его поневолѣ, единственно въ предупрежденіе скандаловъ, князь Меншиковъ копилъ въ сердцѣ чувство ожесточенія; предвидя исходъ послѣдней болѣзни, онъ, казалось, вспомнилъ обо всѣхъ оскорбленіяхъ и огорченіяхъ, вынесенныхъ имъ отъ дочери, и спѣшилъ составить завѣщаніе, чтобы сказать въ немъ, что онъ ничего не оставляетъ дочери; онъ успокоился не прежде, какъ по врученіи мнѣ за-

¹⁾ Съ точностью часовъ.

²⁾ Я бы не хотѣлъ его обидѣть!

³⁾ Вся личность князя въ этихъ двухъ словахъ.

вѣщанія, съ котораго конію отдалъ сыну. Сынъ опасается и теперь сценъ на могилѣ отца, въ томъ же опасеніи я нашелся вынужденнымъ объявить, что въ моихъ рукахъ завѣщаніе, котораго содержаніе мнѣ неизвѣстно—я его вскрою послѣ похоронъ. Князь, отдавая мнѣ завѣщаніе, сказалъ: «*Elle me maudira!*»¹⁾ Когда я замѣтилъ на это, что проклятіе это похоже будетъ на анаѹему тѣхъ, кто ѣздитъ съ дышломъ, князь съ улыбкой отвѣчалъ: «Не съ дышломъ, а объ одной оглоблѣ». Вѣжливость и умныя рѣчи не уменьшались до самой той минуты, когда онъ закрылъ глаза и пересталъ владѣть языкомъ. На первую панихиду ожидали государя, но государь захворалъ, и затѣмъ никого на панихидѣ не было. Грейгъ, креатура князя, превзошелъ всѣхъ; онъ пріѣхалъ, но, видя, что нѣтъ никого изъ знати,—уѣхалъ! Что за мерзость!

Э. И. Герстфельдъ рассказывалъ мнѣ свои служебныя походы. Въ министерствѣ путей сообщенія, при министрѣ Мельниковѣ, вырабатывался проектъ положенія объ употребленіи обочинъ желѣзныхъ дорогъ и полиціи прилегающихъ мѣстностей. Работали много, соображали и уравнивали съ иностранными правилами, судили въ министерскомъ совѣтѣ и представили министру. Министръ снова сообразилъ, исправилъ и внесъ въ государственный совѣтъ; здѣсь К. В. Чевкинъ взялъ перо, перемаралъ проектъ по-своему, измѣнилъ его до основанія и представилъ въ соединенные департаменты законовъ и государственной экономіи, пригласивъ Мельникова и двухъ мудрецовъ *du jour*²⁾, Кербедза и Дельвига. Эти три авторитета апплодировали новому проекту, и департаменты утвердили его. Проектъ перешелъ въ общее собраніе, и тутъ только увидалъ Герстфельдъ, что проектъ совершенно передѣланъ и никуда не годится. Герстфельдъ отправился къ Мельникову и объяснилъ ему всю нелѣпость новыхъ измѣненій.

— Вы совершенно правы, — отвѣчалъ ему министр: — но бросьте это, совѣтую это вамъ; вы знаете Чевкина, онъ скорѣе умретъ, чѣмъ откажется отъ своихъ мыслей; онъ взбѣситъ. Какая вамъ охота соваться? Онъ измелетъ васъ въ муку. Бросьте, Эдуардъ Ивановичъ, пожалуйста бросьте! Богъ съ ними!

Герстфельдъ не убѣдился министерскою философіею: отправился къ графу Строганову, какъ предсѣдателю главнаго общества желѣзныхъ дорогъ, доказывалъ ему всю вредность предположенныхъ Чевкинымъ правилъ.

— Некогда мнѣ, Эдуардъ Ивановичъ,—сказалъ Строгановъ:— право, некогда; устраните меня отъ этого; я вамъ совѣтую переговорить съ Чевкинымъ.

Поѣхалъ старикъ къ Чевкину.

¹⁾ Она меня проклянетъ!

²⁾ Дня.

— Эдуардъ Ивановичъ! — возразилъ ему политико-экономъ:— мы вмѣстѣ служили; я вамъ всегда оказывалъ уваженіе и обращался съ вами, какъ съ другомъ,—а вы всегда противъ меня.

— Изъ чего заключаете вы, — отвѣчалъ Герстфельдъ:— что я противъ васъ; если я стараюсь предупредить ошибки, которыя выкажутся на дѣлѣ, о которыхъ узнаетъ вся Россія, и въ которыхъ вся Россія будетъ васъ винить,—развѣ это значитъ идти противъ васъ. Я не того мнѣнія, я буду говорить въ государственномъ совѣтѣ, въ убѣжденіи, что это будетъ полезно и желѣзнымъ дорогамъ и вамъ.

— Хорошо, подайте мнѣ записку,—кончилъ Чевкинъ тономъ сановника, принимающаго челобитную.

Герстфельдъ послалъ записку ему и Строганову. По докладѣ дѣла въ общемъ собраніи Герстфельдъ всталъ и заявилъ совѣту, что онъ имѣетъ многое замѣтить насчетъ этого проекта, о чемъ уже и объяснился предварительно съ Чевкинымъ. Эта неловкая придаточная фраза поворотила все дѣло: баронъ Модестъ Корфъ обидѣлся, что Герстфельдъ объяснялся съ Чевкинымъ, а не съ нимъ, председателемъ департамента законовъ и соединеннаго присутствія этого департамента и департамента государственной экономіи. Онъ объявилъ, что дѣло это было разсмотрѣно имъ со всевозможною тщательностью, что въ виду технической специальности вопроса онъ пригласилъ въ соединенное присутствіе первые русскіе авторитеты и рѣшилъ пропустить проектъ на основаніи единогласнаго одобренія его этими авторитетами, но что и генералъ Герстфельдъ въ его глазахъ есть авторитетъ; что онъ не имѣлъ случая слышать его отзывъ, и потому проситъ возвратить проектъ въ соединенное присутствіе для новаго обсужденія съ участіемъ Герстфельда. Чевкинъ отозвался, что онъ противъ этого спорить не будетъ; Мельниковъ— «что если другіе на это согласны, то онъ ничего противъ этого не имѣетъ». Проектъ воротился, Чевкинъ довольно небрежно объявилъ въ соединенномъ присутствіи, что Герстфельдъ ничего не сказалъ новаго, что онъ все сообразилъ, а отзывы такихъ лицъ, какъ Мельниковъ, Дельвигъ и Кербедзъ, довольно полновѣсны, чтобы устранить сомнѣніе въ достоинствѣ положенія.

— Я вамъ далъ записку,—замѣтилъ Герстфельдъ,—въ которой подробно изложилъ причины, побудившія меня не согласиться съ проектомъ; я желалъ бы, чтобы ваше высокопревосходительство удостоили мои замѣчанія спеціальнаго опроверженія.

— Какъ, вы подали записку Константину Владимировичу,—подхватилъ оскорбленный чиновникъ-председатель Корфъ:—а я не получалъ отъ васъ никакой записки.

— Я далъ записку Константину Владимировичу,—оправдывался скромный Герстфельдъ,—потому, что онъ просилъ меня объ

этомъ, и полагалъ, что его высокопревосходительство приложилъ еѣ къ проекту.

— Я ничего не получалъ, — продолжалъ Корфъ, — и считаю невозможнымъ приступить къ обсужденію дѣла, не имѣя предварительно всѣхъ принадлежащихъ къ нему бумагъ.

Записка была передана, — Корфъ присталъ къ Герстфельду, Мельниковъ сталъ тоже вилать въ эту сторону, тѣмъ болѣе, что въ это время уже сдѣлалось извѣстнымъ намѣреніе государя отдать министерство путей сообщенія другому, — словомъ, всѣ нововведенія Чевкина забракованы, и проектъ утвержденъ въ томъ видѣ, въ какомъ онъ поступилъ въ государственный совѣтъ первоначально — благодаря неполитичной придаточной фразѣ Герстфельда и слухамъ о назначеніи графа Бобринскаго министромъ путей сообщенія.

